

И.В. ПОДБЕРЕЗСКИЙ

**САМПАГИТА,
КРЕСТ И ДОЛЛАР**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. В. ПОДБЕРЕЗСКИЙ

САМПАГИТА, КРЕСТ И ДОЛЛАР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1974

Ответственный редактор

Г. И. ЛЕВИНСОН

Подберезский И. В.

П 44 Сампагита, крест и доллар. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974.

336 стр. с илл. («Путешествия по странам Востока»).

Книга посвящена жизни филиппинцев, их обычаям, культурным ценностям, психологии. Особое внимание уделено проблеме взаимодействия филиппинской культуры с испанской и американской, показан ущерб, причиненный колониализмом духовной жизни страны.

П $\frac{10602-069}{013(01)-74}$ 247-74

37 И

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974.

ОТ АВТОРА

По внешнему виду — чертам лица и цвету кожи — филиппинец ничем не отличается от других малайцев. Но у него звучное испанское имя, он почти наверняка правоверный католик, а говорит на английском языке с американским произношением и старается держаться, как истый янки. И это объяснимо.

В XVI в. Филиппины были захвачены Испанией. Естественное развитие страны прервалось, железом и кровью насаждались новые порядки, новая религия, новые идеи и взгляды, не выраставшие органически из малайской культуры, не имевшие никакой почвы на архипелаге. В конце XIX в. восставший филиппинский народ покончил с гнетом одряхлевшей испанской монархии. Но ему не удалось воспользоваться плодами победы: на смену старому поработителю пришел новый — США, и в течение полувека Филиппины были американской колонией. В 1946 г. страна получила независимость.

Все эти события не могли не отразиться на культуре и духовной организации филиппинцев, что становится очевидным уже при беглом знакомстве с ними. Однако, каким бы значительным ни казалось иностранное влияние, самобытность филиппинской культуры сохранилась. Четырехсотлетний колониальный гнет не искоренил прежних представлений, нравов, ценностей (хотя и внес некоторые «поправки»), более того, он усилил приверженность филиппинцев к старым традициям и обычаям.

Так родилось название книги: крест символизирует испанское владычество, при котором страна подверглась христианизации, доллар — американское господство, а сампагита... О сампагите следует сказать особо. Это — всего лишь белый цветок, разновидность жасмина, но для филиппинцев она — воплощение лучших свойств их души, поэтический символ страны, как березка — символ России или сакура — ветка цветущей вишни — символ Японии. Кстати, подобная роль сампагиты узаконена — президентским указом она объявлена национальным цветком (филиппинцы любят основательность в таких делах).

«Сампагита, крест и доллар» — рассказ о том, кто такие филиппинцы, как они встретили испанских и американских пришельцев, что у них позаимствовали, а что отвергли.

Строго говоря, филиппинцы не остались свободными и от других влияний. С незапамятных времен — судя по археологическим находкам, с III тысячелетия до н. э. — архипелаг посещали китайцы, которые не только поддерживали отношения с населением островов, но и селились там. Сейчас китайская община насчитывает около полумиллиона человек, так что взаимодействие с китайской культурой продолжается. Это отчетливо проявляется в языке, нравах, обычаях (даже многие блюда китайской кухни филиппинцы считают своими, национальными). С VII в. н. э. через индо-яванские империи в отдельные районы страны стало проникать индийское влияние, следы которого обнаруживаются в языке и в памятниках материальной культуры.

Воздействие этих двух великих культур осуществлялось в течение длительного времени, но оно не было связано с насилием и не сопровождалось болезненной ломкой традиций, а, напротив, обогащало местную культуру и органически дополняло ее. Этот аспект взаимоотношений филиппинцев с внешним миром в книге не рассматривается. Я видел свою задачу в другом: попытаться установить, что принес стране колониализм, как филиппинцы реагировали на насильственное насаждение новых институтов. Иными словами, как сампагита встретила крест и доллар и что из этого вышло.

Духовный мир филиппинцев, как, разумеется, и других народов, неисчерпаем, а потому возник вопрос: на чем сосредоточить внимание, что описывать? Давно уже сказано, что каждый человек в чем-то похож на всех людей, живущих на Земле, в чем-то — лишь на некоторых и, наконец, в чем-то не похож ни на кого, уникален и неповторим. Это утверждение приложимо к представителям любого народа и к самим народам тоже. Если рассказывать о филиппинцах в целом, следует, наверное, сосредоточиться на второй части этого утверждения и посмотреть, что объединяет их, делает похожими друг на друга и отличает от прочих народов. То общее, что есть в их характере, возникло в ходе исторического развития, является результатом совместного исторического существования, воздействия на сампагиту и креста и доллара.

Но надо сделать еще одну оговорку. Известно, что этническая карта Филиппин необычайно пестра. Процесс складывания единой нации здесь далек от завершения, хотя тенденция к единству несомненно определилась. Архипелаг, состоящий из 7 тыс. островов, населяют многие национальности, народности и небольшие племена — по

некоторым данным, 87 этнических групп, говорящих на 135 языках и диалектах. Жители разных районов страны отличаются друг от друга темпераментом, привычками, нравами. Так, о тагалах (о-в Лу-сон) скажут: поэтичны, горды, вспыльчивы, склонны к аффектации, расточительны, привязаны к родным местам; об илоканцах (расселившихся по всему архипелагу) — терпеливы, серьезные, бережливы, предприимчивы, подвижны; о висаянцах (центральные острова) — фаталистичны, непредусмотрительны, склонны к удовольствиям, музыкальны; о мусульманах юга — нетерпимы, честолюбивы, авантюристичны. С этими характеристиками можно соглашаться, можно спорить. Несомненно одно: представители разных народов действительно отличаются друг от друга. Но так же несомненно и то, что общее этническое происхождение, общая история (особенно в последние четыреста лет), общее культурное наследие позволяют рассматривать их как единое целое.

Однако книга — результат изучения не всех и даже не главных народностей Филиппин, а прежде всего тагалов, причем описываются преимущественно те их черты, которые (как о том свидетельствуют личные наблюдения и специальная литература) обнаруживаются и у других крупных народностей архипелага. Такая приверженность к тагалам имеет свои объективные и субъективные причины.

Объективные заключаются в следующем: исторически сложилось так, что именно тагалы (четвертая часть населения страны) в своем развитии ушли значительно дальше других. Тагальская буржуазия и тагальские помещики — самая активная часть правящего класса, тагальский пролетариат наиболее организован. Тагальский язык признан основой общенационального языка, им владеют свыше половины жителей архипелага, и в этом отношении у него нет соперников. Ведущая роль тагалов в немалой степени объясняется и тем, что столица страны расположена в районе их исконного расселения. (Как любил говорить один из профессоров Филиппинского университета, «куда идет Манила, туда идет страна».)

Субъективные причины состоят в том, что в течение длительного времени я непосредственно, без переводчика, общался только с тагалами. В 1970—1971 гг. я стажировался в Филиппинском государственном университете и жил в филиппинской семье, при этом старался следовать их обычаям, ел то, что они едят, и так же, как они.

Стажировка в университете требовала почти постоянного пребывания в Маниле, а потому наблюдения главным образом касаются *манилёнос*, манильцев. Вообще все сказанное в книге относится в первую очередь к горожанам. Но последние во многом сохраняют те же привычки и обычаи, что и их соотечественники в дерев-

ис. Это тоже подтверждено личными наблюдениями во время поездок в провинцию на рождественские и пасхальные каникулы и вообще при всяком удобном случае.

Хочется отметить, что филиппинцы знают о себе больше, чем некоторые другие народы. Обычно люди, живущие в однородном замкнутом обществе, затрудняются высказать свое суждение о нем: все кажется им настолько привычным и нормальным, что самое существенное, как правило, не осознается: сравнивать не с чем, естественно считать, что иначе и быть не может. Просто есть неписаная (и даже устно не формулируемая) «философия жизни», принципами которой все руководствуются, не подозревая, что жизнь может быть устроена и по-другому. Филиппинцы же по ряду исторических причин (общение разных этнических групп на самом архипелаге и длительные контакты с западной цивилизацией) прекрасно осведомлены о том, что их образ жизни не единственный, а лишь один из допустимых, и они способны критически оценивать его. Из разговоров с ними можно почерпнуть нужные сведения, они быстро понимают, чем именно интересуется дотошный иностранец, и стараются удовлетворить его любопытство.

Важным подспорьем при написании книги служила специальная литература, прежде всего работы советских этнографов (касающиеся общих вопросов, а также посвященные народам Юго-Восточной Азии и Филиппин) и историков, в первую очередь А. А. Губера, Г. И. Левинсона, Ю. О. Левтоновой¹, труды по этнической и социальной психологии филиппинцев, созданные американскими и европейскими учеными. При пользовании этими трудами приходилось соблюдать осторожность, и не только потому, что общие методологические посылки их авторов отнюдь не всегда приемлемы. Сама методика исследований была выработана применительно к иной социальной действительности, и приложение ее к филиппинской реальности приводило к тому, что реальность, случалось, не столько исследовалась, сколько конструировалась самой методикой.

Есть еще одно обстоятельство, предостерегающее против излишней доверчивости к результатам социологических исследований. Речь идет о так называемом эффекте наблюдателя. Каким бы методом ни пользовался социолог, он волей-неволей навязывает свою точку зрения людям, которых изучает. Нигде, наверно, этот эффект не дает себя знать так сильно, как на Филиппинах. Жителей страны недаром называют «улыбающимся народом», они очень приветливы и всем — в том числе и исследователю — стремятся до-

---

¹ Автор выражает искреннюю благодарность М. С. Капице, А. Ф. Малову, Н. А. Симония, сделавшим ценные замечания в ходе работы над книгой.

ставить удовольствие. Отвечая на вопросы, они стараются угадать, что хотелось бы услышать спрашивающему. А если к этому добавляется «эффект переводчика» (как правило, исследования проводились людьми, не владевшими местными языками и прибегавшими к услугам переводчиков, что резко увеличивало возможность искажений), то оснований для скепсиса становится больше.

Разумеется, с осторожностью следует относиться и к наблюдениям, отраженным в настоящей работе. Правда, в данном случае «эффект переводчика» исключался и, кроме того, тщательно перепроверялись полученные сведения, однако нет никакой гарантии, что мне удалось избежать субъективности в некоторых оценках. В книге дается прежде всего мое «видение» проблемы, и остается надеяться, что я не слишком исказил облик филиппинцев. Мои выводы не претендуют ни на окончательность, ни на бесспорность, предпринята лишь попытка взглянуть на мир (особенно на «крест» и на «доллар») глазами филиппинцев. Хотя представления людей о себе, о своем обществе и эпохе далеко не всегда отражают реальное положение вещей, их никак нельзя игнорировать, поскольку они не остаются только субъективными иллюзиями, но всегда воплощаются в практической деятельности носителей этих представлений, в их словах и делах.

Для суждений о поведении филиппинцев ценным является фольклор, особенно поговорки и пословицы. Читатель найдет немало их на страницах книги. Традиционное общество — филиппинское общество в значительной степени все еще является таковым, несмотря на ускоряющийся процесс капиталистической модернизации, — характеризуется прежде всего обращенностью в прошлое, которое и отражается в фольклоре. Поведение того или иного человека, тот или иной поступок оправдываются не целесообразностью его, а соответствием традиции, приверженность которой почитается за высшую мудрость².

Таковы некоторые предварительные замечания, позволяющие перейти к рассмотрению особенностей психического склада и поведения филиппинцев.

---

² Кстати сказать, на филиппинцев удачно приведенная пословица или поговорка действует гораздо эффективнее, чем самый безупречный силлогизм. Если для нас она в лучшем случае служит подтверждением мысли, иллюстрацией доказательства, то для них сама по себе является наиболее убедительным доказательством.

САМПАГИТА

СЕМЬЯ И ОБЩЕСТВО

Несмотря на длительное колониальное господство, поведение филиппинца и сейчас во многом определяют отношения, сложившиеся еще до того, как Фернандо Магеллан высадился на берегах архипелага. Малайские мореходы, которые явились ядром формировавшихся основных народностей Филиппин, приплывали с Зондских островов на больших парусных лодках, называвшихся *барангай*. Экипаж их состоял из людей, связанных родственными узами, обычно флотилия барангаев включала от 30 до 100 семей. Высадившись на берег, они селились в одном месте, и такая община тоже называлась *барангай*. Крупнейшие из них, например будущая столица Манила, насчитывали до 2 тыс. жителей. Несмотря на ярко выраженные кровнородственные связи членов общины, во многих прибрежных районах уже тогда довольно далеко зашел процесс классообразования, о чем свидетельствуют записки первых испанских миссионеров. Во главе барангаев стояли *дато* — «вожди». Ниже их на социальной лестнице находились *махарлика* — «благородные», которые не несли никаких повинностей, но обязаны были участвовать вместе с дато в военных стычках, а в мирное время выступали в качестве его советчиков.

Зависимое население подразделялось на два разряда. К первому относились лица, которым разрешалось иметь собственность, которые могли жениться без согласия вождя, должны были работать на него один день из четырех и получали половину урожая с обрабатываемой

ими земли. Ко второму разряду относились люди, обязанные работать на дато и махарлика три дня из четырех. Они не имели права жениться без их согласия и могли быть проданы. Обычно во второй разряд попадали за долги. Тем не менее зависимое население обладало собственностью, некоторыми правами и, строго говоря, рабами не являлось. Это отмечали и испанцы. Завоеватель Филиппин Мигель Лопес де Легаспи доносил в своих реляциях: «... их рабы не вполне подчиняются господам, служат только при определенных условиях и притом только тогда, когда пожелают, и так, как пожелают».

Обязательства в общине не были односторонними. За пределами барангая шла война всех против всех, и в каждом чужаке видели врага. Набеги на соседние барангаи были обычной практикой и часто принимали форму охоты за головами. Земля могла обрабатываться лишь в условиях безопасности. Такие условия обеспечивало «благородное сословие», за что получало не менее половины урожая. Его представителям надлежало защищать своих подопечных, зависимые же, в свою очередь, расплачивались за это трудом. На дато и махарлика смотрели как на естественных предводителей, и служба им воспринималась как разумная обязанность, необходимая для самого существования. Власть дато не оспаривалась, и повиновение им было делом само собой разумеющимся.

Поскольку земля принадлежала общине в целом, а в общине главенствовали дато и махарлика, зависимые считали, что не они отдают верхушке часть урожая, а, напротив, верхушка отдает часть урожая им. Такой порядок вещей казался нормальным и неизменным, такой взгляд на отношения земледельца и землевладельца сохранился кое-где на Филиппинах и сегодня.

В барангае господствовали патриархальные отношения, и функции члена семьи на первых порах были практически неотличимы от функций члена общины. Хороший дато — одновременно и хороший глава семьи, способный защитить от врагов. В этих условиях развилась прочная солидарность членов общины, где каждый знал свои обязанности и неуклонно их выполнял. Давно уже нет прежних барангаев, но отношения, сложившиеся в них, еще живы.

Родственные связи филиппинцев. Простой *тао*² и ныне ощущает себя прежде всего членом группы лиц, связанных с ним родственными узами (родители, братья, сестры и прочие родственники). Затем он осознает свою принадлежность к соседской общине (в которой различает более и менее близких людей), потом к людям, говорящим на одном с ним языке. Далее, он чувствует себя филиппинцем, католиком и, наконец, представителем рода человеческого. Получается схема в виде концентрических кругов, причем интересы каждого внутреннего круга важнее, чем интересы следующего за ним внешнего.

Примечательно, что точкой отсчета является не индивид, а семья: простой филиппинец начинает осознавать себя не в противопоставлении «я — ты» или «я — он (они)», а в оппозиции «мы — они». Филиппинец не отделяет себя от родственников, все, что происходит с ними, касается его самым непосредственным образом. И наоборот: все его успехи и неудачи, радости и горе разделяются родовым коллективом. «Боль в мизинце ощущается всем телом» — говорят здесь о семье.

Именно в ней усваиваются нормы поведения и принципы общения с людьми. Прочие отношения — гражданина к государству, подчиненного к начальнику, крестьянина к помещику, рабочего к предпринимателю, ученика к учителю — в значительной мере воспринимаются как продолжение отношений младшего к старшему в семье. Едва ли будет преувеличением сказать, что понятие филиппинскую семью — значит понятие филиппинское общество в целом, поскольку семейные связи являются в глазах большинства филиппинцев определяющими. Семья, а не личность, выступает субъектом всех отношений. Общество осознается как большая семья, и отношения между его членами строятся по типу семейных.

Предпринимая какой-либо шаг, филиппинец не думает: «Будет ли это хорошо для меня?», а взвешивает: «Будет ли это хорошо для семьи?». Она надежное укрытие от всех невзгод, лучшая страховка на случай болезни и старости (существование в ряде стран домов для престарелых представляется филиппинцам диким обычая-

---

² Тао (тагальск.) — человек. Это слово широко используется на Филиппинах: здесь говорят о «политике таоизма», т. е. о политике, проводимой в интересах простого народа.

ем). Забота о родственниках — священная обязанность, нарушать которую никому не дозволено под страхом всеобщего осуждения, впрочем, это никому и не придет в голову. Собственно говоря, такая забота свойственна всем людям под всеми широтами. Разница лишь в степени ее проявления.

Филиппинец вне семьи чувствует себя несчастным и покинутым. Остаться одному даже на время невыносимо для него. Нередко случается, что больничной администрации приходится ставить в палату больного дополнительные койки для его родственников: он тяжело переживает одиночество и, по словам врачей, объяснявших присутствие там здоровых людей в халатах, «без родственников может умереть». За границей он страдает прежде всего из-за оторванности от близких, даже выражение «тосковать по родине» (*мангулила*) означает буквально «быть сиротой».

Остаться без семьи — величайшее несчастье. Сирота (независимо от возраста) вызывает всеобщее сочувствие. Нередко можно встретить сорока- и пятидесятилетних людей, которые объясняют все свои несчастья сиротством. Филиппинец всегда стремится вернуться в лоно семьи, а на человека, не ценящего подобных связей, смотрят как на чудовище. Потребность в общении с людьми он удовлетворяет исключительно в кругу родных. Без них он ощущает себя беспомощным и никому не нужным. «Отдельность», отрыв от родственного коллектива внутренне воспринимается как ущербность, почти как дебилность. Если мы испытываем радость от труда, от встреч с друзьями, от сознания полезности обществу, то филиппинцу чувство безопасности и близости к людям, столь необходимое для душевного равновесия, дает не холодное, институциональное, а теплое, родственное включение в социальную среду.

За пределами семьи мир враждебен, непонятен и неуправляем, здесь надо подавлять свои стремления и быть готовым к худшему. Только в семье филиппинец — желанный и полноправный участник всех дел, и только в ней он может быть самим собой, только там отношения людей характеризуются задушевностью. Семья — граница, и, лишь оставаясь по сю сторону ее, можно рассчитывать на безоговорочное принятие своей личности и на поддержку. Что бы ни сделал человек, какое бы пре-

ступление ни совершил, родные от него не откажутся. Это не значит, что в случае нарушения правил и норм его не осудят, но перед «чужаками», даже перед властями и законом, они все как один встанут на защиту сородича и постараются выручить его из беды. Порицание общества имеет гораздо меньшее значение. Главное — это лояльность по отношению к семье, ибо она, а не общество в целом, служит «продолжением личности». Лишь здесь человек вступает в контакт с другими людьми без всякого внутреннего напряжения, пока еще неизбежного при общении за ее пределами.

Родственные связи индивида так же важны, как и он сам. Когда вам представляют незнакомого человека, обязательно указывают его родственников, формула представления обычно выглядит следующим образом: «Мистер такой-то, занимается тем-то, зять такого-то», а то и вообще поставят родственную связь на первое место. Если у нас охарактеризовать кого-нибудь — значит прежде всего назвать его профессию, на Филиппинах это значит разобраться в родственных связях. Нельзя просто упомянуть господина Сантоса — надо пояснить, какие это Сантосы, кто в их семье занимает какое положение. Забудешь об этом сказать — спросят, а ничего не сможешь сообщить — посмотрят с упреком: «Зачем говоришь о человеке, о котором ничего не знаешь?» Соответственно и отношение к нему зависит не столько от его личных достоинств, сколько от принадлежности к той или иной семье, входящей в свою очередь в определенный социальный слой.

Семья строится на принципе неоспоримого авторитета — в первую очередь родителей, затем всех старших родственников. Слово отца — закон, выполнение его желания обязательно для всех ее членов. Несогласие с отцом, по здешней шкале ценностей, вещь крайне серьезная, послушаться его так же невозможно, как для нас поднять на него руку — на это способен только негодяй. В разговоре с главой семьи меняется даже голос и интонация, непременно употребляются существующие в филиппинских языках частицы вежливости; нельзя ответить просто «да» или «нет», надо: «да, господин», «нет, господин». При встрече и прощании дети должны целовать ему руку. Власть отца непререкаема; когда он отсутствует, слова «папа сказал» имеют почти магическую

силу. А угроза «папе скажу» заставляет даже вполне взрослых детей меняться в лице. И дело тут не в страхе наказания, просто вся система воспитания приучает человека к безоговорочному повиновению.

Каждому филиппинцу независимо от его статуса надлежит повиноваться отцу и матери, которые дали ему жизнь. Он отчетливо представляет, что обязан им самим фактом бытия. Мы знаем это не хуже филиппинцев, но для нас это настолько само собой разумеется, что редко кому придет в голову использовать подобное соображение для того, например, чтобы потребовать изъяснения сыновних чувств. Скорее мы скажем: «Тебя родители поили, кормили, растили, и ты должен быть им благодарен». Для филиппинца, напротив, решающим является тот факт, что родители произвели его на свет, а не то, что они его воспитали (как раз последнее само собой разумеется). Когда его хотят упрекнуть в том, что он недостаточно почтителен, ему обычно говорят: «Да тебя вообще не было бы, случись что-нибудь с родителями до твоего появления». И этот аргумент действует неотразимо.

Вот довольно типичные сцены семейного быта. Одна из дочерей входит в столовую, не прерывая беседы с подругой, оставшейся в соседней комнате. На беду как раз в эту минуту отец что-то рассказывает. Дочь встречают такие осуждающие взгляды (а за столом не меньше 15 человек), что она умолкает на полуслове и молча сидит до конца обеда. Она страшно смущена и чувствует себя виноватой. Отец не упрекнул и не упрекнет ее. В том нет никакой необходимости: мать, тетки, старшие братья и сестры непременно сделают ей выговор, в мягкой форме, без шума и крика, но сделают.

Другой пример. Девушка очень торопится: молодой человек ждет ее на улице, они должны пойти в кино. Но у отца благодушное настроение, и он, положив руку на плечо дочери, пускается в воспоминания о том, как смешно она произносила слова, когда была маленькой. Девушка замирает и молчит. Тетка, которой поручено сопровождать ее, нервно теребит сумочку, однако не смеет вмешаться (она — младшая сестра отца). Наконец отец заканчивает мысль и ласково похлопывает дочь. Та опрометью бежит к изнывающему от нетерпения молодому человеку. Он было открывает рот, но девушка,

говорит ему, что беседовала с отцом, и молодой человек умолкает: он отлично понимает, что причина уважительная.

Власть всех других родственников как бы продолжает власть родителей и осуществляется с их санкции. Старших братьев и сестер слушаются не только потому, что этого требуют родители: считается, что старшие, появившись на свет раньше, как бы освободили место младшему («Не родись они раньше, и ты бы не родился»). Впрочем, и родители не упускают случая напомнить о необходимости повиноваться старшим. Даже отец, узнав, что младший сын должен выполнить поручение старшего брата, отменяет решение послать его по своим делам, хотя, безусловно, может сделать это.

Подчиняются также дядьям, тетям, старшим двоюродным (и еще более отдаленным) братьям и сестрам. Неповиновение всем им рассматривается как промах родителей, и с жалобой на непослушание идут к ним, но только если жалобщик старше родителей, иначе приходится прибегать к помощи посредника. Припоминается случай в одной семье: тетке показалось, что племянницы не проявили к ней должного уважения (забыли подать прохладительный напиток). Поскольку она была младшей сестрой их отца, ей пришлось обратиться к самой старшей сестре. Та довольно резко сказала брату: «Изволь смотреть за своими детьми» (и это несмотря на разницу в их положении: он — крупный политический деятель, она — медицинский работник). Немедленно было проведено дознание, виновные в проступке получили суровый выговор, и мир был восстановлен.

Но старшие, со своей стороны, должны заботиться о младших. Они не могут оставаться безучастными к их судьбе, в противном случае слушание не считается нарушением норм поведения. Если отец жесток и несправедлив к детям, те имеют право уйти от него к другим родственникам, что, впрочем, бывает крайне редко.

В зажиточных семьях старшие братья и сестры платят за учебу младших и следят за их успеваемостью. Обычно через год они меняют своих подопечных. Бывает, что кто-то из детей среднего возраста вносит деньги за учебу младших, а за него самого платят старший брат или сестра. Родители в состоянии оплатить учебу детей, да и дети в таких семьях, как правило, имеют соб-

ственные средства; тем не менее обычай соблюдается неукоснительно, так как содействует сохранению норм нравственности, принятых в филиппинском обществе: уважению к старшим, ответственности по отношению к младшим, привычке полагаться на помощь родственников и готовности оказывать им поддержку. Все это порождает интимную близость между членами семейного коллектива, «открытость» каждого для остальных, сознание того, что человек всем обязан семье, и страх отчуждения от нее.

С какой-то точки зрения филиппинец может показаться слишком зависимым от родственников. Следует помнить, однако, что он — лишь часть семьи, что ею определяются его идеалы, цели, стремления. Такие отношения с родственниками он назовет близостью, сотрудничеством, долгом, но никак не зависимостью. Собственно, в тагальском языке даже нет этого слова (в нашем понимании), и для обозначения подобного понятия пользуются заимствованием из испанского языка.

Кстати сказать, чрезмерная зависимость от родственников — упрек, который слишком часто и слишком легко бросают филиппинцам. Их обвиняют в отсутствии индивидуальных интересов и самостоятельности, в боязни ответственности, безынициативности, привычке полагаться на других. Упрек этот должен быть адресован не самим филиппинцам, а исторически сложившемуся в стране социально-экономическому строю. В сельских районах до сих пор господствуют полуфеодальные и просто феодальные отношения, в городе рабочий подвергается безжалостной эксплуатации капиталистов, а за спиной и помещиков и капиталистов стоят американские монополии, которым в конечном счете достается значительная часть богатств, создаваемых тружеником. В одиночку человек бессилён перед этой колоссальной машиной угнетения. Он чувствует, что, полагаясь исключительно на себя, не добьется успеха. Никакие способности не помогут «выбиться в люди», если беден и не имеешь связей.

Уйти из семьи, порвать или даже только ослабить семейные узы, лишиться «защитной скорлупы» — значит наверняка обречь себя на гибель, быть безжалостно раздавленным. Филиппинцы знают слишком много тому примеров. Отсюда живучесть патриархальных семейных отношений: общество не может обеспечить индивиду

не только сносную жизнь, но и просто существование, тогда как семьей все же можно выжить. Волей-неволей культивируются качества, нужные для сохранения семьи (фактически самой жизни): строгая иерархия, привычка полагаться на других, послушание и взаимопомощь.

Нельзя сказать, что эти качества — следствие колониального владычества: они сформировались еще в доиспанский период. Но колониальный режим способствовал консервации архаических отношений. Эти отношения облегчили народу колонии выживание, а порабощенным в принципе не мешали (а кое в чем и помогали) грабить страну. В результате общество остается в значительной мере разобщенным. Происходит естественная реакция: поскольку оно не обеспечивает безопасности индивида, тот замыкается в семье, а это препятствует установлению внесемейных связей. Нередко даже то, что на поверхности выглядит межпартийной борьбой, оборачивается при ближайшем рассмотрении борьбой могущественных семейств за власть. Семейные отношения оказываются, таким образом, вплетенными в ткань других социальных связей: классовых, сословных, религиозно-общинных и этнических.

Коль скоро лишь родичи могут защитить человека, объективно оправданным является стремление увеличить их число. В их круг включают и крестных, которых выбирают при совершении обрядов крещения, конфирмации и брака³. На Филиппинах быть крестным отцом или матерью — далеко не пустая формальность. Они берут на себя обязанность заботиться о крестниках и как бы входят в их семью. Между породнившимися таким образом семьями устанавливается прочная связь: родственники крестных родителей считаются родственниками крестников (вплоть до того, что брак с детьми крестных рассматривается как кровосмешение).

Вопрос о выборе крестных очень важен, решая его, тщательно взвешивают все «за» и «против». Обычно ста-

---

³ В ранний период испанского господства монахи отмечали, что филиппинцам, обращенным в христианство, присуще стремление выбирать крестных родителей по многочисленным поводам: рождение, выздоровление, первое бритье юноши, постройка лодки или дома и т. п. Примечательно, что в доиспанские времена именно в подобных случаях приносили жертву. Филиппинцы таким образом приспособили новую религию к старым обычаям. Церкви пришлось

раются найти людей с положением, могущих оказать действительную помощь крестникам и их семье. Вместе с тем нужно все рассчитать, чтобы не встретить отказа. В семьях, играющих видную роль в жизни страны, выбор крестных родителей диктуется прежде всего политическими соображениями. Мне пришлось побывать на свадьбе дочери одного конгрессмена. Когда выяснилось, что крестным отцом является влиятельный сенатор, гости немедленно сделали вывод, что впредь конгрессмен и сенатор будут поддерживать друг друга. Так оно и случилось.

Возникает вопрос: как много родственников у «среднего филиппинца» и что такое филиппинская семья? Теоретически предела не существует, практически же родственниками числят всех вплоть до детей четвероюродного брата (сестры) отца или матери, т. е. по отцовской и материнской линиям. Это имеет важные последствия. У многих народов Азии и Африки родственными признаются узы только по одной линии. Тогда общество оказывается разделенным на множество «вертикальных сегментов» — родов. Если же родственников считают по мужской и женской линиям, то образуется сеть отношений, которая связывает всех или почти всех живущих в данном районе (кроме недавно прибывших, но и они через одно-два поколения включаются в общину, что невозможно при признании родственников, например, лишь по мужской линии).

Специалисты полагают, что в среднем у филиппинца имеется до 350 родственников — учитываются только те, с которыми он вступает в отношения взаимопомощи. Эти 350 человек и составляют его «мир». Разумеется, он различает близких и дальних родственников, причем немаловажную роль играет территориальная близость. Так, четвероюродный брат может быть ближе двоюродного, если первый живет рядом, а второй — в другом городе.

Но и далеко живущий человек не забывает своих родичей, равно как и они его. Коль скоро человек добился успеха, родственники вправе потребовать, чтобы он поде-

---

вмешаться и ограничить поводы для выбора крестных до принятой у католиков нормы. Но и поныне филиппинцы выбирают не одного крестного и одну крестную, а несколько, чаще всего шесть отцов и шесть матерей, хотя церковь признает только двух.

лился с ними. Он должен им помочь, даже если остался бедняком. Обычно филиппинец, перебравшийся в город и ютящийся в жалкой лачуге, вскоре оказывается перед необходимостью поселить у себя родных: тяжелые условия жизни в деревне, прежде всего безземелье, толкают тех на поиски «лучшей доли».

Деревенский житель может быть уверен, что его всегда примут. Вот почему в манильских трущобах (а это не просто пятна на лице города — в них сосредоточена треть манильцев) живут семьи, состоящие не только из родителей и детей, но и из их многочисленных братьев и сестер всех степеней родства, дядей, теток, племянников и т. д. Ночью в хижине, сколоченной из ящиков, буквально некуда ступить: все спят вповалку на циновках.

И в зажиточных домах почти всегда полно родственников. Они следят за прислугой, ведут домашнее хозяйство, участвуют в семейном бизнесе и т. д.

Таким образом, филиппинская семья — это расширенная семья, а нуклеарная (родители — дети) рассматривается лишь как ее часть.

В литературе нет указаний на то, что существуют более крупные образозания, чем расширенная семья. Однако мои филиппинские знакомые утверждали, что иногда 100—150 семей объединяются в кланы с довольно четким организационным оформлением. Во главе их стоят наиболее уважаемые представители семей, связанных происхождением от общего предка. Центр клана чаще всего расположен где-либо в провинции.

Семьи — члены клана вносят определенную сумму в общую кассу. Эти деньги — обычно 10—15 тыс. песо — идут на организационные нужды. Обязанности в клане те же, что и в семье: помогать друг другу. Но если в семье с просьбой о помощи обращаются даже тогда, когда человек сам в силах справиться с трудностью, то в кланах такое случается значительно реже. И статус здесь определяется не возрастом, а скорее, благосостоянием. Богатые обязаны помогать бедным, а те, в свою очередь, оказывать им услуги и поддержку (прежде всего в выборных кампаниях). Есть кланы, в которые входят сенаторы, конгрессмены, губернаторы провинций, хотя высокопоставленные лица, как правило, не являются официальными руководителями кланов.

Один мой знакомый, оставшийся по окончании колледжа без работы, после безуспешных попыток устроиться при содействии родственников сказал, тяжело вздохнув:

— Придется записаться на прием к сенатору П. И не хочется: я его совсем не знаю, да делать нечего. Он — моя последняя надежда, мы с ним из одного клана.

Работу мой знакомый получил, а в секретариате сенатора тщательно зафиксировали, какая помощь была оказана. Отныне сенатор может рассчитывать на безоговорочную поддержку своего нового протеже, может быть уверен, что молодой человек и его родственники будут голосовать за удобного ему кандидата, что к нему поступит подробнейшая информация об учреждении, где работает его протеже, и через того он сможет проводить свое влияние. Так кланы служат инструментом классового господства олигархии.

Соблазнительно объяснить существование кланов пережитками родового строя, но это едва ли верно. Скорее, они — порождение совсем недавнего времени. Некоторые изменения в филиппинском обществе — усиление капиталистического гнета, образование местных монополий, рост влияния профессиональных политиков, выразителей интересов олигархии, от которых зависит «дать или не дать» и которые сами нуждаются в поддержке на местах, — вызвали к жизни объединение нескольких семей. Другими словами, специфические условия развития капитализма на Филиппинах приводят к сохранению и даже укреплению архаических институтов, используемых правящей элитой для упрочения своих позиций.

Как ни покойно чувствует себя филиппинец в семье, как ни стремится ограничить общение с людьми семейным кругом, жизнь заставляет выходить за его пределы. Но поскольку все навыки формируются в семье, постольку и вне ее он устанавливает — или по меньшей мере стремится установить — те же самые отношения: повиновение и участие старших в делах младших. Все филиппинское общество покоится на системе фаворитизма, называемой системой *бата-бата*. Тагальское слово «бата» переводится как «молодой», «ребенок», в данном случае — «протеже». Быть бата — значит пользоваться чьим-то покровительством, иметь бата — значит оказывать покровительство.

Эта система сильнее любых, даже самых разумных норм. Шофер такси едет на красный свет, рискуя вызвать катастрофу, а на недоуменный вопрос, зачем он это делает, отвечает: «Чепуха! Полицейский на этом перекрестке — мой бата». В любом учреждении есть бата начальника, и если у вас дело в этом учреждении, лучше всего обратиться именно к нему, любимчику. Новичок прежде всего должен узнать, кто из его коллег бата начальника, — это совершенно необходимо, чтобы правильно ориентироваться на новом месте: дальнейшее продвижение по службе зависит от того, как сложатся отношения с данным человеком. Любимчика начальника надо уважать, одаривать его — словом, самому постараться стать его бата.

Так складываются отношения, в которых все определяется личной преданностью. Эта система фаворитизма объясняет отчасти необычайное разбухание государственного аппарата: он насчитывает 500 тыс. человек, тогда как требуется вдвое меньше. Для бата создают совершенно ненужные вакансии. Бывает, что служащий только числится, но никогда не появляется на работе, хотя жалованье получает исправно. При этом не исключено, что числится он в нескольких учреждениях и не работает ни в одном. Просто он — бата и у него влиятельные покровители. Случается, люди «с положением» устраивают на должность своих детей (иногда еще школьного возраста) и таким образом выкачивают средства из казны.

Каждый с кем-то связан, каждый чей-то бата, каждый старается отблагодарить кого-то за услугу или оказать ее, и это составляет основу всей деятельности. Когда кто-либо высказывает взгляды, отличные от общепринятых, это вызывает настороженность: «А с кем связан этот человек? Чьи интересы он выражает?» И нередко анализ того, что говорится им, по существу, подменяется анализом его связей, в первую очередь родственников. И контрдоводы звучат примерно так: «Да как он смеет указывать, что нам выгодно, когда его дядя работает там-то, двоюродный брат — там-то и, следовательно, он действует по их наущению!» (пример взят из листовки студентов Филиппинского государственного университета.) Иногда самые искренние и полезные начинания встречаются с недоверием и подозрительностью. Из этого не вы-

гокает, что подозрительность в характере филиппинцев, — просто горькая действительность и обилие демагогов, расплывшихся под сенью «демократии», позаимствованной из США, приучили их скептически относиться к заявлениям о бескорыстности. И в большинстве случаев их скепсис оправдан.

Система бата-бата распространена чрезвычайно широко, практически все заняты только тем, что либо оказывают кому-то покровительство, либо добиваются его для себя. Всегда и везде надо на кого-то сослаться. Нет покровителя — надеяться не на что. Больше всего от этого страдает простой тао.

Предположим, у бедного крестьянина заболели дети. Он пускается в далекий путь и приходит в город. Здания государственных учреждений внушают ему страх, он растерян, испуган и обращается к первому же человеку, которого видит за столом. Этот человек, мелкий (часто наглый и безжалостный) чиновник, пренебрежительно взирает на босоногого просителя и требует «плату вперед». Бедняк шарит по карманам, развязывает рваный платок и доверчиво вручает деньги. После этого его начинают гонять от стола к столу, из кабинета в кабинет, где другие чиновники (тоже наглые и безжалостные) требуют своей доли.

Наконец, дрожащие ноги приводят тао к дверям муниципальной аптеки. Еще один человек смотрит на него сверху вниз: «Что тебе нужно?» В сотый раз тао объясняет, что у него заболели дети. Следующий вопрос ему уже известен: «Сколько у тебя денег?» Он протягивает все, что осталось от одного песо, от тех жалких ста сентаво, которые он завязал в платок перед уходом из дому, и с тревогой говорит: «Больше у меня нет». Деньги берутся с презрительной ухмылкой: «Что там стряслось с твоими детьми?» Бедняк что-то невнятно говорит про лихорадку. Аптекарь знает, что человек пришел из малярийного района. Он молча вручает ему пузырек с хинином и выпроваживает его. Тао плетется домой и дает детям лекарство. Никто не предупредил его, что прием хинина вызывает озноб, и он решает, что его детей отравили. Тогда он идет к знахарю. Он еще раз убеждается, что вне родной деревни, вне круга лиц, связанных с ним родственными узами, нет никого, кто бы мог помочь, — в чужом и враждебном мире все только издеваются над

ним и творят зло. Как ни старайся, из нужды не вы-
бьешься: «такова судьба».

Стремление улучшить свою долю свойственно всем
людям, и обычно оно побуждает к деятельности. Но если
общество устроено так, что заранее обрекает на неуспех
все начинания, остается надеяться только на везение.
Этим, как представляется, в значительной степени объ-
ясняется склонность филиппинцев ко всякого рода азарт-
ным играм.

Их часто упрекают в этом, особенно в пристрастии к
петушиным боям, излюбленному развлечению на архи-
пелаге. Еще И. А. Гончаров, побывавший на островах
сто с лишним лет назад, отметил, что почти каждый та-
гал носит петуха под мышкой. То же наблюдается и сей-
час. Существует закон, разрешающий петушиные бои
только по воскресеньям, причем не более десяти схваток
на каждой арене. Но этот закон обходится: петушиный
бой можно увидеть практически всегда и везде. В Мани-
ле есть роскошные арены с кондиционированным возду-
хом и великолепными барами, где самые низшие ставки
достигают тысячи песо. А в глухих уголках бои проводят
на пыльных деревенских площадях. Крестьяне, сосре-
доточенно попыхивая сигарами домашней крутки, ставят
последние сентаво в надежде выиграть несколько песо.
Печальная статистика свидетельствует, что пристрастие
к петушиным боям занимает первое место в ряду причин,
вызывающих развал семьи, хотя такое здесь случается
крайне редко.

Пари заключают на что угодно: на бой пауков в бан-
ке, на исход выборов, на определение марки автомобиля
по шуму мотора. Бывает, шофер автобуса держит пари
с сидящим рядом пассажиром, что успеет проскочить че-
рез железнодорожное полотно перед самым парово-
зом, — и проскакивает.

В Маниле вас всюду осаждают продавцы билетов
тотализатора на скачках. Результаты скачек, портреты
счастливчиков, которым повезло, публикуются в газетах.
И билеты покупают. Надо знать, как горячо молится ма-
нильский бедняк, прося бога о выигрыше, какие слож-
ные магические ритуалы он иногда совершает, покупая
билет, чтобы понять: здесь не просто человеческая сла-
бость, а большая человеческая трагедия и огромная со-
циальная проблема. Для обитателя трущоб, отягощенно-

го многочисленным семейством, удача в петушиных боях, билет тотализатора — единственный шанс выбиться из нужды. И всякий раз крушение надежды переживают как большое несчастье. Поверхностные наблюдатели не прочь посмеяться над азартностью филиппинцев, но ведь в этом проявляется общая неустроенность. Филиппинцу живется плохо не потому, что он пытается счастье в игре (находились люди, которые утверждали подобное). Он потому и играет, что ему плохо живется.

Живется же ему крайне плохо. Средний годовой доход на душу населения составляет всего 233 ам. долл. (для сравнения: в Японии — 1122, а в США — 3303). Эта весьма скромная цифра скрывает чудовищную несправедливость. Средняя семья (не в филиппинском понимании, а только родители и дети) насчитывает 7—9 человек. 90% семей имеют доход менее 5 тыс. песо, 7,5% — от 5 тыс. до 10 тыс. и только 2,5% — 10 тыс. песо и выше, причем у некоторых семей настолько выше, что их состояние исчисляется многими миллионами. Практически в стране нет среднего «слоя» (все политические деятели указывают на его отсутствие), который, с точки зрения многих буржуазных социологов, является основой «стабильности». Есть бедные, которые очень бедны, и есть богатые, которые очень богаты. Именно поэтому Филиппины называют «социальным вулканом».

В ряде районов Большой Манилы — Форбс-парке, Магельянес, Бель Эйр — в роскошных виллах с бассейнами и теннисными кортами живет знать, именуемая «бедными миллионерами». «Богатые миллионеры» имеют собственные острова с дворцами, аэродромами и пристанями. Праздники и приемы, устраиваемые местными олигархами, отличаются такой расточительной роскошью, что ставят в тупик даже издававших виды западных журналистов. Здесь можно встретить помещика, владеющего поместьем в 20 тыс. га («У меня есть еще пять-шесть поместий, но те поменьше»), который с гордостью расписывает достоинства жеребца, только что перед тем купленного за 100 тыс. долл. Можно встретить промышленного магната, небрежно заявляющего, что последний прием обошелся ему в 2 млн. песо.

И в то же время даже в Маниле на многие километры тянутся кварталы невообразимых трущоб. На центральной улице столицы — Эскольте — можно увидеть

абсолютно голого малыша, спящего прямо на тротуаре рядом с пустой консервной банкой, куда редкий прохожий бросит медяк. Всякий раз, когда машина останавливается перед светофором, в окне появляется грязная ладошка ребенка, просящего подаяния.

Нищета рядом с разнузданной роскошью — это первое, что бросается в глаза иностранцу на Филиппинах. И он невольно задается вопросом: «Чем же все это держится? Почему до сих пор не произошел социальный взрыв?»

Действительно, несмотря на резкую поляризацию, на вопиющее экономическое неравенство, которое в другом обществе неизбежно привело бы к социальным потрясениям, классовая борьба, резко обострившаяся в последние годы, все же не поколебала серьезно власти олигархии. Экономической и политической власти элиты трудящиеся могут противопоставить только свою организованность. И вот тут-то особенно очевидной становится отрицательная роль архаичных отношений, сложившихся еще в традиционном филиппинском обществе, отношений, при которых человек стремится установить с влиятельными людьми личные контакты. Здесь различие в экономическом статусе не всегда порождает открытый антагонизм. Патриархальность, патернализм создают иллюзию гармонии интересов. С незапамятных времен повелось так, что богатые должны уделять толику бедным, которые воспринимают подачку как благодеяние, чувствуют себя обязанными отплатить за нее. Они надеются на помощь и пока еще не всегда осознают необходимость объединиться для борьбы против эксплуататоров. Главное — вступить в контакт с нужным человеком, а не с товарищами по классу. В результате складываются отношения по типу патрон — клиент, причем это связь индивидуального патрона с индивидуальными клиентами. Нет нужды говорить, что такой порядок дробит силы трудящихся. Мало стран, где пропасть между имущими и неимущими столь глубока, как на Филиппинах. Но тут через эту пропасть перекинуты своеобразные психологические мосты, что несомненно смягчает остроту классовых противоречий. Заметное несоответствие между степенью социального неравенства и размахом социального протеста в значительной мере объясняется как раз этим.

«Одним — все, другим — ничего» — так на Филиппинах не скажут. Здесь верят в «великий принцип дележа», что подтверждается и серьезными исследователями филиппинского общества, и моими личными наблюдениями.

«Принцип дележа» признается многими, почти всеми. Никакому человеку не возбраняется в затруднительных обстоятельствах обратиться за помощью прежде всего к родственникам, затем к друзьям и знакомым (в частности, к начальству) и вообще к любому лицу, имеющему к нему хоть какое-то отношение. В этом нет ничего предосудительного, это не расценивается как попрошайничество, напротив, считается естественным и нормальным.

Неестественным и ненормальным считается отказ в помощи — решившийся на это рискует подвергнуться остракизму, прослыть бессердечным, злым, а с такой репутацией на Филиппинах не проживешь: тут могут простить многое, но не равнодушие к судьбе человека, связанного, по местным понятиям, с тем, у кого он просит.

Конгрессмен, в доме которого я жил, чуть ли не ежедневно получал письма от незнакомых людей с просьбой «помочь хоть чем-нибудь». В обмен предлагалось одно: «Я, моя жена и дети будем горячо молиться за вас и вашу семью». Просители обязательно указывали, что они либо родились в той же провинции, что и «господин конгрессмен», или в провинции, откуда родом его жена, либо состоят в отдаленном (даже по филиппинским представлениям) родстве. Просители всегда получали свои 2—3 песо. Это, повторяю, не считается попрошайничеством: ведь нищий просит «просто так». А здесь между просителем и покровителем обнаружились личные отношения, которые священны. От них не отмахнешься, как можно отмахнуться от нищего.

«Всем надо жить» — эту сентенцию произносят очень часто. Мысль о том, что каждый имеет право на долю «общественного пирога», толкуется так широко, что даже воровство, если оно совершается ради того, чтобы добыть пропитание семье, не считается преступлением. От бедняка можно услышать: «Надеюсь, мне не придется идти воровать» — и это говорится не для красного словца. Он просто заранее объявляет, что в крайнем случае действительно пойдет воровать. Филиппинец внутренне не

приемлет такого положения, при котором нищий не может позаимствовать у имущего — пусть даже воровством. Характерно, что и сам пострадавший скажет в подобной ситуации: «Ему тоже надо кормить семью».

В тайфун бедняки перебираются из своих ненадежных лачуг в каменные дома людей побогаче, не дожидаясь приглашения. И они уверены, что их не выгонят. Избиратель приходит к выборному должностному лицу и просит — нет, не восстановить справедливость, поправленную с точки зрения чуждого ему закона, импортированного из США, а дать денег на похороны умершего родственника. И он уверен, что получит просимое. А если должностное лицо откажет, то об этом станет известно и на следующих выборах не видать ему заветного места, приносящего солидные доходы. И это — справедливость по-филиппински.

Во время празднеств, до которых филиппинцы большие охотники, особенно в сельской местности, состоятельные люди обязаны выставить угощение. Не сделать этого — значит поставить под сомнение свою принадлежность к данной категории. В небольших городках можно прожить, переходя с одного семейного торжества на другое, надо только читать вывешенные в церкви объявления о свадьбах, крестинах и т. д. Но за это нужно делать черную работу: резать свиней, ставить столы, носить воду, помогать на кухне и т. д. Богатые делятся своим богатством, бедные — трудом. Действует все тот же «великий принцип дележа».

Везде в странах капитализма правящие группы вынуждены что-то давать трудящимся, чтобы обеспечить свое господство. Но обычно таких уступок добиваются в классовой борьбе, филиппинский же «принцип дележа» как раз препятствует ее развертыванию. Правящая олигархия вместо реальных уступок отделяется пустяками благодаря этому принципу.

Обратимся к деревне. Обрабатываемые площади на Филиппинах составляют около 8,5 млн. га, из них помещикам принадлежит более половины. Свыше 50% крестьян не имеют земли и арендуют ее. Кроме того, еще 20% крестьян являются батраками. Таким образом, 70% сельскохозяйственного населения безземельно. Отсталая система землевладения препятствует экономическому раз-

витию страны, обрекает значительную часть жителей на нищенское существование.

И тем не менее система эта сохраняется. Ее живучесть объясняется не только сосредоточением власти в руках олигархии, противящейся решению аграрной проблемы, но и патриархальностью отношений, исстари сложившихся в деревне. Нельзя сбросить со счета психологические навыки: власть правящей элиты ощущается как нечто привычное, неизбежное, как нечто такое, чему следует повиноваться автоматически и без сомнений; крайне несправедливое распределение жизненных благ оправдывается вековой традицией.

Для многих крестьян помещик все еще естественный, богом данный отец-благодетель. Он предоставляет им землю, инвентарь, ссужает рисом и деньгами, за что крестьянин расплачивается долей урожая. Эта доля очень велика — порой она достигает 70%, тем не менее должник видит в кредиторе буквально спасителя от голодной смерти. И отцы этих земледельцев отдавали отцу этого помещика столько же (нередко крестьяне вынуждены отрабатывать долг своих отцов и даже дедов). Так было от века, иного миропорядка крестьяне не знают и рассуждают примерно следующим образом: «Помещик может согнать с земли и не давать ни скота, ни инвентаря, ни ссуды, а ведь не сгоняет и дает».

Право помещика «сгонять и не давать» подвергается сомнению не часто. И когда спрашиваешь крестьянина, как ему живется, то нередко получаешь оптимистический ответ: «Хорошо!» Обычно добавляют: «Вот в соседней провинции, говорят, помещик злой, а у нас добрый».

Помещик — старший, крестьянин — младший, и между ними, как и в семье, существуют строго установленные отношения: один повинует, другой приказывает, но обязан в какой-то степени заботиться о «младшем». Помещик — хозяин, *амо*, крестьянин — его бата и в качестве такового должен быть лояльным, благодарным за то, что ему перепадает. Он идет к помещику со своими бедами: просит дать рассады на посев или мешок риса на прокормление семьи («обязуюсь вернуть полтора, а то и два»), одолжить денег на учебу сына (разумеется, под проценты), помочь брату найти работу в городе, образумить дочь, которая вдруг заявила, что хочет ехать

в Манилу вопреки воле родственников (и такое бывает, особенно в последнее время). Обычно крестьянин не встречает отказа: просимое дается, семейные конфликты улаживаются.

Подобные отношения личной обязанности существовали еще между малайским дато и его подвластными, правда на другой основе. Освященный веками, благословляемый церковью и поддерживаемый государственной властью, порядок этот воспринимается крестьянином как единственно возможный: «А кто помогает в случае неурожая? Кто посылает фельдшера или даже врача к больным? Кто определяет детей в школу, а если у них обнаруживаются способности, устраивает в провинциальном центре, а то и в самой Маниле? Помещик! Да без него мы давно перемерли бы с голоду, поля остались бы необработанными, все бы перессорились и переругались».

С раннего детства в крестьянах воспитывается преданность помещику. Все они почти обязательно крестники его или кого-нибудь из его семьи, а это, как уже говорилось, далеко не пустяк. Крестьянин часто просто не мыслит иной жизни. Не случайно треть крестьян, получивших землю по аграрной реформе 1963 г., предпочли снова стать арендаторами. Помещик для них и сейчас остается единственным источником кредита, главным арбитром по всем спорным вопросам — словом, тем же «хозяином», перечить которому недопустимо и с которым надо расплачиваться урожаем, преданностью и услугами.

Отношения, господствующие в филиппинской деревне, допустимо охарактеризовать словами Ф. Энгельса, сказанными им в свое время применительно к Ирландии: «Землевладелец, у которого крестьянин арендует землю, представляется последнему все еще своего рода вождем клана, обязанным распоряжаться землей в интересах всех; крестьянин полагает, что уплачивает ему дань в форме арендной платы, но в случае нужды должен получить от него помощь. Там считают также, что всякий более богатый человек обязан помогать своим менее состоятельным соседям, когда они оказываются в нужде. Такая помощь — не милостыня, она по праву полагается менее состоятельному члену клана от более богатого или от вождя клана. Понятны жалобы экономистов и юри-

стов на невозможность внушить ирландскому крестьянину понятие о современной буржуазной собственности; собственность, у которой одни только права и никаких обязанностей, просто не умещается в голове ирландца» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 133).

Помещик берет зверский процент за ссуду, беззащитно использует труд бедняков в своем имении, требует голосовать за нужного ему кандидата и т. п. Однако крестьянин все равно считает, что получает от помещика не меньше, чем дает: «Хитрое ли дело выращивать рис или сахарный тростник? Это может всякий. А вот вызвать врача для больного, устроить сына может только помещик. А за это что угодно отдашь». Таков субъективный взгляд на вещи. Объективно же совершенно очевидно, что помещик присваивает продукт труда крестьянина и возвращает ему лишь ничтожную долю по «принципу дележа». Так готовность помочь ближнему в уродливых условиях извращается и служит сохранению существующего порядка.

Примечательно, что и помещик нередко сам искренне считает себя благодетелем. В телевизионных интервью (они передаются довольно часто) иной плантатор, которому, бывает, ставят «острые» вопросы, с искренним негодованием возражает: «Как вы смеете говорить, что я угнетатель крестьян? А кто построил медпункт? Кто построил начальную школу и заставил их детей учиться? Кто выручает их в трудную минуту? Я, а не ваши государственные учреждения!» Правда в этом ответе только то, что государство действительно ничем или почти ничем не помогает крестьянам. Что до медпункта и школы, то они построены в конечном счете их трудом.

Не следует, однако, думать, что в филиппинской деревне царит мир и покой и что все без исключения видят в помещиках естественных покровителей. В провинциях Центрального Лусона, называемых рисовой житницей страны, уже несколько десятилетий не прекращаются крестьянские выступления. Острота классовой борьбы на острове объясняется прежде всего тем, что именно в этом районе находятся крупнейшие латифундии и сельские труженики подвергаются наибольшей эксплуатации. Вот данные: 0,66% жителей Центрального Лусона владеют 59% земли, а арендаторы составляют почти 90% сельскохозяйственного населения. Играют также роль и

факторы иного плана. Из-за огромного размера поместий личный контакт помещика и крестьянина ослабевает. Родственные связи между ними тоже не столь сильны: здесь только 6% арендаторов являются родственниками землевладельцев (по сравнению с 31% по всей стране). Кроме того, большинство местных помещиков предпочитают жить в провинциальных центрах или в столице.

Нередко крестьянин ночью поджигает хозяйскую усадьбу, что, конечно, никак не свидетельствует о «сердечных отношениях» между ним и помещиком. Впрочем, надо иметь в виду, что иногда арендатор выступает не против помещичьей системы землевладения как таковой, а против несправедливого, с его точки зрения, осуществления «принципа дележа». Но для большинства крестьян необходимость ликвидации помещичьего землевладения уже не вызывает сомнения.

Классовая борьба на Центральном Лусоне достигает такого накала, что без вооруженной охраны власть имущие даже днем не рискуют проезжать по территории района. Крестьяне борются за радикальное решение земельного вопроса, т. е. за ликвидацию помещичьего землевладения. Есть признаки того, что это движение распространяется и на другие районы страны. Аграрные волнения привели к тому, что в 1963 г. правительство вынуждено было принять закон о земельной реформе.

С ростом классового самосознания патриархальные отношения размываются. Было бы, однако, преждевременным полагать, что они уже изжиты. Они существуют и оказывают тормозящее действие на развитие страны.

В городе, разумеется, эти отношения выражены слабее, чем в деревне, но и здесь их живучесть несомненна. Они предполагают личную преданность «боссу» (этим английским словом на Филиппинах называют всякого начальника), босс же должен заботиться о «малых сих».

Это, в частности, проявляется в отношениях между слугами и хозяевами в доме. Со стороны первых — полное повиновение, даже предугадывание желаний. Со стороны вторых — благожелательная строгость, они относятся к слугам, как к младшим членам семьи, а не просто как к наемным лицам. (Их даже предпочитают называть помощниками.) Надлежит проявлять отеческую снисходительность к ним. Кричать на слугу недопустимо — это, кстати, дает последнему моральное право оста-

вить место. Невозможно, конечно, представить прислугу за общим столом во время обеда, но по большим праздникам, например на рождество, обитатели богатого дома и слуги собираются вместе. И при традиционном распределении рождественских подарков последних не забывают — они обязательно получают что-нибудь от каждого члена хозяйской семьи.

Филиппины развиваются по капиталистическому пути. Известно, во что обходится такое развитие трудящимся — они страдают от нещадной эксплуатации и местного и иностранного капитала. В этих условиях рабочий старается опереться прежде всего на личные связи, организованные по типу семейных. Нельзя упускать из виду, что в стране из 13,8 млн. самодеятельного населения 2,8 млн. полностью и частично безработные. Устроиться можно только по протекции, и тут опять-таки действует система бата-бата: рабочий становится бата работодателя, а что это за собой влечет, уже известно.

Капитализм рвет патриархальные связи. «Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения, — говорится в „Манифесте Коммунистической партии“. — Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его „естественным повелителям“, и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного „чистогана“» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 4, стр. 426).

Традиционные отношения постепенно разрушаются и на Филиппинах, уступая место отношениям эксплуататора и эксплуатируемого в их чистом виде, не прикрытом покровом патриархальности. Но при сравнительно невысоком уровне капиталистического развития прежние отношения остаются еще достаточно прочными. В условиях безработицы получение работы воспринимается как величайшее благодеяние, за которое надо платить преданностью. Предпринимателю несомненно выгодно иметь рабочих, считающих себя чем-то обязанными ему и, следовательно, более послушными. Это не всегда сопровождается увеличением производительности труда, зато в тяжелую минуту хозяин может рассчитывать на их покорность и перекладывать на их плечи тяготы, вызванные экономической неустойчивостью.

Среди моих многочисленных знакомых был молодой предприниматель, человек умный, думающий и откровенно говоривший о проблемах страны — настолько откровенно, что вызвался сам показать район трущоб, а подобное приглашение получаешь не часто. Впрочем, ни широта взглядов, ни готовность вводить у себя технические новшества не мешают ему горой стоять за семейственность:

— Да, я принадлежу к молодым технократам и отлично знаю, что нам приходится терпеть из-за того, что мы нанимаем «своих» людей. С них не спросишь, верно. Безусловно, от этого и производительность труда ниже. Но судите сами: рабочие у меня ни разу не бастовали и, уверяю вас, бастовать не будут. Мы всегда сможем договориться. И то, что я теряю из-за низкой производительности, с лихвой окупается.

Эти взгляды, вероятно, разделяют многие предприниматели; патернализм ограждает их от всяких неожиданностей. Реакционная роль такого рода отношений несомненна: нередко рабочий больше заинтересован в своих связях с боссом, чем с братьями по классу.

Вообще-то стремление привязать рабочего к предприятию, к компании свойственно предпринимателям и в развитых капиталистических странах, особенно в Японии, где увольнение по собственному желанию рассматривается чуть ли не как предательство по отношению к фирме. Но в Японии «личные контакты» создаются после поступления рабочего и «привязывается» он к предприятию в целом, а не к конкретному лицу, на Филиппинах же сохраняется существовавшая еще до найма личная привязанность к определенному боссу, а не к фирме. Это разобщает работников, препятствует их объединению и сплоченности.

Конечно, говорить о классовом мире в промышленности так же нелепо, как и о классовом мире в деревне. Филиппинский пролетариат все более отчетливо осознает свою роль, о чем свидетельствует усиление его борьбы за экономические и политические права. Но опять-таки нельзя сбросить со счета стойкость патриархальных отношений.

Не лишен интереса вопрос о том, что думают филиппинцы о классовом делении своего общества. В целом их взгляд подтверждает то, что говорит статистика. В та-

гальском языке для обозначения социального статуса есть два выражения: *малакас на тао* — «сильные люди» и *малиит на тао* — «маленькие люди», и каждый филиппинец попадает в одну из этих рубрик. Принадлежность к первым (т. е. к господствующим классам) определяется прежде всего размерами земельных владений. Как и во многих аграрных странах, положение человека на Филиппинах зависит от количества земли, поэтому даже капиталисты стремятся обзавестись собственными поместьями, несмотря на то что доход от земли несравненно меньше, чем от вложений в промышленность или торговлю. Чтобы быть отнесенным к «сильным людям», надо иметь связи, и правящий слой на Филиппинах тесно спаян родственными узами и корыстными интересами. В провинции к элите относятся представители местной власти (мэр, члены муниципалитета и т. д.), а также интеллигенции — врач, учитель и вообще люди с высшим образованием.

Каждый филиппинец точно знает свое место на иерархической лестнице, и предполагается, что в соответствии с этим он должен и держаться. Считается «неприличным», если «маленький человек» ведет себя, как «сильный», и наоборот. «Маленького человека» отличают даже жесты и телодвижения. Так, если ему надо пройти перед «сильным человеком», он опускает плечи и голову, вытягивает вперед руки (ладони параллельно), сгибает ноги в коленях. Не сделай он этого, его сочтут грубияном и нахалом. В филиппинском обществе наличествует богатый арсенал средств воздействия на лиц, допускающих отклонения от норм поведения, предписанных классово принадлежностью.

«Сильный человек» должен быть заботливым и терпимым по отношению к «маленькому», выражать готовность помочь в трудную минуту. Нарушение этого условия освобождает «маленьких людей» от обязательств по отношению к «сильным». Но за «отеческую заботу» надо платить. Невозможно даже представить себе, насколько прочно филиппинский труженик опутан многочисленными обязательствами по отношению к «сильным людям». Особенно ярко это проявляется в провинции. В любом городке вершат делами два-три помещика, у которых все в неоплатном долгу. Мэр города, органы власти, включая начальника полиции, — их ставленники. Лю-

бые законы бессильны перед ними. Вся жизнь зависит от их доброго отношения. Не поладить с ними — значит обречь себя и семью на верную гибель; есть много способов расправиться с непокорными — от отказа в земле до пули наемного убийцы. Вот почему на о-ве Лейте, например, помещики без усилий заставляют крестьян раз в неделю работать в своем имении (по сути настоящая барщина). Если же кто-то осмеливается выразить недовольство, произносится ставшая традиционной фраза: «Скатывай свою циновку», и строптивый арендатор остается без земли, т. е. без средств к существованию.

Принадлежность к тому или иному социальному слою формирует определенную психологию. Два филиппинских социолога опросили 96 обитателей Сампалока (район Манилы) с целью установить, какие ситуации, по их мнению, являются наиболее неприятными. По уровню дохода обследуемые резко делились на две группы, примерно соответствующие «сильным» и «маленьким людям». Результаты получились достаточно красноречивые. Для первых самым неприятным оказалась «невозможность выразить свое недовольствие», для вторых — «быть непонятыми лицами, стоящими выше их на иерархической лестнице, и нарушить свои обязательства по отношению к ним» — свидетельство все еще не развитого классового самосознания. «Маленький человек» должен знать свое место, и пока, к сожалению, многие знают его. Это помимо всего прочего выражается и в восторженной радости клерка, которого начальник одобрительно похлопал по плечу, и в чрезмерном стремлении заслужить похвалу учителя в школе, и в опасении рассердить босса (а потому лучше ничего не предпринимать, не заручившись его одобрением). Люди, мнящие себя «сверхреволюционерами», грешат тем же. Среди моих знакомых был студенческий лидер маоистского толка, беспощадно громивший в своих речах американских империалистов и их местных прихвостней. Но при встрече с влиятельным сенатором, владельцем многих поместий и заводов, о котором было известно, что он связан с американским капиталом, мой знакомый проявил почтительность, граничившую с подобострастием.

— Иначе нельзя: очень силен (*малакас на малакас сийа*), — доверительно сообщил он, заметив мой недоуменный взгляд.

Сами по себе многие черты характера и нормы поведения филиппинца отнюдь не могут считаться отрицательными. В самом деле, с любой точки зрения трудно усмотреть что-либо дурное в уважении к старшим, в заботе о младших, в готовности прийти на помощь ближнему и поделиться с ним всем, что имеешь. В обществе, основанном на равенстве, эти качества содействовали бы подлинной солидарности и братству людей. Нельзя согласиться с теми, кто видит корень зла именно в чертах характера и поведении филиппинца, хотя нельзя и отрицать, что на современных Филиппинах эти качества выполняют охранительную функцию, оберегая общество от потрясений, служа своеобразным амортизатором, смягчающим классовую борьбу. Однако не они являются первопричиной бедствий — ее надо искать в социальном устройстве общества.

Естественно, без учета этих качеств и черт характера не понять, почему филиппинец поступает так, а не иначе в данной конкретной ситуации. А поступать именно таким образом он приучен с детства. Небезынтересно поэтому посмотреть, как его воспитывают.

Детство филиппинца. Говоря о воспитании, следует быть осторожным в суждениях, иначе может сложиться впечатление, что каждый человек (не только филиппинец) является, так сказать, «жертвой» собственного опыта, полученного в раннем возрасте, и что «каково детство, таково и общество». Зависимость как раз обратная. Любое общество вырабатывает достаточно четкое представление о том, что хорошо и что плохо, что достойно уважения, а что — осуждения. И процесс воспитания заключается в передаче этих представлений. Социальная структура, принадлежность к определенному классу, формирует поведение взрослых, а им подражает ребенок. Поведение взрослого — отнюдь не просто следствие индивидуального опыта, накопленного в детстве, это прежде всего выполнение роли, заданной обществом. Ребенок, пусть неосознанно, имеет тенденцию развивать в себе качества, заслужившие одобрение взрослых, в первую очередь тех, с кем он близко связан. Для филиппинца референтной группой, т. е. группой, исходя из ожиданий которой он строит свое поведение и по которой проверяет правильность принятых решений, является расширенная семья, и преданность ей он пронесит через всю

жизнь. Контактируя со взрослыми, он усваивает сложившиеся стереотипы поведения, вырабатывает взгляд на самого себя, и чем дальше заходит процесс «вхождения в роль», тем труднее «выйти из нее».

Эти стереотипы в отдельных семьях могут в чем-то не совпадать, однако их единая основа позволяет сделать ряд обобщений, касающихся личности филиппинца и филиппинской семьи.

Набор требований, которые общества предъявляют к своим членам, неодинаковы, но и не слишком разнообразны. Детей обычно приучают к опрятности, добиваются от них определенного поведения в зависимости от пола, стараются сгладить соперничество между братьями и сестрами, учат уважать старших, считаться с чувствами других и т. д. Однако значимость каждого из требований различна в разных обществах. На Филиппинах огромное (по нашим понятиям) значение придается уважению к старшим и умению ладить с людьми.

Филиппинское общество отчетливо ориентировано на детей. Они желанны и любимы, общения с ними ищут родители и родственники. Иметь потомство — основная цель брака. Если в семье несколько детей, значит, на ней лежит благословение господне, если их нет, значит, — гнев божий (или просто «не судьба»). На бездетных родителей смотрят с состраданием, советуют молиться определенным святым (считается, что в подобном случае помогает паломничество в город Антипблo для поклонения деве Марии, а еще лучше — в город Обапдó, где супругам рекомендуют плясать перед церковью — обычай, вероятно, еще дохристианского происхождения). Кровная связь между родителями и детьми полагается священной и нерушимой. Бездетные супружеские пары часто практикуют усыновление и удочерение, но они должны быть абсолютно уверены, что малютка — круглый сирота. Здесь незыблемо верят в то, что если пасынок или падчерица встретят своих настоящих родителей, то он (или она) их немедленно узнает («голос крови») и уйдет к ним.

Детей у филиппинцев много — в среднем семь человек на семью. Это сразу же бросается в глаза: 60% жителей моложе 15 лет. По приросту населения страна занимает одно из первых мест в мире — 3,5% в год (т. е. каждые двадцать лет население удваивается), что соз-

дает сложную проблему. Количество калорий, потребляемых человеком в день, составляет здесь всего 2 тыс. Исследования показывают, что из-за плохого питания 53% детей отстают в умственном развитии. Уже сейчас миллион семей не имеет жилищ. 45% детей лишены возможности закончить начальную школу (все данные 1970 г.).

Государство пытается принять кое-какие меры: несмотря на запрет Ватикана, на архипелаге созданы 270 центров по планированию семьи, ведется разъяснительная работа. Но поскольку социально-экономические условия остаются прежними, вряд ли есть основания ждать ощутимых результатов. Поговорив с филиппинцами, довольно скоро убеждаешься, что они обычно руководствуются одним принципом: «Хотим иметь как можно больше детей». При этом супруги исходят не из интересов государства и даже не из собственных интересов (как, скажем, в США), а исключительно из интересов расширенной семьи, сила и жизнеспособность которой зависят в основном от многочисленности ее членов. Большой семье каждый новый человек не мешает, напротив, он укрепляет ее. Так получается, что расширенные семьи стремятся к увеличению, тогда как маленькие — к уменьшению. И то, что является проблемой для государства, воспринимается как благословение для семьи.

Материальным соображениям существенного значения не придается. В США, например, лишний ребенок — это всегда огромные расходы: на роды, на врачей, на одежду, жилье, питание, образование. Кроме того, мать, если она работает, бросает работу. А что в результате? Подросшие дети обзаводятся собственной семьей и отдаляются от родителей.

Останавливает ли все это филиппинцев? Едва ли, разве что в самой малой степени. Прежде всего, филиппинская чета практически никогда не живет одна — как правило, в доме обитают 10—15 родственников. В такой большой семье «лишний рот» не очень заметен. Там, где кормятся 15 человек, нетрудно прокормить шестнадцатого. За роды платят немногие — свыше 75% филиппинцев появляются на свет дома с помощью акушерки, медсестры, а чаще повивальной бабки. Что касается расходов на одежду, то они и вовсе не велики — в сельской местности дети до шести лет бегают голые, а затем требуются лишь штанишки и рубашка мальчикам, платьице

девочкам, зимняя одежда вообще не нужна. С жильем тоже просто: во-первых, из-за жары дети большую часть времени проводят на улице, во-вторых, дом обычно состоит из одной комнаты, в которой все спят на полу, нередко под одной противомоскитной сеткой. Отдельных комнат нет ни для маленьких, ни для больших.

Отсутствует и проблема присмотра за детьми: в большой семье всегда найдется человек, могущий выполнять эту функцию. Заниматься с ними стараются все, так что зачастую приходится думать о том, как бы не обидеть родственников отказом от их помощи.

Расходы на образование являются заботой не только отца и матери: и остальные члены семьи принимают в этом участие, причем старшие иногда сознательно жертвуют своей карьерой, чтобы поставить на ноги младших. Порой все средства идут на одного, самого способного ребенка. Это считается весьма разумным помещением капитала. Родственники отказывают себе во всем, уповая на то, что счастливчик, выйдя в люди (образование — единственный путь к этому), станет опорой семьи. И как сильно бывает разочарование, когда предмету всеобщего внимания не повезет! Он сам страдает от сознания того, что не оправдал надежд семьи. Ну а если повезло, его жизнь подчинена одной цели — расплатиться за заботу родственников.

Забота о ребенке начинается еще до его рождения — в это время она распространяется на его мать. Филиппинцы с большой чуткостью относятся к желаниям и даже капризам беременных женщин, ибо полагают, что все непосредственно отражается на ребенке. («Конечно, у моей Эсси очень смуглая кожа, ведь я, когда ее носила, ела много шоколаду и орехов». Или: «Я была так неосторожна! Во время беременности требовала перезрелых манго с лопнувшей кожицей. Поэтому у моей Розы заячья губа».) Они убеждены: все, что просит беременная женщина, нужно достать любой ценой, иначе не избежать выкидыша. («Мне всегда так хотелось каштанов в полночь, что мужу приходилось среди ночи ездить за ними в Манилу».)

С периодом беременности связано немало суеверий. Существует строгая система запретов и разрешений, которые касаются не только будущей матери, но и родственников. Так, муж не должен вязать узлы на верев-

ках — иначе роды будут трудными. Жена не должна есть бананы — иначе ребенок будет ленивым и глупым.

Как уже говорилось, женщины рожают чаще всего дома — и у детей не возникает вопроса, откуда взялся младенец. Его не «приносят» откуда-то, как у нас, его сразу же принимают в семью. Матери оказывают посильную помощь, и она отдыхает, но не спит (считается, что во сне она забудет дышать и умрет). Ребенку дают сосать чистую тряпочку, смоченную соком из стеблей *ампалайи* (горькой травы); этот сок и есть первая пища, которую филиппинец вкушает на земле. С этой минуты он становится членом семьи — в ней отныне и до самой смерти будет протекать вся его жизнь.

Родители имеют совершенно четкое представление о том, какими бы они хотели видеть своих детей. В филиппинском обществе действует получившая социальное одобрение система воспитания. Ее цель — развить в человеке качества, которые особенно ценятся: преданность семье, вежливость, скромность, потребность жить чувствами других.

Филиппинец с юных лет находится среди многочисленных родственников, число которых он увеличивает при совершении различных религиозных обрядов и удваивает при браке. Естественно, он должен научиться ладить с ними: это неизбежно при такой тесной близости.

Начальное понятие об окружающем мире он получает прежде всего от матери и именно к ней ощущает привязанность. 90% филиппинских матерей кормят детей грудью (для сравнения: в США только 40%), причем кормление продолжается в среднем до 13 месяцев⁴ (не более 1% американок кормит грудью до 9 месяцев). Мать, кормящую младенца грудью, можно увидеть где угодно: в церкви, на рынке, в переполненном автобусе, и эта сцена всегда вызывает умиление окружающих.

Процесс кормления, в глазах филиппинцев, имеет и известное социальное значение: молоко матери — первое, что ребенок получает от семьи, и этого он никогда не должен забывать. Отсутствие молока воспринимают трагичнее, чем у нас: что-то в воспитании ребенка будет

---

⁴ Педиатры считают это очень важным, и не только из-за полезности и хорошей усвояемости материнского молока, но и с точки зрения развития личности.

сразу же упущено. И если в поведении искусственника в зрелом возрасте обнаружатся какие-то отклонения от нормы, это обязательно свяжут с искусственным кормлением.

В первые годы жизни ребенок считается существом, не способным отвечать за свои поступки (*уалá панг íсин* — «еще нет сознания» — говорят тагальские матери), и к нему предъявляются ограниченные требования. Полагают, что он не может научиться чему бы то ни было, хотя, конечно, ожидается, что каждому возрасту соответствуют определенные навыки. Ускоренное развитие ребенка не поощряют: его не стараются приучать к опрятности, не заставляют ходить или говорить. Если он пойдет раньше, чем положено, этим восхищаются, если позже — не огорчаются. «Все от бога», а значит, поощрения и наказания не дадут никаких результатов. С четырех-пяти лет ребенка можно учить кое-чему, правда очень немногому, и сравнительно с нашими детьми ему дозволено гораздо больше. Только в семь лет, при поступлении в школу, он начинает отвечать за свои поступки. Но и тут его пока не побуждают к каким-то особым успехам: лучше быть как все. С окончанием шестого класса детство кончается, и ребенок уже вполне осознает свою роль в семье.

Дети в любом обществе нуждаются в заботе, но в одном обществе эта забота сведена к минимуму — им уделяется ровно столько внимания, сколько нужно для того, чтобы обеспечить физическое выживание и побыстрее научить полагаться на себя (именно так филиппинцам представляется американская система воспитания), в другом, напротив, их поощряют прибегать к помощи родственников даже тогда, когда они сами в силах справиться с задачей. Это приводит к тому, что они чувствуют себя вольготно только в семье.

Стороннему наблюдателю филиппинские дети могут показаться слишком застенчивыми и молчаливыми. Это поверхностное впечатление: такие они только при чужих. Дома они разговорчивы, более того, болтливы, однако никому не приходит в голову обрывать их (за исключением особых случаев: время отдыха, больной в семье и т. п. Здесь ребенок сам быстро научается понимать, когда можно шуметь, а когда нельзя). Детская болтовня — немаловажный инструмент социализации: родственники

должны знать, чем живет дитя, слушать его — лучший способ узнать, «чем он дышит». Откровенность, доверчивость суть свидетельство его близости к членам семьи, доказательство его веры в их отзывчивость. «Она (или он) рассказывает мне все» — эти слова филиппинская мать произносит с гордостью. Замкнутость считается явлением ненормальным: ребенок должен «раскрывать душу» и, следовательно, быть предсказуемым. Если тагалка говорит, что ее сын *тахимик* — «спокойный», это звучит как похвала, если же его назовут *дунго* — «неразговорчивый», «застенчивый» (т. е. замкнутый), это прозвучит как осуждение (впрочем, чтобы услышать слово осуждения, надо стать почти членом семьи — тагалы не любят «выносить сор из избы»).

Со всеми своими бедами ребенок бежит к родственникам — переживания «в одиночестве» не одобряются. Провинившегося ждет наказание, но чаще, независимо от того, его обидели или он обидел, совет. Речь идет не просто о двух-трех предложениях типа «ты должен был поступить не так, а этак». Нет, проводится беседа, на которую не жалеют времени, тщательно разбирают суть дела, объясняют, как обязаны поступать хорошие дети. В качестве решающих аргументов привлекаются гнев божий, доброе имя семьи и «что скажут люди». (На Филиппинах этот последний довод звучит как «что подумают Сантосы».) Должно покорно выслушивать все сентенции, ни в коем случае не перечить. Разговор ведется в доброжелательном тоне, и ребенок привыкает видеть в родительских наставлениях выражение любви и заботы.

И в зрелом возрасте филиппинец обращается за советом к родственникам, особенно старшим, а они, в свою очередь, охотно дают его (иногда даже не дожидаясь просьбы). Совет будет непременно выслушан. В противном случае создастся щекотливая ситуация — могут подумать, что человек не ценит участия. Критика или неодобрение, прозвучавшие в совете, обычно смягчаются тоном благожелательности.

Взрослые охотно разрешают детям играть и, если позволяет время, сами играют с ними. Поощряется также приобщение ребенка к деятельности взрослых. Нередко можно увидеть, как у ручья малыш вся с головы до ног в мыльной пене стирает белье вместе с матерью или

как четырех-пятiletний карапуз, держась за штанину отца, шагает по полю и бросает в землю семена. Никто не заставляет детей выполнять эту работу, но, если они выражают такое желание, им не запрещают, а если хотят уйти, их не задерживают.

Отношение филиппинцев к детским ссорам и дракам отличается от нашего. Для родителей главное заключается не в том, чтобы ребенок постоял за себя, а в том, чтобы выказал уважение старшим членам семьи и сберег ее доброе имя. Поэтому любой родственник старается немедленно прекратить драку (взрослый со стороны может, наоборот, подзадоривать дерущихся). Всякая ссора влечет за собой расследование, сопровождаемое объяснениями, многословными советами, а то и наказанием.

Если мальчик прибегает к матери в слезах и жалуется, что его дразнят плаксой и трусом, она напоминает ему, что лучше прослыть трусом и плаксой, чем драчуном и задирай. Это отражено в пословице: «Кто уклоняется от ссоры, еще не трус». Даже если ребенок не является зачинщиком, ему советуют уступить, лишь бы избежать конфликта. Победить в драке далеко не так почетно, как показать выдержку и уклониться от нее. Филиппинцы отнюдь не считают, что детские ссоры и драки неизбежны, и резко осуждают их. Коль скоро ребенок часто ввязывается в драку, лучше не выпускать его из дому. Когда о малыше говорят, что он «сам о себе может позаботиться», имеют в виду умение его ладить со сверстниками, а не то, что он не даст себя в обиду. Неуравновешенность, задиристость не украшают человека, а указывают на дурное воспитание, незрелость, это — пятно на всю семью.

В сложной ситуации, если уж ее не избежать, следует обязательно прибегнуть к помощи. Маленькие свободно обращаются за ней к родным. Они очень быстро усваивают, что старшим это приятно. (Такие же отношения и у взрослых: «Я доставлю тебе удовольствие тем, что попрошу помочь мне».) Действия на свой страх и риск не поощряются: всегда лучше посоветоваться. Упор делается не на то, что надо отвечать за себя, а на то, что надо отвечать за других, за свою семью. От филиппинских детей не услышишь слов «я сам» или «я сама», столь характерных для наших детей в определенном возрасте: реакция взрослых на подобные заявления очень быстро

приучает ребенка говорить «помоги мне», «сделай мне», «дай мне», и он как бы растворяется в семье.

Привычка полагаться на других делает филиппинца весьма уязвимым, если помощь вдруг не оказывают или оказывают не в той степени, на какую он рассчитывал. Чувствительность и ранимость отнюдь не считаются недостатком, напротив, они свидетельствуют, что ребенок нуждается в утешении близких — как раз это ценится в филиппинском обществе.

Отлична и реакция обиженных детей: бурное недовольство (ребенок что-нибудь бьет или рвет) проявляется крайне редко и всегда влечет суровое наказание. Обычно отрицательные эмоции выражаются более спокойным образом: слезы в глазах, молчаливое отсиживание в уголке, отказ от еды и т. д. — все то, что скорее вызывает жалость, чем раздражение. Родители стараются избегать ситуаций, при которых ребенок может почувствовать себя задетым. Если матери, например, нужно уйти, а ребенок этого не хочет, она, чтобы успокоить его, обещает купить ему что-нибудь (обещание не всегда выполняется) или старается исчезнуть незаметно. Нам это покажется непедагогичным, а филиппинцам нет. Они не руководствуются принципом «надо, и всё». Их принцип: «надо, чтобы никто не был задет». Ну а коль скоро этого не избежать, следует постараться как-то сгладить отрицательный эффект, «смягчить удар».

При всей любви к детям филиппинцы достаточно строгие родители и нередко применяют различные наказания: от словесного выговора до стояния у стены с раскинутыми руками в позе распятого Христа («Христос страдал и нам велел»), порки или сидения в мешке. Филиппинская пословица говорит: «Когда ребенок не плачет (т. е. не наказывается. — *И. П.*), плакать будет мать». Повиновение, как полагают, в интересах самих детей: великие несчастья ожидают человека, который был непослушен в детстве, и, чтобы уберечь от них, лучше быть построже. Власть над ребенком имеют не только отец и мать, но и родственники. Он должен предугадывать, что именно вызовет их удовольствие или гнев, а это, при их многочисленности, далеко не легкая задача.

Не следует, однако, представлять себе филиппинских детей забитыми и робкими. Они четко знают, когда нужно повиноваться немедленно, а когда нет. Требование

принести отцу воды, вообще оказать внимание старшим выполняется немедленно. Но вместе с тем филиппинским матерям так же трудно оторвать их от игр и загнать домой, как, наверно, всем матерям мира. «Иди домой, крестная хочет тебя видеть» — действует безотказно. А вот: «Хватит бегать на солнцепеке, голова будет болеть» оставляется без внимания. Совершенно ясно, почему это происходит: в первом случае дело касается взаимоотношений в семье, нормы которых священны и неприкосновенны. Во втором — запрет кажется необоснованным: ведь там, где родители усматривают опасность для здоровья, дети видят только удовольствие, которое «честь семьи» не затрагивает. Но все равно непослушание влечет за собой увещевания с апелляцией к потусторонним силам — причем не только к христианскому богу, но и к дохристианским языческим духам, существование которых у большинства филиппинцев сомнения не вызывает. Совершенно не практикуется такая мера, как временное лишение родительской любви в воспитательных целях («Я с тобой разговаривать не буду»), она и не может иметь успеха: у филиппинского ребенка немало других взрослых родственников, и он всегда найдет у них утешение.

Дети переносят наказание стойчески, ибо оно имеет характер наставления, а не просто мести или срыва родительского гнева (последнее строго осуждается). Они быстро усваивают, что сопротивление в любой форме лишь ухудшает их положение. Кроме того, неприятие наказания рассматривается как неуважение к старшим, как неверие в их право вмешиваться в дела младших, а это нетерпимо в филиппинском обществе. Наказать ребенка могут многие, и он приучается чутко улавливать настроение взрослых, чтобы определить, насколько далеко он может зайти. Ему приходится соглашаться вслух, а недовольство таить про себя, он всегда должен быть готов объяснить свое поведение. Ему постоянно напоминают, что у других тоже есть свои желания и чувства и с ними надо сообразовываться. Все советы старших сводятся к тому, что хороший человек тот, кто уступает другим.

Ребенок начинает понимать, что хорошо, а что плохо для семьи (с позиции филиппинца) еще до того, как научается рассуждать. Ведь одного взгляда матери, одо-

брительного или осуждающего, достаточно, чтобы он усвоил разницу между хорошим и плохим. Если у нас при увещании непослушного ребенка скажут: «Для тебя же» или «Тебе же хуже будет», то на Филиппинах: «Это в интересах семьи», «Что станут о нас говорить?» Для взрослых хорошо все то, что хорошо для семьи, и ребенок тоже с обостренной чувствительностью начинает относиться ко всякой критике в адрес своих близких и воспринимает ее не менее, а иногда и более болезненно, чем критику в собственный адрес.

С точки зрения филиппинских родителей, идеальными являются послушные, «открытые», испытывающие привязанность к родственникам, уважающие традиции семьи и не забывающие о своем происхождении (тагальская поговорка гласит: «Кто забыл, откуда он вышел, тот никуда не придет»), спокойные и нетребовательные дети. Показательно, что родители никогда не высказывают вслух желание видеть их знаменитыми или богатыми — главное, чтобы они сохранили привязанность к семье, тогда, если они разбогатеют, они позаботятся о родственниках. Конечно, их успехам радуются: они рассматриваются как достижение семьи. Но разбогатевшему или ставшему знаменитым человеку приходится быть очень осторожным, ибо все начинают ревниво следить, не променял ли он семью на богатство и славу.

Сами родители не должны быть ни слишком беспечными, ни слишком строгими (последнее, однако, все же лучше, чем первое). Им следует относиться к детям разумно, дружески, всегда быть готовыми выслушать ребенка. Родители имеют неоспоримое право проникать в самые интимные мысли своих детей, обязаны знать, где и с кем те проводят время. Поэтому не считается предосудительным читать их письма. Власть родителей простирается так далеко, что они часто выбирают для своих детей спутника или спутницу жизни.

Нетрудно увидеть, что уже с детства к филиппинцам предъявляются требования, влияющие на развитие личности и формирующие ее таким образом, чтобы она в наибольшей степени отвечала запросам данного общества.

Положение женщины. Нельзя обойти вопрос о положении женщины. Судя по этнографическим параллелям с национальными меньшинствами, не обращенными в христианство, свидетельствам первых испанских хроник,

языковым и фольклорным данным, в традиционном филиппинском обществе она занимала более почетное место, чем в сегодняшнем. Однако и сейчас статус ее здесь достаточно высок. Впрочем, это характерно для всех малайских народов. Даже в современных Индонезии и Малайзии ее место гораздо почетнее, чем во многих других мусульманских странах.

Любопытно, что в тагальском языке одно и то же слово — *сйа* означает и «он» и «она». Точно так же не различаются слова «муж» и «жена», «сын» и «дочь», «брат» и «сестра». Хотя этот лингвистический факт не может служить аргументом в пользу равенства полов, он все же показывает, что на первый план выдвигается степень родства, а не пол.

Рождение девочки отнюдь не считается несчастьем, она так же желанна, как и мальчик. В важном с педагогической точки зрения возрасте — до пяти-шести лет — они воспитываются совершенно одинаково. Позже намечается некоторое расхождение: девочки больше помогают по хозяйству, но по-прежнему участвуют во всех детских играх наравне с мальчиками.

Для сравнения небезынтересно обратиться к традиционному китайскому обществу. Там самой священной считалась связь отца и сына. Все остальные отношения — мужа и жены, матери и сына и т. д. — играли лишь подчиненную роль и призваны были обеспечить достижение главной для китайца цели: иметь сына, воспитать его в традициях предков, чтобы тот смог выполнять свои обязанности перед ним. Сын, в свою очередь, должен был почитать отца, повиноваться ему, а после его смерти совершить определенные обряды. Не удивительно, что рождение девочки воспринималось часто как несчастье и женский инфантицид (убийство младенцев женского пола) бывал явлением обыкновенным. Особое отношение к сыновьям проявлялось с самого раннего детства — матери носили их на спине до двух-трех лет, тогда как дочерей — значительно меньше. Уже в пять-шесть лет последние начинали работать по хозяйству, сыновья — только в двенадцать-тринадцать. Став взрослой, женщина все равно считалась подчиненным существом, лишь обслуживающим священную связь отца и сына, которая составляла основу социальной структуры традиционного китайского общества. И только в старости китайка

могла рассчитывать на почет и уважение, но исключительно как мать своего сына, а не сама по себе.

На Филиппинах о заботности женщины говорить не приходится. Она является влиятельным членом семьи, иногда управляет всем домом, и нередко именно ее труд приносит основной доход. Почти всегда в ее руках сосредоточены семейные финансы, и она свободно распоряжается ими. Семьи, где муж «под каблуком», — не редкость. (Существует поверье, что, если мужчина может свалить банановое дерево ударом ножа, он хозяин в доме. Если нет — он в подчинении у жены.)

В женщине более всего ценится умение расчетливо вести хозяйство, покорность, мягкость в отношениях с детьми, терпимость, готовность простить неверного мужа. К мужчинам предъявляются явно заниженные требования — на Филиппинах действует «двойной стандарт», т. е. две нормы поведения: одна — для мужчин, другая — для женщин. Мужчины, например, нередко имеют любовницу, и даже не одну (последних называют испанским словом *керйда*). Обычно жена знает о ее существовании, но обязана сносить это, потому что «мужчины так устроены». С керидой можно появиться в обществе и даже пригласить ее в дом на официальные торжества — это не вызывает осуждения, несмотря на господство католической морали. Для женщины такая свобода немыслима. Она должна хранить верность мужу, даже если он долго отсутствует, тогда как для него установлен предел: в случае разлуки с женой он обязан «блюсти себя» лишь в течение шести месяцев — опять-таки потому, что «мужчины так устроены».

Различие в положении мужчин и женщин наблюдается и в общественной жизни. Хотя на Филиппинах есть женщины-сенаторы, члены конгресса, министры, профессора, писательницы, сфера их деятельности значительно уже. По найму женщины работают только в таких «традиционно женских» отраслях, как табачная и пищевая. Они широко используются в качестве технических секретарей, медсестер (но не врачей), продавщиц. Вот, пожалуй, и все.

Есть разница в положении юноши и девушки в семье. Если в ответ на вопрос: «Куда идешь?» — сыну достаточно ответить: «На улицу», то от дочери требуются более подробные объяснения. Она должна тщательно следить

за собой и ни в коем случае не давать повода для сплетен — правила на этот счет чрезвычайно строгие. Девушка не может пойти в кино вдвоем с молодым человеком («ведь там темно»), остаться с ним наедине в комнате: с точки зрения филиппинской морали отсутствие «охраны» (дуэньи) выглядит как приглашение для юноши воспользоваться беззащитным положением девушки. Неважно, что его давно знают как друга дома и ни в чем дурном не подозревают, — не положено, и все тут. Дело не в недоверии, скорее важно другое: «Что скажут Сантосы?» Роль дуэньи отнюдь не обременительна, требуется только личное присутствие, на все остальное можно смотреть сквозь пальцы. Совершенно недопустимо пригласить незнакомую девушку на танец: общество будет шокировано, а бедная девушка страшно оскорблена⁵.

Казалось бы, все это свидетельствует о строгости нравов. И тем не менее...

Вечером на центральных улицах Манилы нельзя шагу ступить, не услышав шепот сутенера, предлагающего развлечься. В столице полно притонов, есть «неорганизованные проститутки» и есть необычайно дорогие кокетки («девушки по телефону»), берущие за визит от 300 песо и выше. В черте города существует разветвленная сеть мотелей, где номера сдают даже на час или полтора. Многие заведения, в которых на первый взгляд нет ничего предосудительного — рестораны, бары, массажные клиники и даже совсем невинные парикмахерские, служат лишь прикрытием притона.

Манила знаменита на весь мир своими ночными клубами, где одинокому гостю предложат общительных и красивых девушек. Он и сам может их выбрать: обычно все они находятся в освещенной большой комнате, отде-

---

⁵ Уже одно это свидетельствует об ошибочности довольно широко распространенного мнения, будто у людей, живущих в жарких странах, отмечается большая половая свобода, чем у народов, живущих в странах с умеренным и холодным климатом. В тропиках существует множество табу, регулирующих половое поведение. Хотя взрослые филиппинцы помещаются в одной комнате, они избегают раздеваться на глазах друг у друга. Совместное житье заставляет вырабатывать целую систему молчаливых соглашений. Но, скажем, к отправлению естественных надобностей филиппинцы, по нашим меркам, относятся значительно проще, и красующиеся на заборах манильских домов надписи: «Отправлять естественные надобности запрещается» — обладают малой действительностью.

ленной стеклом от затемненного общего зала со столиками. Обязанность девушки развлекать гостя беседой и танцевать с ним, не уклоняясь от объятий. Гость платит 15 песо за первый и 10 песо за каждый следующий час, проведенный в ее обществе, и, кроме того, угощает ее. Сам ночной клуб выглядит достаточно благопристойно, что происходит потом — заведения не касается. (Потом можно пойти в мотель, который всегда имеется поблизости.)

Что заставляет девушек идти на панель? Прежде всего нищета. Для многих продавать себя — единственный способ заработать на жизнь. Поставщики «живого товара» находят их преимущественно в провинции, они предлагают работу в столице, соблазняют «огнями большого города». В Маниле вербовщики сдают «товар» держателям притонов, получая 100—200 песо с «головой». Бедных девушек часто побоями заставляют заниматься позорным ремеслом.

Немалую роль играет спрос, в первую очередь спрос американской солдатни. На Филиппинах базируется 7-й американский флот и 13-я воздушная армия. Главные улицы городов Олонгапо и Анхелес-Сити, расположенных поблизости от военно-морской и военно-воздушной баз, являют по ночам уникальное зрелище: это сплошной ряд увеселительных заведений, перед которыми сидят девушки; среди них-то подвыпившие янки выбирают себе временных подруг. Когда в манильский порт заходит американский военный корабль, услуги предлагают прямо у пирса.

Такая разнузданность прикрывается импортированными с Запада словечками «позволительность», «позволительное общество». Но это касается в основном элиты. В «свете» царит кажущаяся свобода нравов, в обществе можно услышать такую шуточку, что трудно сохранить невозмутимый вид. «Золотая молодежь» употребляет наркотики, крутит дома порнографические фильмы, посещает сомнительные заведения. Родители знают обо всем, но в «воспитательных целях» не возражают. Кроме того, честь семьи это непосредственно не затрагивает.

У людей победнее совсем не так. Здесь по-прежнему действуют суровые принципы половой морали. От детей, особенно дочерей, требуют строгого поведения. За ними следит прежде всего мать, поэтому молодым людям

очень важно добиться ее расположения, завоевать ее благосклонность. Впрочем, в городе окончательный выбор спутника жизни — дело самих детей. В случаях когда согласие родителей получить не удастся, молодые пары венчаются тайно (по-тагальски это называется *каливанг касал* — «левый брак») — подобная практика распространена довольно широко. Но затем неизбежно происходит примирение с родителями, которые обязаны простить ослушников: мир в семье должен быть восстановлен. Если родители окажутся непреклонными, их будут считать жестокими и бессердечными и подвергнут осуждению. В подобной ситуации немалая роль принадлежит человеку, чьим бата является отец невесты: молодые обращаются к нему за содействием, и он улаживает конфликт. В деревне это обычно помещик, в городе — начальник. Таким образом, женское «своеволие» принимают снисходительно.

В целом к женщине относятся с глубоким уважением, и, надо сказать, филиппинки его вполне заслуживают. Мягкость в обращении, преданность и самоотверженность, чуткость и деликатность делают их необычайно приятными. К этому следует добавить удивительную грацию и привлекательность — нет, вероятно, в мире другой страны, столь богатой красавицами. Как ни оправданно скептическое отношение к конкурсам красоты, все же показательно, что на подобных международных соревнованиях филиппинки неизменно занимают почетные места и дважды завоевывали титул «мисс Вселенная».

НРАВСТВЕННЫЕ НОРМЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ФИЛИППИНЦЕВ

На Филиппинах младший повинуетя старшему, «маленький человек» — «сильному». Но что лежит в основе такого поведения? Какой «категорический императив»? Как необходимость подчинения преломляется в сознании индивида? Чтобы ответить на эти вопросы, надо сделать попытку разобраться в некоторых нравственных принципах, господствующих в филиппинском обществе, в тех ценностях (т. е. установках, повелениях и запретах, выраженных в форме нормативных представлений о добре и зле, справедливости, назначении человека), в которых обобщается социальный опыт.

Принцип ўтанг на лобб. Социальная интеграция филиппинцев обеспечивается наряду с другими факторами действием некоторых особенностей психики, объясняемых характером культуры и типом деятельности. И сами они, и иностранные исследователи, изучавшие жизнь их общества, в один голос утверждают, что любая группа здесь — будь то семья, соседская община и т. д. — удерживается от распада взаимными обязательствами, выполнение которых считается священным долгом ее членов.

Разумеется, принцип взаимности — универсальный принцип поведения людей. Но филиппинцы придают ему особое значение, и он оказывает на них колоссальное влияние. Этот принцип, понимаемый как обязанность отплатить за услугу, предполагает, что оказывающий ее вправе рассчитывать на благодарность, причем характер ответной услуги и ее объем определяются статусом лиц, вступающих в подобные отношения.

Филиппинцы различают три вида взаимозависимости. Первый — просто долг, по-тагальски *ўтанг*. Под этим понимается денежный долг или обязанность совершить определенные действия, вытекающая из договорного начала. Примером такого рода отношений может служить совместная работа крестьян в поле, договоренность о поочередной обработке участков. Каждый знает, чего от него ждут и в какое время, и тут никаких сомнений не возникает: «Я работал на твоём поле, ты — на моём, поля примерно одинаковы, и мы в расчёте». Словом, по выполнении обязательств стороны больше ничем не связаны: они могут разойтись и никогда не вступать ни в какие отношения. Конечно, нарушение договора влечёт определённые санкции — нарушителю впредь никто не будет помогать.

Несколько сложнее обстоит дело при так называемой псевдодоговорной взаимности. Здесь ни условия, ни время ответной услуги заранее не устанавливаются, но предполагается, что она будет оказана, как только потребуется. Примером таких взаимоотношений может служить *абўлой* («помощь», «субсидия»). В случае смерти кого-либо из членов общины остальные (за исключением тех, кто находился в открытой вражде с покойным) оказывают осиротевшей семье посильную помощь. Семья, которую постигло несчастье, тщательно запоминает и даже запи-

сывает, сколько от кого получено. Никто не требует вернуть этот долг, но когда кто-нибудь умирает в семье, ранее пришедшей на помощь, она, в свою очередь, вправе ожидать денежной поддержки и обычно получает точно такую же сумму. При подобной взаимозависимости известен объем ответной услуги, но не время ее оказания.

Однако сразу же следует сделать оговорку. Если обе стороны принадлежат к «маленьким людям», то дается такая же сумма, какая в свое время была получена. Но при разном статусе семей положение несколько меняется: «сильные люди» дают больше — столько, сколько «маленькие люди» дать не в состоянии. Тогда, чтобы смягчить унижительность ситуации, «маленькие люди» расплачиваются собственным трудом: помогают устроить поминки, которые справляются трижды (в первую, третью и девятую ночь после смерти), роют могилу и т. д. Кроме того, они обязаны присутствовать на заупокойной службе и на похоронах.

Иногда они открыто просят оказать именно денежную помощь («мы хотели бы получить деньги, а не цветы»), и это понятно: надо заплатить по счетам больницы, священнику, устроить поминки. И «сильные люди» дают. «Не дать нельзя, — поясняла хозяйка дома, где я жил. — Иначе, когда понадобится их помощь, они откажут, и будет неловко». Так обстоит дело при псевдодоговорной взаимозависимости: долг выплачивается «по возможности», определяемой статусом лиц, и в непредсказуемые сроки.

Но самое главное обязательство филиппинца — его «внутренний долг», или по-тагальски *ўтанг на лооб* (это обязательство под иными названиями существует у всех народностей страны). Концепция *ўтанг на лооб* исключительно важна для правильного понимания поведения филиппинца. Не раз приходилось слышать, что, строго говоря, вся его жизнь — это уплата «внутреннего долга». Им связаны прежде всего родственники, но он может распространяться и на других людей.

Суть этого принципа состоит в том, что человек ощущает себя неоплатным должником тех, кто ему помогает. Филиппинец, которому оказали услугу, чувствует себя нравственно обязанным по отношению к оказавшему ее: он испытывает внутреннюю потребность сделать для него все, что в его силах, иначе его будет мучить глущо-

кая неудовлетворенность, могущая повлечь даже серьезное психическое расстройство. В отличие от предыдущих видов взаимных обязательств, при отношениях «внутреннего долга» ни объем ответной услуги, ни время ее оказания не определяются. Как грустно заметил один мой знакомый, с которым мы долго обсуждали эту проблему, «никогда не знаешь, оплатил ты уже или нет. Это никогда не кончается». Человек, принимающий услугу, как бы обязывается всю жизнь быть благодарным своему благодетелю, и только смерть может положить конец отношениям утанг на лооб. Каждый филиппинец должен осознавать свой «внутренний долг». Сказать, что какой-то человек не признает его, — значит нанести смертельное оскорбление. Напротив, слова «он действительно выполняет утанг на лооб» звучат как высшая похвала и свидетельствуют, что он является достойным членом общества. Не случайно тагалы никогда не произносят слова «утанг на лооб» всуе — для них они полны почти священного смысла. Существует даже поверье, что человек, не признающий «внутреннего долга», непременно ослепнет.

В подобных отношениях, возникающих между лицами, одно из которых оказывает услугу другому (безразлично, просили о ней или нет), самое характерное — невозможность количественно измерить объем услуги и воздать соответственно. Когда помещик помогает голодающему крестьянину, важно не то, что он дал 40—50 кг риса, а то, что принял участие в судьбе крестьянина, показал ему свое безразличие. И расплачиваться здесь приходится не только за мешок риса (это само собой разумеется, причем с огромными процентами), но — и это главное — за участие. Ценен не размер услуги, а сам факт ее оказания, мешок риса не столько товар, сколько символ особых связей между крестьянином и землевладельцем, и первый должен платить преданностью, повиновением, безоговорочной поддержкой. Вопрос о переплате не ставится: переплатить можно за товар, здесь же получающая сторона видит прежде всего доброе к себе отношение, а за него сколько ни плати — все мало.

Стоимость услуги имеет подчиненное значение, она лишь свидетельство того, что между сторонами существует утанг на лооб. Крестьянин должен постоянно подтверждать, что он помнит об этих тесных, сугубо личных

связях с помещиком, он должен постоянно давать доказательство того, что не забыл услуги. Вот почему он несет помещику дюжину яиц, хотя долг за рис уже давно выплачен, берется (бесплатно!) работать в его имении. За это он вправе ожидать, что, когда настанет трудная минута, хозяин вновь ссудит его рисом. Понятно, что если даже простая услуга вызывает столь далеко идущие последствия, то, скажем, помощь крестьянскому сыну в получении образования или посылка лекарства для больной жены воспринимаются как подлинное благодеяние и прочными путями привязывают крестьянина к помещику. Для уплаты «внутреннего долга» годится все: и голос избирателя (плюс голоса взрослых членов семьи), и работа в качестве слуги — словом, неважно чем платить, важно просто платить всеми доступными по положению в обществе средствами.

А поскольку положение в обществе у разных людей разное, постольку говорить о равенстве, якобы порождаемом взаимозависимостью, вытекающей из принципа «внутреннего долга», не приходится. Нетрудно понять, в чью пользу складывается баланс: «маленькие люди» неизменно оказываются в проигрыше, в такого рода отношениях один выступает как хозяин, другой — как его бата.

В самом неоплатном долгу филиппинец находится перед родителями, давшими ему жизнь. За это невозможно расплатиться, и до седых волос он чувствует себя глубоко обязанным и повинуется им. Он понимает, что, рождая его, мать мучилась и подвергалась опасности, поэтому с нею устанавливаются более теплые, более интимные связи, чем с отцом, «внутренний долг» по отношению к ней осознается отчетливее.

Выполнение обязательств, вытекающих из принципа утанг на лооб, порождает особую близость между родственниками, а отказ выполнять подобные обязательства — горькое чувство, вызванное тем, что он представляется как разрыв самых священных уз, гарантирующих бытие филиппинца и составляющих его сущность. Внутренне это ощущается буквально как утрата своего «я», как крушение мира, ибо «я» неотделимо от «мы». В кругу родственников и других близких людей взаимозависимость воспринимается обычно не как навязанная извне необходимость, а как естественное и единственно воз-

можное состояние — только в этом кругу и мыслимо нормальное существование.

Система утанг на лооб обеспечивает филиппинцу душевное равновесие, дает надежное пристанище среди житейских бурь. Пусть весь мир холоден и враждебен — человек может укрыться от него среди людей, связанных с ним отношениями «внутреннего долга». Здесь все по-настоящему, здесь не обидят, не оттолкнут, не отвергнут. Только эти отношения позволяют чего-то добиться за пределами семьи: они ведь устанавливаются и между «маленькими» и «сильными людьми». Несколько примеров помогут понять механизм действия концепции «внутреннего долга».

... В филиппинском обществе высоко ценится образование. Если родственник или друг семьи берет на себя плату за обучение молодого человека, то между ним и его подопечным (а также и его родственниками) завязываются отношения утанг на лооб. Выучившись, молодой человек может сполна возместить все расходы по обучению (этого, впрочем, никто не требует), но все равно всю жизнь будет обязан своему благодетелю. Обычно в роли последнего выступают «сильные люди», которые тем самым получают преданных сторонников, нередко же — старшие братья и сестры.

... Бедный родственник живет в доме у богатого. Он (чаще она) делает какую-то работу по хозяйству — это расценивается не как прямая плата за кров, а как выражение «внутреннего долга». Бывает, работа очень тяжелая, такая, какую делают слуги. Но есть существенное отличие в положении данного родственника и слуги: первый всегда ест за общим столом, имеет право приказывать второму.

... В отдаленных уголках все жители деревни находятся в отношениях «внутреннего долга» с повитухой и местным знахарем, которые помогли появиться им на свет и лечили во время болезни, а потому они считают себя обязанными им.

... Ссуда также может породить отношения утанг на лооб. Обычно здесь речь идет о договорной и псевдодоговорной зависимости, но если деньги даны в исключительно трудную минуту, да еще под малый процент, должник чувствует себя обязанным займодавцу и после расчета. «Денежный долг выплатить легко, внутренний

долг не выплатишь никогда» — говорится в филиппинской пословице.

... Официальное лицо чем-то помогло просителю. Если помощь не вытекает непосредственно из его прямых обязанностей или даже сопряжена с некоторым — пусть незначительным — нарушением их (например, «протолкнуть» вне очереди бумаги), то проситель становится в отношении «внутреннего долга» к этому лицу и чувствует настоятельную потребность отблагодарить его, чтобы не нарушать общепринятых норм нравственности и самому себе не казаться моральным уродом. Благодарность чаще всего принимает форму подношения — несколько песо, посылка благодетелю съестного (принятый способ выражения признательности), приглашение на обед или в ночной клуб.

Примечательно, что это рассматривается не как взятка, а как признак того, что благодетельствованный принимает услугу, на что указывает подношение. Опять-таки важен сам факт, а не стоимость ответной услуги. Достаточно дающему сказать *ítang na lobb iyan* («это — внутренний долг»), и он снимает с себя подозрение в попытке подкупить должностное лицо. Нельзя отрицать, что граница между взяткой и привычным для филиппинца выражением благодарности, с нашей точки зрения, чрезвычайно зыбка и расплывчата. Для него же она весьма ощутима: если человеку суют несколько песо до того, как он оказал услугу, это — подкуп, взятка (поступок недостойный и неприличный), а если *после* — всего лишь выполнение «внутреннего долга», и выразить признательность в виде тех же нескольких песо считается естественным. Поэтому, говоря о потрясающей коррупции на Филиппинах, следует быть осторожным: иногда то, что с позиции человека иной культуры квалифицируется как продажность и коррупция, с филиппинской точки зрения является нормой поведения, таким же простым знаком благодарности, как наше «спасибо». Речь, конечно, идет о субъективном понимании данных отношений, объективно это, несомненно, недозволенная мзда, преследуемая — впрочем, без всякого успеха — законом.

Кстати, по той же причине надо быть осмотрительным, когда вам преподносят подарки. Разумеется, филиппинцы отлично знают, что представления других народов о допустимом и недопустимом иные, а потому вовсе не

требуют от иностранцев выполнения своих правил. Все же нужно учитывать, что подарок может свидетельствовать не просто о желании пресподнести вам оригинальный сувенир, но и о попытке вступить в отношения «внутреннего долга». Не то чтобы вас сразу «берут в полон», но не исключено, что ожидают некоторых услуг. Лучше всего тотчас же отдарить чем-либо, это будет означать, что на сем ваши отношения закончены: «Вы нравитесь мне, я — вам, и только». Если же вы запоздали с ответным подарком, это может означать, что вы подтверждаете установление «особых отношений» с дарителем (как в случае с чиновником: вы даете *после* и тем самым подтверждаете, что вам важен не сам дар, а факт дара, вы это цените и готовы отплатить «по возможности»). Ну, а если затем вас попросят о какой-то услуге и вы откажетесь ее выполнить, вы рискуете прослыть человеком без «внутреннего долга», который берет и не дает. Примечательно, что сами филиппинцы, получив подарок, стремятся немедленно ответить тем же.

Разумеется, в самом чувстве благодарности к оказавшему услугу нет ничего дурного. Но для филиппинца это чувство не имеет предела и не исчезает никогда. Поэтому он очень осторожно устанавливает контакты с людьми, не связанными с ним отношениями «внутреннего долга». Помощь с их стороны может иметь неприятные последствия. Во-первых, сразу привлечет внимание к его бедственному положению и понизит его престиж, которым он очень дорожит. Во-вторых, это будет означать, что человек не надеется на помощь тех, кто уже связан с ним отношениями утанг на лооб (страшное оскорбление для них), и он рискует получить репутацию «не признающего внутреннего долга» и, следовательно, не заслуживающего никакой помощи. Наконец, в-третьих, — самое существенное — филиппинец просто опасается, что он увеличит свою задолженность и новая услуга извне свяжет его, а он и без того уже обременен обязательствами в своей группе.

Лучше всего не лезть бесцеремонно с предложениями помощи: это может быть расценено как попытка поработить человека. Всегда надо подождать, когда вас попросят об услуге. На практике подобная установка приводит к явлениям, непонятным людям из общества с иной культурой и даже неприятным для них. Так, если

на улице споткнулся и упал человек (даже женщина), обычно никто не поможет ему встать. Дело не в отсутствии элементарных, по нашим меркам, представлений о вежливости. Как раз наоборот: с точки зрения филиппинцев, предложить в этом случае помощь — значит навязать свои услуги (а по отношению к женщине — делать совершенно недопустимые авансы, фактически «приставать» к ней), чего они всячески избегают. Их понятия о дозволенном и недозволенном, о приличном и неприличном диктуют им именно такое поведение.

Показателен случай, происшедший с одним американским социологом, изучавшим жизнь филиппинского барангая и с этой целью поселившегося в деревне. Он пытался жить жизнью филиппинского крестьянина, но на первых порах из-за неумелости терпел всякие лишения. И тем не менее никто не пришел на помощь, хотя промахи его были очевидны. Объяснялось это отнюдь не недостатком сочувствия. Позднее, когда социологу удалось установить с жителями деревни отношения «внутреннего долга», он спросил, почему вначале никто не помог ему, хотя он очень нуждался в этом. Жители деревни ответили, что у них сердце обливалось кровью при виде его страданий, но они боялись обидеть его предложением непрошенных услуг. Раз он сам не обращался к ним, значит, не желал установить с ними отношения утанг на лооб, а филиппинец никогда не станет навязывать услугу, если наперед не будет уверен, что ее примут. Вопрос это очень деликатный, отказ ставит того, кто предлагает помощь, в неловкое положение, ибо означает, что с ним не желают иметь дела. Расширить круг знакомых, друзей не так-то просто — тут надо быть очень осторожным.

В результате получается, что естественное чувство благодарности гипертрофируется. Вместо того чтобы сближать людей, оно способствует их разобщению. Система утанг на лооб регламентирует все поступки, сказывается в частной, общественной, государственной жизни, затрагивает и область внешней политики. В настоящее время на Филиппинах заметно усиливаются антиамериканские настроения, прежде всего вызванные чрезмерной политической, экономической и военной зависимостью от США. Но на рост этих настроений влияют и некоторые психологические факторы. Раньше американ-

ские колонизаторы — во всяком случае, наиболее дальновидные их представители (такие, как Дуглас Макартур) — всегда принимали в расчет психологию филиппинцев и старались изобразить США в качестве бескорыстного друга. Политика, которая проводилась не в грубых формах откровенного колониализма, а прикрывалась словами о «сотрудничестве равных партнеров», порождала у части населения, в первую очередь у лиц, извлекавших выгоду из этого сотрудничества, веру в то, что «дружба» с США — благо для страны.

В годы второй мировой войны Филиппины сражались на стороне Америки и в ходе военных действий понесли огромные потери. В свое время президент Ф. Д. Рузвельт заявил, что «США заплатят Филиппинам за каждого цыпленка, потерянного в войне». После войны, однако, претензии Филиппин на возмещение ущерба были найдены завышенными и раздутыми. Не касаясь фактической суммы ущерба, можно сказать следующее. Разговоры о чрезмерности претензий звучат для филиппинцев оскорбительно. Они считают, что, откликнувшись на призыв американцев и понеся потери, вступили в отношения «внутреннего долга» с Соединенными Штатами. По их мнению, возмещение ущерба — моральная обязанность США, это находится в полном соответствии с филиппинскими понятиями о нравственности.

В Вашингтоне подобное заявление встретили недоумением и даже насмешками, не понимая, видимо, что уплата наличными — не единственный способ отношений между государствами. Филиппинцы же полагают, что США не могут быть другом, раз они нарушают естественные моральные обязательства: не платят того, что надо платить, и, напротив, предлагают помощь там, где само слово «помощь» звучит унижительно. Сейчас обозначились некоторые признаки того, что американцы стараются учитывать психологические моменты и пытаются сгладить неприятное впечатление от своих неуклюжих акций. Это выражается в интересе к местной культуре, в том, что резкие суждения в адрес Филиппин, которыми раньше изобиловала американская печать, попадают все реже, а также в подчеркнутом уважении к местному национализму.

Внутри страны традиционная система утанг на лооб особенно отчетливо проявляется в работе государствен-

ного аппарата. Готовность «порадеть родному человечку» ценится превыше всего. Если филиппинец занял высокий пост, никакой служебный долг не освобождает его от выполнения обязательств утанг на лооб, что на практике означает поддержку «своих людей» всеми доступными законными (а если надо — и противозаконными) средствами. Не удивительно, что нередко служебное положение используется отнюдь не в интересах дела. Здесь кроется одна из причин коррупции и фаворитизма, разъедающих филиппинское общество.

Та же система выполняет роль своеобразного амортизатора, призванного смягчать остроту классовых противоречий. Нет сомнения, что на отношениях, вытекающих из принципа «внутреннего долга», спекулируют господствующие классы. Представители его, «сильные люди», сознательно культивируют эти отношения. Бросая «маленьким людям» кое-какую подачку, в сущности совершенно необременительную для своего кармана, они прочно приковывают их к себе. Капиталист берет рабочего на работу, помещик сдает в аренду крестьянину землю. И это в порядке вещей: капиталист не может существовать без рабочих, равно как и помещик — без крестьян. Но субъективно многие трудящиеся из-за неразвитого еще классового самосознания воспринимают это как милость, как неоплатимую услугу, за которую надо платить. Тем самым они как бы обязуются сотрудничать с эксплуататорами, помогать им и уж ни в коем случае не выступать против них.

Не будет преувеличением сказать, что именно система «внутреннего долга» «повинна» в том, что, несмотря на вопиющее экономическое неравенство, в стране существует особая, специфически филиппинская форма классового сотрудничества. Конечно, эта система далеко не всеобъемлюща. Передовые рабочие и крестьяне отлично понимают реальное положение вещей и активно участвуют в борьбе за свои права. Но немало тружеников все еще видят в угнетателях благодетелей. Система утанг на лооб реакционна не сама по себе, однако в конкретных условиях современных Филиппин она, несомненно, играет отрицательную роль. Не случайно практически во всех программных документах прогрессивных организаций говорится, что, хотя члены организации безусловно должны помогать друг другу, помощь не следует рас-

смагивать как основание для установления отношений «внутреннего долга». Это и понятно: если допустить безраздельное господство данной системы, она довольно быстро превратит любую организацию не в союз единомышленников, объединенных общими идеями, а в союз людей, связанных взаимными обязательствами, которые почитаются более важными, чем принципы.

Из сферы трудовых и иных отношений система утанг на лооб постепенно вытесняется. Иллюстрацией может служить диалог, который происходил при мне. Влиятельный сенатор, используя личные связи, добился освобождения из-под ареста одного прогрессивного деятеля. Он рассчитывал на ответную благодарность, на то, что благодетельствованный им человек будет испытывать к нему чувство «внутреннего долга» и это позволит сенатору проводить свое влияние в левых кругах. Однако, когда тот пришел выразить свою признательность, сенатор услышал следующее:

— Большое спасибо за помощь, сенатор. Но я хотел бы все поставить на свои места. Вы прекрасно знали, что меня арестовали незаконно. Ваш долг, долг выборного должностного лица, требовал восстановить поправную справедливость. Вы сделали только то, что должны были сделать. А потому имейте в виду — я не чувствую себя связанным (по-тагальски «не имею») «внутренним долгом» с вами. За помощь спасибо, но больше я вам ничем не обязан.

— Хорошо, хорошо, — ошеломленно сказал сенатор, хотя ему было явно нехорошо.

Приведенный диалог позволяет сделать вывод, что оба собеседника признают существование концепции «внутреннего долга». Но это как раз и свидетельствует о ее недостаточной силе, ибо обычно люди не осмысливают норм, которые установились прочно и принимаются всеми. И, уж конечно, сам ответ достаточно характерен: один из участников прямо заявляет, что он не желает следовать этим нормам, по крайней мере в данном случае. Однако для большинства филиппинцев утанг на лооб остается священным и нерушимым.

Принцип хийд. Человек, не признающий «внутреннего долга», подвергается всеобщему осуждению и лишается права на защиту. Если же он признает свой «внутренний долг», это означает, что у него есть *хийа*. Слово

«хийа» обычно переводится как «совесть», «стыд», а также «самолюбие», «честь» «застенчивость» и «скромность». Иначе говоря, под ним подразумевается целая концепция, выражающая общепринятые в филиппинском обществе понятия, которые указывают, как должен вести себя человек. Система хийа обслуживает систему утанг на лооб: нарушитель «внутреннего долга» почитается человеком *уаланг хийа*, т. е. «бессовестным» или «не знающим своего места», «не признающим правил морали». Такой человек исторгается из общества людей, связанных взаимными обязательствами, становится отверженным. Поэтому назвать кого-нибудь уаланг хийа — значит вынести самый страшный приговор.

Хийа — острое, болезненное чувство, боязнь остаться как бы обнаженным, неприкрытым, страх быть покинутым, а в более серьезных случаях — страх «потерять душу»; не материальные блага и даже не саму жизнь, а нечто более важное — свое *ego*, свое «я»⁶. И, когда возникает опасность ущемления «я», возможны самые неожиданные, на наш взгляд, вещи, то, что мы определяем как неадекватную реакцию, вплоть до готовности пустить в дело нож или пистолет. Чувство жгучего стыда возникает, когда человек попадает (или боится попасть) в социально неприемлемое положение, совершает (или боится совершить) действие, которое может вызвать осуждение.

... Старинное правило поведения тагалов требует: «Если тебя пригласили на свадьбу, не садись на главное место: может прийти гость почетнее тебя, и тогда хозяин скажет „освободи место” и ты перейдешь на последнее место с великим *стыдом*».

... В классе на уроке присутствует посторонний. Учитель задает вопрос. Дети произвольно закрывают рот ладошкой и даже сползают под парты, лишь бы не быть вызванными: не дай бог, ответишь что-нибудь не так — будет *стыдно*.

... Школьница тайком ест орехи на уроке и вдруг ро-

---

⁶ Концепция хийа сходна с китайской концепцией «лица», которое так важно «не потерять». Интересно, что в тагальском языке слово «лицо» употребляется в значении «стыд». Если нужно сказать, что у данного человека нет совести, можно употребить выражение уаланг хийа либо, что то же, *уаланг мукха* — «нет лица» (или у него «толстое лицо»).

няет их. Все смеются, а бедная девочка невероятно сконфужена. Через некоторое время она переводится в другую школу: ей *стыдно*, о ней узнали то, чего не должны были знать.

... На лекции в университете преподавательница, увлекшись темой, забыла о времени (звонков там нет) и продолжает занятия, хотя студентам уже пора быть в другой аудитории у другого преподавателя. Все с надеждой смотрят на студента-иностранца и кое-кто шепчет ему: «Скажи ей, что мы опоздали на следующую лекцию». На вопрос, почему они сами этого не сделают, следует ответ: «Тебе можно, ты иностранец, а нам *стыдно*».

Чрезмерная чувствительность к мнению других воспитывается с детства. Ребенка с ранних лет приучают ощущать неловкость, если он допускает промах, особенно в присутствии старших. Любое замечание воспринимается как трагедия. Ученик покидает школу только из-за того, что учитель резко отозвался о его работе или просто не похвалил его, когда хвалил других; рабочий увольняется, рискуя надолго остаться без работы, если босс сделал ему замечание; с работодателями-иностранцами, особенно американцами, не желают иметь дела, даже если они платят больше, потому что, по местным стандартам, они нестерпимо грубы и в глаза говорят все, что думают о своих подчиненных, — словом, ведут себя, как «бессовестные люди».

Филиппинцы стараются избегать критических замечаний, чтобы не задеть критикуемого. Вот почему нередко скверно сделанная работа оценивается так же высоко, как и отличная (и в учебном заведении, и на предприятии, и в учреждении). Дух соревнования совершенно отсутствует, а если проводятся конкурсы, то число призов обычно соответствует числу участников, так что все остаются довольны, никому не бывает стыдно, неловко. На научных конференциях и семинарах присутствующие внимательно следят за настроением друг друга: резкий отзыв или просто дотошное выпрашивание могут задеть докладчика, вызвать состояние угнетенности или резкую ответную реакцию.

Об обостренном самолюбии филиппинцев лучше всего сказал их национальный герой — выдающийся писатель, поэт и ученый Хосе Рисаль:

«Народы Востока вообще, а малайцы в частности —

народы чувствительные, им присуща утонченность чувств. Мы видим, что даже сегодня, несмотря на связи с западными народами, идеалы которых отличны от его идеалов, филиппинский малаец может пожертвовать всем — свободой, удобствами, благосостоянием, репутацией во имя какого-либо стремления или суетной идеи, будь то идея религиозная, научная или какая-то другая. Но достаточно незначительного слова, задевающего его самолюбие, и он забудет все свои жертвы, весь затраченный труд и навсегда запомнит и уже не забудет оскорбления, которое, как он полагает, было ему нанесено».

Система хийа предписывает не выделяться, знать свое место. Она же диктует необходимость защищать весьма своеобразно понимаемую честь всеми доступными средствами. Поскольку индивид неотделим от группы лиц, связанных с ним отношениями утанг на лооб, постольку увеличивается возможная «площадь поражения» и его может задеть многое, что, с точки зрения человека иной культуры, кажется пустяком. Филиппинцу бывает «стыдно», когда он сам нарушает какие-то нормы и когда покушаются на священные для него установления и отношения. В первом случае реакцией будет пассивность (отсюда широко распространенное мнение о робости и безынициативности филиппинцев), во втором — резкое действие, агрессивность (отсюда столь же широко распространенное мнение об их крайней импульсивности и вспыльчивости).

Преувеличенная (с позиции стороннего наблюдателя) боязнь попасть в неловкое положение приводит к стремлению уйти от конфликта, избежать возможного афронта, к отказу от даже весьма умеренного риска. Постоянно преследует страх: «вдруг что-нибудь выйдет не так, об этом узнают другие и будет стыдно». Этим объясняется настороженность ко всякого рода нововведениям — лучше придерживаться добрых, испытанных временем обычаев. Опасение нежелательных последствий нередко влечет за собой уклонение от самого действия, могущего привести к таковому.

Все, что происходит с человеком, предопределено, на роду написано. И если он остался без денег, это не из-за непредусмотрительности, просто «так уж было суждено, от судьбы не уйдешь». Такая «философия» помогает

устоять в самых критических обстоятельствах, но в целом оправдывает бездействие.

Чтобы не попасть в положение уаланг хийа разумнее вообще ничего не предпринимать и уповать на то, что все образуется само собой, *бахала на анг Диос*, как говорят тагалы («пусть бог сам отвечает»), или просто *бахала на*, что примерно соответствует русскому «авось», «будь что будет».

Данной фразой прикрывается фаталистическое, пассивное отношение к жизни: «Ты уверен, что тебе удастся это?» — *Бахала на*. «Не трать последние сентаво на ненужные вещи, ведь детям нечего есть». — *Бахала на*. «Зачем ты ставишь последние гроши на петушиных боях?» — *Бахала на*. «Надо закрепить колесо на машине». — *Бахала на*. «Почему ты пришел на занятия, не приготовив задания?» — *Бахала на*.

Чувствительность к престижу, легкая уязвимость, обостренное самолюбие объясняет и агрессивность филиппинцев. Это отражается в пословицах: «Удар ножа не так ранит, как слово», «Лучше быть убитым, чем попасть в положение уаланг хийа (бессовестного)». Оскорблением считается и пренебрежительное высказывание об одежде, и нечаянное столкновение в толпе, и, естественно, нелестный отзыв о родственнике (за это могут и жизни лишить).

«Сильный человек» способен прийти в негодование просто из-за «вызывающего вида» (нередки драки, ссоры и даже убийства по этому поводу в местах общественных увеселений), «маленькому человеку» в ряде случаев приходится глотать обиду. Впрочем, когда затрагиваются самые глубины души, то и у него реакция бывает страшной. Речь идет об *амоке* — неоднократно описанном в литературе состоянии бешенства, безумия, при котором человек становится неуправляемым, одержимым, убивает всех без разбора, а потом себя. Мало кто выживает после такого приступа, уцелевшие же абсолютно ничего не помнят о том, что произошло.

О случаях *амока* довольно часто сообщают газеты, многое мне рассказывали знакомые. Обычно этому состоянию бывает подвержен бедняк, чаще всего отец семейства, который незадолго перед тем пережил какое-то потрясение, вызванное материальными затруднениями (увольнение с работы, отказ в денежной ссуде и т. п.).

Нередко глава семьи убивает жену и детей, а затем всех подвернувшихся под руку, пока его не прикончат.

Вот факт, который допустимо считать более или менее типичным. В порту города Себу, на пирсе, сорокалетний человек убил жену, пятерых детей, двух посторонних людей и тяжело ранил еще одного, прежде чем его пристрелили. Все это произошло за пять-шесть минут. Следствие показало, что убийца был крестьянином, который, соблазнившись рассказами о привольной жизни на Минданао⁷, решил попытать счастья на новом месте. Он продал все, что имел, но вырученных денег не хватило даже на билеты. Несколько дней семья жила на пирсе, потом деньги вышли, и произошла катастрофа.

Подоплека этого события достаточно очевидна. Измученный нуждой человек снялся с насиженного места, порвал связи с близкими людьми (субъективно уже одно это воспринимается как необычайно серьезный шаг: человек как бы «ампутировал» свою личность). Будучи главой семьи, он отчетливо сознавал ответственность перед женой и детьми, и, когда нечем стало кормить их, наступила трагическая развязка. Все это должно было неизбежно представляться как полный распад личности, разрушение «я». И гибнущая личность, уже находясь за гранью безумия, предприняла последнюю, несомненно патологическую, попытку самоутверждения.

Во всех случаях амока отчетливо прослеживаются одни и те же обстоятельства: бедственное положение, а отсюда невозможность выполнить свои обязательства по отношению к близким, что субъективно означает конец существования, и нередко конец кровавый. Амок, столь характерный для малайских народов, есть форма протеста против общей неустроенности жизни, крайнее проявление системы хийа⁸. Социальный смысл данной системы состоит в том, что человек боится оторваться от своей группы: для него это равносильно окончательной гибели, ибо разрываются самые священные узы, составляющие личность. В филиппинских условиях именно через принцип хийа устанавливается связь с обществом в

---

⁷ Относительно мало освоенный остров на юге Филиппинского архипелага.

⁸ Сами филиппинцы не склонны усматривать состав преступления в действиях человека в состоянии амока, которое они считают состоянием неменяемости.

сфере морали и нравственности, этот принцип служит инструментом социализации. Он, как и принцип «внутреннего долга», поддерживает единообразие поведения, в нем заключено наказание за пренебрежение к общепринятым нормам. Система хийа служит защитным механизмом и за неимением лучшего в какой-то степени оберегает «маленьких людей», однако она отнюдь не мешает и «сильным». Рабочий, требующий улучшения условий труда, — нарушитель норм поведения, человек уаланг хийа («неблагодарный, ему дали работу, а он...»), крестьянин, недовольный условиями аренды, — тоже уаланг хийа («да ведь он и жив-то лишь благодаря помещику»). Эта система предполагает одобрение поступков индивида извне, со стороны влиятельных лиц. «Маленькому человеку» далеко не безразлично, что о нем думает «сильный», и оба всегда это учитывают. Налицо страх конфликта с «сильным человеком», страх подвергнуть свое «я» опасности. Концепция «я» везде строится в соответствии с ожиданиями общества, а поскольку филиппинское общество строго иерархично, постольку самое главное — оправдать ожидания старших, начальства, вообще «сильных людей». Отсюда стремление соответствовать ожиданиям, стремление к выполнению всех установлений, к подавлению любых проявлений протеста.

Теоретически принцип хийа свидетельствует о недостаточном развитии индивидуальности, о том, что человек еще не оторвался от рода и связан с ним, как пуповиной, этим принципом. Личность может относиться к обществу по-разному. В классово-антагонистическом обществе для нее характерно либо отчетливое сознание своей отдельности, отчужденности (и как результат — неприятие, бунт), либо конформизм, что предполагает необходимость на каждом шагу оглядываться на окружающих, не поступать вразрез с действиями других и вопреки их ожиданиям. Последнее есть удел многих филиппинцев. Преобладает стремление раствориться, причем даже не в обществе в целом, а в какой-то группе, прежде всего в группе родственников, вообще людей, связанных отношениями «внутреннего долга». Человек ищет укрытия и безопасности в этом убежище и защищает его всеми наличными средствами. Филиппинцу бывает очень трудно решать вопросы самостоятельно, и он старается уйти от них. Отсюда робость и застенчивость.

Но робость и застенчивость сменяются резкостью, напористостью (с точки зрения стороннего наблюдателя — даже агрессивностью), когда он выступает как член группы, с которой слит.

Часто приходится слышать, особенно от образованных филиппинцев, что принцип хийа есть проявление «колониального мышления» и, как таковой, служит главным тормозом на пути развития страны. С этим едва ли можно согласиться. Данная система сложилась задолго до колониального периода. Колониализм не породил, а лишь использовал ее. Она — следствие определенного уклада жизни, никак не его причина, и только изменения в укладе могут изменить саму систему. Пока же она выполняет вполне определенную защитную функцию, что отмечалось ранее, и в рассматриваемых конкретных условиях играет реакционную роль. В каких-то иных условиях она могла бы содействовать воспитанию скромности и человеческого достоинства. Основное препятствие развитию страны заложено не в системе хийа и вообще не в сфере морали и нравственности, где лишь отражается социальная действительность, а в самой этой действительности.

Для филиппинцев понятие хийа полно почти священного смысла, и его широко используют в политической борьбе. В ноябре 1969 г., во время предвыборной кампании, президент Маркос, добивавшийся (и добившийся впервые в истории страны) переизбрания на второй срок, выступил перед избирателями. Его речь транслировалась по радио и телевидению. Каждое предложение этой речи, которая была построена в виде пунктов обвинения против кандидата от оппозиционной либеральной партии, сенатора Серхио Осменья-младшего, словно рефреном, заканчивалось восклицанием *накакахийá* — «стыдно!» Это произвело колоссальное впечатление. Западные газеты писали, что «президент нашел удачное туземное слово, буквально наэлектризовавшее слушателей». Данный факт свидетельствует как о силе системы хийа, так и о понимании политическими лидерами страны психологии своих соотечественников.

Принцип пакикисáма. Постоянное опасение нарушить «внутренний долг» и попасть в положение уаланг хийа, определяет поведение филиппинца. Все ясно в отношениях с близкими людьми, там, где есть утанг на лооб, а также с теми, кого считают заклятыми врагами. Но как ве-

сти себя просто с незнакомыми и малознакомыми людьми? Вопрос не праздный: ведь фактически к этой категории принадлежит все прочее человечество. Их и близкими не назовешь и относить к врагам нет никаких оснований. С ними неизбежно приходится общаться. Само незнание таит в себе возможность неприятных неожиданностей, которых филиппинцы старательно избегают. Естественно, с их точки зрения, тут требуется осмотрительность, дабы самому не попасть в положение уаланг хийа и не поставить в такое же положение незнакомца. Ее не нужно смешивать с подозрительностью и недоверием. Согласно данным социологических обследований, в ответ на вопрос, как следует относиться к пришельцу, примерно 20% опрошенных высказываются за полное доверие к нему, около 70% — за осторожность при общении с ним и только 10% — за недоверие. Характерно, что чем дальше от Манилы и вообще от больших городов, тем большее число опрошенных высказываются за полное доверие к пришельцу.

Осторожность отнюдь не означает стремления уклониться от общения. Напротив, «на всякий случай» встречают даже чересчур тепло, ибо, по мнению тагалов, «чрезмерный почет еще никому не причинил вреда». Все, кто побывал в стране, неизменно отмечают мягкость и сердечность ее жителей, их чрезвычайную любезность, заботливость и предупредительность, лишённую подобострастия. Однако не вредно и иностранцам знать, что думают о них филиппинцы, причем в этом они поразительно единодушны. Большинство европейцев и американцев (особенно) кажутся им слишком развязными и лишёнными такта. А именно такту и вежливости здесь придается исключительное значение, хотя понимаются они «по-своему». Эти качества для филиппинцев есть проявление осторожности, средство не обидеть и не быть обиженными. Придерживаясь правил вежливости, они как бы устанавливают безопасную дистанцию между собою и прочими, оберегают тем самым свое «я», равно как и «я» незнакомца.

Умение ладить с людьми считается одной из главных добродетелей. «Лучше унаследовать умение ладить с людьми, чем богатство» — считают тагалы. Они обозначают данное свойство словом *пакикисама*, которое буквально означает «совместность» и которое предпочти-

тельнее переводить как «такт и вежливость». Это чрезвычайно емкое понятие — оно подразумевает умение не выдавать своих чувств, скрывать недовольство, избегать резких слов и открытых разногласий. Ранее говорилось, что филиппинцу приходится полагаться на многих, он постоянно живет в большой семье и, собственно, никогда не бывает предоставлен самому себе. Уже просто для того, чтобы ужиться друг с другом, необходимо обуздать себя, скрывать свои эмоции.

Боязнь задеть чувства других заставляет прибегать к эвфемизмам, к уклончивым, туманным оборотам речи, дабы не обидеть собеседника, в котором предполагается (и с полным основанием) такая же чувствительность и ранимость. Иногда бывает трудно понять, соглашаются с вами или нет: несогласие сопровождается оговорками, похвалами «вашей замечательной идее». И лишь потом сообразишь, что, в сущности, получил отказ.

Тактичность и вежливость — не просто средство избежать неловкости, они представляют собой цель, к достижению которой стремятся вполне осознанно. При деловом обсуждении главное состоит не только и даже не столько в том, чтобы найти наиболее рациональное решение («от него никому ни жарко, ни холодно»), а в том, чтобы все участники обсуждения остались довольны друг другом. Можно сказать, что здесь цель заключается как в поисках истины, так и в поисках согласия, которое обладает самодовлеющей ценностью. Ничто в меньшей степени не соответствует характеру филиппинцев, чем греческая пословица «Платон мне друг, но истина дороже», они видят в ней одно бездушие. В спор человек вступает не только для того, чтобы доказать свою правоту, но и для того, чтобы те, кто его любит, полюбили еще больше, те, кто к нему безразличен, прониклись бы симпатией, а те, кто враждебен, отказались бы от недоброго чувства.

В каком-то другом обществе условием всякой дискуссии служит выяснение разных точек зрения для нахождения оптимального решения. Иными словами, с самого начала имплицитно присутствует «договоренность не соглашаться». Филиппинцы не видят никаких оснований поступать таким образом. Поскольку согласие ценится само по себе, разногласия лучше сгладить, затушевать. Иными словами, наличествует «согласие (и даже настоя-

тельная потребность) соглашаться». И если нам важно четко и недвусмысленно изложить свое мнение, то им — облечь его в такую форму, чтобы оно внешне не противоречило мнению остальных. Существенна не безличная истина («Почему вы думаете, что следует поощрять ссоры и разногласия?»), а хорошие отношения участников обсуждения.

Выражения вроде «вы не правы», «я с вами не согласен», «это не так» звучат, по филиппинским понятиям, слишком резко и не свидетельствуют о вежливости. Лучше сказать: «Я разделяю точку зрения предыдущего оратора, это вполне разумный подход, но допустимо посмотреть на дело и несколько иначе». После подобного вступления можно излагать и прямо противоположный взгляд. Главное — не задеть чувств собеседника, не уронить его в собственных глазах, не нанести ущерба его престижу. Вспоминаются слова моего временного соседа по комнате: «Никак не пойму одного. Ведь есть тысячи способов изложить свое мнение в приличной форме. Почему вы, европейцы, всегда выбираете самый неудачный?» Кстати, этот молодой человек, социолог по образованию, учился в США и неплохо знал обычаи и культуру американцев и европейцев.

В разговоре филиппинец очень внимательно, почти настороженно следит за выражением лица, интонацией, жестикующей собеседника, за проявлениями чувств, трудноуловимых для нефилиппинца, стараясь поймать даже нотку недовольства. И если таковая проскользнет, он резко сменит тему. Один знакомый как-то сказал, что он никогда не задает вопроса, если заранее не знает ответа на него, «а то мало ли что может произойти». Это, конечно, крайний случай, но он достаточно характерен.

Уже отмечалось, что к результатам всякого рода социологических обследований на Филиппинах надо подходить с большой осторожностью. Опрашиваемые не совсем четко представляют, что интервьюерам нужны бесстрастные факты, — раз человек обращается с вопросом, значит, как-то заинтересован в этом. Они обязательно постараются понять, какой ответ от них желали бы получить (филиппинцы — отличные физиономисты), и, чтобы «не обидеть» собеседника, дадут такой, который, по их мнению, устраивает его. Любопытный пример: фирма, обеспокоенная трудностями сбыта своей продукции, ре-

шила выяснить у покупателей, чем они недовольны. Были заготовлены анкеты, посланы интервьюеры. Результаты опроса превзошли всякие ожидания: все покупатели дружно расхваливали товар. Это, однако, резко расходилось с данными отдела сбыта. Послали с той же анкетой к тем же людям другую группу интервьюеров, которые на сей раз отрекомендовались представителями конкурирующей фирмы. Мнение было столь же единодушным, разница заключалась только в том, что теперь товар фирмы ругали последними словами.

Надо отчетливо понять, что здесь нет никакого лицемерия. В обществе, где огромное значение придается мнению других, умение ладить с людьми приобретает самоовлеющую ценность. Для того чтобы нормально жить, необходимо избегать столкновений, прежде всего с «сильными людьми». Поэтому такое поведение в конкретных условиях является вполне логичным: отклонение от него грозит карой. Человек, нарушивший пакикисама, скоро оказывается в изоляции. Ему не скажут прямо о его промахе, но окружающие узнают об этом, и изменившееся отношение подскажет провинившемуся, что здесь что-то не так.

Тактичность и вежливость филиппинцы ставят выше прочих качеств и отсутствие их переживают крайне болезненно, до слез. Грубый разнос начальника воспринимается тяжелее, чем понижение заработной платы, обычно это влечет за собой увольнение по собственному желанию. Они очень ценят дружеское расположение, благожелательность, предупредительность. Слова *талагáнг марýнонг макисáма* («действительно умеет ладить с людьми») — наивысшая похвала, которой иностранец может удостоиться, и заслужить ее нелегко. Умение ладить с людьми — это своего рода психологическое капиталовложение, которое должно принести социальную и экономическую выгоду. Согласие с определенным кодексом поведения вознаграждается помощью в трудную минуту, нарушение его карается лишением помощи.

Названные качества сложились в стародавние времена. Судя по первым испанским хроникам, необычайная вежливость «туземцев» в общении друг с другом поразила даже чопорных испанских грандов, которые сами придавали большое значение учтивости. За грубость грозило суровое наказание. Всякого, кто позволял себе го-

ворить о вожде — дато — без достаточного пиетета или, хуже того, оскорблять его бранным словом, ждала смерть. Менее суровые, но тоже серьезные меры применялись в случае проявления неуважительности к другим лицам. Любопытно, что в тагальском языке практически отсутствуют «крепкие выражения», все подобные слова заимствованы из испанского и английского.

Принцип пакикисама предполагает и позитивные действия: важно не только не вызывать антипатию, но и завоевывать симпатию. Люди, в совершенстве овладевшие этим искусством, пользуются большим авторитетом. Произнести речь, в которой отдается должное достижениям, не умалчивается о недостатках и в то же время никто не бывает задет, уладить щекотливое дело таким образом, чтобы стороны остались довольны друг другом, — все это требует мастерства. Людей, обладающих такими способностями, обычно привлекают в качестве посредников.

Об институте посредников следует сказать особо, ибо ему принадлежит существенное место в жизни филиппинского общества. Кодекс поведения, диктуемый нормами пакикисама, включает стремление «спасти лицо», избежать афронта, возможность которого увеличивается при непосредственном контакте. Естественно поэтому желание уклониться от обсуждения проблемы (оно может не устроить одну из сторон) с глазу на глаз. Тут-то и приходит на помощь посредник, призванный смягчить остроту несогласия. Сказать прямо: «Я не могу это сделать для вас», равно как и выслушать аналогичный ответ, филиппинцу очень трудно. И сложность не только в том, что он боится услышать «нет», он хочет избавить и другого от необходимости говорить «нет» в лицо. Насколько легче произнести: «Я это не сделаю для него»: здесь чувства собеседников не задеты. Человек, прямо излагающий свою просьбу, не щадит ни своих, ни чужих чувств, а потому он или не знает, что такое пакикисама, или вовсе уаланг хийа.

Обычай разрешать любые вопросы не непосредственно, а с помощью третьего лица распространен чрезвычайно широко. В семье нередко с просьбой к отцу обращаются через мать, и наоборот. Посредниками выступают дядя и тети, старшие братья и сестры. В обществе такую роль выполняют люди, пользующиеся репутацией знатоков пакикисама. Существует целая система отношений,

называемая *лакад*, что по-тагальски означает «ход». В данном случае слово употребляется в более узком смысле — «прибегать к услугам посредника». Лакад занимает буквально все время филиппинца, каждый что-то улаживает либо для кого-то, либо для себя. Не случайно иногда знакомые при встрече спрашивают друг друга: «Какой у вас сейчас лакад?» (т. е. какое дело вы сейчас «проталкиваете»). Это эквивалент нашему «какживаете». Лакад—часто единственный способ продвинуться по службе, получить прибавку к жалованью или даже подпись на документе. Если вы придете за справкой в учреждение, основное назначение которого, собственно, и состоит в том, чтобы выдавать эти самые справки, и без обиняков изложите свою просьбу, на вас посмотрят с недоумением, а то и примут за нахала. «Просто так» ничего не делается, надо найти «нужного человека» (лучше всего бата босса). И коль скоро он скажет: «Я сделаю это для вас» (по-тагальски: «Я предприму для вас лакад»), можно быть спокойным.

Хотя посредники (иногда многочисленные) отнюдь не упрощают дела, без них не обойтись. Посредничество используется с целью не только избежать возможного конфликта, но и уладить уже возникший. При ссоре или разногласиях — будь то в семье, в соседской общине, в политической партии — всегда находятся люди, берущие на себя труд примирить враждующих, и тогда начинаются бесконечные хождения от одной стороны к другой.

Тонкое знание всех требований такта и вежливости, умение понимать неясные намеки филиппинцы обозначают испанским словом *деликадеса* — «деликатность». Человек, у которого она есть, чрезвычайно щепетилен. Это — как бы высшая степень пакикисама. Термин «деликадеса» особенно часто употребляется применительно к явлениям политической жизни. Резко критиковать положение вещей, продолжать встречаться с деятелем, с которым разошелся по существенным вопросам, — значит обнаруживать недостаток деликадеса. Когда в январе 1971 г. случилась размолвка между президентом и вице-президентом, занимавшим пост министра сельского хозяйства, последний немедленно отказался от министерского поста, хотя этого от него никто не требовал. Вице-президент объяснил, что он уходит не по политическим мотивам, а потому, что этого требует деликадеса. Посол

Филиппин в Японии подал в отставку после того, как его брат, спикер палаты представителей, потерял свой пост.

Составной частью кодекса поведения, предписываемого системой пакикисама, является гостеприимство. О нем иногда говорят как о национальной бедствии, поскольку оно не знает границ. Посещение деревни во время праздника часто превращается в довольно тяжкое испытание: надо обойти многие дома и везде чего-нибудь отведать. «Улыбайся гостю, даже если он тебе не нравится» — гласит пословица. В деревне, чтобы достойно принять его, режут последнюю свинью, а то и верного помощника крестьянина — буйвола-карабао. Гостя сажают на самое почетное место, подносят лучшие блюда. В то же время за ним следят десятки внимательных глаз: отказ от кушанья, гримаса неудовольствия или просто невыражение восторга могут больно задеть хозяина. Впрочем, правила пакикисама требуют, чтобы гость не сразу садился за стол, в противном случае его могут заподозрить в том, что он «бессовестный». Но если он категорически отвергает приглашение, то ставит в положение уаланг хийа своих хозяев.

Нормы тактичности и вежливости всеобъемлющи и распространяются на всех членов общества, независимо от их социального статуса. Даже отказывая нищим, говорят: «Простите, господин (госпожа), у меня нет мелочи». Разумеется, степень уважения, оказываемого «сильным людям», гораздо выше. Однако и «маленькие люди» не обделены и вправе требовать своей доли уважения. Если его не проявляют, «маленький человек» считает себя свободным от обязательств: раз нет уважения, значит, нет и отношений «внутреннего долга», значит, нет опасности поставить себя в положение уаланг хийа. «Сильным людям» выгоднее соблюдать вежливость, выступать в роли благодетелей и посредников, поскольку это укрепляет их классовое господство. Объективно нормы вежливости, с одной стороны, содействуют включению индивида в общество, указывают на его место в нем, а с другой — способствуют установлению определенной дистанции между человеком и посторонними, охраняют его от болезненных ударов извне.

Казалось бы, в обществе, где такое колоссальное значение придается тактичности и вежливости, отношения между людьми должны характеризоваться мягкостью,

отсутствием резких конфликтов. Это в какой-то мере справедливо для сельской местности. Социологи подсчитали, что филиппинский крестьянин при общении с другими в своей деревне только в одном случае из шестисот наталкивается на неприятность. Однако вне ее он встречается с конфликтной ситуацией на каждом шагу. Пакикисама, нормы межличностных отношений, сложившиеся еще в доиспанском барангае, плохо согласуются с требованиями современной жизни, когда все больший вес приобретают не теплые личные, а институциональные, безличные отношения. Многие просто не знают, как вести себя в подобных условиях, а это чревато самыми нежелательными последствиями.

Такое зло, как преступность, порождается прежде всего нищетой, невозможностью найти пропитание честным путем. Но какую-то роль играет и то, что в условиях капиталистического развития прежние нормы поведения обесцениваются, а новые еще не установились. Отсюда отсутствие или по крайней мере ослабление сдерживающих начал. Выше приводилось высказывание Ф. Энгельса об отягощенном родовыми и феодальными пережитками ирландском крестьянине, который попадал в городские условия. Здесь уместно процитировать это высказывание дальше: «...понятно также, — писал Энгельс, — что ирландцы, внезапно попадающие со столь наивными, свойственными родовому строю, представлениями в большие английские или американские города, в среду с совершенно иными нравственными и правовыми воззрениями, — что такие ирландцы легко оказываются совершенно сбитыми с толку в вопросах морали и права, теряют всякую почву под ногами и часто в массовом масштабе становятся жертвами деморализации» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 133).

Именно это происходит с филиппинцами, переселяющимися в город. В деревне нарушение норм пакикисама ведет к немедленной расплате, в городе же зачастую дело обстоит иначе. Не подкрепляемые вознаграждением и наказанием, нормы теряют силу в отношениях с незнакомыми людьми (веди себя вежливо или не веди — лучше не будет). Широко известно, как велика преступность в США. Однако мало кто знает, что по числу убийств бывшая американская колония обогнала свою метрополию в восемь раз (в США на 100 тыс. населения приходится

шесть убийств в год, на Филиппинах — 48). Можно полагаться на помощь родственников в деревне, а как быть в Маниле? Единственная надежда — на пистолет или нож (они есть почти у каждого), а при повышенной уязвимости филиппинцев оружие пускается в ход чрезвычайно легко.

О том же свидетельствует рост психических заболеваний. Новые явления, вызванные к жизни развитием капитализма, оказываются неприемлемыми для человека. На Филиппинах причины психических заболеваний в 42% случаев лежат в сфере межличностных отношений (в США — 26%).

Преступность и увеличение числа психических заболеваний — свидетельства ослабления системы пакикисама. Есть и другие признаки: часто вспыхивающие ссоры, драки, проявления грубости, от которых порой не застрахован и иностранец. Но все эти нарушения наблюдаются только при контактах с чужаками. Другими словами, одна из функций системы пакикисама — обеспечить дистанцию между «я» и посторонним — постепенно утрачивается, и пока ничто не пришло ей на смену. Тем не менее эта система все еще продолжает действовать, хотя и в меньших масштабах. Как ни разительны на первый взгляд признаки, демонстрирующие ее ослабление, она далеко еще не изжила себя и по-прежнему служит механизмом, регулирующим поведение людей.

* * *

Утанг на лооб, хийа и пакикисама — основные ценности традиционного филиппинского общества — своими корнями уходят еще в доиспанские времена. Они были приспособлены к потребностям небольшой замкнутой общины и в целом соответствовали тогдашним условиям жизни. Здесь в отличие от внешнего мира все было понятным, родным, интимным. Из этого вытекали и их функции — обеспечить связь индивида с группой, связь, которая поддерживалась страхом отчуждения (отсюда боязнь «переступить», стремление «слиться»), и защиту от чужаков (отсюда недоверие, ожидание подвоха, готовность нанести ответный удар). С тех пор прошло 450 лет. На филиппинской земле хозяйничали испанские, а затем американские колонизаторы. С 1946 г. Филиппины, получившие независимость, развиваются по капиталисти-

ческому пути. Многое изменилось за это время, но одно осталось неизменным: и при испанцах, и при американцах, и при господстве местной олигархии внешний мир за пределами узкого круга близких все еще выступает как непонятная и неуправляемая стихия. Естественно, филиппинцы не видят никаких оснований менять свое поведение: по-прежнему важна тесная связь со своей группой лиц, иначе не выживешь (а значит, нужно приноравливаться к ее требованиям), по-прежнему извне щедро сыплются удары (значит, надо быть готовым отразить их).

Хотя колониализм не вытеснил традиционных ценностей, он расшатал и ослабил прежние нормы морали и нравственности. Они несколько трансформировались и были использованы для обслуживания новых отношений. Экономическая и социальная неустойчивость заставляет, как и раньше, полагаться на них. Не только каждый индивид, но и каждая семья ощущает угрозу извне. Поэтому она замыкается в себе, превращается в самодовлеющую единицу, цели которой часто никак не связаны или плохо согласуются с целями более крупных социальных групп и слоев.

В изменившихся условиях при усилении антагонизма между людьми, вызванного классовой поляризацией, прежние ценности утратили внутреннюю согласованность и часто не обеспечивают защиты личности. Человек теряет привычную опору: он видит, что традиционные нормы нередко подводят его, но иных он не знает. Дело тут, разумеется, не в ценностях самих по себе, а в конкретных социально-экономических условиях. В неантагонистическом обществе старые ценности могут наполниться новым содержанием и сослужить полезную службу.

Три названных принципа составляют основную сущность социальной психологии большинства филиппинцев. Не надо, конечно, думать, что знание их дает возможность предсказать все поступки жителей островов. Уже отмечалось, что эти три принципа внутренне не согласованы. Одно и то же действие кто-то квалифицирует как выполнение «внутреннего долга», а кто-то — как его нарушение. Там, где один считает затронутой свою честь и встает на ее защиту всеми доступными средствами, другой полагает нужным следовать нормам тактичности и вежливости (хотя он может быть глубоко уязвлен), нельзя предугадать, что возьмет верх в данной ситуации:

сознание «внутреннего долга», чувство стыда или потребность укрыться за нормами пакикисама. Эти три концепции служат, скорее, тремя вехами, по которым можно как-то ориентировать свою интерпретацию поступков филиппинца, но никак не ключом к его душе.

Однако четкое понимание их в большей или меньшей степени есть в сознании каждого. Они поддерживают стереотип поведения жителей страны, делают их похожими друг на друга и отличными от людей существенно иного типа культуры. Когда на берегах архипелага высадились испанские конкистадоры, они застали уже достаточно развитое общество, члены которого руководствовались указанными принципами, имели свое представление о дозволенном и недозволенном. Взгляды колонизаторов, естественно, не совпадали с этими представлениями. Они принесли новые идеи и принялись насаждать их железом и кровью. На их стороне была сила, и внешне они одержали победу: над архипелагом был водружен крест, страна превратилась в колонию Испании. Но вопрос о том, насколько успешным было уловление душ филиппинцев (совершалась не только христианизация Филиппин, но и до известной степени филиппинизация христианства, что привело к результатам, к которым вряд ли стремились монахи, ведавшие обращением «туземцев»), отнюдь не так прост.

Его рассмотрение и составляет содержание следующего раздела.

ИСПАНЦЫ И ФИЛИППИНЦЫ

Само название страны служит горьким напоминанием о ее колониальном прошлом: Филиппины были названы в честь испанского наследного принца, а затем короля Филиппа II. Время от времени здесь бурно дебатруется вопрос о переименовании, но пока решение не принято. Имена, которые носят жители островов, тоже испанские, и даже собирательное имя «среднего филиппинца», нечто вроде нашего «Иван Иванович Иванов», звучит как Хуан де ла Крус.

Испанское влияние ощущается во всех сферах культуры. Значительная часть филиппинской литературы создана на испанском языке, произведения же на местных языках несут отпечаток чужеземной традиции, хотя в них явно слышатся и свои, исконные мотивы. Выступления ораторов, отличающиеся цветистостью стиля, демонстрируют несомненное воздействие испанской риторики. По всему архипелагу разбросаны церкви, соборы, крепости — тяжелые, массивные (приходилось принимать во внимание частые в этих краях землетрясения), но не лишённые изящества сооружения, резко контрастирующие с легкими хижинами, крытыми пальмовыми листьями, — точно такие же хижины можно встретить в Индонезии и Малайзии. На первых порах каменные постройки возводили только испанские мастера (однако и тогда филиппинцы вносили посильный вклад в строительство, что, в частности, отражено в отделке зданий).

По своему облику и планировке большинство филиппинских

пинских городов напоминает города Испании и далекой Латинской Америки¹. Центром обычно служат *плáса*, прямоугольная площадь с церковью и ратушей, от которой под прямым углом расходятся улицы. В 1573 г. Филипп II точно указал предпочтительные размеры площади — 600 футов в длину и 400 в ширину. «Улицы от нее должны идти к воротам и главным дорогам так, чтобы город мог расти симметрично». По такому же принципу города строят и сейчас.

Филиппинская музыка несет следы сильного влияния испанской. Тагалы — кстати, превосходные музыканты — так быстро усвоили принципы создания церковной музыки, что поражали даже испанских священников. Уже в XVII в. один из них писал о первом известном нам филиппинском музыканте Марсело де Сан Агустине: «Он — слава тагальских индейцев, ибо Бог наделил его редчайшим даром. Он отличный органист, самый лучший среди индейцев, которые весьма способны к игре на музыкальных инструментах. Он сочинял музыку и руководства для хора. Он был великим слугой Господа и умер в 1697 г.». Испанская народная музыка прочно вошла в местную музыкальную традицию, и современные народные песни очень напоминают песни Андалузии. Наиболее распространенный музыкальный инструмент на островах — та же гитара, и филиппинцы владеют ею мастерски. В каждой деревне есть свой оркестр струнных инструментов *рондалья*, который играет по праздникам и с которым непременно встречают гостей (музыканты повсюду сопровождают их). Филиппины, наверно, единственная страна, где еще сохранился обычай петь серенады, причем поющих могут и облить водой — знак, что исполнение считается недостаточно хорошим. Впрочем, к этому обычаю и здесь не всегда относятся одобрительно. В одной деревушке отец молодой девушки на мой вопрос о серенадах с огорчением ответил: «Поют. И ничего не могу поделать — уж я и стрелял в певцов, а все без толку». (Стрельба — скорее уж мексиканское, чем испанское влияние.)

---

¹ Филиппины долгое время (до 1821 г.) подчинялись не Мадриду непосредственно, а вице-королевству Новая Испания в Мексике. Оттуда на архипелаг проникли многие обычаи, термины, сельскохозяйственные культуры и т. д.

До прихода европейцев главным украшением местного населения была не одежда, а татуировка (конкистадоры называли первых встреченных ими жителей островов *пинтадос* — «раскрашенные», «разрисованные»), являвшаяся знаком этнической и социальной принадлежности, а также «послужным списком»: она свидетельствовала об участии воина в битвах. Испанцы, прежде всего монахи, поспешили прикрыть наготу «туземцев». Сейчас мужчины носят брюки, а вместо пиджака — легкую вышитую рубашку навывпуск *баронг тагалог*. Вышивка иногда воспроизводит бытовые сценки (чаще всего аксессуары петушиных боев), иногда — орнамент. По мнению многих филиппинцев, колонизаторы ввели запрещение заправлять рубаху в брюки для того, чтобы с первого взгляда можно было узнать «туземца». Это едва ли соответствовало действительности, но жители островов видят в баронг тагалог символ патриотизма и носят ее с особой гордостью, а распространившуюся в Европе и США манеру выпускать рубашку поверх брюк считают заимствованием своего обычая.

Женщины тоже носят европейскую одежду, сочетая ее с национальными элементами, например с обтягивающей тело блузкой (традиционная одежда мусульманок юга) или юбкой типа *саронг* (кусоч материи, оборачиваемой вокруг бедер). Но парадная одежда филиппинок — платье испанского покроя с высокими плечами: они в нем выглядят необычайно элегантно.

Даже современный идеал красоты сложился не без испанского влияния. Если вы хотите доставить удовольствие филиппинской матери, скажите, что у ее ребенка белая кожа и прямой (европейский) нос. Это везде, даже в самых глухих деревнях, воспринимается как наивысшая похвала. Одна разборчивая невеста призналась мне, что отвергла уже несколько предложений руки и сердца по той причине, что претенденты были слишком смуглы.

Словом, европейская, прежде всего испанская, культура заявляет о себе сразу. При более тщательном изучении ее влияние можно обнаружить не только на поверхности, но и в обычаях (в том числе в манере держаться и говорить), в верованиях, образе мышления, способах рассуждений и методах доказательств. Однако происходило не механическое восприятие заморских институтов и идей (такое вообще едва ли возможно), а творческое

усвоение их. В процессе восприятия заимствованные элементы подвергались значительной трансформации, испытывая воздействие исконной традиции. Процесс христианизации и испанизации не был односторонним, население островов не только воспринимало, но и вносило свое. Поэтому культура сегодняшних Филиппин сочетает разнородные компоненты, но без учета «испанского наследия» нельзя получить о ней сколько-нибудь достоверное представление.

Изменения в экономике, политике, социальной структуре. Впервые Испания встретилась с Филиппинами в 1521 г. 11 марта матросы на кораблях Магеллана увидели о-в Самар, входящий в центральный Висайский архипелаг. Через полтора месяца, 27 апреля, Магеллан, вмешавшийся в распри вождей-дато, был убит. Ныне на этом месте стоит памятник. Впрочем, недалеко от него возвышается памятник вождю Лапу-Лапу, в бою с которым пал Магеллан. Современные филиппинцы чтут его как человека, водрузившего на архипелаге крест², а Лапу-Лапу — как первого борца за независимость. Уже то, что в камне увековечили и завоевателя и борца за свободу, свидетельствует, что в филиппинской истории и в отношении филиппинцев к своей истории не все просто. Это один из парадоксов, которыми так богата страна.

Испанское владычество над архипелагом началось с кровавого столкновения и завершилось три с половиной века спустя вооруженным восстанием. Сочетая христианское рвение с садистской жестокостью, конкистадоры завоевывали для испанской короны обширные империи. «Во имя бога, короля и золота» они поработали другие народы, уничтожали древние цивилизации. В собственных глазах их оправдывало то, что население покоренных стран поклонялось языческим идолам; они считали себя избранным народом, призванным выполнить волю провидения и утвердить истинную веру в самых отдаленных уголках земного шара. Они нисколько не сомневались в своем праве спасти «заблудшие души», и насаждение христианства всегда сопровождало прямой грабеж.

---

² Крест (хотя вряд ли это подлинный крест Магеллана) до сих пор показывают на о-ве Себу в городе того же названия. Как уверяют, он обладает многими чудесными свойствами и даже растет в высоту. Верующие все ждут, когда он коснется крыши часовни и тем посрамит безбожников.

Тесный союз церкви и государства — характернейшая черта испанского колониализма; монах непременно шел рядом с солдатом, а то и сам менял сутану на кирасу.

В XVI в. Испания являлась одной из самых могущественных держав Европы. То было время, когда, по словам К. Маркса, ее влияние «безраздельно господствовало в Европе, когда пылкое воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдорадо, рыцарских подвигов и всемирной монархии. Вот тогда-то исчезли испанские вольности под звон мечей, в потоках золота и в зловещем зареве костров инквизиции» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 10, стр. 431). Что могли противопоставить сильному европейскому государству жители архипелага, затерянного у восточного побережья Азиатского материка? Племена, населявшие острова к моменту их открытия, находились на стадии разложения родового строя и создания классового общества. Лишь в прибрежных районах процесс феодализации зашел достаточно далеко. Это отчасти объяснялось проникновением ислама, который стал распространяться на архипелаге незадолго до появления испанцев.

Опоздай конкистадоры на несколько десятков лет, они встретили бы гораздо более серьезное сопротивление — какое встретили на юге, где уже образовались мусульманские султанаты. Но крест опередил полумесяц, хотя к планомерной колонизации испанцы приступили лишь сорок лет спустя после гибели Магеллана.

В 1564 г. из Мексики была отправлена экспедиция под началом Мигеля Лопеса де Легаспи. В данной ему инструкции предлагалось «по высадке взять во владение его величества земли и острова, которые будут открыты». Далее указывалось: туземцев надо расположить к себе дарами, «если же они удивятся, что даров мало, скажете им, что попали на острова случайно, из-за неблагоприятного ветра, и потому не готовы к встрече и не можете одарить достойно. Самое главное — распространять нашу святую католическую веру». Именно для этого в состав экспедиции Легаспи были включены пять монахов-августинцев во главе с Андресом де Урданетой. «Просветительская» деятельность миссионеров довольно скоро принесла результаты: через полвека Филиппины подверглись почти полной христианизации.

Сперва пришельцы обосновались на Висайских ост-

ровах, но в 1571 г. центр колонизации переместился на Лусон, в Манилу, захваченную у мусульманского «раджи» Солимана. Его ныне почитают как национального героя, но и завоеватели не забыты: в столице воздвигнуты памятник Легаспи и Урданете, солдату и монаху. Сейчас в стране можно встретить бесчисленных легаспи и урданета: когда в 1849 г. испанцы в интересах фиска обязали местных жителей обзавестись фамилиями и предложили список имен, многие остановили свой выбор именно на этих двух фамилиях, так много значивших для филиппинцев.

Захватывая архипелаг, корона преследовала три цели: положить конец монополии Португалии на торговлю пряностями, использовать острова в качестве плацдарма для проникновения в Китай и Японию и, наконец, обратить население в христианство. Пряностей на архипелаге оказалось мало, проникнуть в Китай и Японию не удалось, и только христианизация была осуществлена.

Не найдя на островах искомых богатств (пряностей и золота), испанцы основную энергию направили в духовную сферу. В результате Филиппины стали католической страной и испанская культура оставила здесь гораздо более глубокий след, чем, скажем, голландская в Индонезии, сохранившей свою религию.

Далекая колония приносила одни убытки (они, правда, покрывались вице-королевством Новая Испания, т. е. Мексикой). В Мадриде не раз поднимался вопрос об отказе от островов. Но церковь спять и опять напоминала «его католическому величеству» о необходимости спасения неверующих, и это соображение принималось во внимание.

Вместе с тем бедность спасла филиппинцев от физического уничтожения и полной испанизации. Это становится особенно очевидным, если сравнить судьбу архипелага с судьбой испанских колоний в Новом Свете, где конкистадоры уничтожили древние цивилизации и физически истребили целые народы. Разумеется, завоеватели на Филиппинах были столь же алчны, как и в Новом Свете, но на архипелаге им нечем было удовлетворить эту алчность. Колония не представляла интереса для любителей наживы, и потому испанцев здесь всегда было относительно немного (в XVI—XVII вв. примерно две трети из них — монахи). Если в Мексике они составляли,

до 30% населения, то на Филиппинах — менее 1%. Управление обеспечивалось горсткой солдат и чиновников. Браки между испанцами и филиппинками заключались в редчайших случаях. Число испано-филиппинских метисов никогда не было особенно велико, хотя они играли видную роль в жизни страны. Принесенные завоевателями болезни не косили филиппинцев так, как косили индейцев в Новом Свете, потому что население островов и раньше находилось в контакте с населением Евразии.

Для испанцев местные жители были «туземцами», *индио* (т. е. «индейцами»), филиппинцами они стали именоваться гораздо позднее³. Слово «индио» употребляется иногда и сейчас, но имеет ярко выраженный оскорбительный смысл. В тагальском языке существуют производные от него, как правило с отрицательным значением: *маг-индио* (букв. «быть индейцем»), например, переводится как «обмануть», «пообещать и не сделать». В человеческих правах местному населению отказывалось, оно подлежало эксплуатации наряду с флорой и фауной (лишь обращение в христианскую веру могло поднять его, и то ненамного — над уровнем животных). Колонизаторы не проникали и, за малым исключением, не пытались проникнуть в духовный мир филиппинцев и во всем усматривали только дикость, лень и лживость. Единственное достоинство, которое они отмечали в жителях островов, — это преданность семье. Впрочем, находились и такие, которые заявляли, что в любви филиппинца к детям более звериного, нежели человеческого. «Они верили в то, во что хотели верить, — писал Хосе Рисаль. — Они оскорбляли целую нацию. Они признавались, что не могут видеть в них никаких положительных качеств, никаких человеческих черт. Некоторые их писатели и церковники превзошли сами себя, утверждая, что тузем-

---

³ Поучительна эволюция термина «филиппинец». Первоначально его употребляли только применительно к испанцам, родившимся на архипелаге. На социальной лестнице они занимали место ниже, чем *пенинсуларес*, т. е. испанцы, родившиеся на Пиренеях. Затем филиппинцами стали называть испанских метисов, а в XIX в. и испанизированную верхушку, которая включала китайских метисов и местных богачей. Лишь в XX в. это название распространилось на всех жителей архипелага. Но и сейчас мусульмане юга и представители отсталых племен не считают себя филиппинцами и даже обижаются, когда их к ним причисляют.

цы не только не способны к добродетели, но даже недостаточно развиты для порока».

Естественно, филиппинцы платили колонизаторам тем же. Еще и теперь кое-где словом *касти́ла* — «испанец» филиппинские матери пугают своих детей. Пришельцы казались им порождением злого духа, насланного на них. И все три с половиной века не прекращалась вооруженная борьба против завоевателей.

Наиболее активное сопротивление оказало им население султанатов юга. Испанцы сразу же попытались привести к покорности мусульман Минданао (второго по величине острова Филиппин) и архипелага Сулу, основным занятием которых была морская торговля, мало отличавшаяся от пиратства. Но они не знали, с кем имели дело. *Моро* — «мавры» (так называли их завоеватели) сами перешли в наступление: каждый год, используя попутный юго-западный муссон, на лодках, вмещавших от десяти до тридцати воинов и снабженных медными пушками на носу и на корме, они стремительно проносились по северным островам вплоть до Лусона, предавали огню и мечу прибрежные поселения, захватывали пленных, а когда начинали дуть северо-восточные муссоны, возвращались домой с богатой добычей. Неповоротливые суда испанцев, предназначенные для плавания в спокойном Средиземном море, не могли угнаться за легкими лодками моро. Не спасали положение и крепости, строившиеся на юге, куда солдат отправляли в наказание. Дело доходило до того, что при дворе всерьез обсуждали вопрос об отказе от колонии из-за невозможности организовать защиту от мусульман.

В середине XIX в. испанцы обзавелись паровыми судами и им наконец удалось закрепиться на Минданао и Сулу, однако полного замирения они так и не добились. Кстати, и теперь некоторые из 2050 тыс. мусульман не считают себя принадлежащими к филиппинской нации. Они преданы только дато (этот титул сохранился здесь) и привыкли свысока смотреть на христианизированных жителей архипелага, которые покорились завоевателям и даже участвовали в военных столкновениях на стороне европейцев, тогда как они, мусульмане, так и не подчинились. Один из моих знакомых, отрекомендовавшийся потомком (в четырнадцатом поколении) знаменитого дато, наводившего в XVII в. ужас на испанцев, вообще

утверждал что подлинные филиппинцы — это мусульмане, а остальные — ренегаты, продавшиеся захватчикам.

Как бы то ни было, но отчужденность мусульман сохраняется. На языках южных племен центральное правительство в Маниле называется «властью чужих людей», что довольно точно отражает отношение к нему. Мусульманский сепаратизм доставляет немало хлопот, случаются нередко и вооруженные столкновения.

Испанцам не удалось обратить в свою веру и многие горные племена. Надо сказать, что последние враждовали с равнинными племенами еще до прихода колонизаторов. С незапамятных времен между ними происходили стычки, а с христианизацией ряда областей вражда усилилась. Горцы охотились за головами жителей равнин (эта практика еще не вполне изжита).

Но и в покоренных испанцами районах население регулярно поднималось с оружием в руках против завоевателей. Однако восстания подавлялись сравнительно легко: горстка испанских солдат с помощью туземных отрядов (обязательно из другого района) обычно быстро наводила «порядок». Как правило, это были местные выступления против местных же злоупотреблений. Поэтому испанцы смогли создать довольно надежные войска из филиппинцев и те иногда дослуживались до звания капитана. Отдельные движения достигали большого размаха. Восстание на о-ве Бохоль, например, начавшееся в 1744 г. из-за отказа монаха-иезуита похоронить одного прихожанина по христианскому обряду, продолжалось до 1829 г.

Эксплуатация далекой колонии (плавание до нее занимало два года и было сопряжено с опасностью) осуществлялась крайне отсталыми и варварскими методами — она не была связана с разработкой естественных богатств страны, а сводилась к прямому ограблению населения. За отсутствием золота и серебра колонизаторы могли извлекать прибыль только из труда филиппинцев. Испанцы установили на архипелаге систему *энкоменд*, суть которой заключалась в том, что земли с местным населением отдавались под управление испанских солдат и колонистов. *Энкомендэрос* юридически не становились владельцами земель. Они обязаны были поддерживать порядок и, главное, способствовать обраще-

нию жителей в христианство, за что получали право взимать налоги (не без выгоды для себя). Ими облагалось все население в возрасте от 18 до 60 лет, за исключением вождей и их старших сыновей.

С точки зрения испанцев, налоги — они уплачивались либо продуктами, либо трудом и предназначались для покрытия расходов по содержанию колониального аппарата и церкви — свидетельствовали о признании сюзеренитета метрополии. С точки зрения филиппинцев, в обычном праве которых отсутствовало представление о налогообложении, это был прямой грабеж. Раньше в барангае все были связаны взаимными обязательствами, что и выражалось в «принципе дележа»: дано и махарлика получали часть урожая, но за это обеспечивали безопасность простого общинника. Теперь же испанцы требовали услуг, ничего не предлагая взамен. Естественно, на них смотрели как на людей, не знающих, что такое «внутренний долг», как на «бессовестных». Кроме того, высокомерие испанцев было совершенно непереносимо для филиппинцев, обладающих гипертрофированным чувством собственного достоинства, постоянно ранило их, задевало самые тонкие струны души.

Население отказывалось платить налоги (один незадачливый энкомендеро доносил в Манилу: «Налог с туземцев собрать не удалось по причине их малого ума и недостаточной вежливости»), убивало испанцев и бежало в горы. Чудовищная алчность и злоупотребления колонистов вынудили испанскую корону отказаться от системы энкомиенд и перейти к прямому налогообложению. Указ об этом вышел в 1721 г., однако, поскольку на Филиппинах (и в других испанских колониях тоже) нередко действовал принцип «повиноваться, но не выполнять», энкомиенды просуществовали дольше — последнее пожалование земли в управление отмечено в 1789 г.

Отрицательное отношение к идее налогообложения не умерло и дает себя знать в наши дни. При отчетливо выраженной ориентации филиппинцев на узкий круг лиц, связанных определенными традиционными отношениями, всякие поборы в пользу государства представляются малообоснованными, почти грабежом. Дело здесь не только в том, что государственные средства тратятся не в интересах трудящихся. Просто сама идея отдавать деньги, не получая за это немедленной компенсации в той или

иной форме, кажется жителю островов неправомерной. Рассуждения о том, что государство неизбежно должно нести расходы, которые могут покрываться исключительно за счет налогоплательщиков, обладают малой жизненной убедительностью — филиппинца до сих пор охраняет прежде всего не государство, а родовой коллектив, общение с которым регулируется моральными нормами здешнего общества. Отношения же с государством осознаются слабее, потому что нормы, их регулирующие, импортированы из-за границы. Они не имеют силы традиции, лишены глубоких корней в обычном праве, и нарушение их не вызывает всеобщего осуждения: комплекс хийа в данном случае не затрагивается.

Негативное отношение к государству тем более объяснимо, что на всем протяжении истории страны последнее представляло как насильственное, как навязанное иноземцами и противоречащее интересам местных жителей начало. Фактически оно было привнесено испанскими завоевателями. Поэтому неприятие государственной власти — власти чуждой, не выросшей органически из филиппинского уклада жизни, — едва ли могло исчезнуть.

Уклонение от уплаты налогов (распространенное явление в капиталистическом мире) на архипелаге принимает массовый характер. По официальным данным, в стране собирается лишь 30—35% ожидаемой суммы. Раз в год население обязано заполнять декларацию о доходах, на основании которой исчисляется размер налога (практика, позаимствованная в США). На человека, указавшего действительный размер доходов, смотрят как на не вполне нормального. Влиятельные люди, используя свои связи, часто вообще не заполняют никаких деклараций и, следовательно, не платят никаких налогов.

Всегда есть возможность договориться с агентами бюро по налогообложению и указать меньшую сумму. Это бюро считается самым прибыльным местом работы, поскольку здесь легче всего выбить взятку. Агенты могут прийти в любое время года и заявить (мне доводилось быть свидетелем этого): «При исчислении налога, который вам следует уплатить, была допущена ошибка. Вы должны внести еще 500 песо». Так как почти у всех довольно легко обнаружить «неточности» при заполнении декларации, никто не заинтересован в проверке.

Проще дать агенту 100 песо, и инцидент исчерпан. Правда, однажды я видел, как агенту отказали, но это случилось лишь потому, что его коллега приходил по такому же поводу всего за неделю до него и получил просимое. Неудачник извинился «за несогласованность действий». Когда речь идет о монополиях, взятки достигают десятков и сотен тысяч песо. И для налогоплательщика и для сборщика интересы государства представляются очень далекими и подлежащими удовлетворению в последнюю очередь.

Другим нововведением испанцев, вызывавшим всеобщую ненависть, был принудительный труд *репартимиэнта*. Все население периодически (52 дня в году) должно было работать на рубке леса, постройке судов, церквей, мостов, дорог и т. п. Опять-таки от этой повинности освобождались дато и их старшие сыновья. Впрочем, богатые могли откупиться от работ за шесть песо. От репартимиэнта особенно страдало население Центрального Лусона, где находились главные учреждения колониальной администрации. Рабочие не считались рабами, им полагалось платить песо и паек риса в месяц. На деле они получали только рис (и то не всегда), что обрекало их на полуголодное существование. Из-за низкой продуктивности сельского хозяйства и неразвитости транспорта цены на продовольствие в местах концентрации рабочей силы поднимались во много раз, и голод поражал всю округу. Кроме того, для филиппинца репартимиэнта было тяжелейшей обязанностью и потому, что влекло за собой отрыв от родных мест, — это переживалось как самое большое несчастье. Население целых провинций восставало против такой чудовищной, с точки зрения жителей островов, формы эксплуатации, но восстания эти, хотя и были направлены против испанцев, преследовали ограниченную цель: вернуться в свой бангай, к своей семье.

Колониальный режим породил потребности, удовлетворить которые имевшиеся тогда производительные силы были не в состоянии. Нужно было продовольствие для военных гарнизонов, колониальных чиновников, монахов, рабочих, занятых на государственных работах, а натуральное хозяйство не могло его дать, и на первых порах колония переживала хронический продовольственный кризис. Нужны были деньги, но товарно-денеж-

ные отношения были развиты слабо. Испанцы вынуждали общины продавать определенное количество риса по низкой цене; которая чаще всего вообще не уплачивалась. Колониальная администрация отделялась обещаниями. Не будучи в силах вынести тяжелые повинности, жители целыми родами бежали в еще не захваченные районы (такие районы существовали в течение всего периода испанского господства).

Чтобы как-то покрыть постоянный дефицит, была предпринята попытка использовать выгодное географическое положение Филиппин для развития торговли. Китай и Индия производили товары, пользовавшиеся огромным спросом на европейском рынке. С другой стороны, в Китае возник колоссальный спрос на серебро, ценившееся там в то время дороже золота. Серебро в изобилии имелось в Мексике, вице-королю которой подчинялись Филиппины. В связи с этим получила развитие так называемая галионная торговля (торговля на галионах—неуклюжих, тихоходных судах водоизмещением до 1500 т). Ежегодно один галион с китайскими шелком и фарфором, индийскими тканями, персидскими коврами, пряностями с Суматры и Явы отправлялся из Манилы в Акапулько и один—из Акапулько в Манилу. Он привозил серебро (и монахов—они попадали сюда главным образом из Мексики). Собственно филиппинские товары составляли незначительную часть груза, а потому галионная торговля лишь в малой степени способствовала подъему экономики архипелага и избавиться от дефицита так и не удалось. Зато она была чрезвычайно выгодна колонизаторам: на первых порах прибыль достигала 1000%. Ради нее не считались ни с чем и шли на любой риск. Плавание было тяжелым и часто заканчивалось трагически, случалось, к американским берегам прибывало галионы с мертвым экипажем—все погибали от голода. За судами охотились пираты. В 1587 г. английский корсар Томас Кэвендиш захватил у берегов Калифорнии галион «Санта Анна» и на 250 тыс. песо товаров.

Любопытно, что приток мексиканского серебра в Китай побудил императора Поднебесной империи командировать на Филиппины двух мандаринов с приказом отыскать на архипелаге серебряную гору, существование которой не подвергалось сомнению.

Напоминание о галионной торговле можно найти в Интрамуресе, «городе внутри стен», самой старой части Манилы. Бордюры на тротуарах там кое-где выложены балластным камнем с галионов.

Только в XVIII в. испанские колониальные власти сделали первые робкие шаги, стараясь ускорить экономическое развитие тихоокеанской колонии. Но и тут ими двигало не стремление добиться процветания страны, а желание избавиться от мексиканской субсидии и переложить все тяготы по содержанию колониального аппарата на филиппинцев. Международные события также заставили задуматься о положении дел на архипелаге: во время Семилетней войны англичане захватили Манилу (1762 г.) и удерживали ее больше года. Военное поражение продемонстрировало полную непригодность прежних методов управления колониями и заставило провести некоторые реформы, затронувшие и далекие Филиппины. В годы царствования «просвещенного монарха» Карла III был принят ряд установлений, торжественно именованных «Указами об улучшении правления». О том, насколько «хорошим» было новое правление, можно судить по следующему пункту: «Индийцы, занятые на любых общественных работах, должны трудиться только от восхода солнца и до захода... Остальное время они могут работать на себя».

Но все же какой-то сдвиг произошел. Наладились прямые торговые связи с Испанией — до того они были категорически запрещены и вся торговля шла через Мексику. Сначала временно, а потом и окончательно открыли для иностранной торговли Манилу, прежде ревниво охранявшуюся от европейских купцов. Главная же мера была осуществлена за счет населения: в 1782 г. правительство ввело табачную монополию. Почвы Филиппин и климатические условия чрезвычайно благоприятны для выращивания табака (манильские сигары и поныне считаются одними из лучших). В ряде районов страны крестьян обязали выращивать только табак, запретив возделывать его в других районах. Табачный лист подлежало сдавать государственным сборщикам по низкой цене. Если администрация не скупала его весь, остаток уничтожался, чтобы не сбить цену. Сигары изготовлялись на государственных фабриках и экспортировались в другие страны. На самом архипелаге продавать их

разрешалось исключительно в государственных лавках (И. А. Гончаров во «Фрегате „Паллада”» рассказал о том, как он пытался купить сигары в Маниле — для этого ему потребовалось множество разрешений).

Табачная монополия тяжким бременем легла на плечи филиппинцев. Крестьяне табачных районов не имели права сеять рис, за табак же получали крайне мало. Колониальные чиновники, быстро сообразив, что здесь можно нажиться, обворовывали и крестьян и казну. В связи с этим пришлось создать огромный аппарат надзирателей и контролеров, которые тоже не отличались честностью и содержание которых в конечном счете оплачивали опять-таки труженики. Но цель была достигнута. В конце XVIII в. в Испанию были торжественно отправлены первые 150 тыс. песо.

Введение монополии имело и другие последствия. Запрет выращивать продовольственные культуры в «табачных» районах вызвал усиленный спрос на товарный рис. Именно тогда резко увеличились посевные площади под этой культурой на Центральном Лусоне, хотя между землевладельцами и арендаторами сохранялись кабальные отношения. Они дожили до наших дней, и их ликвидация составляет одну из самых жгучих проблем современных Филиппин. С ростом международного обмена расширилось производство таких культур, как сахарный тростник, хлопок и абакá (из нее выделявали знаменитые манильские канаты).

В целом же экономика архипелага в период испанского владычества развивалась чрезвычайно медленно. Рис выращивался старыми методами, да и сейчас выращивается так же. Испанцы пытались внедрить новые культуры. Пшеница на архипелаге не прижилась, несколько больше повезло кукурузе, но филиппинцы и ее не слишком жалуют. Только на Висайских островах, где для риса слишком сухо, она занимает значительное место в рационе жителей, впрочем, и они утверждают, что кукуруза не очень вкусна и что ею «не наедешься», хотя по калорийности она превосходит рис. Сказываются вековые и даже тысячелетние привычки. Хорошо прижились на островах помидоры, какао, кассава, гуава, папайя (последняя даже стала любимым лакомством филиппинцев, и они ею чрезвычайно гордятся, считая лучшей в мире). По-прежнему единственным помощником

крестьянина в поле оставался водяной буйвол — карабао — довольно слабосильное животное, мясо которого употребляют в пищу. Испанцы завели было лошадей, но в жарком климате они выродились в мелких маловыносливых животных. Их потомки сейчас возят туристов по кривым и узким улочкам китайского квартала Манилы, где малолитражке не проехать. И, если дорога идет в гору, возница, обращаясь к седокам с обычной филиппинской вежливостью, просит: «Извините, господа, ей тяжело. Не угодно ли вам пройти метров сто?».

«Дряхлая испанская монархия, — пишет советский историк, — эксплуатировала Филиппины по старинке. Обедневший испанский аристократ приезжал на архипелаг только для того, чтобы, став там чиновником или офицером, нажить себе состояние путем поборов, подкупа, взяток. Испанский торговец был редкой фигурой на Филиппинах; еще реже можно было встретить здесь испанского промышленника или плантатора... На мировой рынок попадала ничтожная часть местной продукции: канаты из манильской пеньки, ценимые знатоками манильские сигары, незначительное количество риса, перца, кофе, какао. Но и этими товарами торговали преимущественно не испанские, а британские или немецкие фирмы». Для обмена, как и раньше, использовались старые пути сообщения — по рекам и внутренним морям, по суше же грузы (и самих колонизаторов тоже — в паланкинах) переносили носильщики-«туземцы».

При испанцах природные богатства лежали втуне. Драгоценные металлы добывались в незначительном количестве, потом добыча их и вовсе прекратилась. Только в XX в., уже при американцах, она резко возросла. (Перед второй мировой войной Филиппины занимали шестое место в мире по добыче золота).

Более существенные изменения произошли в землевладении. Накануне завоевания земля находилась в общем пользовании барангая. Там, где не было поливного земледелия, частая смена участков из-за быстрого истощения почвы исключала закрепление их за отдельными лицами и даже за отдельными общинами. По сути, барангай мог иметь столько земли, сколько его жители были в состоянии обработать и защитить от набегов соседей. Идея частной собственности на землю была чужда обычному филиппинскому праву, хотя не исключено, что

кое-где на Лусоне зарождались элементы феодальных отношений. С точки зрения традиционного правосознания никто не мог отчуждать ее. Испанцы же с самого начала признали дато, махарлика и всех свободных собственниками участков, которые обрабатывались зависимыми людьми, и «покупали» у них эти участки. Так, иезуиты «приобрели» у местного дато земли барангая Киапо (в то время деревня близ Манилы, ныне ее центр) и, несмотря на протесты жителей, остались там полными хозяевами, ибо с документами в руках доказали колониальной администрации, что все было сделано «на законном основании»⁴. По мнению филиппинцев, это был грабеж — нечто вроде насильственного захвата земель одного барангая другим, а ссылки на неведомый им «закон» и «порядок» были для них пустым звуком.

При испанцах получили распространение две формы землевладения, одинаково чуждые местной традиции. Земли, обрабатываемые барангаями, стали рассматриваться как собственность дато и махарлика и могли быть отчуждены. Остальные были объявлены собственностью короны. Ими наделяли испанцев и тех филиппинцев, которые селились во вновь созданных городах. Эти земли наследовались, но не подлежали отчуждению без согласия властей. В случае если они не обрабатывались в течение двух лет, они снова переходили к короне.

Раздавались земли весьма щедро: их было немало, кроме того, шел интенсивный процесс обезземеливания крестьянства. Нередко за заслуги выделяли «столько земли, сколько можно объехать за день». Многие богатейшие семьи на Филиппинах именно тогда и заложили основу своего богатства. С приходом американцев «свя-

---

⁴ Подобное происходит и в наше время при столкновениях христианских переселенцев с национальными меньшинствами. В 1969 г. племя аэта с о-ва Минданао прислало в Манилу ходоков с жалобой на то, что у них отобрала землю одна компания. По их словам, представители компании вначале обращались с ними очень хорошо и были щедры на угощение и выпивку. В обмен же попросили сущий пустяк — вожди племени должны были опустить пальцы в черную жидкость и приложить их к бумаге. Вожди, не представляя себе возможных последствий такого шага, согласились. Отношение к аэта мигром переменялось: их стали сгонять с земли на «законном основании». На стороне более цивилизованных переселенцев винтовки, бульдозеры и, самое главное, закон, о котором племена не имеют ни малейшего понятия.

щенный принцип частной собственности», разумеется, не был поколеблен. Были выкуплены только земли монашеских орденов, прочие же владельцы получили подтверждение своих прав от новой колониальной администрации.

Взгляд на землю как на объект собственности был принесен на Филиппины четыреста лет назад. И все же эта идея плохо уживается с еще стойкими традиционными взглядами. «Кто пользуется землей, тому она и принадлежит» — так было в барангае, так это нередко воспринимается и теперь; как раньше каждый имел право осесть на незанятой земле, так и сейчас можно занять ее, нисколько не заботясь о том, кто ею формально владеет (она «божья»). Если участок пустует, если на нем отсутствуют явные признаки принадлежности кому-либо (строение, ограда), то, по мнению филиппинцев, всякий может занять его. Здесь действует скорее «право первого флага», чем имеющие юридическую силу документы, которые мало что говорят. И хотя в стране принят гражданский кодекс, почти до запятой повторяющий европейские образцы, отношение филиппинцев к земельной собственности резко отличается от отношения американцев и европейцев.

Примеров тому больше чем достаточно. Все городские трущобы находятся на землях, принадлежащих либо муниципалитету, либо частным лицам. Требование освободить их и передать законному владельцу представляется совершенно необоснованным: раз человек занял неоправданный участок, значит, он может пользоваться им по праву, «по законам божьим и человеческим». Его вовсе не интересует, что где-то в муниципалитете лежат бумаги с печатями, удостоверяющие принадлежность земли другому лицу. Вот почему на окраинах Большой Манилы пустующие участки, как правило, обязательно огорожены: хозяева их отлично понимают, что участок без ограды будет быстро занят первым пришедшим и тогда нелегко доказать свои права. Суд, конечно, вынесет постановление в пользу законного владельца, но это не произведет особого впечатления. Бесконечная борьба с обитателями трущоб обычно не приносит успеха: посылаются бульдозеры, лачуги сносятся, но на их месте тотчас же вырастают новые, благо дело это несложное. Главное — вселиться в определенное время: если въедешь

в новый дом в полнолуние, обеспечен достаток, если в новолуние — нищета. И соблюдение данного правила волнует филиппинца гораздо больше, чем мысли о законности занятия земли.

Несмотря на запрещение властей, торговцы устанавливают свои лотки и лавочки прямо на и без того узком тротуаре или на проезжей части улицы. Требование освободить место воспринимается как несправедливое («ведь здесь же никого до меня не было!»). Примечательно, что жители, которые в первую очередь испытывают неудобства, никогда не жалуются, ибо в душе каждый из них все еще признает «право первого флага». Другое дело, когда есть знак владения. Даже в переполненном автобусе в часы «пик» (его берут штурмом, влезают через двери и окна) оставленная на сиденье газета или носовой платок служат указанием на то, что место несвободно, и никто не проявляет недовольства.

Для новичка, вновь прибывшего в страну, такой подход к незанятому пространству становится очевидным при первой же поездке по Маниле. Никакие правила уличного движения не в силах его урегулировать. Ужасные транспортные пробки на улицах способны вывести из равновесия человека с самыми крепкими нервами. Рядность не соблюдается, обгон совершается «по желанию» — справа или слева, — лишь бы можно было втиснуться. Машины идут как угодно и, самое удивительное, могут остановиться где угодно, если шоферу вздумается поболтать с кем-нибудь. Возмущение не будет понято: «Ведь раз я стою на этом месте, значит, оно мое. Вам неудобно, но при чем здесь я?» Свободное место принадлежит тому, кто его занял, и занявший может находиться на нем столько, сколько захочет.

Подобное поведение и в филиппинской и в зарубежной печати часто трактуется как неуважение к закону, как свидетельство недисциплинированности жителей архипелага. На самом деле в этом, вероятно, проявляется несоответствие закона правосознанию филиппинца. С его точки зрения, такое поведение вполне оправданно и отнюдь не говорит о расхлябанности. Введенный испанцами институт частной собственности на землю и поныне трудно совмещается с традиционными взглядами: простой филиппинец все еще склонен смотреть на нее так же, как его предок в барангае, хотя, конечно, современ-

ный крестьянин знает, что такое купля-продажа земли, и прекрасно осведомлен о ее цене.

Заметные сдвиги произошли в социальной структуре общества. Колониальное порабощение смяло систему общественных отношений, сложившуюся на архипелаге к моменту прихода испанцев. В отличие от голландцев в Индонезии или англичан в Индии, конкистадоры не нашли на островах мощных феодальных монархий, а потому не ощутили надобности сохранять даже видимость местной власти в покоренных областях. Не считаясь ни с общественными порядками, ни с религией филиппинцев, они присвоили себе права старой верхушки (она осталась, но с иной функцией), не унаследовав ее обязанностей. Только низшие и средние звенья созданного испанцами феодально-бюрократического аппарата были доверены туземным вождям. За ними была закреплена функция сборщиков налогов и поставщиков принудительной рабочей силы для колонизаторов. Именно в этом слое последние могли бы получить социальную опору новому режиму. Однако на первых порах от их алчности и высокомерия страдала и местная власть. Правда, старая верхушка была освобождена от повинностей и налогов, но зато всякий недобор взыскивался с нее.

Один из первых испанских епископов отмечал, что если вожди «не дают так много, как с них спрашивают, и не платят за наличествующее число жителей, они (испанцы. — *И. П.*) оскорбляют старейшин и заключают их в тюрьму. Все энкомендерос, когда они отправляются взимать налоги, берут с собой стражу, хватают и истязают туземных вождей. Если не находят старейшин, хватают их жен и детей. Согласно донесениям, многие старейшины умерли от пыток». Не удивительно, что вооруженные восстания нередко возглавлялись именно представителями местной знати.

В XVII в. прежние барангаи начали утрачивать черты родовой общины и превращаться в мелкую административную единицу, объединявшую определенное число налогоплательщиков. Каждый филиппинский подданный испанской короны был приписан к какому-нибудь барангаю, но мог перейти в другой, за что должен был уплатить немалую сумму, а кроме того, выставить угощение в своей общине. До прихода испанцев горизонтальной мобильности, т. е. переходов на новое место жительст-

ва, практически вообще не было, так как за пределами родного барангая человек попадал во враждебное окружение, где всякий мог убить его. Чтобы облегчить работу фиска, а также усилить надзор священников и монахов за новообращенными, колонизаторы предприняли попытки укрупнить деревни и довести население в них до 2,5—5 тыс. человек. На официальном языке это называлось *редукция*, т. е. уменьшение (имелось в виду уменьшение количества деревень).

У испанцев уже был некоторый опыт—они осуществили редукцию в Новом Свете, однако на Филиппинах их попытки ни к чему не привели. Дело не только в том, что на архипелаге у них было меньше сил, чем в американских колониях. Филиппинцы просто никак не хотели покидать свои поля, где находились могилы предков и обитали родные духи⁵. На новом месте их ждала неизвестность. Пугала необходимость уживаться с чужими людьми, что для филиппинцев не менее трудно, чем оторваться от родных и близких. Поэтому и через сто лет после начала редукции на архипелаге насчитывалось всего около двадцати деревень с населением более 2 тыс. человек. Испанский архиепископ констатировал: «Нельзя не признать, что туземцы могли бы быть лучше поставлены в вере и жить более упорядоченно в результате редукции, но они так привязаны к родным хижинам и полям, что для проведения ее (редукции.—И. П.) требуются огромные усилия, а результаты все равно оказываются незначительными».

Насильственное переселение было столь же ненавистно жителям островов, как и принудительный труд, и сопротивлялись они так отчаянно, что даже монахи, наиболее рьяно ратовавшие за укрупнение деревень, вынуждены были отступить.

Не сумев укрупнить барангай, колонизаторы несколько изменили структуру власти в нем. Они стремились привлечь на свою сторону «благородное сословие» и тем укрепить свою социальную базу в колонии. Во главе барангая по-прежнему стоял вождь, но теперь он получил титул *кабэса де барангай*— «глава барангая» — и ему,

---

⁵ И сейчас жители островов испытывают привязанность к родным деревням, только, пожалуй, илоканцы проявляют поразительную для филиппинцев охоту к перемене мест.

подобно испанским идальго, разрешалось прибавлять к имени приставку «дон». Эта должность переходила к его старшему сыну, а при отсутствии детей избирался новый кабеса. К концу испанского владычества наследственная власть была заменена выборной: главу барангая избирали «лучшие люди» на три года, и, если он оставался на этом посту три срока, должность сохранялась за ним пожизненно. Позднее барангай был переименован в *бáрио* (по-испански «квартал», «поселок»), а глава его — в *тенъенте* — «лейтенанта». (Эта должность существует и сейчас, но лет десять назад сельского старосту стали называть «капитаном» — на Филиппинах любят такого рода «повышения».)

Несколько барио составляли *пуэбло*. Центр его, называвшийся *кабесэра*, имел приходскую церковь (в деревнях в лучшем случае были лишь часовни), а в прочем он на первых порах мало отличался от обыкновенного барангая. Нынешние провинциальные центры — это бывшие кабесеры. Накануне революции 1896 г. они были переименованы в *побласьбн*, а *пуэбло* — в муниципалитет, так они называются и теперь. Пуэбло возглавлял *гобернадорсильо* — «маленький губернатор» (слово в устах испанцев имело несколько уничижительный оттенок, нечто вроде «губернаторишка»). На этот пост мужское население должно было выбирать из местной знати трех кандидатов, и один из них утверждался представителем короны.

Должность гобернадорсильо сулила известные выгоды, давала возможность обогащаться — он получал 0,5% налогов, собранных в пуэбло, и, кроме того, направлял на принудительные работы, от которых люди зажиточные могли откупиться, — тоже немаловажный источник доходов. Данной должности добивались, прибегая к таким средствам, как подкуп, устройство праздников и т. д. (обычно не в муниципальном центре, где священник не допускал этого, а в барио). С конца XVII в. в выборах гобернадорсильо участвовали уже не все мужчины, а только двенадцать самых старших глав барангаев, право же окончательного утверждения по-прежнему оставалось за представителем короны. В результате система местного управления стала менее демократичной, власть окончательно закрепилась за узким кругом лиц.

В кабесерах были и другие выборные лица: замести-

тель говернадорсильо, начальник полиции, инспектор пальмовых деревьев, инспектор по рису и нотариус. Кроме того, некоторые местные жители из зажиточных семей занимали церковные должности, но не выше ризничего, священником же мог быть только испанец.

Вот эти-то люди, обычно (но не обязательно) связанные с прежней родовой и феодальной (там, где она была) аристократией, составляли высший класс туземного общества — *принсипалию*. Представителей ее называли *принсипалес* или *каси́ками*. Они обладали теми же правами, что и бывшие дато: освобождались от налогов и принудительного труда, использовали свое положение для приобретения земли, которую они сдавали в аренду, и таким образом превращались в феодальных помещиков. Сословие принсипалес пополнялось также испанскими и китайскими метисами, разбогатевшими землевладельцами и пр.

При обсуждении различных вопросов касики не имели решающего голоса, но осуществление решений во многом зависело от них. Они обладали реальной властью над теми, кто стоял ниже их. Они не были застрахованы от произвола испанцев, особенно от произвола священника, который был царьком в приходе, однако получали возможность обогащаться. На них смотрели так же, как раньше смотрели на дато, и служили им так же, как служили прежним дато. Представители этой обновившейся элиты выступали в роли покровителей и благодетелей. Отношения «внутреннего долга», связывавшие их с подопечными, если не исключали, то все же значительно уменьшали возможность протеста со стороны последних. Испанцы, напротив, всегда воспринимались как враждебный элемент.

Принсипалия монополизировала власть на местах. Система управления была целиком олигархической по своему характеру и в общем таковой и осталась, несмотря на различные законодательные изменения в период американского колониального господства и после предоставления независимости. Превращение родовой аристократии в бюрократическую олигархию — одно из главных наследий испанского колониального режима. Власть, причем уже не власть вождя, а политическая, сосредоточилась в руках немногочисленных семейств, которые и сейчас творят суд и расправу по своей прихоти.

То, что верхушка по-прежнему была связана с более низкими социальными слоями отношениями, во многом сохранившими родовой, патриархальный характер, делало ее позиции особенно прочными. При испанцах ее власть кончалась на уровне муниципалитета, в настоящее время распространяется на всю страну, причем осуществляется одними и теми же семействами. Если просмотреть список имен крупнейших политических деятелей современных Филиппин, почти после каждого можно найти добавление «младший», а то и «третий», «четвертый»: отцы, деды и прадеды этих деятелей играли важную роль в политической жизни страны, потомки унаследовали власть и не намерены делиться ею ни с кем.

Более крупная административная единица — *алькальдía майор*, впоследствии переименованная в провинцию, управлялась *алькальдом*, и им мог быть исключительно испанец. Он получал довольно скромное жалованье, поскольку предполагалось, что остальное он «доберет» на месте, и, надо сказать, подобные предположения всегда оправдывались. Возможности к тому имелись немалые. Алькальд был высшим административным, судебным, финансовым и военным лицом в провинции. Он собирал налоги обычно сверх размеров, предписанных законом. Ему давалось право заниматься коммерческой деятельностью (и с ним никто не осмеливался конкурировать), а также ростовщичеством.

Верховная власть над архипелагом сосредоточивалась в руках испанского генерал-губернатора, который, будучи главным военачальником, именовался и капитан-генералом. Ему предоставлялись самые широкие полномочия, ибо при тогдашних средствах связи управлять непосредственно из Мадрида было невозможно. Даже королевские указы вступали в силу только после его одобрения, т. е. он самостоятельно решал, применим ли тот или иной указ в конкретных филиппинских условиях.

Чтобы как-то бороться со злоупотреблениями генерал-губернаторов, корона посылала в колонию ревизоров и помимо того в конце срока службы генерал-губернаторов проводила расследование их деятельности, без чего эти чиновники высокого ранга не могли получить нового назначения. Контроль, однако, был недостаточным, и, как правило, они использовали свои посты для личного обогащения. Поэтому их часто отзывали — с 1565

по 1898 г. на Филиппинах сменились 116 генерал-губернаторов, а только за период с 1835 по 1897 г. — 50 (т. е. каждый служил в среднем чуть больше года). Естественно, в таких условиях ни о какой преемственности в деятельности высших колониальных чиновников говорить не приходилось. Дела не доводились до конца, редкие положительные начинания не претворялись в жизнь.

Созданная колонизаторами система управления охватывала всю страну. Различные народности Филиппин страдали от одного и того же зла, подчинялись одним и тем же лицам, должны были соблюдать одни и те же законы. Это явилось сильным объединяющим фактором.

Однако объединение не было результатом развития исстари сложившихся форм организации общества, оно было проведено насильственно извне и осуществлялось варварскими способами. Испанцы отнюдь не ставили своей целью образование филиппинского государства — они думали исключительно об эффективности колониального режима.

Особое место в системе угнетения принадлежало церкви и монашеским орденам, сыгравшим зловещую роль в филиппинской истории. Духовная власть выступала реальной политической силой и постоянно оспаривала права светской. Корона боялась укрепления и той и другой и была не прочь сознательно стравливать их, сохраняя за собой последнее слово. Исполнительная власть, принадлежавшая генерал-губернатору, была бессильна перед церковной (известной автономией пользовались суд и фиск, подчинявшиеся Мадриду). Борьба между ними шла непрерывно, причем часто принимала крайние формы. Один губернатор был растерзан фанатичной толпой, которую вели монахи, другой — публично обесчещен и сослан на отдаленный остров, где провел пять лет, тщетно пытаясь связаться с Мадридом, третий — брошен в подземелья августинцев. Один архиепископ был заключен в казематы манильского форта, другой подвергся нападению губернаторских солдат, и напрасно он, цепляясь за алтарь, твердил о неприкосновенности священнослужителей, это его не спасло.

Но вообще церковь почти всегда брала верх. Удаленность от метрополии позволяла монахам игнорировать даже те скромные ограничения, которые налагались на них законом и уставами их собственных орденов. Сна-

чала на Филиппины прибыли августинцы, затем появились францисканцы, иезуиты и доминиканцы. О последних здесь говорили не без иронии: они, свято чтя привычки основателя ордена, уговаривали филиппинцев, народ очень чистоплотный, не мыться, в чем, правда, не преуспели. Монахи отличались распущенностью: в документах орденов той эпохи часто фигурирует словечко *донжуанисмо* — «донжуанство», свидетельствующее о неподобающем поведении «братьев». (Это было настолько распространенным явлением, что выражение «монашеский у блюдоок» и сегодня часто встречается на архипелаге.)

Место приходских священников в стране почти всегда занимали монахи (черное духовенство), хотя на эту должность в соответствии с установлениями церкви могли назначаться исключительно представители белого духовенства, подчиненного епископам и архиепископам. Монахи признавали только власть своих орденов, руководство которыми осуществлялось из Рима, и были практически свободны от какого бы то ни было контроля. Они не раз оказывали неповиновение даже манильскому архиепископу.

По решению испанского Совета Индий колония была поделена между орденами, ставшими главными участниками колониального грабежа. Они сосредоточили в своих руках большие земельные владения (в наиболее плодородных провинциях — почти половину земли) и широко использовали принудительный труд на строительстве церквей, монастырей и часовен. Именно от монахов больше всего приходилось терпеть и трудящимся и касикам. Тупые и невежественные, они притесняли принсипалию, парализуя все ее начинания.

Население активно выступало против засилья орденов, считая, что монахи извращают «слово божие», однако при этом оставалось правоверными католиками. Антимонашеские настроения еще не свидетельствовали об антикатолических. Характерен документ конца XIX в., представляющий собой манифест революционного правительства, — «К храбрым сынам Филиппин». В нем, в частности, говорится: «Посмотрите на наши алтари, оскверненные монахами, которые превратили святыни в средство жестокой эксплуатации. Монах не думает о бедных, не стесняет себя моральными ограничениями — его

интересует только золото, которое он получает за крестины, венчание и похороны. Для него филиппинец без денег — неверный, язычник, дикарь, не заслуживающий святых даров, чье тело можно, как падаль, бросить собакам и воронам. Только богатые не умирают без участия». В манифесте отчетливо видна ненависть к монахам, но в нем же сквозит и уважение к религии.

Власть орденов исключала возможность действительно прочного союза местной олигархии с завоевателями, тем более что и со стороны колониальной администрации эта олигархия редко встречала сочувствие. Во время некоторого экономического подъема, начавшегося в XVIII в., принсипалия смогла накопить значительные богатства. Но ее предпринимательская деятельность наталкивалась на высокомерное сопротивление испанских чиновников. Косность их превосходила всякое разумение⁶. О мытарствах, которые приходилось терпеть местным предпринимателям, писал Хосе Рисаль: «Филиппинцы... пытавшиеся заняться коммерческой деятельностью в нашей стране, знают, сколько документов, какое количество аудиенций у разных лиц, сколько гербовой бумаги и какие чудеса терпения требуются для того, чтобы получить от властей разрешение на открытие предприятия. Приходится рассчитывать на добрую волю одного чиновника, на влияние другого, на хорошую взятку третьему для того, чтобы заявление не положили под сукно, а затем на подарок следующему по чину должностному лицу, чтобы он передал бумагу начальнику. Податель заявления молит бога ниспослать одному чиновнику хорошее настроение и время для того, чтобы он прочитал и рассмотрел заявление; другому — способность понять целесообразность сделанного предложения; третьему — неглупую голову, чтобы он не усмотрел в задуманном деле мятежных целей. Он молит всевышнего, чтобы не все чиновники были заняты на купаниях, на охоте или игрой в карты с преподобными отцами-монахами в монастырях или загородных поместьях. Помимо этого нужны огромное терпение, знание всех ходов и выходов, масса денег, множество поклонов, целый ворох

---

⁶ К слову сказать, подобное отношение к делу все еще не исчезло. Не раз приходилось слышать жалобы на то, что в учреждениях необычайно трудно получить подпись на любую бумагу.

подарков и решимость до конца посвятить себя одному этому делу».

Хотя касики до известной степени были порождены колониальным режимом и участвовали в ограблении трудящихся с соизволения испанских властей, в монахах и колониальных бюрократах они видели не охранителей своих прав на эксплуатацию, а людей, ограничивающих эти права, людей, унижающих их достоинство. И не случайно именно принсипалес возглавили антиколониальное движение. Выступая против испанцев, они считали себя выразителями интересов всех филиппинцев, и это в значительной степени соответствовало действительности, так как злейшим врагом всего народа был колониальный режим. А когда представители принсипалии получили доступ к образованию и в стране начала складываться местная интеллигенция, антииспанские настроения приняли еще более выраженный характер.

До середины XIX в. испанцы неуклонно проводили политику недопущения местного населения к образованию, противясь даже тому, чтобы филиппинцы изучали испанский язык (к моменту завоевания архипелага американцами им владело лишь 10% населения). Они считали, что просвещение откроет глаза жителям островов на их бедственное положение. Один монах утверждал, что стоит туземцу помыслить о чем-нибудь кроме своего буйвола, как он тут же становится врагом короля и самого господ бога. Анонимный филиппинский автор (1821 г.) таким образом конструировал ход рассуждений испанцев: «Если мы позволим индейцам изучать испанский язык, некоторые из них могут усомниться в нас... Они будут понимать то, что мы говорим, начнут спорить с нами и писать против нас. Если мы позволим им процветать, они станут слишком богатыми, возомнят себя равными нам, сочтут себя достойными сидеть рядом с нами, есть за одним столом, станут домогаться важных постов, выдвинут из своей среды руководителей. Не позорна ли такая перспектива? Итак, чтобы они и далее пребывали в жалком состоянии, чтобы они прозябали в бедности, верно служили нам, не надо учить их испанскому языку, пусть остаются невеждами, пусть говорят на варварском языке и обмениваются дурацкими мыслями, пусть у них никогда не будет богатства, пусть они испытывают постоянную нужду».

Только в 1863 г. в стране были учреждены публичные школы для филиппинцев. В наше время клерикалы, перечисляя заслуги испанцев и особенно церкви, указывают, что в годы испанского господства на архипелаге открылось несколько учебных заведений, а Университет св. Фомы был создан еще в 1611 г. (раньше Гарварда, чем филиппинцы немало гордятся). Однако при этом они забывают добавить, что до середины XIX в. названные учебные заведения предназначались исключительно для испанцев и даже метисы допускаясь в них с большим трудом.

Со второй половины прошлого столетия принсипалес стали отправлять своих детей в лучшие университеты Европы. Получившие западное образование молодые филиппинцы составили местную интеллектуальную элиту, *иллюстрадос* (по-испански «образованные», «просвещенные»). Эти представители интеллигенции особенно остро ощущали приниженное положение своей родины. Они принесли на Филиппины передовые идеи демократии и социальной справедливости, которые сыграли важную роль в развитии идеологии национально-освободительного движения.

Иллюстрадос открыто выражали недовольство политической и экономической зависимостью от метрополии, несмотря на то что по своей культурной ориентации были испанофилами. «Мать-Испания» оставалась для них духовной родиной (хотя колонизаторы лишь терпели их и отнюдь не считали равными себе — расовый барьер был практически непреодолим). Они не сомневались, что в процессе колонизации Филиппины стали частью испанского мира, что процесс необратим и, следовательно, надо добиваться достойного места в этом мире.

Деятельность иллюстрадос способствовала тому, что разрозненные антииспанские выступления слились в широкое антиколониальное движение, завершившееся в 1898 г. падением колониального режима. Переломным моментом в истории этого движения считается 1872 год, когда взбунтовались рабочие и солдаты арсенала в городе Кавите. Они перебили испанских офицеров и с криками «Смерть монахам!» и «Долой Испанию!» двинулись на Манилу. Восстание было потоплено в крови, сорок «зачинщиков» были расстреляны немедленно. Трех филиппинских священников — Гомеса, Бургоса и Само-

ру, поднявших голос против засилья орденов, обвинили в участии в восстании и предали мучительной смерти на гарроте (удушение железным ошейником).

Казнь трех священников, которых и поныне чтут на Филиппинах, массовые репрессии и преследования имели эффект, обратный тому, на который рассчитывали испанские властители,—привели к росту национального самосознания и вызвали к жизни пропагандистское движение. Руководителями его были илюстрадос, эмигрировавшие в Испанию. Они боролись против крайностей режима, требовали уступок и реформ от властей, своей доли в управлении страной. Крупнейшим идеологом пропагандистского движения стал Хосе Рисаль, популярность которого в стране сегодня поистине колоссальна. Поклонение ему практически не имеет границ. Его творчество и биография являются предметом самого скрупулезного изучения, памятники Рисалю рассеяны по всей стране, во дворе каждой школы возвышается его монумент, его именем названа провинция, и даже страну предлагают назвать в его честь.

Хосе Протасио Рисаль-и-Меркадо-и-Алонсо родился в 1861 г. в зажиточной семье, которая, однако, тоже испытала на себе произвол испанских властей. Он учился в Маниле и жил в доме незадолго перед тем казненного патера Бургоса. Характерно, что, когда юный Рисаль захотел поступить в университет, его мать сказала отцу: «Не посылай его больше в Манилу. Он и так уже знает достаточно. Если он будет знать больше, ему не сносить головы». К сожалению, пророчество ее сбылось.

Еще в годы учебы Рисаль занялся публицистической и писательской деятельностью, что вызвало подозрение властей, и в 1882 г. он уехал в Испанию. В Мадриде он закончил медицинский и филологический факультеты. Это была чрезвычайно одаренная натура. Превосходный окулист и блестящий филолог (говорят, Рисаль знал 22 языка, в том числе русский), он известен также как художник, поэт, скульптор и талантливый этнограф, резко выступавший против расовых теорий.

Подлинную славу принесли Рисалю два романа, написанные на испанском языке, — «Не касайся меня» и «Флибустьеры» (оба имеются в русском переводе). В них разоблачались алчность развратных монахов, тупость и жестокость колониальных чиновников, высмеивались

принсипалес, подражавшие колонизаторам. Романы контрабандным путем доставлялись на Филиппины, и люди, по свидетельству современников, приходили на их читку за десятки километров. Естественно, книги вызвали ярость монахов и администрации, жаждавших расправиться с автором.

В правление либерального губернатора Рисаль вернулся в Манилу (1892 г.) и основал Филиппинскую лигу, в которую вошли видные представители интеллигенции. Организация ставила своей целью объединение страны, развитие экономики, проведение реформ. Как ни умеренны были требования Лиги, испанской администрации они показались страшной крамоллой и Рисаль без суда и следствия сослал на о-в Минданао. В ссылке он развернул бурную деятельность — обучал грамоте местных жителей, оказывал населению медицинскую помощь, и слава его была так велика, что больные приезжали к нему из других стран.

Имя Рисаля стало символом свободы, изгнание создало ему ореол мученика и явилось непосредственным поводом образования *Катипунана* (по-тагальски «союз»), более радикального тайного общества, чем Лига. Основателем его явился член Лиги Андрес Бонифасио, известный в истории Филиппин как «отец филиппинской революции». Он вышел из низов, родился и вырос в трущобах Тондо (этот район Манилы и сейчас трущобный), с детства познал нужду — недаром его называют «Великим плебеем». Он упорно занимался самообразованием и был одним из немногих представителей народа в Лиге. В обществе изысканных илюстрадос Бонифасио производил впечатление выскочки, но он лучше других понимал положение страны, знал, что попытки добиться уступок от испанской администрации тщетны, и видел выход только в вооруженной борьбе против колонизаторов.

Бонифасио направил эмиссара к Рисалю и предложил ему возглавить народное движение. Тот решительно отказался, так как считал, что для отделения от Испании время не настало. Он категорически отверг предложение организовать его побег, более того, попросил испанского губернатора послать его на мятежную Кубу в качестве врача-добровольца на стороне Испании. Просьба была удовлетворена, и Рисаль парохом отплыл в Испанию, с тем чтобы затем ехать на Кубу.

Между тем события на архипелаге приняли новый оборот. Скрывать существование такой большой организации, как Катипунан (к 1896 г. в ней насчитывалось 30 тыс. членов и отделения ее имелись во всех провинциях), становилось труднее. Слухи о ней циркулировали все упорнее и наконец получили подтверждение: один молодой человек выдал организацию на исповеди. Священник, нарушив тайну исповеди, немедленно сообщил об этом властям. В Маниле начался террор, последовали массовые аресты. Лидера Катипунана успели предупредить, и он, оповестив около 500 человек, бежал в город Балинтавак, где был назначен сбор.

Здесь Бонифасио обратился к собравшимся *катипунэ-рос* с вопросом, готовы ли они сражаться за свободу страны и, если надо, умереть за нее. Собравшиеся ответили кличем: «Да здравствуют Филиппины!» Тогда он вынул налоговую карточку, которая одновременно являлась удостоверением личности, и разорвал ее. Присутствовавшие поступили так же, и через мгновение земля побелела от обрывков ненавистных документов. Путь к отступлению был отрезан. Это событие, происшедшее 24 августа 1896 г., вошло в историю страны как «Клич Балинтавака»⁷ и знаменует собой начало революции.

К описанным событиям Хосе Рисаль не имел никакого отношения, тем не менее колониальные власти увидели в них предлог для расправы с ним. Его арестовали на пароходе и доставили в Манилу. Суд приговорил его к расстрелу, и рано утром 30 декабря 1896 г. он был казнен на площади Лунета. (Теперь на этом месте разбит парк его имени и установлен монумент; здесь отмечают все национальные торжества.) Предсмертное стихотворение Рисаля «Последнее прощай!» переведено на многие языки мира, а любой филиппинец — даже с начальным образованием — знает его наизусть. В нем есть такие строки:

Родные Филиппины, печаль моих печалей,
Спокойно говорю я последнее прости,
Я уйду влюбленный, такой же, как вначале,
Прощаюсь с угнетеньем, прощаюсь с палачами.
С собой хочу лишь верность и веру унести.

(Пер. Е. Долматовского)

---

⁷ Новейшие исторические изыскания показали, что это событие произошло не в Балинтаваке, а в соседней деревне Пугад-Лавин (что по-тагальски означает «соколиное гнездо»).

Имя Рисаля обладает огромной притягательной силой, местные политические деятели всех толков неизменно ссылаются на него, доказывая, что именно они наилучшим образом претворяют в жизнь его идеи.

После казни Хосе Рисаля вооруженная борьба против испанцев активизировалась. Стремление Андреса Бонифасио опереться на широкие народные массы вызвало опасение буржуазно-помещичьей верхушки, которая хотя и выступала против испанского господства, но боялась перерастания антииспанской борьбы в борьбу против олигархии. Поэтому она противопоставила Андресу Бонифасио руководителя секции Катипунана в провинции Кавите Эмилио Агинальдо. Этому искусному и ловкому политику, не лишенному военных способностей, удалось одержать несколько побед над войсками колонизаторов, и вскоре он оказался во главе всех вооруженных сил. Бонифасио, ложно обвиненный в контрреволюционной деятельности, был устранен и позднее расстрелян.

Агинальдо установил контакт с испанскими властями и повел переговоры о прекращении вооруженной борьбы, которые в декабре 1897 г. завершились подписанием соглашения. В тексте его ни слова не было сказано об изгнании монахов и проведении реформ. Впоследствии Агинальдо утверждал, что губернатор Примо де Ривера «честью солдата и дворянина» гарантировал их осуществление, но просил не включать пункт об этом в текст. В соответствии с условиями договора Агинальдо и его ближайшие помощники отправились в Гонконг. Перед тем они опубликовали манифест, в котором повстанцам предлагалось сложить оружие. В манильском соборе отслужили благодарственный молебен, власти и монахи ликовали. Однако антииспанское движение не прекратилось.

В это время на международной арене назревали события, которые вскоре оказали огромное влияние на судьбу Филиппин. 23 апреля 1898 г. началась испано-американская война, первая, по определению В. И. Ленина, империалистическая война за передел мира. Находившаяся в азиатских водах американская эскадра под командованием коммодора Дьюи, уже имевшего инструкцию о развертывании наступательных операций, направилась из Гонконга к архипелагу и через неделю миновала о-в Коррехидор, закрывающий вход в Манильскую бухту.

Батареи острова простреливали проливы, однако корабли Дьюи прошли без помех. Испания была совершенно не готова к войне. Суда устаревшей конструкции были плохо оснащены и слабо вооружены. Флагманский корабль адмирала Монтохо имел течь, палубы были завалены дровами, использовавшимися как топливо.

Объявляя о военных действиях против США, испанский генерал-губернатор на Филиппинах сказал: «Наше терпение истощилось. Борьба будет недолгой и решительной». Она и была таковой: бой в Манильской бухте продолжался всего пять часов. Испанцы потеряли весь флот и 500 человек убитыми. У американцев потерь не было. Однако они не могли закрепить морскую победу из-за отсутствия сухопутных сил и потому решили привлечь на свою сторону Агинальдо, обещав ему поддержку в борьбе за независимость. Тот согласился возглавить антииспанское движение, хотя многие из его окружения выражали сомнение в искренности намерений американцев.

19 мая 1898 г. Агинальдо прибыл на архипелаг на американском судне. Его прибытие вызвало взрыв энтузиазма, города один за другим переходили на его сторону, и к июню весь Лусон, за исключением Манилы, был в руках восставших филиппинцев. Блокированная с моря американской эскадрой и осажденная с суши войсками Агинальдо, Манила не могла держаться. Дважды Агинальдо предлагал испанцам капитулировать, но его предложения отклонялись.

Наконец начали прибывать американские сухопутные войска, которые, по договоренности с Агинальдо, тоже приняли участие в осаде филиппинской столицы. Они старались любыми средствами помешать революционной армии овладеть Манилой и вступили в сепаратные переговоры с генерал-губернатором Хауденесом. Он оказался человеком чрезвычайно щепетильным в вопросах чести испанского солдата и дворянина и никак не соглашался сдать город без боя. Идя навстречу рыцарским чувствам губернатора, американцы согласились разыграть комедию штурма. Хауденес специально оговорил, что сдаваться будет только им. Тех это устраивало как нельзя более, и они заверили Хауденеса, что филиппинские войска в столицу не войдут, даже если для этого придется прибегнуть к силе.

13 августа 1898 г. в 11 часов утра войска под командованием генерала Артура Макартура двинулись на штурм. Ровно через двадцать минут испанцы подняли белый флаг — заранее заготовленную простыню на бамбуковом шесте. Престиж испанских генералов был спасен, Манила пала. Так бесславно завершилось трехсотпятидесятилетнее испанское владычество на архипелаге.

* * *

Пребывание испанцев на Филиппинах оставило глубокий, пожалуй неизгладимый, след. Правда, в области экономики было сделано ничтожно мало, но в социальной и политической жизни произошли значительные изменения. Из ничем не связанных мелких общин — барангаев возникла новая политическая общность, государственное образование, охватившее почти все районы архипелага. Эта общность существует и сейчас, хотя Филиппины и многонациональны. В стране нет пресловутой проблемы трайбализма: всякий более или менее грамотный житель островов, обладающий общественным самосознанием, считает себя прежде всего филиппинцем. (Хотя все же принадлежность к политической общности ощущается слабее, чем принадлежность к кругу лиц, связанных отношениями «внутреннего долга».) Объединение было осуществлено испанцами в целях колониального ограбления и духовного порабощения. Однако процесс складывания филиппинской нации начался как раз в борьбе против испанцев и вопреки их стремлениям. Именно в этой борьбе жители островов стали осознавать себя не только частью семьи, родственного коллектива, но и частью более высокого единства — нации. Представители разных народностей — тагалы, висаянцы, илоканцы и другие — не испытывают вражды друг к другу. (Отмечается лишь некоторая неприязнь к лицам иной веры — христиане, мусульмане и язычники не всегда ладят между собой.) Определенные центробежные тенденции (например, сепаратизм мусульман) не в силах преодолеть центростремительный процесс формирования филиппинской нации.

В период колониального господства из представителей феодальной и родовой знати, а также разбогатевших метисов сложилась олигархия, получившая власть на местах, но лишенная доступа в высшие сферы. Испанский абсолютизм доверил ей только низшие звенья коло-

ниальной администрации. Местная олигархия, призванная к решению новых задач, чувствовала себя обделенной. Для трудящихся же, все еще опутанных родовыми пережитками, она была наследницей прав прежних дато и махарлика, и они считали повиновение ей своей обязанностью. Завоеватели требовали такого же повиновения, но в глазах филиппинцев они были чужеземными грабителями, и если им служили, то всегда за страх, а не за совесть. Испанцам не удалось «переадресовать на себя» естественную для отсталого крестьянина покорность. Сила была на их стороне, но лишь грубая физическая сила. Сила же, традиций, норм народной нравственности была на стороне местной знати, которая и использовала ее в антиколониальной борьбе. Именно на это сословие (хотя оно, разумеется, эволюционировало и дальше) опирались американские колонизаторы, и именно представители элиты получили власть из их рук в 1946 г.

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ФИЛИППИН

Наибольшие изменения произошли в духовной жизни страны. Католическая религия — одно из главных наследий испанского владычества. Без учета этого понять современные Филиппины невозможно. Религия была той областью, где обычно не слишком усердные испанцы проявляли повышенное рвение и не шли ни на какие уступки. Если они иногда мирились с тем, что не могли завладеть телом филиппинца, то уж душу требовали целиком. Тем не менее с точки зрения официальной церкви филиппинский католицизм недостаточно ортодоксален. Местное население, воспринявшее христианство, многое в новой религии преобразовало в соответствии со своими наклонностями и прежними традициями.

Насаждение католичества. К моменту прихода испанцев религиозные представления филиппинцев были в основном анимистическими, лишь кое-где успел пустить корни ислам. В целом страна не знала единой религии, каждое племя поклонялось своим богам и духам, хотя в верованиях разных народностей и племен было немало общего. Часто одни и те же божества с теми же функциями, но под другими именами почитались в самых различных районах архипелага.

Космология филиппинцев включала четыре элемента вселенной — сверхъестественные существа, людей, природные объекты и продукты труда. Прежде всего шли боги, причем у многих племен уже выработалась идея верховного божества. Обожествлялись солнце, луна, радуга, звезды и некоторые животные, особенно птицы (они вообще занимают важное место в культах малайско-полинезийских народов), акулы и крокодилы. Ниже богов стояли духи — рек, пещер, полей, лесов, духи, выполнявшие какую-то определенную функцию (например, дух, каравший нарушителей супружеской верности, — он убивал виновных на месте преступления), наконец, духи предков — *ани́то*. Сверхъестественные существа приносили либо зло, либо добро (последнее реже), а потому надо было всячески улаживать их. Обычно трудно было угадать, чего хотят боги и духи; их одобрение проявлялось чисто негативным образом — в отсутствии несчастий.

Многие филиппинцы и сейчас еще верят в духов и стараются отвести от себя их гнев. В числе прочих способов действенным считается и такой: нужно укутить ствол молодого дерева, оставив на нем следы зубов, и уйти, не оглядываясь, тогда гнев, адресованный человеку, обрушится на дерево, и оно засохнет. Ярость крестьянина, увидевшего вдруг на своей папайе следы чужих зубов, не знает предела. На собственном участке он предельно осторожен: не плюет на землю — можно оскорбить духов; перед отправлением естественных надобностей просит у них прощения. (Конечно, если хочешь досадить соседу, лучше всего разозлить таким образом духов на его участке.)

Второй элемент составляли люди. Главное назначение их заключалось в том, чтобы служить сверхъестественным существам и не оскорблять их нарушением многочисленных табу — виновных ждало суровое наказание. Награда за праведную жизнь полагалась в ином мире, хотя понятие о загробной жизни существовало не у всех племен. У некоторых и теперь еще со смехом встречают вопрос, что случается с человеком после смерти: по их словам, «если он умирает, то уж насовсем». У ряда племен распространено представление о рае, попасть в который крайне нелегко (путь туда пролегает по узкой бамбуковой жердочке, причем женщина не может пройти по

ней, если ее не поддерживает муж или возлюбленный, а потому ими следует обзавестись еще в этой жизни).

Природными объектами—землей, лесами, полями, реками, камнями, животными — по праву первозанIMATEлей владели люди. Однако все объекты были населены духами, и они-то, собственно, считались подлинными владельцами, люди же — лишь арендаторами. Вступление во временное пользование предполагало выполнение сложных ритуалов, принесение жертвы (чаще всего курицы, свиньи, буйвола-карабао, а когда-то в незапамятные времена и человеческой), сотворение молитвы, обращение с просьбой к духам не обижаться за вторжение. И в наше время рыбаки перед выходом в море не только ставят свечку святому Петру — покровителю рыбаков, но и пускают в море плотик с вареными яйцами, курицей, бутылкой пальмового вина и — дань современности — сигаретами. Это плата духам за то, что у них позаимствуют рыбу.

Последний элемент вселенной — продукты труда. Они принадлежали человеку, и он волен был распоряжаться ими по своему усмотрению. Но какая-то часть должна была передаваться («по принципу дележа») сверхъестественным существам, с соизволения которых он и создал эти продукты.

Религиозные воззрения филиппинцев соответствовали социальной действительности: та же иерархия, то же повиновение. Мир за пределами барангая был сложным, неуправляемым, враждебным, и сверхъестественные силы воспринимались чуждыми, недоброжелательными. Всякое действие могло прогневить их, а потому лучше держаться прежних обычаев, чтобы не опрокинуть миропорядок и не навлечь на себя несчастий.

До появления испанцев жреческое сословие в стране еще не выделилось: как правило, в роли жриц выступали старые женщины. Не было и культовых зданий, монахи с удивлением отмечали, что для богослужения островитяне используют любое место. И особое сословие служителей культа и культовые сооружения принесли на архипелаг испанцы, и им стоило немалых трудов убедить население в необходимости того и другого.

При неразвитых религиозных воззрениях и политеизме филиппинцев колонизаторам было сравнительно нетрудно насаждать новую религию: просто и без того мно-

гочисленный пантеон пополнился еще одним божеством. На первых порах христианский бог именно так и воспринимался. Но усердие и истовость монашеских орденов привели к тому, что он в конце концов занял главенствующее положение, прежние же боги и духи отошли на второй план и стали рассматриваться как воплощение сил зла.

Монахи считали себя воинами Христа, призванными освободить язычников от власти дьявола, и, за весьма малым исключением, нисколько не сомневались в справедливости своей миссии. С самого начала христианство преподносилось не как модификация старой веры, а как нечто совершенно новое. Миссионеры были нетерпимы к прежним культам: идолы уничтожались, священные рощи вырубались, прежние места поклонения предавались проклятию. Несомненно, жертвой миссионерского рвения стало немало памятников филиппинской культуры. И все же старое мастерство, в частности умение изготавливать языческих идолов, не исчезло. Чаще всего, правда, это лишь поделки для туристов, хотя за большие деньги можно купить и подлинных языческих божков со следами жертвенной крови.

Миссионеров встречали крайне неприветливо — обычно им не давали есть. Филиппинцы знали, что от чужеземцев ничего хорошего ждать не приходится, но за монахом почти всегда стоял энкомендеро с вооруженными людьми, и обращение нередко сопровождалось кровопролитием. Порой местные жители избирали единственное доступное им средство спасения — бегство. Случалось, прибывший в деревню миссионер обнаруживал, что его паства скрылась в горах, предварительно уничтожив посеы и отравив воду в колодцах. Покинуть родные места для филиппинца всегда тяжело, и, значит, совсем невыносимым был гнет «культуртрегеров», если избавлением от них служило такое крайнее средство. Иногда с монахами расправлялись; тогда их объявляли мучениками за веру, а вместо них приходили другие.

Получив отпор от взрослых филиппинцев, ордена перенесли основное внимание на детей, особенно детей вождей. Их отбирали у родителей и воспитывали в духе новой религии. Учили также доносить о рецидивах старых языческих обрядов, обещая за доносы царствие небесное. Подрастая, эти дети становились «сильными людьми» в

барангае, и с их помощью обращение пошло значительно успешнее: для прочих членов общины повиновение вождам, даже принявшим к тому времени христианство, было делом обязательным.

Крещению порой помогали неожиданные обстоятельства. Вдруг среди туземцев проносился слух, что оно якобы излечивает от недугов. Поскольку в языческих верованиях важное место занимали магические ритуалы, население и в обряде крещения усмотрело такой же ритуал. Тысячи людей, к умилению патеров, шли креститься сами и несли своих детей, хотя двигада ими жажда не благодати божьей, а исцеления.

Обращенных уже не оставляли в покое. Их принуждали — часто силой — выполнять все требования новой религии: слушать мессу по воскресеньям, причащаться, исповедоваться и т. д. Любопытный рассказ, отражающий представления тогдашних филиппинцев и их отношение к испанцам, сохранился от XVI в. Некий монах готовил к крещению большую группу «туземцев» и, стремясь убедить их в необходимости этого шага, расписывал прелести христианского рая. Идея рая пришлась всем по душе, и они уже готовы были перейти в новую веру, как вдруг в последнюю минуту кто-то спросил, будут ли в раю испанцы. Получив утвердительный ответ, «туземцы» наотрез отказались креститься, ибо «не хотели отправляться туда, где есть испанцы».

В первые годы колониального господства (1565—1570) пятеро августинцев во главе с Урданетой убедили перейти в католичество всего около ста человек, но с прибытием монахов других орденов процесс христианизации ускорился: уже в 1583 г. насчитывалось 100 тыс. крещеных, а в 1622 г. — почти полмиллиона. Практически все подвластное испанцам население стало христианским.

Принятие католичества предполагало отказ от некоторых социальных установлений и традиций, несовместимых с новой верой. Каноническое право вступало в конфликт с обычным. Сложности вызывало матримониальное состояние филиппинцев. С простыми верующими никаких затруднений не возникало: они не могли позволить себе иметь более одной жены. Но дато и махарлика были многоженцами. Кроме того, развод по обычному праву давался чрезвычайно легко: супруги могли разойтись на время, а если слишком надоели друг другу, то и навсегда,

что, с точки зрения монахов, было недопустимо. У филиппинцев был и до сих пор в сельских районах сохранился обычай, по которому жених до брака жил некоторое время в доме невесты, чтобы ее родители могли приглядеться к будущему зятю, узнать, каков он в работе⁸. Монахи считали, и, надо сказать, не без оснований, что это ведет к добрачным связям. Их длительная борьба против прежних нравов увенчалась лишь относительным успехом: фактически узаконенная практика иметь кериду есть не что иное, как пережиток доиспанских брачных традиций. Впрочем, как уже говорилось, монахи сами подавали плохой пример.

Ряд требований христианства был просто непонятен филиппинцам. Так, идея исповеди не очень прижилась на местной почве. Они никак не могли осознать, что исповедник не станет сердиться на них за признание в грехах. Это было для них «потерей лица», ведь только «бессовестный» человек раскрывается перед посторонним. И они многое утаивали, в том числе «смертные» грехи, что по католической догме совершенно обесценивает исповедь. Тогда монахи разработали изощренную систему вопросов, которой, пожалуй, может позавидовать любое полицейское учреждение: об одном и том же спрашивали многократно, но вопрос ставили в различной форме, пытаясь поймать прихожанина на противоречиях. С исповедью было связано и другое недоразумение. Исповедующиеся видели, да и сейчас нередко видят, в отпущении грехов не столько прощение за старые грехи, сколько разрешение на совершение новых; епитимья понималась как дозволение нарушать заповедь — главным образом седьмую («не прелюбодействуй»).

Вообще представления жителей островов о христианской доктрине были весьма смутными. Предполагалось, что перед крещением «туземцев» должно наставлять в католических догматах, как правило же, индоктринизация сводилась к минимуму. Зачастую обходились без всякого предварительного обучения. Но даже если оно и осуществлялось, результаты были более чем скромными.

---

⁸ Этот обычай в наши дни часто приводит к злоупотреблениям, особенно если бедняк просит руки девушки из зажиточного семейства: подчас после того, как он долго и много трудится, ему объявляют, что он — неподходящая партия. Денег за труд при этом не полагаются.

Обычно дело ограничивалось заучиванием текстов, совершенно непонятных для филиппинцев, которые наделяли их магическим смыслом и рассматривали в контексте прежних языческих верований. Христианские догматы воспринимались как заклинания, призванные принести немедленно выздоровление в случае болезни, удачу в пещиных боях и т. д. В 1593 г. была опубликована первая книга на тагальском языке — «Христианская доктрина», содержащая молитвы, символ веры, десять заповедей, перечисление смертных грехов и т. д. Она, впрочем, предназначалась не для филиппинцев, а служила пособием для монахов. Наставление в новой вере шло устно. В центре пуэбло, кабесере, создавались группы из детей «благородных», которые затем просвещали своих соотечественников. Стараясь добиться наибольшей эффективности обучения, монахи использовали некоторые приемы народного творчества. На Висайских островах, например, где население занималось рыболовством, иезуиты перевели «Верую» и другие молитвы, а также десять заповедей на местный язык и придали им ритм рыбацких песен.

Несмотря на все подобного рода ухищрения, католическая доктрина усваивалась плохо, и монахам приходилось внимательно следить, чтобы новообращенные не отпали от христианства. Некий иезуит писал в то время: «Их неразумие мешает им понять всю глубину нашей святой веры. Они плохо выполняют свои христианские обязанности, и их надо удерживать в вере страхом сурового наказания и управлять ими, как детьми».

Филиппинцы мало что могли противопоставить новой религии и были не в состоянии бороться с ней равным оружием, но это не значит, что они пассивно восприняли ее. Старые религиозные представления причудливо переплелись с принесенными миссионерами идеями. В результате католицизм подвергся такой переработке, что многие современные богословы считают возможным говорить об особом филиппинском католицизме и филиппинском христианстве. Причем переработка — скорее бессознательная, чем сознательная, — затронула не только внешнюю, обрядовую сторону католицизма (это сразу бросается в глаза), но и самую суть его учения.

Христианский бог филиппинцев унаследовал много черт своего языческого предшественника, который был довольно суров. От него зависело все, в том числе и жизнь:

верховный бог тагалов Батхала при рождении человека отмечал на древе жизни, сколько тому жить. Он, однако, не потрудился объяснить людям, какого поведения от них ожидает, готов был прогневаться по любому поводу и настаивал на одном — повинении. Подобное отношение к божеству на практике приводило к фатализму, к нежеланию из страха наказания предпринять шаги, могущие иметь следствием отклонение от привычных норм. Разумеется, фатализм был не столько порождением религии, сколько реакцией — и притом единственно возможной в условиях, когда все за пределами барангая таило опасность и несло гибель, — на социальную действительность.

В отличие от любящего и всепрощающего бога-сына Нового завета, искупившего грехи людей, туземный бог напоминал ветхозаветного бога-вседержителя: он не награждал, а карал, требовал не любви, а послушания.

Просить языческого бога о милости было делом опасным; он мог рассердиться за надоедливость, и филиппинцы не особенно докучали ему, выполняя лишь необходимые обряды. Монахи же утверждали, что у бога просить можно («и воздастся вам»). Но как к земному «сильному человеку» филиппинцы никогда не обращались с просьбой непосредственно, так и к небесному «сильному человеку» они стали обращаться через посредников, роль которых выполняли святые. Раньше в иерархии сверхъестественных существ такой промежуточной категории не было; ее ввели испанцы, а жители архипелага наделили их типичными филиппинскими функциями — представительство перед богом и тем самым соблюдение норм пакикисама.

Собственно, многие филиппинцы почти никогда не молятся богу: они молятся святым, прося у них заступничества перед богом. Каждая профессия имеет своего покровителя: у крестьян — это святой Исидро, у рыбаков — святой Педро (Петр), тоже рыбак, у пастухов — святой Антоний, он же покровитель влюбленных. Кроме того, есть местные святые, к которым обращаются, если затрудняются найти небесного посредника своей профессии. Полагают, что они достигли столь высокого статуса не столько праведной жизнью и служением богу, сколько тем, что, подобно прежним жрицам, обладали могущественными магическими чарами. (Мне однажды объяснили, что кое-что в святости понимают священники, а кое-что —

колдуны, поэтому надо следовать советам и тех и других.) Адресуясь к святым, филиппинец просит их пустить в ход магическую силу для оказания ему скорой и действительной помощи. Считается, что даже бог не в силах противостоять этой силе.

Как раньше идея верховного бога была смутной и неопределенной, в противоположность представлениям о более конкретных духах природы, так и теперь образ христианского бога остается нерасчлененным и неоформленным и фактически теряется за более близкими (чуть ли не родственными) образами святых. Некоторые католические богословы—возможно, несколько преувеличивая—утверждают, что у ряда филиппинских католиков идея бога вообще отсутствует и они верят только в святых. Фактически это означает сохранение прежнего политеизма. Впрочем, здесь филиппинские христиане не слишком отличаются от простых верующих католических стран Европы.

Существует и другой подход к христианскому богу, тоже мало соответствующий католической доктрине и основывающийся на традиционных воззрениях. Христос принял смерть на кресте за всех людей, значит, и за каждого филиппинца, оказав тем самым ему величайшее благо. Следовательно, и он находится у Христа в долгу, ибо за такую услугу надо платить, этого требует утанг на лоб. Христианская идея искупления истолковывается в данном случае как идея неоплатного долга, обязательно для всякого филиппинца. Простой тао видит в страданиях Христа не искупление грехов человечества, а непосредственно ему оказанную услугу, и считает себя за нее обязанным. Это отчасти объясняет ту власть, которую религия имеет над умами филиппинского верующего: для него отречься от Христа означает поставить себя в положение уаланг хийа, «бессовестного». Некоторая совместимость христианской идеи с традиционными представлениями сделала насаждение христианства на архипелаге более легким, чем, например, в Японии, где идея распятого бога плохо гармонировала с кодексом чести самураев.

Но и бог по принципу взаимности кое-чем обязан почитающим его людям, и эти отношения должны постоянно подкрепляться обеими сторонами. Здесь бог, по сути, низводится до положения доброго *náre* — «кума», для

которого выполнение принципов пакикисама и утанг на лооб столь же непременно, как и для любого смертного. Нечего и говорить, что в этом мало христианского: бог кажется близким, почти обычным человеком. Благодаря системе утанг на лооб между верующим и Христом устанавливаются прочные, чуть ли не родственные связи; точно так же как он не отделяет себя от своих родных, он не отделяет себя от бога и нередко отождествляет себя с ним. В стране то и дело объявляются люди, претендующие на божественность, и они всегда находят сторонников: для филиппинского верующего нет ничего странного в том, что господь — один из них. Претендентов слушают беспрекословно, а это чревато опасными последствиями, о чем свидетельствуют события мая 1967 г. Фанатики из религиозной секты («Свобода») считали своего главу — престарелого Валентино де лос Сантоса (ему было за 80) богом, да и сам он, скорее всего, в этом не сомневался. По словам де лос Сантоса, его подвигла та же сила, что и Жанну д'Арк. Его приверженцы — а их было около 42 тыс. — не признавали никаких других властей.

Тот факт, что при живом боге президентский дворец занимало другое лицо, казался членам секты «Свобода» вопиющей несправедливостью, и было решено заставить президента «сдаться». Рано утром 21 мая у дома де лос Сантоса собралась огромная толпа. Он объявил, что делает всех неуязвимыми для пуль, и ослепленные верой люди отправились ко дворцу, вооруженные только ножами. Вероятно, они не намеревались пускать их в ход и ждали чуда. Но чуда не произошло: им предложили останиться, никто не повиновался. Полиция открыла огонь, и 32 человека были убиты, остальные разогнаны. Валентино де лос Сантоса отправили в клинику для душевнобольных на обследование — полагали, что у него паранойя.

Трагедия мая 1967 г. с потрясающей отчетливостью показала забитость и невежество части филиппинских тружеников. Пример такого рода — далеко не единственный. В подобных событиях находит отражение и социальный протест, хотя и облеченный в религиозные формы. Не случайно 70% членов этой секты были безземельными крестьянами, а прочие — безработными.

Итак, отношение к богу двойственное: его либо вообще практически не знают и поклоняются только святым,

либо знают как «сильного человека», который должен быть добрым к «маленьким людям», готовым оградить их от всяких невзгод. И в том и в другом случае от христианского спасителя остается немного. Конечно, такой взгляд на бога присущ в первую очередь крестьянам, но ведь они-то и составляют большинство филиппинского населения.

Приняв христианство, филиппинцы не отреклись от привычных духов, хотя те несколько видоизменились. Как это нередко бывает при столкновении религий, духи побежденного вероучения стали ассоциироваться с силами зла в религии-победительнице, стали восприниматься как порождение дьявола. Они по-прежнему занимают воображение жителей островов. Теологи с огорчением вынуждены констатировать, что те невероятно суеверны. По крайней мере четыре пятых населения и сейчас не сомневаются в существовании духов. Бывает, что людей по обвинению в колдовстве выжидают из родных деревень, случается, женщин, подозреваемых в том, что они ведьмы, убивают.

В лесу, по поверью, обитает *тикбаланг* — злой дух со свиным рылом и козлиными ногами. Он появляется в сумерки в дождливую погоду и преследует путников. Его можно увидеть, если пошире расставить ноги, наклониться и посмотреть назад. Филиппинский эквивалент нашей ведьмы называется *асуван* (иногда этим словом обозначается любой злой дух). Днем это прекрасная девушка, ничем не отличающаяся от прочих смертных, но с наступлением темноты верхняя часть ее туловища отделяется от нижней и отправляется на поиски добычи — маленьких детей. Рассказывают, что иногда в лесу попадается нижняя часть туловища; если посыпать ее солью, она не сможет соединиться с верхней и погибнет. Чтобы отогнать ведьму, прибегают и к другим средствам: под домом (особенно если в нем есть маленькие дети) жгут рога буйвола, отчего поднимается едкий дым, а его якобы не выносит асуван. Для той же цели, как уверяли, чрезвычайно действенны автомобильные покрышки — несколько неожиданное применение атрибутов технического прогресса.

Филиппинцев с детства приучают бояться ведьмы (матери по вечерам пугают детей тем, что уже пролетела птичка, высматривающая для нее добычу). Заодно при-

учают опасаться и всякого незнакомого человека, который-де складывает маленьких детей в мешок, чтобы принести их в жертву при освящении новых зданий, мостов, заводов, сахарных централей и т. п. В этом слышится отзвук тех времен, когда всякое начинание требовало жертвы, нередко человеческой.

Точно так же не умерли и духи предков. В отличие от духов природы, они имеют власть только над своими потомками. Считается, что они внимательно следят за живущими и при случае помогают им, однако, будучи весьма обидчивыми, карают за малейшее непочтение весьма сурово. Потому потомки из страха перед жестоким наказанием выплачивают их долги. Это отчасти объясняет наследственную долговую кабалу. Вообще умершие предки довольно беспокойный народ — такое представление характерно для всех малайцев. На Филиппинах бытует поверье, что большие муравьи, наносящие весьма чувствительные укусы, и есть духи этих предков: они кусают живых, когда чувствуют себя одинокими. В деревнях и по сей день гроб с телом покойника выносят не через дверь, а через окно — иначе кто-нибудь из живых вскоре последует тем же путем. Духов надо всячески ублажать: жертвами, сотворением молитв, совершением католических обрядов.

В газете иногда можно встретить объявление, что некто собирается служить мессу по родственнику, умершему тридцать или сорок лет назад, а то и раньше, и приглашает набожного читателя помолиться за душу покойного (такого не встретишь ни в Италии, ни в Испании), но это объявление отнюдь не свидетельствует о христианском благочестии. Оно указывает, скорее, на то, что человеку не повезло в каком-нибудь деле и он, посоветовавшись с родственниками и тщательно обсудив с ними все обстоятельства на основании семейных преданий (они передаются из поколения в поколение), пришел к выводу, что его поступок вызвал недовольство почившего предка (возможно, об этом известил укус муравья или стрекотанье сверчка). Для того чтобы успокоить его, и заказывается месса. Здесь христианский обряд призван обслуживать языческий обычай. (Вообще христианские обряды и символы, например крест, часто используются не по назначению — в частности, для заговора холодного оружия и т. п.)

Почитание предков, несомненно, один из пережитков первобытнообщинного строя. В родовом обществе главной является связь с родовым коллективом, в который включаются и умершие. И эта связь — не отвлеченная теория, а подлинное чувство, подкрепляемое сознанием того, что предки незримо присутствуют среди потомков, что все несут круговую поруку за живых и мертвых. Мертвые укрепляют родовой коллектив, делают его более прочным, так как их привлечение означает привлечение магических сил. Вот почему филиппинцы всячески ублажают мертвых, начиная с того, что служат по ним мессы, и кончая тем, что кладут на их могилы еду (любимое блюдо покойного) — обычай, несомненно, языческий. Впрочем, и в обществах, уже далеко ушедших от первобытнообщинного строя, немало отголосков прошлого. Когда одного филиппинца спросили, зачем он кладет на могилы родичей еду («ведь мертвые не едят»), он резонно возразил: «А зачем вы кладете на могилы цветы? Ведь мертвые не нюхают».

Почти незыблемой осталась в стране вера в удачу и везение. Филиппинцы твердо убеждены, что в мире есть таинственные чары (как правило, они не персонифицируются), приносящие удачу или, напротив, навлекающие проклятие. Считается, что есть люди, могущие вызывать потусторонние силы, иногда не подозревая этого. Так, если с вашим приходом вдруг произошло какое-то приятное событие, вы, не исключено, получите репутацию удачливого человека, везение которого распространяется на других, и возражать тогда бесполезно, вам скажут: «Просто вы сами не знаете об этом». Ссылки на естественный ход событий воспринимаются как неубедительные. Случается и обратное: с вашим появлением произошло несчастье, и тогда ваша репутация загублена безвозвратно, и никакими стараниями ее не восстановить. Суеверного человека отличает какая-то удивительная способность фиксировать все, что подтверждает его веру, и игнорировать то, что противоречит ей.

В обрядовой сфере трансформация христианства еще более разительна. Вообще ритуальная сторона явно преобладает в местном католицизме. Еще Рисаль писал, что «указы церкви пользуются большим уважением, чем законы бога, ритуалы важнее сути, церемонии важнее принципов». Филиппинцев, собственно, прежде всего привлек-

ла пышность и красочность католических обрядов. Это быстро поняли монахи и использовали для насаждения христианства. Жители островов и до пришествия испанцев очень любили праздники. Обычно начало и окончание сельскохозяйственных работ отмечалось плясками, песнопениями, жертвоприношениями, а также пиршествами с возлияниями. У филиппинцев, как и у других народов на определенной ступени развития, мировосприятие было религиозным по преимуществу, и всякое действие имело сакральное значение. И сейчас в представлении здешнего крестьянина земледелие есть также — и даже в первую очередь — священнодействие, которое должно сопровождаться строго установленным ритуалом.

С приходом колонизаторов языческие сборища сменились христианскими праздниками, которые называются испанским словом *фиэста* и составляют одну из самых красочных особенностей филиппинской жизни. Каждая деревня и каждый город имеют своего святого покровителя, в честь которого и устраивается фиеста, длящаяся три дня, а то и больше. Это — огромное событие для всего населения. Еще за девять дней до праздника начинают служить торжественные мессы по заказу «сильных людей», которые стараются перещеголять друг друга в убранстве алтаря, качестве хора, нарядах.

На улицах воздвигаются арки, создаются кочующие оркестры (в день праздника они начинают играть в четыре утра и будят всех к мессе), проводятся конкурсы красоты, выбираются король и королева фиесты, организуются гонки карабао, а вечером устраивается неперемный фейерверк, к которому филиппинцы явно питают слабость. И, конечно, много едят и пьют. Расходы обычно берут на себя «сильные люди» (своеобразная подать, налагаемая на них традицией). Этим проверяется, насколько правомерно относить ту или иную семью к данной категории: не можешь платить — значит, потерял право на статус. Происходит своего рода «перераспределение доходов» (по сути же просто подачка) — тоже пережиток патриархальности.

В дни фиесты все покинувшие родные места стремятся вернуться туда. Крестьянин вынимает из сундука единственную имеющуюся у него пару башмаков (он наверняка ни разу не обувал их с прошлой фиесты), женщины надевают лучшие платья и украшения. В каждом доме

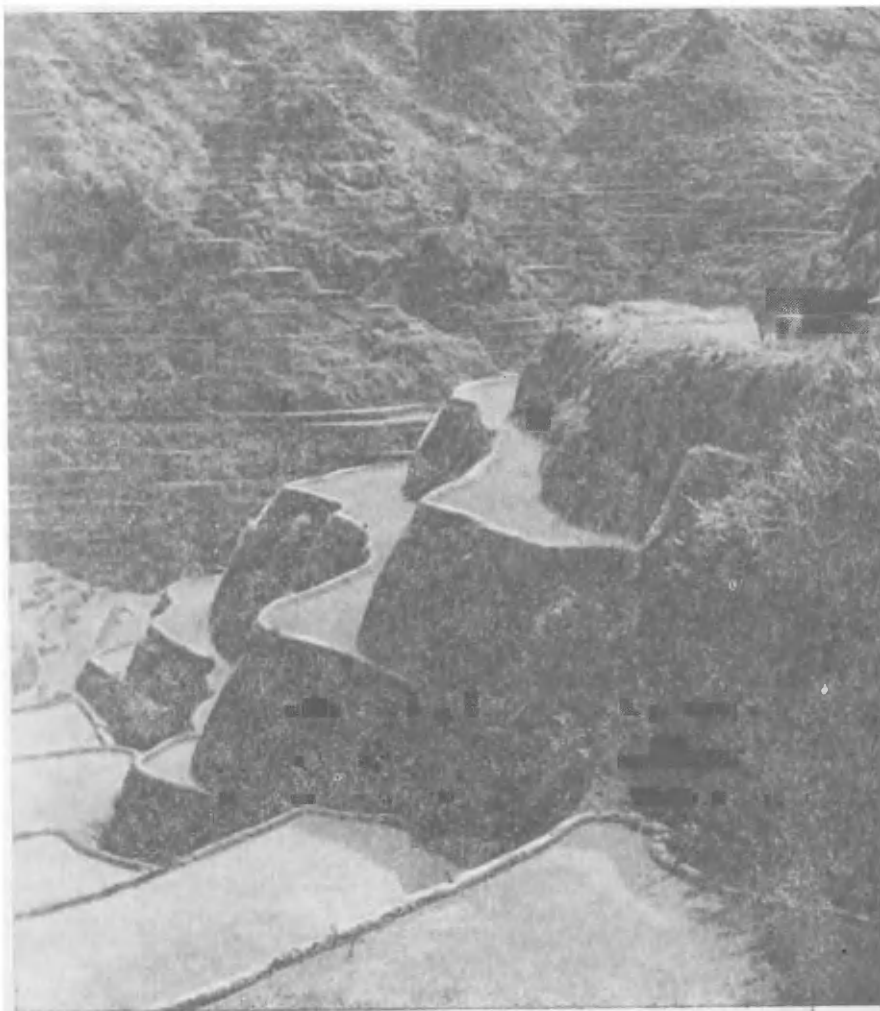
Воин народности пфугао в боевом облачении

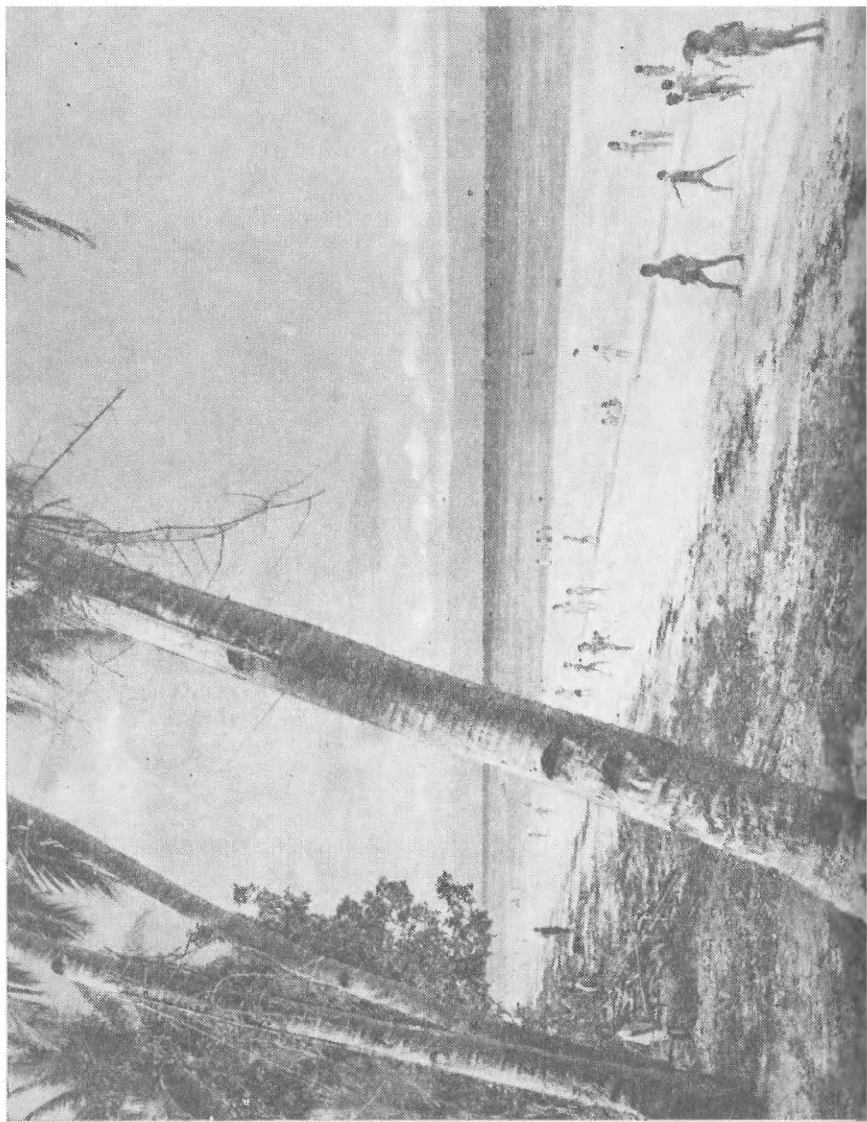
Сажать рис — нештучное дело,
Целый день согнувшись.
Ни разу не выпрямиться,
Ни разу не присесть

(Тагальская народная песня)

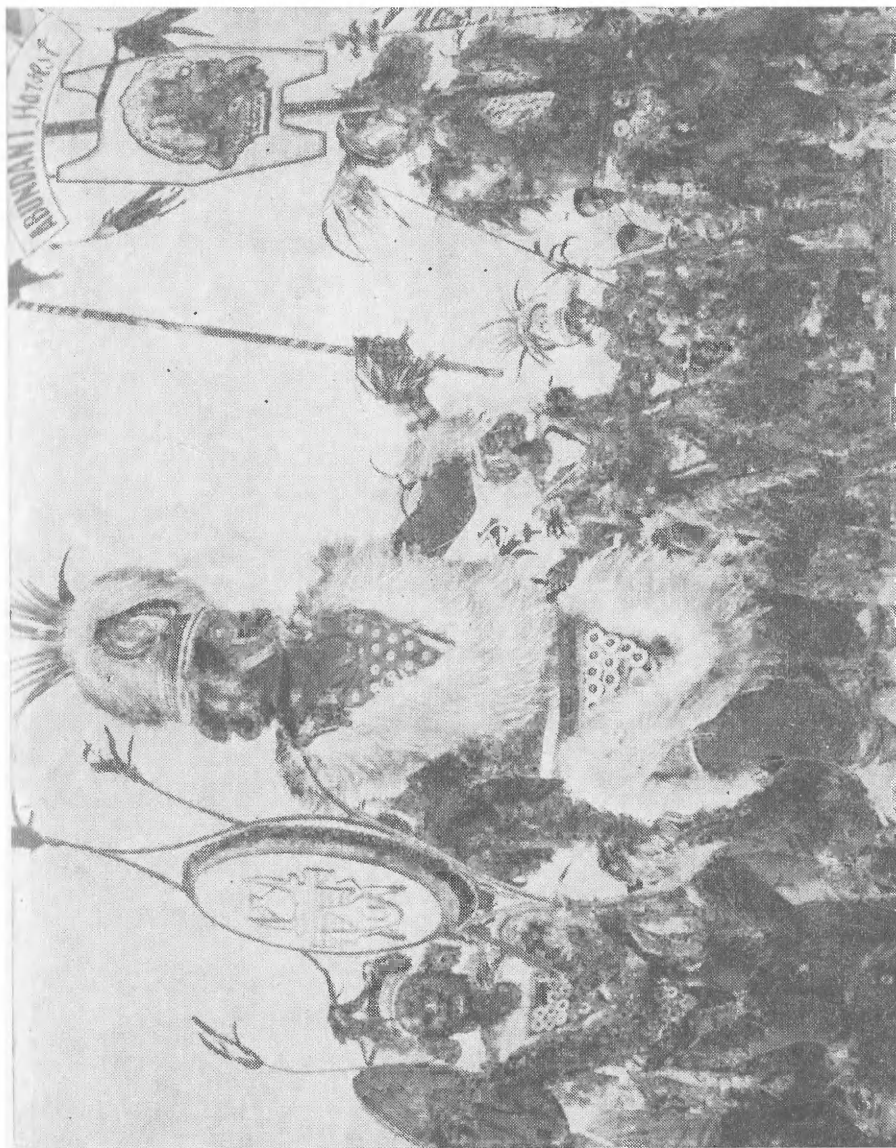

Рисовые террасы, построенные ифугао две тысячи лет назад. На Филиппинах их называют «восьмым чудом света»

Типичный филиппинский пейзаж

Ежегодное празднество в память о договоре, заключенном между малайскими пришельцами с острова Борнео и местными племенами аэта

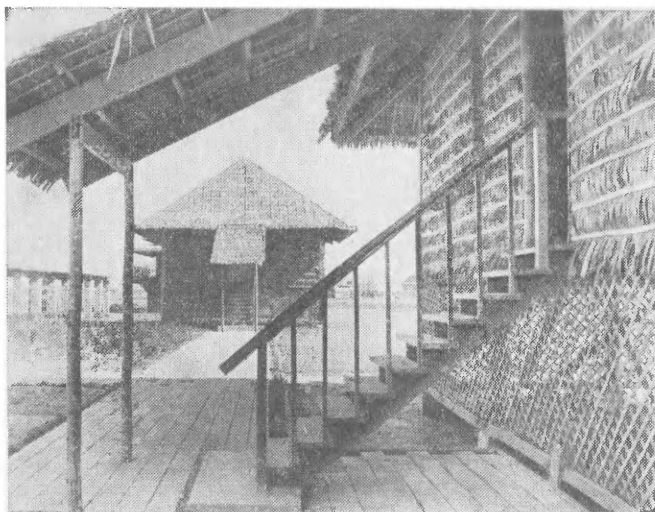

Негри́то из пле́мени аэ́та на охоте

Танцуют девушки-мусульманки

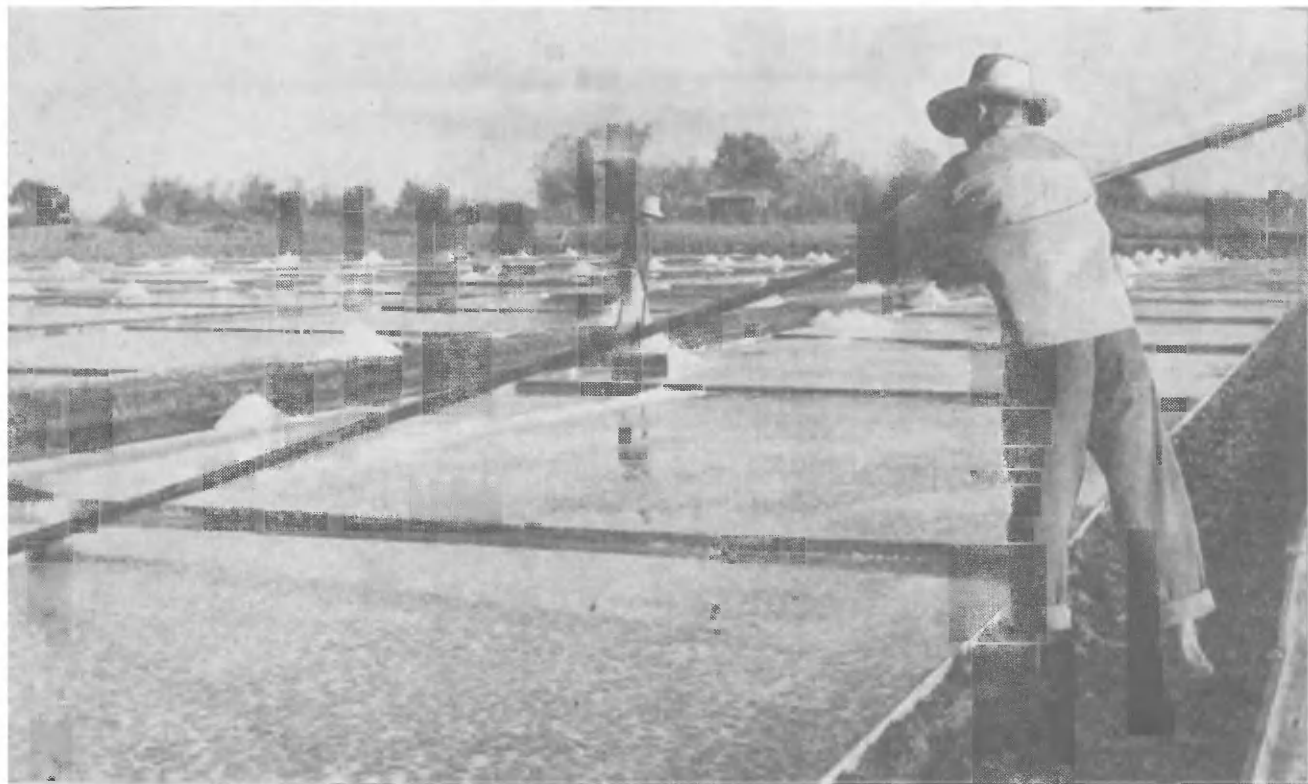

Типичные филиппинские дома

Девушки горных народностей Центрального Лусона

Выпаривание соли из морской воды

→
Памятник Легаспи и Урданете, конкистадору
и монаху, в Маниле

Памятник Магеллану, сооруженный на месте его гибели.
Остров Мактан

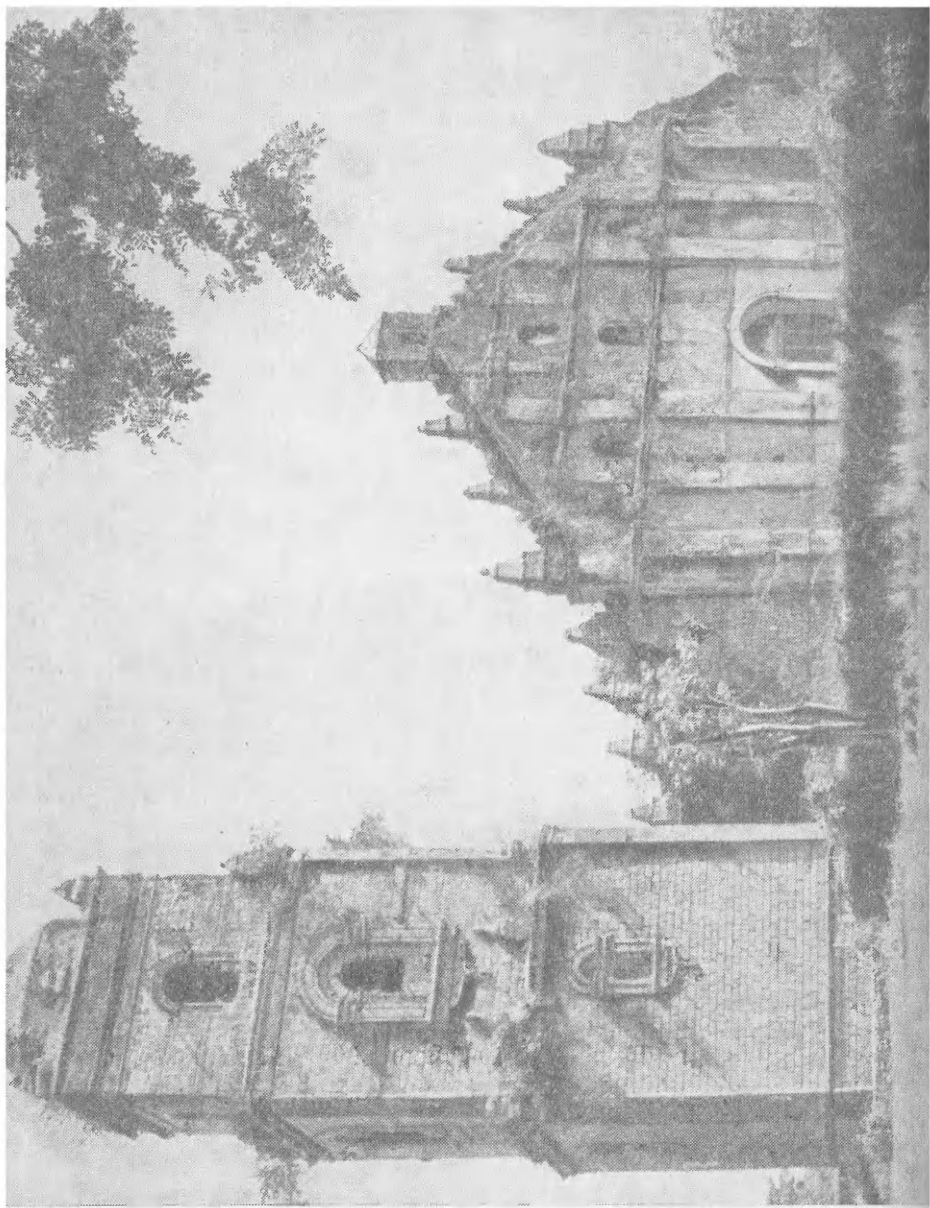

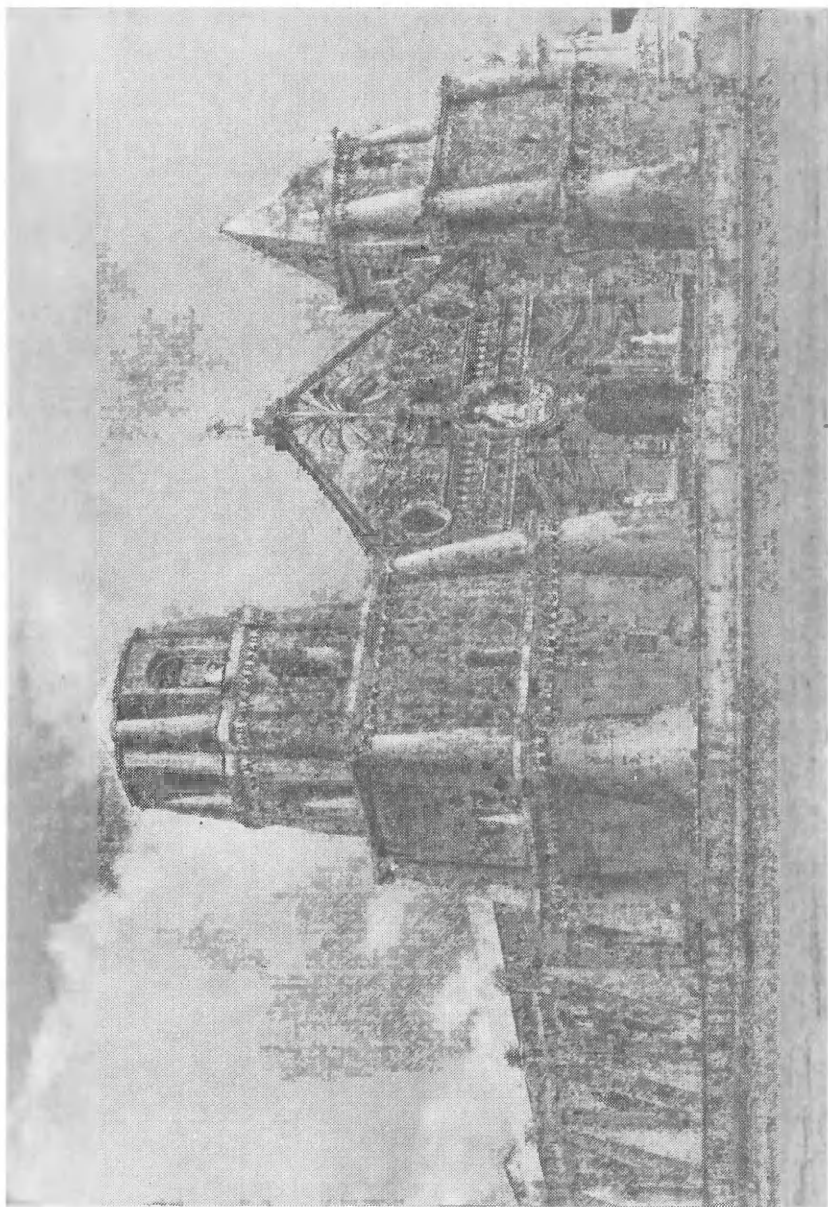

Сторожевая башня периода испанского господства

Заброшенная церковь на севере острова Лусон

Церковь в городе Илоило на острове Панай

Пруссьон. — религиозная процессия в честь местного святого, кульминационный момент фиесты

готовят обильное угощение — нельзя ударить в грязь лицом. Случается, что накопления, сделанные в течение года, спускаются в несколько дней. Филиппинский труженик мирится с лишениями, ограничивает себя во всем, влезает в долги под людоедские проценты — только для того, чтобы блеснуть во время фиесты. Это стремление становится понятным, если представить себе его тусклую, монотонную жизнь. У него просто нет иной возможности почувствовать себя человеком, свободным — пусть три дня в году — от давящей обыденности. Больше ему нигде проявить себя. О том, что будет дальше, задумываются мало: «бахала на», как говорят тагалы в таких случаях, — «будь что будет». Многие считают праздники национальным бедствием, поскольку колоссальные средства тратятся непроизводительно, люди среднего достатка разоряются, бедняки попадают в еще бóльшую зависимость от богачей и ростовщиков.

Даже священники признают, что в фиестах мало христианского: люди пляшут, поют, участвуют в красочных процессиях и почти не думают о боге. Правда, даются театрализованные представления на религиозные темы. Кажется, не оставалось ни одного библейского сюжета, который не был бы инсценирован: показывают, как змий соблазнил Еву, как Иуда предал Христа и т. д. В таких представлениях в роли актеров с огромным удовольствием и великим энтузиазмом выступают сами жители. Разыгрывание мистерий имеет вполне определенный смысл: они служат важным средством социального воспитания, публичного утверждения норм народной нравственности.

Впрочем, нередко праздники оборачиваются другой, некарнавальной стороной, и тогда религиозный фанатизм превосходит всякое разумение. В ряде мест в наши дни, как и в средневековье, устраиваются шествия бичующих себя грешников. Иногда толпа повторяет путь Христа на Голгофу: участники процессии многие километры несут тяжелый крест, причем терновые венцы впиваются им в голову, а специально нанятые люди наносят им удары бичами, в которые вставлены осколки стекла. Бывает и хуже. Находятся добровольцы (недостатка в них, как правило, нет), желающие испытать крестные муки Иисуса Христа, и вот живого человека распинают на глазах у всех. Разгул фанатизма оставляет тягостное впечатление.

Правда, такую готовность терпеть физическую боль в какой-то степени можно объяснить тем, что филиппинцы плохо усваивают идею постоянного воздержания от греха — аскетизм явно не их идеал. Поэтому некоторые предпочитают расплатиться с богом тяжкими страданиями однократно, но зато получить право на невмешательство в их личную жизнь в течение всего следующего года.

Самое грандиозное религиозное шествие устраивается в Маниле, в районе Киапо. Когда-то Киапо был отдельным городом и, как всякий город на архипелаге, имел свою святыню — Черного Назарейнина. Статуя была изготовлена из черного дерева в Мексике, и в чертах лица Христа явно угадываются черты ацтека. С 20-х годов нашего столетия святыня, так сказать, местного масштаба превратилась в общеманильскую, затем в общенациональную, и возник культ Черного Назарейнина. Рассказывают, что однажды приходский священник, спешивший куда-то по своим делам, приказал прекратить традиционную религиозную процессию и вернуть статую в церковь. Но вдруг неожиданно разразилась гроза. Перепуганные прихожане усмотрели в этом гнев божий, разулись и понесли статую дальше. Так ее носят и сейчас: обязательно босиком, обязательно в закатанных по колено штанах, в расстегнутых рубашках и с полотенцем на шее.

Каждый год 9 января у церкви Киапо, где и в обычные дни чрезвычайно многолюдно, собирается вся Манила. На близлежащих улицах перекрывается движение, и из церкви выносят изваяние. Верующие с тревогой всматриваются в него. Если у Сеньора де Киапо лицо темнее обычного (на мой вопрос, как это можно установить, неизменно следовал ответ: «Это же так ясно») — жди беды, если светлее — жди удачи и благополучия. Все исполнено непонятого для непосвященного смысла: больше в этом году оркестров или меньше, беспокойнее толпа или нет. Считается, что всякий, кто сумеет коснуться статуи, обеспечивает себе счастье на целый год, поэтому дело всегда доходит до драки, статуя падает, и это опять-таки многозначительно: чаще ли она падает, чем в прошлом году. В такой давке несчастные случаи — вещь неперемнная. В культе Черного Назарейнина, как и в прочих культах, нетрудно усмотреть тесное переплетение христианских и языческих черт.

Столкновение католичества с язычеством дало разные результаты в разных сферах. Там, где новые религиозные представления не имели аналогии в прежних верованиях, христианские идеи более или менее восторжествовали, хотя и не пустили глубоких корней. Эти идеи обладают для филиппинца скорее концептуальной, чем экзистенциальной реальностью, т. е. он их знает, способен рассуждать о них и объяснить их, но они не пронизывают его жизнь, не служат руководством к действию, поскольку лежат вне его социального опыта. Напротив, о традиционных установках он не рассуждает, он их не осознает, а просто живет ими и часто затрудняется объяснить, почему поступает таким образом, а не иначе («так всегда было», «так все делают»).

Там, где традиционные религиозные представления хоть в какой-то мере совпадали с новыми, произошло переплетение, нередко весьма причудливое, тех и других, причем обычно преобладающим осталось языческое содержание. Христианство, например, признает чудо, что соответствовало взгляду доиспанских филиппинцев на магию. У современных католиков архипелага вера в чудеса практически не знает границ. Чуть ли не каждый месяц газеты сообщают о новых чудесах: то явится сам бог-отец, то Христос, то дева Мария, то какой-нибудь святой, то даже воскресший Хосе Рисаль. Любое, пусть самое пустяковое, событие может быть истолковано как чудо.

Официальная церковь, боясь скомпрометировать веру, скептически относится к подобного рода известиям, но простым верующим скепсис неведом, и они массами устремляются к очередному чуду, на котором ловкие дельцы «греют руки». Парадоксальное положение: в христианской стране существует тьма «чудесных» мест — колодцы, гроты, пещеры; они вроде бы и христианские, тем не менее с поклонением им борются священники, усматривая здесь суеверие.

Многие католические обряды приобрели для филиппинцев особый магический смысл. Они, скажем, глубоко верят в силу святой воды, и спрос на нее огромен. Вновь построенный дом сначала окропляют кровью жертвенной курицы, а потом приглашают патера и совершают освящение. Нередко бывает, что к христианскому обряду прибегают с целью нейтрализовать нежелательные ре-

зультаты, могущие, согласно языческим представлениям, быть следствием каких-то действий, и наоборот⁹.

Прежние верования сохранились почти в первозданной чистоте в тех сферах, где новая религия не дала соответствующих эквивалентов. Так, христианство рекомендует больным для исцеления только молитву, тогда как филиппинцы в тех же случаях практиковали и практикуют по сей день сложные магические обряды. При отсутствии медицинской помощи они не считают возможным ограничиться молитвой и идут к *албуларю* — знахарю, который знает духов и может изгнать их из больного. Знахарь в сельской местности — важная фигура, ему все чем-то обязаны.

Вообще древних суеверий, фактически не тронутых христианством, на архипелаге очень много. Пожалуй, самое распространенное и самое, если можно так выразиться, существенное с точки зрения повседневной жизни — это непоколебимая вера в *антинг-антинг* — амулет, над которым совершают магические действия. Чаще всего он представляет собой листок бумаги или кусочек пергамента с написанными на нем (порой весьма безграмотно) изречениями или молитвой на латинском, испанском, тагальском и других местных языках. Поговаривают, что священники сами изготавливают этот ходкий товар. Драгоценные листочки носят в ладанке либо мешочке. Иногда антинг-антинг имеет форму медальона с изображением девы Марии, Иисуса Христа, а также старинной медали или монеты. Амулет приносит удачу в петушиных боях, помогает осуществить любые желания, но главное — делает человека неуязвимым для пуль и холодного оружия. Есть антинг-антинг, носитель которого может заставить любого плясать до смерти. Есть многоцелевые амулеты: презентованный мне, например, по утверждению дарителя, надежно охраняет от дурного глаза, пуль, холодного оружия и женщин.

---

⁹ Вообще стремление объяснить новые идеи в духе старых наблюдается и при столкновении традиционного мышления с современным научным. Во время эпидемий холеры, столь частых на Филиппинах, крестьян заставляли кипятить питьевую воду. В этом они видят не биологическое, а ритуальное очищение. Научные объяснения обладают малой действительностью, а опытные работники здравоохранения сознательно говорят им о кипячении как о средстве изгнать злых духов. Это для крестьян гораздо убедительнее, чем рассуждения о возбудителях холеры.

Обладателю антинг-антинга (а кто на Филиппинах не имеет его!) неведом страх смерти. Один путешественник рассказывает, что как-то к нему в сопровождении друзей пришел еще не старый тагал и поинтересовался, хорошее ли у него ружье. Путешественник продемонстрировал его действие — пуля пробила толстую доску, чем гость остался очень доволен. Затем он вдруг предложил выстрелить в него. Изумленный хозяин спросил, почему он желает уйти из жизни в таком цветущем возрасте. Гость с достоинством ответил, что не собирается умирать — напротив, намерен прожить до девяноста лет, он просто хотел бы показать друзьям могущество своего антинг-антинга. Путешественник, разумеется, отказался выполнить просьбу. Но нередко бывает, что испытание проводится и неизбежно кончается трагически. И все же веру в чудесное свойство амулетов не может поколебать никакой печальный опыт: просто у того, кому не повезло, был слабый антинг-антинг, а потому надо обзавестись лучшим и более надежным.

Это суеверие распространено не только среди неграмотных крестьян. В числе обладателей антинг-антинга есть немало людей с дипломами лучших колледжей Европы и Америки. Успех в делах и даже в политической карьере тоже нередко приписывают силе амулета. Случается, голосуют за определенного кандидата только потому, что полагают, будто у него могущественный антинг-антинг.

Такая трансформация религиозных воззрений в местном народном католицизме вызывала сомнения богословов, задававшихся вопросом, в какой мере филиппинцы являются католиками и являются ли они ими вообще. В конце концов было решено считать их таковыми, поскольку совершаются все необходимые обряды — крещение, конфирмация, венчание, они периодически причащаются и исповедуются. И все-таки их религиозные воззрения не могут быть сведены только к католической доктрине, а их религиозная практика зачастую резко противоречит основным нормам христианства. Предписания этого вероучения плохо согласуются с дохристианскими представлениями и нередко вступают с ними в конфликт.

Священники сетуют, что в жителе островов часто уживаются и добрый католик и язычник. В нем как бы сосуществуют две системы религиозных ценностей: одна

заимствованная, но уже укоренившаяся, другая исконная, отнюдь еще не утратившая своей власти. Двум системам религиозных ценностей соответствуют две линии поведения, и каждая из них избирается в зависимости от конкретной ситуации, в которую попадает человек.

...Выпускники строгой католической школы собираются через несколько лет после окончания. На встречу приглашаются и наставники-иезуиты. Все очень благопристойно: присутствующие с удовольствием вспоминают годы учебы, почтительно беседуют с учителями. Но вот отцы-иезуиты за поздним временем покидают своих бывших питомцев, и класс почти в полном составе перебирается в ночной клуб весьма сомнительной репутации. Те же самые люди, которые следовали правилам, усвоенным в школе, и проявили, причем совершенно искренне, уважение к учителям, освободившись от присутствия прежних наставников, сочли возможным (и даже обязательным) преступить требования целомудрия, ибо согласно давней традиции подобное поведение допустимо (и даже желательно: оно украшает мужчин). Участники дружеской встречи не усматривают здесь никакого противоречия: «такова жизнь».

...Полицейский каждое воскресенье слушает проповедь о недопустимости взяточничества, регулярно исповедуется и вообще считает себя добрым католиком. И он же собирает *тонг*¹⁰ с лавочек, находящихся в его районе.

---

¹⁰ Этим словом (вероятно, китайского происхождения) обозначается любая мелкая взятка. В стране ее берут и дают на каждом шагу. Существует чуть ли не легализованная такса: владелец частной машины, например, за нарушение правил платит 5 песо (разумеется, не получая квитанции), шофер такси — 2 песо. Обычно между полицейским и задержанным происходит разговор, малопонятный для непосвященных. Первый начинает с жалоб: «жизнь тяжела» и «такова жизнь» — это значит, что он ждет платы (сказать в лоб — бестактность). В ответ задержанный говорит, что у него есть адвокат.

— А кто твой адвокат? — оживляется полицейский.

— Мабини.

— Жаль. Вот если бы Рисаль, тогда другое дело.

Расшифровывается это так: Мабини (деятель филиппинской революции) изображен на бумажке в 1 песо, Рисаль — на бумажке в 5 песо. Никто не задет, ничто не нарушает принцип пакикисама. Если дело серьезнее, то в адвокаты приглашается Магеллан — банкнота в 50 песо. На Филиппинах в ходу даже такие слова, как *сенатонг* вместо «сенатор» и *тонгресмен* вместо «конгрессмен» — намек на мздоимство членов конгресса.

Полицейский имеет понятие о честности и справедливости, однако убежден, что деньги с владельцев берет совершенно законно: ведь он охраняет их, следовательно, естественна и благодарность. Жалованье не в счет, нужны еще близкие, личные отношения, показателем которых и служит тонг. Опять-таки «такова жизнь».

Можно привести тысячи аналогичных примеров из самых различных областей жизни. Если вы укажете на непоследовательность поступков, это скорее всего вызовет недоумение или вам попытаются объяснить все слабостью человеческой натуры (*Акó ай тào лáманг* — «Я всего лишь человек»). Однако дело не просто в человеческой слабости. Последняя выражается в отклонении от единых, общепринятых норм поведения и сопровождается ощущением дискомфорта, чувством вины, воспринимается как угроза целостности личности. В данном же случае допустимо говорить о двух наборах правил поведения, причем оба считаются нормальными. Происходит нечто вроде переключения с одного на другой. Если продолжать настаивать на том, что в поступках видна явная несообразность, недоумение сменится раздражением, затем последует: «Вы ничего не смыслите в жизни» и традиционное «такова жизнь».

Акцентировать внимание на нелогичности, несовместимости действий, продемонстрировать их — худшее, что можно сделать. Это будет истолковано как бесцеремонное вторжение во внутренний мир, грубейшее нарушение норм пакикисама и способно вызвать болезненный взрыв чувства гордости. Подсознательно, видимо, подобная опасность всегда ощущается, что проявляется, в частности, в инстинктивном стремлении держаться подальше от лиц, которые как бы персонифицируют обе линии поведения: от священника и от знахаря, причем больше от первого, потому что знахарь как-никак «свой человек».

Слишком активное вмешательство в те дела, которые филиппинец считает личными, приводит даже к смене церкви. Вот характерный разговор с одним крестьянином, перешедшим из католичества в протестантство, а затем снова ставшим католиком:

— Почему ты опять принял католичество?

— Мне не понравилось у протестантов. Пастор все время требовал, чтобы я что-то делал, а чего-то не делал. Я просто не мог выполнять его требования.

— Но разве у католиков не то же самое?

— Конечно нет. Патер не сует нос в наши дела. Он не приходит в мой дом и не говорит: «Так надо, а так нельзя». Видите ли, он живет далеко и только наезжает сюда. А протестантский пастор живет в нашей деревне. Он приходил ко мне каждый день. Это очень неудобно.

Из этого диалога с очевидностью вытекает, что католический патер предпочтительнее протестантского пастора по той причине, что «живет далеко» и не особенно следит за жизнью паствы.

По филиппинским понятиям, достойный священнослужитель не должен смешиваться с прихожанами. Ему надлежит соблюдать дистанцию, иначе он понизит свой престиж, да и прихожанам будет неловко. Неприятие личности священника порой принимает крайние формы: родственники умирающего, например, предпочитают оставить его без причастия — настолько нестерпима для них мысль о том, что духовник придет в их дом. Порождено такое отношение причинами не только религиозными. С самого начала насаждения христианства носителями новых идей были прежде всего испанские монахи, и филиппинцы встретили их крайне враждебно. Они инстинктивно чувствовали, что есть вещи, о которых тем знать не должно, — в первую очередь, конечно, о соблюдении некоторых языческих обрядов. Монахи в течение всего периода испанского владычества жаловались на «заговор молчания» со стороны местного населения. Человек, сообщавший им о сугубо филиппинских делах, подвергался остракизму. «Заговор молчания» был настолько всеобщим, что любые меры борьбы с ним оказывались неэффективными. Даже поощрение анонимных доносов не дало желаемых результатов.

И сегодня филиппинцы видят в служителях церкви людей, насильственно над ними поставленных, и крайне неохотно допускают их в свою жизнь. Священники пытаются объяснить изоляцию от верующих соображениями морали, благопристойности, стараются выдать ее за свидетельство уважения к ним. По существу же это именно отчужденность, интеллектуальная отчужденность (проповедники излагают абстрактные теологические идеи, почти ничего не говорящие прихожанам), а также нравственная и эмоциональная. Если даже священник не иностранец, то в девяти случаях из десяти он воспитывался

в закрытом учебном заведении и потому не связан настоящим с верующими, не знает их забот и не способен понять их. Многие он не приемлет в реальной жизни простого тао, многое вызывает его неудовольствие, поскольку не согласуется с учением церкви. Но и сам он оказывается в положении отверженного, на него смотрят как на чужого и предпочитают не иметь с ним дела. К нему относятся с почтением и следуют его указаниям, но только в одной довольно узкой сфере, касающейся выполнения обязательных требований католицизма, в прочие же области жизни ход ему заказан. Иногда его просто боятся, как боятся колдуна, могущего наслать порчу. Существует поверье, что у священников огненный язык и произнесенные ими слова осуждения приносят человеку несчастье, а потому лучше им не перечить.

Мне довелось присутствовать на одном семейном торжестве, куда был приглашен монах-иезуит. Мои добрые знакомые чувствовали себя скованно — им было явно не по себе. Напротив, обутый в крепкие армейские башмаки иезуит в белой сутане держался весьма непринужденно: пил вино, курил, всех, даже хозяина дома, покровительственно похлопывал по плечу, был крайне энергичен и, никого не спрашивая, присвоил себе функции распорядителя вечера: назначал, кому петь, кому читать стихи и т. п. Он нисколько не сомневался в своем праве командовать, да и присутствующие, похоже, не оспаривали этого права. И тем не менее между веселым иезуитом и гостями стояла незримая стена отчужденности. Он говорил с ними скорее не как добрый пастырь с паствой, а как добродушный фельдфебель с новобранцами, в основе же угадывалось отношение колонизатора к «туземцам». Иезуит был филиппинцем, но он унаследовал от своих предшественников высокомерие, и никакая кажущаяся доброжелательность не могла скрыть его.

Вообще многое напоминает о том, что христианство, как и другие явления, принесенные с Запада, было навязано насильственно. За долгие годы иностранного владычества его внедрили в душу филиппинца. Однако и прежние представления остались, они оказались только потесненными, загнанными внутрь. Христианские идеи образовали как бы верхний уровень сознания: верующий может связно говорить о них, облекать данные идеи в слова и предложения — этому его научили в школе и

церкви, и именно это обычно бросается в глаза наблюдателю.

Глубже лежит другой уровень, не всегда соприкасающийся с первым. Его составляют традиционные правила, нормы и убеждения, которые в не меньшей, а скорее в большей степени регулируют поведение филиппинца. Их ему не преподают, их он просто получает в готовом виде из жизни. Они с трудом вербализуются, т. е. почти не выражаемы связными словами и предложениями (настолько они кажутся привычными), но зато легче актуализуются, т. е. превращаются в конкретные дела и поступки.

Проповедник в церкви, учитель в школе требуют одного, а жизнь требует другого. Можно запомнить наставления проповедников или учителей, но поступать согласно полученным от них советам совершенно невозможно. Так и остаются эти уроки мертвым знанием, догмой, но не руководством к действию (отсюда жалобы на слабую эффективность наставлений и проповедей). Со стороны все это выглядит как крайняя непоследовательность, поскольку между тем, что верующий говорит, и тем, что он делает, между тем, что должно быть, и тем, что есть, образуется разрыв.

В церкви и школе твердят о личной, индивидуальной ответственности перед богом и обществом, но это остается абстрактными рассуждениями, потому что весь уклад жизни построен на ответственности члена семьи, члена группы перед семьей и перед группой, связанной отношениями «внутреннего долга». В школе и церкви учат, что религиозная совесть должна удерживать человека от греха, от дурных поступков, но для филиппинца понятие греха малосодержательно, различие между дурным и хорошим определяется пока еще системой хийа — плохо то, что ведет к выпадению из родственной группы, и хорошо то, что способствует ее укреплению. Любой поступок, если он не вызывает осуждения окружающих, не может считаться дурным. Главное заключается в том, чтобы не навлечь неприятности на близких тебе людей, чтобы их репутация не пострадала. Брать взятки нехорошо не потому, что это дурно само по себе, а потому, что, если попадешься, подведешь своих. Нарекания вызывает не факт взяточничества, а то, что провинившийся «попался». Отсюда мораль: «Не попадайся».

Сентенция: «Что в этом такого? Ведь никто не узнал!» — звучит как самое веское оправдание. Время от времени газеты помещают сенсационный разоблачительный материал, вроде того, например, что при аттестации на замещение судейских должностей в 1964 г. допускались различного рода махинации, но это почти никого не потрясло: не повезло, попались. Такие факты свидетельствуют, однако, не об отсутствии моральных норм, как то иногда пытаются квалифицировать европейские и американские наблюдатели, а о том, что моральные критерии, по которым они судят о поведении филиппинцев, имеют мало общего с теми критериями, которыми сами филиппинцы руководствуются в жизни. Им же они следуют неукоснительно, и традиционные этические нормы обладают для них не меньшей действенностью, чем иные нормы для человека иной культуры.

При всей несогласованности разных уровней сознания они как-то сосуществуют. Верхний уровень имеет довольно абстрактную природу и подспудно ощущается нереальным. Человек говорит и иногда поступает не так, как считает нужным, а так, как требует тот же священник, учитель или, наконец, система пакикисама (почему бы не доставить наставникам удовольствие? зачем обижать их отказом?). Вместе с тем общество вынуждает каждого члена ориентироваться на традиционные ценности. Двойственность поведения, разорванность сознания обычно не осмысливается: филиппинец и те и другие ценности полагает своими. Попробуйте заставить его отказаться от каких-нибудь из них, и он почувствует себя ущемленным. Между тем наиболее ретивые священнослужители настаивают именно на этом. И получают резкий отпор: их паства глубоко убеждена, что обе линии поведения правильны, и не усматривает в том никакой непоследовательности.

Противоречивость социальной действительности вызывает противоречивость религиозного сознания, но внутренне она чаще всего не воспринимается. Вообще религиозное сознание не есть неизменно присущее человеку свойство, оно лишь специфическое отражение социальных условий, причем отражение фантастическое, извращенное. Эти условия на современных Филиппинах очень сложны: страна переживает период перехода от традиционного общества, в котором еще прочны родовые и

феодалные формы отношений, к развитому капиталистическому.

Необходимость выдерживать давление и старых норм, и новых, порождаемых становлением капиталистических отношений, налагает тяжкое бремя на индивида. Чтобы избежать чрезмерного напряжения, психика его создает особый защитный механизм, позволяющий как бы пребывать в двух несовмещающихся плоскостях, что устраняет опасность столкновения или по меньшей мере ослабляет его. Бывают, однако, случаи, когда этот механизм не срабатывает. Такая ситуация чрезвычайно опасна: исконные и привнесенные нормы, подчас обогащающие друг друга, взаимно обесцениваются, граница между добром и злом становится расплывчатой: дурной с точки зрения христианской морали поступок может оправдываться традиционной. В результате человек лишается ориентира в жизни.

Судьба христианства на Филиппинах серьезно беспокоит католическую церковь, и в последние годы она прилагает немало усилий для установления более тесных связей с миром, прихожанами, стремясь заставить их интернализировать, безоговорочно принять христианские ценности. В «религиозном обновлении», о котором сейчас много пишут, важнейшую роль играют так называемые *курсылы* — краткосрочные курсы религиозного обучения. Они возникли в 1949 г. в Испании и в 1963 г. начали создаваться на архипелаге. Деятельность их заслуживает внимания, так как дает представление о методах современной религиозной пропаганды, не лишенной эффективности.

Правила курсилы едины для всей страны, и никакие отклонения здесь не допускаются. Чрезвычайно насыщенная программа католической индоктринизации рассчитана на три дня и четыре ночи — ни часом меньше, ни часом больше.

Курсилыстас (слушатели) проводят это время в специальных помещениях, в отрыве от семьи. Идея состоит в том, чтобы выключить человека из обычной жизни, нарушить его связь с привычным окружением и тем ослабить сопротивляемость индоктринизации.

Сбор назначается примерно на шесть часов вечера; если в группе вновь прибывших есть друзья или родственники, их обязательно разъединяют — церковь исходит из

того, что вместе упорствовать легче. Характерная черта: во главе курсов обязательно стоит не духовное лицо, а прихожанин — принимается в расчет недоверие филиппинцев к профессиональным священнослужителям.

После вводного слова руководителя выступает патер, а затем слушателям предлагается поразмышлять об услышанном и молчать до следующего утра. За завтраком, напротив, разговор поощряется — идет легкая, непринужденная беседа, часто шуточного содержания, но уже под надзором служителей, которые направляют ее в нужное русло. На этом этапе устроители стараются обезоружить человека своей доброжелательностью. В течение первого дня читают пять лекций, причем курсистас должны на бумаге изложить их содержание. Вечером того же дня слушателям раздают письма от родственников, друзей или просто незнакомых лиц — этими письмами руководство курсильо запасается заранее. В них выражается надежда, что учение пойдет на пользу, высказывается одобрение благому начинанию и т. п. Получение такого послания дает немедленный эффект: оно размягчает человека, делает его более податливым к увещаниям.

Программа второго дня повторяет программу первого, а вечером слушатели идут к причастию и молятся, причем предпочтительнее считается молитва вслух, «по велению сердца». Курсистас каются в своих прегрешениях и просят милости. Никто никого не принуждает, однако все рассчитано на то, чтобы обучающиеся незаметно для себя действовали именно так, как нужно устроителям. На третий день после лекций и молитвы слушатели пишут обязательства — совершать богоугодные дела, жить по заветам Христа. Вечером подводятся итоги, каждый рассказывает, что он усвоил и каковы его планы на будущее. Завершается день песнопениями, танцами, беседами с бывшими курсистас.

В процессе обучения человек подвергается продуманному эмоциональному воздействию. Сначала его заставляют скорбеть по поводу своей греховности, а под конец — радоваться надежде на спасение. Его изолируют от близких, и новые идеи он воспринимает в непривычной обстановке. Учитывается и боязнь филиппинцев выделяться: раз все вокруг серьезно относятся к происходящему, мало кто пожелает быть «белой вороной». Обсуж-

дение прослушанных лекций является неременным условием: должно свободно выражать свои страхи, сомнения, упования и пожелания, причем никто не позволит резкого слова, что бы курсиста ни говорил, пусть даже он посмел усомниться в существовании бога. В мягкой форме, типично по-филиппински, руководитель заметит, что можно думать и по-другому, найдет в группе человека с противоположными взглядами, заставит его выступить и тем нейтрализует «вредное» высказывание.

Иногда беседа начинается с какого-нибудь страшного с точки зрения католичества признания — кто-то проклинал бога, когда умер ребенок. Откровенность обезоруживает, после подобного вступления остальные уже без всякого смущения каются в своих грехах и облегчают душу. Такое покаяние внутренне связывает индивида. Продумано все: сперва человек обещает быть добрым католиком на словах, затем дает расписку в этом. Не забыта и антипатия к священнослужителям: из 15 лекций десять читают миряне, уже окончившие курсы и соответствующим образом проинструктированные. Устроители курсилью прекрасно понимают, что, если руководитель «свой», его словам больше веры.

Вообще курсилью снимает многие неприятные ассоциации, которые обычно связываются с храмом божьим: там всегда полно народу, что мешает верующему остаться наедине с богом, надо идти в темную будку для исповеди, проповедник с амвона громит людские пороки, хотя потом посылает кружку для сбора денег и т. д. Здесь все вроде бы наоборот: людей немного, царят открытость, благожелательность, никто не поносит за грехи и никто не просит денег. Человек на время меняет свою референтную группу и, стремясь оправдать ее ожидания, действительно как-то меняется сам, старается соответствовать новым требованиям. Устроители позаботились, чтобы эти требования запомнились и чтобы человеку не так-то просто было освободиться от духовного груза, полученного во время учебы.

Разумеется, душевные сдвиги, порывы (если они бывают) являются следствием искусственно вызванного состояния экзальтации и не обязательно имеют длительный эффект. Тем не менее, как показывают обследования, после курсов многие довольно долго находятся «под впечатлением» и нередко сами становятся вербовщиками

курсилистас, привлекая друзей и родственников. (Я знаю родителей, которые своей властью посылали на курсы детей.) Не исключены, конечно, случаи «отпадения», но и это предусмотрено: «Если мы видим, что брат или сестра (так бывшие курсилистас обращаются друг к другу) собираются вновь вступить на путь греха, мы не оставляем их, навещаем, поздравляем с днем рождения, поем им те песни, которые пели на курсах, беседуем с ними».

К концу 1971 г. уже около четверти миллиона человек (прежде всего горожан, но и сельских жителей тоже) прошли через курсилью. Этим людей можно узнать по золотым крестикам, кольцам особой формы и по торчащей из нагрудного кармана рубашки красной книжечке — совсем как маоцзедуновский цитатник, но только с изображением Христа. Трудно предположить, что это начинание способно решить сложные проблемы христианской церкви на Филиппинах, но оно несомненно содействует некоторому оживлению религиозных чувств. Курсилиста стал чуть ли не фольклорным героем, о нем рассказывают легенды, слагают песни. В кино и по телевидению показывают сценки, посвященные его деятельности: то он приводит к раскаянию закоренелых преступников (передачи идут прямо из тюремных камер), то наставляет на путь истины женщину легкого поведения, то спасает от отчаяния людей, испытавших большое горе. Курсилистас все громче заявляют о себе и стараются активно участвовать в политической жизни страны.

Католики составляют подавляющее большинство ее населения. В 1971 г. 30 950 тыс. филиппинцев из 38 млн. принадлежали к римско-католической церкви. Увеличилось число храмов: к многочисленным массивным сооружениям, построенным еще при испанцах, прибавились современные церкви из бетона и стекла, в которых не сразу угадаешь здание культового назначения. Церкви никогда не пустуют, верующие, от самой ограды на коленях ползущие в храм, — обычное зрелище. В труппах Тондо почти на каждой лачуге красуется надпись: «Господь да благословит сей дом».

Свои религиозные чувства филиппинцы продемонстрировали во время визита папы Павла VI в страну в ноябре 1970 г. (по утверждению газет, «важнейший визит после Магеллана»). Дни пребывания главы католической

церкви на архипелаге были объявлены национальным праздником (правда, омраченным попыткой покушения на его святейшество), мессы, которые служил папа, собирали миллионы людей; десятки тысяч филиппинцев целую ночь дежурили на улицах, чтобы не пропустить его появление. Тем, кому удалось поцеловать папе руку и получить его благословение, тут же приписывали обладание магическими чарами, и верующие платили деньги, лишь бы счастливики прикоснулись к ним. Надо, однако, сказать, что этот необычайный энтузиазм почти целиком покоился на эмоциях, а не был вызван осмысленными религиозными убеждениями. Большинство местных католиков чрезвычайно смутно представляют себе роль папы. По данным Института филиппинской культуры, проводившего в связи с пребыванием на архипелаге Павла VI выборочный опрос, из 1043 обследованных 68% вообще не знали, что такое папа, 11,5% знали, что это глава католической церкви, но не могли назвать его имени, и только 20,5% знали и то и другое. Из этого, впрочем, нельзя делать вывод о малой действенности христианства — сила его, как и всякой религии, не в знании, а в вере.

Для миллионов филиппинцев, особенно для сельских жителей, проповедь — единственная духовная пища; иногда прихожане месяцы и годы спустя помнят сказанное тем или иным пастырем. Церковь крепко держит души пасомых. Более того, в последнее время ее роль в социальных процессах, происходящих на архипелаге, возросла. Авторитет священника, несмотря на его отчужденность, все еще незыблем, карьера священника — одна из наиболее желаемых. Никакое начинание, будь то мероприятие на уровне барио, или мероприятие, осуществляемое правительством в национальном масштабе, не может рассчитывать на успех без предварительного одобрения церкви.

Как и при испанцах, она остается проводником иностранного влияния. Несмотря на то что одним из требований революции конца XIX в. была филиппинизация церкви, по сей день значительная часть священников и большая часть монахов в стране — американцы и европейцы. (На филиппинца-монаха приходится десять монахов-иностранцев — пропорция почти такая же, как и во времена испанского владычества.) Они же составляют

около трети епископов и архиепископов. Во многих районах страны слова «священник» и «белый человек» — почти синонимы, и любопытно, что многие верующие обычно скептически относятся к служителям культа — соотечественникам. В основе такого отношения лежит тот простой факт, что духовные лица иностранного, особенно американского¹¹, происхождения гораздо богаче, а филиппинский верующий часто понимает религиозную помощь как материальную: для него тот священник лучше, который меньше берет и больше дает.

Формально католическая церковь отделена от государства, фактически же она вмешивается во все сферы жизни и даже в политические дела, если считает, что это затрагивает ее интересы. Во время обсуждения так называемого законопроекта о Рисале, согласно которому изучение его произведений признавалось обязательным для всех учебных заведений, католическое духовенство резко выступило против. Священники с амвона призывали верующих бомбардировать сенаторов и конгрессменов письмами с требованием отвергнуть законопроект, что было явным нарушением конституционного принципа. Бывает, на выборах церковь под угрозой отлучения заставляет верующих голосовать против неугодных ей кандидатов. Как раньше она не боялась вступать в конфликт с государственной властью, чувствуя себя достаточно прочно, так и в наши дни она позволяет довольно резкие выпады против администрации. Последняя тоже не остается в долгу. В конце 1970 г. «Правительственный вестник», выражающий официальную точку зрения, заявил, что «церковь — главное препятствие на пути развития страны».

Обмен резкостями вовсе не свидетельствует о кардинальном расхождении между буржуазным государством и церковью. Она на Филиппинах тесно связана с господствующим классом и защищает его интересы. Она сама является крупным собственником, владеет землей, банками и т. д. (Точные данные неизвестны: несмотря на требования общественности, манильский кардинал Руфино Сантос отказался сообщить сведения о стоимости

---

¹¹ Американские, священники, монахи и миссионеры связаны с богатыми религиозными организациями в США, которые оказывают им денежную помощь.

церковного имущества, сославшись на то, что не может этого сделать без разрешения Ватикана). Церковь отнюдь не выступает против сложившегося порядка вещей и действует не как противник олигархии, а как часть ее, причем наиболее дальновидная, понимающая, что вопиющие злоупотребления могут создать угрозу всему строю. Разногласия между духовной и светской властью есть лишь спор о том, как лучше сохранить привилегированное положение элиты.

Церковь достаточно сильна, чтобы заставить слушать себя. Она представляет собой мощную организацию, объединяющую отлично вымуштрованных служителей и имеющую богатый многовековой опыт служения господствующему классу. Помимо этого она осуществляет и «контроль над умами». Ей принадлежат на Филиппинах 917 средних школ и около 200 колледжей и университетов с общим числом учащихся 804 тыс. Фактически она руководит каждым шагом прихожан. После службы им вручают своеобразные путеводители по кинотеатрам, теле- и радиопрограммам, в которых указывается, какие фильмы и передачи дозволены всем прихожанам, какие только взрослым, какие «избранным» по особому разрешению священника и какие, наконец, запрещены всему приходу. Внизу сделана приписка: «Если фильм не назван, следует посоветоваться со священником». (Из взятого мною на память путеводителя явствует, например, что взрослым филиппинцам не возбраняется смотреть «Войну и мир» — американский вариант.) Аналогичные руководства определяют выбор печатных произведений. И, надо сказать, запреты нарушаются редко, духовная цензура достаточно эффективна, хотя и не подкрепляется соответствующими правовыми установлениями.

И тем не менее усложнившаяся действительность ставит церковь перед новыми трудностями. Раньше существовал незыблемый миропорядок, при котором функции были четко разграничены и каждому отведено свое место (бог — на небе, король — в Мадриде, губернатор — в Маниле, помещик — в имении, а крестьянин — в поле). Теперь же короля в Мадриде нет, губернатора в Маниле тоже, помещик, правда, еще в имении, но крестьян далеко не всегда удается убедить в справедливости такого порядка. По мере роста классового самосознания они все активнее начинают бороться за свои права, что грозит

опрокинуть социальную пирамиду. Церковь понимает это и берет на себя ответственную, с точки зрения правящей олигархии, задачу: направить выступления рабочих и крестьян в более спокойное русло, отвлечь их от классовой борьбы, подменив ее «борьбой за претворение в жизнь христианских идеалов любви и братства». Именно эту задачу выполняет, и не без успеха, Христианское социальное движение, опорой которого составляют люди, прошедшие курсилью.

Руководители движения позволяют себе резко критиковать скомпрометированных представителей правящих кругов, они выработали свою «теорию насилия», получившую одобрение церкви. По сути дела, эта теория направлена прежде всего против революционного движения, но она же может быть использована и против правящей верхушки, если та не согласится на некоторые уступки. Церковники отлично знают, что для сохранения интересов класса в целом порой следует идти на ущемление интересов отдельных его представителей. Как образно выразился лидер Христианского социального движения бывший сенатор Рауль Манглапус, «надо, конечно, увеличивать общественный пирог, но необходимо допустить к нему большее число людей. Иначе кое-кто возьмет этот пирог и запустит его нам в физиономию. Тогда погибнут свободы и наступит всемирный хаос, а нам останется только вытирать слезы».

Идеологи движения выступают с демагогическими заявлениями в защиту простого тао (осуждают эксплуатацию, превращение человека в придаток машины, коррупцию и взяточничество), но одновременно пропагандируют классовое сотрудничество. Они не забывают упомянуть о традиционных филиппинских ценностях, утверждая, что эти ценности вполне совместимы с христианскими добродетелями и противоречат идее классовой борьбы. Главную задачу лидеры движения определяют как ненасильственное перераспределение богатств демократическим способом в духе христианской справедливости. Движение получает поддержку иностранных кругов, которые рассчитывают, что оно лучше справится с растущим недовольством, чем любая из двух буржуазных политических партий, действующих на Филиппинах.

Наиболее активной частью церковников являются иезуиты. В свое время, в 1767 г., они были изгнаны с ар-

хипелага и вернулись сюда в 1859 г. Лишившись земельных владений, они проявили поразительную гибкость и изыскали новые пути для укрепления своего влияния — они даже факт изгнания обратили в свою пользу: «Мы всегда не ладили с властями предержажими, так как неизменно были на стороне простых верующих». Учитывая тягу филиппинцев к образованию, иезуиты направили свои усилия в сферу просвещения, где удерживают прочные позиции и поныне. Поэтому ненависть к монахам на иезуитов почти не распространялась. В них видели и видят сейчас в первую очередь просветителей. И они действительно тщательно изучают культуру и психологию филиппинцев, социальные процессы, происходящие в обществе, и применяют результаты исследований в своей деятельности.

Иезуиты особенно тесно связаны с правящей олигархией, откуда вербуют своих служителей. Духовники крупнейших филиппинских магнатов и политических деятелей — почти обязательно иезуиты, их колледжи и университеты доступны, как правило, только верхушке. Члены ордена поддерживают контакты с его американским отделением и получают от него финансовую помощь. Хотя они не останавливаются перед выступлениями против церковной бюрократии и государственной машины (некоторые даже обучают молодежь строительству баррикад и методам борьбы с полицией) и лучше других понимают, что только реформы способны предотвратить социальный взрыв, они остаются частью правящей олигархии и пекутся об ее интересах.

Другие христианские церкви. Помимо католической на архипелаге существуют и другие христианские церкви. Наиболее крупная из них — Независимая филиппинская церковь, или церковь Аглипая, называемая так по имени ее создателя. Возникновение ее определялось причинами не столько религиозного, сколько политического характера — оно явилось реакцией на засилье монашеских орденов. Уже говорилось, что в период испанского господства должности приходских священников на островах занимали преимущественно представители черного духовенства. Даже к концу указанного периода 611 приходов из 792 управлялись испанскими монахами (в стране их насчитывалось 2369, а священнослужителей-филиппинцев — всего 675). Место это приносило доход и дава-

ло власть. Владелец его кроме непосредственной обязанности — печься о душах паствы — инспектировал школы, медицинские учреждения, проверял правильность взимания налогов, контролировал муниципальный бюджет и имел решающий голос при избрании должностных лиц.

Все попытки лишить монахов приходов и, значит, огромных выгод и привилегий ничего не дали: явное нарушение церковных установлений оправдывалось тем, что христианство на Филиппинах еще не укоренилось (данный аргумент использовался вплоть до конца XIX в.) и, следовательно, страна остается полем деятельности миссионеров, т. е. монахов, а не белого духовенства.

Они всячески препятствовали выдвижению священников-филиппинцев и не допускали их к управлению, утверждая, что последние-де из-за своих «моральных качеств и темперамента» не способны позаботиться даже о собственной душе. Такая дискриминация — отношение к филиппинцам как к верующим второго сорта — крайне оскорбляла их. Не случайно местные священники были в числе самых активных участников антииспанских выступлений.

Во время революции 1896 г. правительство повстанцев лишило монахов всякой власти, конфисковало их земли и одобрило идею образования национальной церкви, т. е. организации, в которой все — от служки до архиепископа — должны были быть филиппинцами. Ее основателем явился Грегорио Аглипай, капеллан революционной армии, высоко поднявшийся по ступеням церковной иерархии, но так и не получивший сана епископа из-за цвета кожи. Аглипай собрал в октябре 1899 г. представителей местного духовенства и провозгласил создание национальной церкви. Она признала власть Рима, но отказалась подчиняться испанскому архиепископу. Впрочем, она просуществовала только два месяца, а затем прекратила свою деятельность. Аглипай возглавил один из партизанских отрядов.

Вопрос о положении филиппинских священников с еще большей остротой встал после изгнания испанцев. В начальный период американского господства монахи потребовали возвращения своих владений и выплаты арендной платы за все годы революции. Американцы сразу почувствовали ненависть филиппинцев к монахам

и рассудили, что удовлетворение этих требований может быть понято населением архипелага, мечтавшим освободиться от духовного диктата орденов, как возвращение власти Испании и неизбежно вызовет взрыв недовольства, прежде всего крестьян — бывших арендаторов монастырских земель.

Новые колонизаторы учитывали вместе с тем, что антимонашеские настроения не распространяются на всю католическую церковь, и полагали, что местные жители охотно примут американских священников и это укрепит влияние новой метрополии. В конце концов земельные владения орденов были выкуплены за 7 млн. долл. и потом попали в руки крупных латифундистов.

Ватикан, неизменно поддерживавший высшее духовенство, направил на острова архиепископа из Америки, который, вопреки надеждам филиппинцев, тоже возражал против предоставления приходов местным священникам и против изгнания монахов. Обманутая в своих надеждах, часть филиппинского духовенства высказалась за создание независимой церкви, и она была провозглашена в августе 1902 г. Возглавил ее тот же Грегорио Аглипай. Известие о провозглашении Независимой филиппинской церкви было воспринято с огромным энтузиазмом. По некоторым данным, к 1907 г. она объединяла 3 млн. человек из 7 млн. населения страны. Успех этот объяснялся ее явной националистической окраской: принадлежать к церкви Аглипая означало быть патриотом. Кроме того, расхождение с католицизмом были не так уж велики, многое в ритуальной и обрядовой стороне сохранялось от ортодоксальной религии, что было весьма существенным для подавляющего большинства верующих, поскольку в теологические тонкости они не вдавались. Переход в новую церковь совершался безболезненно и не требовал отказа от привычного образа жизни: те же праздники, те же святые, те же процессии и нередко даже те же священники. Сторонники Аглипая просто занимали (иногда насильственно) церкви и кладбища и выдворяли оттуда приверженцев старого католицизма.

Некоторые изменения коснулись религиозной доктрины. По замыслу Аглипая, в нее предполагалось ввести рационалистические элементы и приблизить ее к науке. Новая церковь вобрала какую-то часть дохристианских верований, причислила к лику святых Хосе Рисаля и каз-

ненных испанцами священников — Гомеса, Бургоса, Самору — и отказалась от отдельных установлений католицизма, например от обета безбрачия духовенства. Это никого не шокировало, ибо филиппинцы никогда не разделяли официальной точки зрения по данному вопросу. Была отменена исповедь, к которой жители островов тоже не питали особой склонности. Богослужение шло на местных языках, тогда как католическая церковь ввела такую практику только после II Вселенского собора в Ватикане.

В 1906 г. на новую церковь обрушился серьезный удар. Верховный суд признал, что все ее имущество принадлежит католической церкви, и объявил захват его сторонниками Аглипая незаконным. Они были вынуждены вернуть культовые сооружения, кладбища и т. п. После этого численность Независимой филиппинской церкви резко пошла на убыль: верующие не желали расставаться со своими храмами и кладбищами, где были похоронены их предки.

Ныне эта церковь насчитывает 1410 тыс. последователей. Они неизменно подчеркивают, что являются католиками, только, по словам одного их священника, «не римскими, а филиппинскими». Он объяснял далее: «В Риме у нас нет *нинонга* («покровителя», «посредника»)». Среди филиппинцев среднего поколения можно встретить аглипаянцев, перешедших затем в католичество — для этого даже не надо креститься заново.

В 1914 г. возникла *Иглэсия ни Кристо* — «Церковь Христа». Ее основатель — умерший в 1963 г. Феликс Манало — утверждал, будто нашел в Апокалипсисе указание, что Христос родился на Филиппинских островах (это, кстати, очень импонировало неопитам). Сейчас ею управляет его сын Эрнано Манало. Адепты этого вероучения признают Библию и отвергают церковную традицию, почитают бога-отца и отрицают божественность Иисуса Христа, считая его просто добродетельным человеком, которому бог-отец поручил спасение человечества. Теперь такими божественными посланцами выступают руководители «Церкви Христа». Последователи Феликса Манало не соблюдают религиозных праздников («все дни одинаково святы»), совершают обряд крещения только в 10-летнем возрасте, когда, по их мнению, человек уже поступает сознательно, не принимают многие христиан-

ские символы, в частности крест («это то же самое, что поклоняться, например, электрическому стулу»). Они не признают чистилища («о нем ничего не сказано в Библии») и в противоположность аглипаянцам резко противопоставляют себя католикам, заявляя, что даже само это слово есть отклонение от священного писания. По своей догматике Иглесия ни Кристо близка к некоторым христианским сектам.

В настоящее время «подлинная филиппинская церковь» — так называют ее приверженцы — весьма активно участвует в политической жизни. В отличие от римско-католической церкви и церкви Аглипая, она открыто поддерживает того или иного кандидата на выборах или, наоборот, выступает против и тем самым непосредственно влияет на исход борьбы. Эрнано Манало утверждает, что его церковь объединяет 3,5 млн. человек, но материалы переписи дают более скромную цифру: в 1970 г. — 700 тыс. (1250 храмов).

Четвертый крупный отряд филиппинских христиан составляют протестанты. Они появились в стране только при американцах, и в настоящее время на островах их насчитывается 1280 тыс. Ряды протестантов пополняются прежде всего за счет языческого населения, обращением которого занимаются 650 миссионеров. Филиппинские католики недолюбливают лиц, перешедших в протестантизм, считают их нарушителями «внутреннего долга» по отношению к своей церкви. Кроме того, для них протестантизм был религией новых захватчиков. Сравнительно незначительная популярность этого вероучения в какой-то степени объясняется и тем, что оно слишком много (по сравнению с католичеством) внимания уделяет личности. Согласно протестантизму, человек слаб, разум его не может постигнуть мудрость божьего промысла, а способность противостоять искушению невелика. Но он вступил на путь познания добра и зла и должен полагаться исключительно на себя, должен отвечать за последствия своих поступков. Бог не решает этих вопросов за него и не спасает его актом милосердия, он только указывает конечную цель, и каждый сам идет к ней. Чтобы достичь спасения, необходимы внутренние нравственные усилия, в то время как по католическому учению нужны еще «дела», организованные и направленные церковью в качестве посредника между богом и людьми. Смертный само-

стоятельно не в состоянии выйти из греха. Только бог актом милосердия спасает его, приняв смерть на кресте. Нетрудно заметить, что католицизм в большей степени согласуется с традиционными взглядами филиппинцев. Во-первых, в нем признается акт милосердия, который приравнивается к услуге, кладущей начало отношениям утанг на лооб. Во-вторых, такое условие спасения, как пребывание в общине верующих, понятнее филиппинцам с их ориентацией на родовой коллектив, чем протестантская идея личной ответственности перед богом.

Впрочем, простые верующие в такие тонкости не вдаются — их родители были католиками, и они тоже. Допустимо предположить, что если бы филиппинцы сразу приняли протестантство, то отклонения от официального учения были бы более разительными. Сейчас на вопрос о том, в чем разница между этими двумя вероучениями, местные католики отвечают: «Они (протестанты) не умеют чтить бога». Здесь имеется в виду скромность богослужения, не импонирующая жителям островов.

Наследие креста в других сферах. Как уже отмечалось, наследие испанского колониального режима сказывается не только в области религии, где почти безраздельно господствует крест, но и во всей духовной жизни страны. Еще на заре испанского владычества были заложены основы клерикальной интеллектуальной традиции, признаки которой — преклонение перед авторитетом, отсутствие духа свободного исследования, подмена доказательств ссылкой на авторитет — и поныне ощутимы.

К началу колонизации архипелага Европа уже переживала эпоху Возрождения, однако Испания, будучи оплотом реакции и обскурантизма, несла на Филиппины не идеи гуманизма, а идеи инквизиторов и Торквемады. Иначе и быть не могло при засилье церкви, которая часто брала верх над светской властью. Филиппины даже называли не колонией в обычном смысле слова, а «религиозным образованием». Всякое отклонение от церковных предписаний жестоко каралось; признавалась лишь одна свобода — свобода соглашаться. Литература сводилась к описанию жизни святых, в редких случаях — испанских героев; архитектор мог проявить свой талант только в строительстве церквей; художник и скульптор — в их украшении. Из служителей церкви вышли первые филиппинские мыслители, но и их было крайне мало, коло-

низаторы всячески препятствовали их появлению. Святая инквизиция, простершая свои щупальца до архипелага, занималась исключительно испанцами; индейцев до такой степени не считали за людей, что за ними не признавалась даже способность к ереси. По утверждению одного испанского архиепископа, «у филиппинцев нет характера, нет умственных способностей».

Клерикалы, сами отличавшиеся поразительным невежеством, сознательно препятствовали просвещению народа. Хосе Рисаль с горечью писал: «...религия учит филиппинцев орошать поля не посредством каналов, а при помощи мессы и молитв; оберегать скот от эпизоотии, лишь прибегая к целительной силе святой воды, заклинаний и благословений, цена которых — пять песо с головы скота; прогонять саранчу, устраивая крестный ход в честь святого Августина».

В самом конце прошлого столетия ректор университета в Маниле, августинец, во всеуслышание заявил, что «медицина и физика — материалистические и безбожные науки, а политическая экономия — служанка дьявола». Естественно, в подобных условиях на развитие наук не приходилось рассчитывать.

Представители колониальной администрации были ничем не лучше. В 1842 г. чиновник испанского министерства иностранных дел Синибальдо де Мас сообщал своему правительству: «Необходимо всеми силами препятствовать появлению либерально настроенных людей, потому что в условиях колоний либерал и мятежник суть одно и то же... Религия помогла завоевать Филиппины, религия же должна помочь удержать их; один монах стоит целого кавалерийского эскадрона». В качестве превентивной меры этот, в общем не худший, представитель испанской бюрократии (он, в частности, указывал на многие злоупотребления колониальных властей) рекомендовал закрыть все учебные заведения.

Духовная цензура запрещала печатание даже таких книг, как «Робинзон Крузо» и «Тысяча и одна ночь». «Дон Кихот» увидел свет со значительными сокращениями. (Тем не менее именно знакомство с творением Сервантеса и произведениями испанских писателей породило духовную привязанность Рисаля и его друзей к Испании и помогло приобщению филиппинской интеллигенции к мировой культуре.)

Вся система образования находилась под контролем церкви. Начальными школами ведали приходские священники, средними и высшими учебными заведениями — ордена. Свои позиции в этой области церковь сохраняет до сих пор. Дети в школах пишут сочинения на тему «Что я возвестил бы миру, будь я пророком», юноши и девушки в колледжах и университетах подвергаются религиозной обработке.

Нередко церковь переходит в наступление. Не далее как в 1965 г. клерикалы попытались добиться установления, по которому учителям даже государственных школ вменялось в обязанность преподавать закон божий. (Говорилось, правда, о «добровольности», но критики справедливо отмечали, что отказ пропагандировать слово божье автоматически повлечет за собой увольнение.) Несмотря на явную антиконституционность закона, нижняя палата в трех чтениях почти единогласно приняла его, и только мощные демонстрации студентов и учителей, а также протест представителей других церквей, усмотревших в этом опасность усиления католицизма, помешали утверждению законопроекта в сенате.

Во времена испанского господства многие из тех, кто осмеливался отрицать авторитет церкви и обращался к голосу разума, приняли мученическую смерть. Тем не менее передовые филиппинцы находили в себе мужество противостоять мертвящей силе духовного гнета. Внутренние процессы, совершавшиеся в стране, и знакомство с культурой и общественной мыслью Европы и Америки способствовали развитию иной интеллектуальной традиции — светской и либеральной, начавшей складываться во второй половине XIX в.

Несмотря на жесточайшую цензуру, дух протеста обнаруживается уже в произведениях «отца филиппинской поэзии» Франсиско Бальтасара, известного также под именем Балагтас (1788—1862). Некоторые исследователи видят в его главном творении, поэме «Флоранте и Лаура», сатиру на испанский колониальный режим, хотя в ней еще весьма заметно влияние религиозного мировоззрения. События, о которых рассказывается в поэме, происходят в далекой Албании, и действуют в ней персонажи, типичные для литературы той эпохи: короли, принцы, графы, а также неизменные «мавры» (мусульмане южных островов), разумеется в конце концов принимающие

ставной частью культуры филиппинцев. Наверно, ни одна бывшая колония не позаимствовала от своей метрополии так много. Определяется это, видимо, тем, что главной сферой приложения сил колонизаторов была именно область духовной жизни. Испанский слой настолько прочно вошел в местную культуру, что стал практически неотделим от нее. Он как бы окрасил ее, пронизал насквозь, и попытка отсечь его оказалась бы чрезвычайно болезненной, хотя на этом настаивают некоторые представители интеллигенции. Чувства, которые ими движут, понятны, но трудно принять призывы «отбросить все, что родилось не здесь», или «убить западного отца», как говорят они, используя фрейдистские термины.

Испанские элементы, добавленные к исконной малайской основе, уже нельзя отбросить как нечто наносное. Конечно, это не исключает необходимости борьбы с колониальным наследием, прежде всего с раблепным преклонением перед всем испанским, что сегодня характерно для филиппинского «света»¹², как и во времена Хосе Рисаля, который писал: «Вы просите равных прав, испанизации ваших обычаев и даже не понимаете, что вы, в сущности, вымаливаете себе самоубийство, уничтожение национальной сущности и родины, молитесь о тирании. Кем вы станете в будущем? Народом без характера, нацией без свободы, все у вас будет взято в долг, даже ваши собственные недостатки! Вы молитесь об испанизации и даже не краснеете, когда вам в ней отказывают!».

Местная аристократия (и те, кто себя к ней причисляет) поддерживает тесную связь с бывшей метрополией. В стране и поныне находится немало чистокровных испанцев, благополучно переживших все перипетии революции, американской колонизации, японской оккупации и сохранивших свои позиции после предоставления независимости. Они составляют самую верхушку общества и по-прежнему свысока смотрят на филиппинцев (да и на американцев тоже, считая их слишком развязными). Один из таких аристократов, все еще настаивающих на обращении «дон», говорил как-то: «Это мы сделали филиппинцев тем, чем они являются. Американцы пришли на готовое и многое испортили». Для отпрысков

---

¹² Справедливости ради следует отметить, что иногда испанофильство служит формой антиамериканизма, но большей частью в нем проявляются самые реакционные тенденции.

богатых семейств паломничество в Испанию — необходимая часть воспитания, женитьба на испанке сразу же заметно поднимает престиж.

Колониальное мышление проявляется в скованности ума, некритическом принятии на веру, схоластичности, догматизме и авторитарности. Даже статьи, эссе и более фундаментальные работы филиппинских интеллектуалов иногда строятся по такому принципу: излагается мысль какого-нибудь европейского автора (часто малоизвестного или неизвестного — легче проявить эрудицию), и под его схему «подгоняется» материал исследования. В конце обычно делается вывод: «У нас то же самое».

Противники церковного мракобесия и обскурантизма все еще разобщены. Они, как с горечью отмечают некоторые филиппинцы, борются лишь за ученые степени, получение которых открывает доступ к хорошим должностям. Обладатели докторских дипломов попадают в разряд «сильных людей», образуют замкнутую касту, ревниво оберегающую свои привилегии. Они утрачивают стимулы к совершенствованию и дальнейшему росту. В учебных заведениях профессора порой знакомят своих слушателей с давно уже устаревшими теориями.

Наиболее перспективных ученых переманивают церковники, особенно иезуиты, предлагая солидные суммы на проведение исследований. В случае отказа сотрудничать строптивых подвергают преследованию, ставят препоны их трудоустройству, что в условиях Филиппин является весьма действенным средством. Борьба религиозного и научного мировоззрений продолжается.

В работах маститых литераторов часто проводится мысль о том, что Испания фактически цивилизовала Филиппины, вывела их из состояния варварства и дикости. Вот что утверждает, например, один из крупнейших филиппинских писателей — Никомедес Хоакин: «В сущности, Испания создала нас как нацию, как исторический народ. Филиппины, это географическое понятие, эта цепь бесчисленных островов, эта мистическая смесь рас и культур, были порождены Испанией и являются ее творением. Между доиспанскими племенами, знавшими только свои тотемы и табу, и нынешней филиппинской нацией такое же расстояние, как между первобытной протоплазмой и человеческим существом... Испания... определила наш характер и физиономию». Клерикалы то-

же с тоской вспоминают об испанском прошлом. Они заявляют, что слияние, нераздельность церкви и государства существовали в стране в течение 350 лет, стали уже традицией, отход от которой объясняет многие нынешние беды, и зовут «назад, к Испании».

С подобного рода крайними утверждениями никак нельзя согласиться. Несомненно, однако, что испанская культура в чем-то обогатила филиппинскую. Поэтому бесплодны усилия тех, кто пытается запретить тао петь его песни только на том основании, что они напоминают испанские. Верно, что местные крестьяне танцуют фанданго и хабанеру, но также верно и то, что их никто не заставляет это делать, эти танцы они по праву считают своими и расставаться с ними не собираются.

Специалист может проследить составные элементы филиппинской культуры, определить, что унаследовано от Востока, а что от Запада, хотя границы тут часто оказываются весьма зыбкими. Простой тао не анализирует, он не делит свою культуру на исконную и заимствованную, и потребовать от него отказаться от элементов одной из них — значит обеднить его духовный мир.

Взаимодействие с испанской культурой было глубоким и длительным. Нынешнюю культуру филиппинцев едва ли можно разъять на части, и вряд ли кто-нибудь всерьез ожидает, что страна вернется к эпохе барангаев.

Итак, утвердившись на архипелаге крестом и мечом, колонизаторы принялись насильственно насаждать чуждые филиппинцам идеи и представления. Преуспев в распространении христианства, они тем не менее оказались бессильными покончить с прежними верованиями, обычаями и нормами. Вековой уклад филиппинской жизни несколько видоизменился, но в целом успешно противостоял всем попыткам уничтожить его. Народу была нанесена тяжелая духовная травма, последствия которой все еще ощутимы. В то же время, независимо от воли колонизаторов и вопреки ей, испанская культура обогатила исконную малайскую, и их взаимовлияние положило основание современной филиппинской культуре.

В борьбе против испанцев пробудилось национальное самосознание филиппинцев, они начали воспринимать себя как единый народ, у которого общий враг. В конце XIX в. эта борьба увенчалась успехом. Но на смену кресту пришел доллар.

ДОЛЛАР

США И ФИЛИППИНЫ

«Американизация» архипелага. Доллар, как и крест, явился на Филиппины незванным. Американцы, подобно испанцам, утверждали свое господство силой оружия и при этом тоже ссылались на бога. Президент США Маккинли уверял, что решение захватить архипелаг снизошло на него как откровение. Он писал: «Каждый вечер до самой полуночи я расхаживал по Белому дому и, не стыжусь признаться вам, джентльмены, не раз опускался на колени и молил всемогущего Бога о просветлении и руководстве. И в одну из ночей меня осенило». Далее излагалась суть дела — США не могут возвратить острова Испании, не могут передать их Франции или Германии и, уж конечно, не могут предоставить филиппинцев самим себе. А посему: «Для нас не остается ничего иного, как взять все Филиппинские острова, поднять и цивилизовать филиппинцев и привить им христианские идеалы, ибо они наши братья по человечеству, за которых тоже умер Христос. После этого, — заключил президент, — я лег в постель и спал крепким сном».

Однако факты показывают, что все происходило без вмешательства высших сил и захват архипелага готовился еще до озарения набожного президента. Ну и, разумеется, ему следовало бы знать, что жители островов были христианизированы задолго до испано-американской войны.

По условиям Парижского мирного договора, подписанного 1 декабря 1898 г., Испания «уступала» архипе-

лаг Соединенным Штатам за 20 млн. долл. На переговорах между представителями филиппинского революционного правительства и американцами последние заявили, что суверенитет над островами, ранее принадлежавший Испании, теперь перешел к США. Филиппинцы справедливо указывали, что суверенитет страны неотчуждаем и принадлежит народу.

В американском сенате, где довольно сильны были противники колониалистской политики, возникли трудности с ратификацией Парижского договора. Маккинли нужно было как-то воздействовать на колеблющихся сенаторов, и случай скоро представился. Дело в том, что многим филиппинцам уже стали ясны намерения США захватить архипелаг, и между американскими и филиппинскими солдатами постоянно возникали недоразумения. Пока оружие не пускалось в ход, но достаточно было любого повода, чтобы начались военные действия.

Вечером 4 февраля 1899 г. американский патруль встретил около своих позиций четырех филиппинцев. Командир патруля Грэйсон приказал им остановиться, крикнув «Холт!» («Стоять!»). Не знавшие английского языка филиппинцы дружелюбно повторили слова команды и продолжали идти навстречу патрулю. «Холт!» — еще раз крикнул Грэйсон. «Холт!» — отозвались те. Тогда Грэйсон открыл огонь, и трое филиппинцев были убиты. Спустя некоторое время солдаты революционной армии открыли ответный огонь. Наутро генерал Артур Макартур отдал приказ о наступлении на их позиции. Никакого расследования не производилось. Агинальдо предложил разобраться в происшедшем, но генерал Отис возразил: «Борьба, раз начавшись, должна вестись до конца». Так была развязана филиппино-американская война, на которую Р. Киплинг откликнулся известным стихотворением о «бремени белого человека». В сенате Маккинли зачитал телеграмму о случившемся и добился ратификации Парижского договора.

Под давлением превосходящих сил противника филиппинцы отступали. Уже в марте они оставили столицу молодой республики город Малолос. Многие деятели революции отказались от дальнейшей борьбы и вернулись в Манилу, признав власть американцев. Однако военное покорение архипелага оказалось задачей нелегкой: революционные войска не желали складывать ору-

жие. Некоторые действия Агинальдо показывают, что сам он был не против сотрудничества с завоевателями, тем не менее в глазах народа он по-прежнему оставался героем. Поэтому американцы старались устранить его и, если удастся, использовать в своих целях.

23 марта 1901 г. группа солдат оккупационной армии под видом пленных проникла в лагерь Агинальдо и схватила его. 1 апреля он был доставлен в Манилу, 19 апреля принял присягу на верность США и обратился с воззванием к народу. В нем говорилось: «По зрелом размышлении я решительно заявляю перед миром, что не могу не внять голосу народа, требующего мира, и жалобам тысяч семейств, стремящихся, чтобы их близкие воспользовались свободой и обещанной щедростью великой североамериканской нации». На этом карьера Агинальдо фактически закончилась. Он жил еще очень долго (умер в 1964 г. в возрасте 94 лет) и последние годы был на пенсии, хотя его возили на все торжества: дряхлый, не передвигавшийся без посторонней помощи человек символизировал «преемственность в осуществлении идеалов независимости».

Вооруженная борьба молодой республики с одной из сильнейших капиталистических держав завершилась победой колонизаторов. Относительно быстрое покорение архипелага следует приписать не только военному превосходству США (фактически филиппинцы сражались ножами и копьями против винтовок), но и политике, направленной на привлечение местной верхушки. В этом американцы не повторили испанцев.

Поначалу США рассматривали острова лишь как стратегически важный опорный пункт для проникновения в Азию. Американские правящие круги имели смутное представление об экономических выгодах, которые могла дать новая колония, но первые бизнесмены, прибывшие сюда вскоре после подавления основных очагов сопротивления, довольно быстро убедились, что Филиппины ценны и сами по себе, в качестве объекта непосредственной эксплуатации.

В отличие от своих предшественников, американцы полагали, что их господство станет более прочным, если они введут здесь американские институты и сделают ставку на местную олигархию. И действительно, последняя охотно откликнулась на призыв к сотрудничеству.

Ее представители, боровшиеся против испанского владычества, поняли, что новые колонизаторы готовы предоставить им права, которых они были лишены при испанцах. Сотрудничество с богатой капиталистической страной сулило им немалые выгоды, тогда как борьба против нее помимо несомненного военного поражения могла привести к нежелательным изменениям в социальной структуре общества. Правда, части элиты, воспитанной на испанской культуре, не нравился устанавливаемый порядок, некоторые не могли так сразу отказаться от идеала независимости, однако классовые интересы в конце концов взяли верх.

Американцы с самого начала заявляли, что их цель — подготовить филиппинцев к политической самостоятельности, поэтому сотрудничество с ними можно было представить не как отказ от борьбы за свободу, а как вклад в дело обещанной самостоятельности. И хотя партизанская борьба против колонизаторов продолжалась еще несколько лет, исход ее был предрешен.

Осуществлявшуюся американцами «филиппинизацию» государственного аппарата олигархия, естественно, встретила благожелательно: власть передавалась именно ей. С другой стороны, допуск филиппинцев к управлению сулил новым господам несомненные преимущества: «сильные люди», имевшие влияние в низах и использовавшие традиционные связи, добивались умиротворения гораздо скорее, чем это могли бы сделать американцы с помощью оружия.

Постепенно в стране вводилось новое законодательство, олигархии предоставлялись все более широкие права — разумеется, на условиях лояльности. Муниципальные власти теперь избирались, хотя право голоса ограничивалось многочисленными цензами: оно предоставлялось только мужчинам в возрасте от 23 лет, проживавшим в данной местности не менее шести месяцев, владевшим собственностью, которая оценивалась не менее чем в 500 песо, и умевшим говорить, читать и писать по-английски или по-испански. Два последних ценза — имущественный и образовательный — фактически лишали народные массы права участвовать в выборах.

Филиппинцы были допущены и в органы провинциального управления, ранее доверявшегося исключительно испанцам, но должности казначея и ревизора неко-

торое время еще занимали американцы, они же на первых порах составляли большинство в Верховном суде. Будущие руководители страны проходили практику государственной деятельности на посту губернаторов провинций.

В 1907 г. была создана филиппинская Ассамблея с правом законодательной инициативы — прообраз парламента. Члены ее избирались, однако из-за многочисленных ограничений в выборах участвовало не более 3% населения. Спикером Ассамблеи стал Серхио Осменья, а лидером большинства — Мануэль Кэсон; эти два деятеля сыграли видную роль в истории Филиппин первой половины XX в. Американский губернатор мог наложить вето на любое решение Ассамблеи, кроме того, любой ее акт мог быть «отменен, изменен и дополнен президентом США». Работа Ассамблеи строилась по тем же принципам, что и в конгрессе США, хотя выдвигался вопрос о принятии процедуры испанских кортесов.

Таким образом права филиппинской олигархии были значительно расширены, она получила доступ в аппарат провинциального и центрального управления, чего не было при испанцах. Американцы недвусмысленно дали понять, что от «эффективности» деятельности выборных органов зависит будущее страны: здесь проверялась способность филиппинцев к самоуправлению. Местная правящая верхушка старалась оправдать эти надежды.

Обеспечив лояльность олигархии, доказавшей свою преданность новым хозяевам, США смогли безбоязненно пойти на дальнейшие уступки. В 1916 г. филиппинцев допустили в исполнительные органы, они были даже поставлены во главе некоторых департаментов (министерств). В законодательном органе была создана вторая палата — сенат. Структура государственного устройства еще более приблизилась к американской. Между председателем сената Кэсоном и спикером палаты представителей (бывшая Ассамблея) Серхио Осменья началась борьба за власть, завершившаяся победой Кэсона.

При всем том взаимоотношения филиппинской верхушки с американскими властями не всегда были гладкими. Многие мероприятия колонизаторов казались ей ненужными и даже вредными, особенно если они ослабляли традиционные связи. В таких случаях она нередко шла на прямой саботаж. Отдельные ее представители

знали, сколь сильно в народе стремление к независимости, и учитывали его в своей деятельности. С этим приходилось считаться и колонизаторам. В 1934 г. Филиппинам была предоставлена автономия. По закону, принятому конгрессом США, страна должна была получить полную самостоятельность «4 июля, через десять лет после предоставления автономии», т. е. в день американской независимости. Специально созванная Конституционная ассамблея утвердила конституцию, списанную в основном с американской. Пост президента автономных Филиппин занял Мануэль Кэсон, пост вице-президента — Серхио Осменья.

Тем временем обстановка на Дальнем Востоке становилась все напряженнее. Надвигалась вторая мировая война. Филиппинцам (теперь их называли «маленькими коричневыми американцами») предстояло пройти через великие испытания. В США понимали, какую угрозу несет милитаристская Япония, и приняли меры (как показали дальнейшие события, совершенно недостаточные) для укрепления обороны архипелага. Начальник американского генерального штаба генерал Дуглас Макартур, сын участника и сам участник покорения островов, был назначен военным советником при филиппинском правительстве. До 1940 г. в его штабе работал майор Дуайт Эйзенхауэр, будущий президент США.

Дуглас Макартур сыграл совершенно особую роль в истории Филиппин. Он неплохо разбирался в положении в стране и в психологии народа. Генерал крестил сына Кэсона и, по местным представлениям, стал родственником президента, его кумом, тем самым вступив с ним в отношения утанг на лооб («внутреннего долга»). Он умело пользовался этим обстоятельством и приобрел огромное влияние на государственные дела. Кэсон дал ему титул фельдмаршала (до того не существовавший здесь) и даже придумал специальную форму. (В последние годы жизни Макартур носил фуражку от нее как символ тесных связей с Филиппинами.) Зная о склонности местных жителей конкретизировать абстрактные понятия и персонифицировать идеалы, Макартур своей политикой добился того, что его стали считать олицетворением Америки, подлинным «старшим братом». (Один филиппинский деятель так и сказал: «Для нас Макартур и есть Америка».)

Генерал снискал необычайную популярность, но к войне Филиппины были подготовлены далеко не удовлетворительно. К началу военных действий тут насчитывалось 100 тыс. кое-как обученных резервистов, 50 тыс. американских солдат и только 500 самолетов. Макартур разработал план, суть которого заключалась в том, чтобы отвести наличные войска на п-ов Батаан, замыкающий вход в Манильскую бухту, там дожидаться прибытия американского флота из Пирл-Харбора и затем совместными усилиями уничтожить противника.

Начало войны спутало все карты. Потери, понесенные американским флотом в Пирл-Харборе, исключили всякую возможность помощи Филиппинам. Уже через несколько часов после нападения японцев их самолеты бомбили Манилу. Мануэль Кэсон сообщил, что страна вступает в войну на стороне США.

22 декабря 1941 г. 43 тыс. японских солдат высадились к северу от Манилы, через два дня еще 7 тыс. японских солдат — к югу от Манилы. Столица была объявлена открытым городом и вскоре оккупирована японцами. Макартур и филиппинское правительство переехали на о-в Коррехидор, откуда подводная лодка позже доставила их в Австралию. Покидая Коррехидор, Макартур сделал заявление, в котором прозвучали слова, вскоре облетевшие все острова и воспринятые их жителями как обязательство: «Я вернусь».

Филиппинские и американские солдаты, отступившие в соответствии с планом военной кампании на Батаан и Коррехидор, продолжали сражаться. Изнуренные голодом и болезнями, они оказывали героическое сопротивление, но не могли противостоять натиску японцев. В апреле 1942 г. был сдан Батаан, а затем Коррехидор. В плен попали 76 тыс. человек. Без пищи и воды, под палящим тропическим солнцем шли они, подталкиваемые штыками, в концентрационные лагеря. Ослабевших приканчивали тут же. Этот переход назвали впоследствии «маршем смерти».

Падение Батаана и Коррехидора отнюдь не означало, что филиппинцы сложили оружие. В стране развернулось широкое партизанское движение. На Центральном Лусоне наиболее активными отрядами руководила коммунистическая партия, которая 23 марта 1942 г. создала Народную антияпонскую армию, или в тагаль-

ском сокращении — *Хукбалахан*. Бойцов ее стали именовать *хуками*. Эта армия контролировала ряд районов на равнинах острова, назначала и смещала должностных лиц, вела судопроизводство и даже открывала школы для крестьян.

Напротив, многие представители верхов активно сотрудничали с оккупантами. Японцы пытались изобразить себя освободителями страны от колониального гнета. 14 октября 1943 г. они провозгласили «независимость» Филиппин в «сфере совместного процветания». Однако уже через год, 20 октября 1944 г., четыре американские дивизии высадились на о-ве Лейте (сейчас на этом месте воздвигнут памятник). Ими командовал Дуглас Макартур. Сойдя на берег, генерал с присущей ему лаконичностью констатировал: «Я вернулся», имея в виду выполнение обязательства, данного за два года до того. Фотография Макарура, бредущего по колено в воде, широко известна на Филиппинах. С ним прибыл Серхио Осменья, ставший к тому времени президентом (Кэсон умер в Америке от туберкулеза).

Надо сказать, что первоначально американское командование из соображений военной целесообразности предполагало обойти Филиппины и ударить прямо на Тайвань. Макартур решительно воспротивился этому: он понимал, что поражение американцев в начале кампании серьезно подорвало престиж США, и требовал демонстрации военной мощи перед филиппинцами. «Азиаты уважают только силу, и потому обход архипелага будет непонятен восточному уму», — говорил он. Макартур добился свидания с Рузвельтом и настоял на своем.

Военное превосходство американцев на сей раз было очевидным. 9 января 1945 г. они высадились к северу от Манилы (в том же заливе, где ранее японцы) и вместе с партизанскими отрядами двинулись на столицу. Здесь оставались только японские моряки без судов и морские пехотинцы (остальные войска отошли в горы Центрального Лусона). Понимая свое отчаянное положение, они ожесточенно дрались. Мирных жителей уничтожали, а город был разрушен на 80%. Историки утверждают, что по масштабам разрушений Манила занимала второе место после Варшавы. (Некоторые военные специалисты считают, что в ее штурме не было никакой необходимости: основные войска японцев уже покинули столицу, и

Макартуру просто хотелось «въехать в город на белом коне».)

Слава американского генерала достигла апогея. Еще раньше пронесся слух, что во время высадки Макартур шел к берегу по воде, яко по суху (как Иисус Христос). В стране, где безоговорочно верят в чудеса, такое сообщение отнюдь не пустяк и могло иметь важные практические последствия. Почитание генерала превысило границы возможного. Его именем был назван город; в послевоенной филиппинской армии в каждом подразделении при переключке первым вызывали Дугласа Макартура и неизменно следовал ответ: «Присутствует духовно». По его настоянию (а также по требованию правящих кругов США) президентом страны был избран лидер помещичьей олигархии Мануэль Рохас, хотя над ним тяготело обвинение в сотрудничестве с японцами.

4 июля 1946 г. состоялась торжественная церемония провозглашения независимости¹. На площади Лунета в Маниле, на месте казни Хосе Рисаля, был спущен американский флаг, прежде развевавшийся рядом с филиппинским. Но до подлинной независимости было еще далеко: американцы постарались обеспечить свои позиции на архипелаге, заключив ряд обременительных для бывшей колонии соглашений.

Положение внутри страны было сложным. После освобождения прогрессивные силы объединились в Демократическом альянсе, представители которого получили несколько мест в парламенте. Они требовали проведения социально-экономических и политических преобразований, особенно аграрной реформы. Буржуазно-помещичья верхушка, усмотрев в этом реальную угрозу своей власти, предприняла наступление на демократические силы. Представители Альянса были незаконно лишены парламентских мандатов, против хуков развернулась кампания террора, некоторые видные левые деятели пали жертвой убийц. В этой обстановке хуки взяли за оружие, и на равнинах Центрального Лусона

---

¹ Первое время филиппинцы отмечали День независимости 4 июля — как и американцы. Теперь празднование перенесено на 12 июня — день провозглашения Филиппинской Республики во времена антииспанской революции. В этом не без основания увидели признак усиления антиамериканских настроений в стране. Тем не менее 4 июля отмечается как день филиппино-американской дружбы.

опять вспыхнула вооруженная борьба, поддержанная крестьянами.

Во время президентских выборов 1949 г. тысячи избирателей не были допущены к урнам, убитые исчислялись сотнями. Бои с хуками шли даже в предместьях Манилы. Правительство находилось в растерянности; вновь избранный президент Элпидио Кирино приготовился бежать из страны — в Манильской бухте под парами стояла яхта, а дворец охраняли танки. Угроза падения строя казалась реальной.

Такой поворот событий ни в коей мере не устраивал американцев. США немедленно оказали филиппинским властям помощь, предназначенную для расправы с народным движением. Сочетая методы психологической обработки (сдавшимся хукам сулили полное прощение, участок земли, буйволов) со все усиливающимся военным нажимом, правительство сумело нанести серьезный урон движению. Немалая «заслуга» в этом принадлежала военному министру, а позднее президенту (1954—1957) Рамону Магсайсаю. Не лишенный способностей политический деятель, он выступал против крайностей существующего режима (оставаясь лидером правящей верхушки), обещал решить аграрный вопрос, не чурался общения с простыми тао (на языке официальной пропаганды тех лет это называлось «пустить босоногих во дворец») и несколько ограничил масштабы коррупции.

Новый президент пользовался большой популярностью. О том, как он действовал, дает представление следующий факт. Когда Магсайсаю, в то время еще военному министру, понадобились американские сборные дома, на которые спекулянты вздули цены, он созвал своих товарищей по антияпонской борьбе, совершил налет на склад и вывез 140 домов. Владельцам он заплатил столько же, сколько платили они сами,—по 25 центов за дом. Это достаточно ярко характеризует нравы, царившие тогда в стране. В 1957 г. Магсайсай погиб в авиационной катастрофе. Из него сделали кумира и называют его не иначе как «идол народа», а его родственники и сейчас играют видную роль в политической жизни Филиппин.

Преемником Магсайсаю на посту президента был Карлос Гарсия. При нем довольно резко обозначились противоречия внутри правящей олигархии: между земельной аристократией и компрадорской буржуазией, с одной

стороны, и окрепшей после предоставления независимости промышленной буржуазией — с другой. Гарсия поддержал лозунг «Филиппинцы прежде всего», выдвинутый национальной буржуазией, которая страдала от иностранной конкуренции.

Гарсию в 1962 г. сменил Диосдадо Макапагал, при котором был принят закон об аграрной реформе. По закону земля выкупалась у помещиков и передавалась крестьянам в два этапа: сначала они становились держателями земель и только после внесения всех платежей — собственниками. Крупные землевладельцы саботировали закон: конгресс, где им принадлежал решающий голос, неизменно отказывал в ассигнованиях. Эту реформу, еще далекую от завершения (с 1963 г. менее 2% крестьян прошли через первый этап), сравнивают с роскошным автомобилем без горючего; у правительства нет средств ни для выкупа земель, ни для субсидирования тао.

В 1965 г. президентом Филиппин стал Фердинанд Маркос, переизбранный через четыре года на второй срок. При нем обозначились некоторые изменения внутривнутриполитического и внешнеполитического курса (см. ниже).

Такова основная канва исторических событий, происшедших здесь в XX в. За этот период в стране были отмечены серьезные сдвиги во всех областях жизни, к рассмотрению которых и следует перейти.

Экономические и социальные изменения. Деятельность предшественников американцев — испанцев, добившихся прежде всего христианизации Филиппин, не могла не облегчить новым колонизаторам задачу насаждения своих порядков. Их пребывание связано главным образом с созданием на архипелаге государственного механизма, основанного на принципах буржуазной демократии, институтов и законодательства, до того неведомых филиппинцам. Кое-что было сделано и для экономического развития колонии, без чего была бы невозможна ее успешная эксплуатация. Американцы любят поговорить о своих заслугах в этой области. Действительно, если сравнивать с положением при испанцах, разница весьма значительна. Но, во-первых, отчет приходится вести практически от нуля. А во-вторых, развитие получили лишь те отрасли хозяйства, которые были призваны снабжать сырьем новую метрополию (выращивание кокосовой пальмы — страна удовлетворяет 90% мировой потребо-

сти в кокосовой продукции, сахарного тростника, табака, манильской пеньки, добыча полезных ископаемых).

Филиппины оказались выгодной сферой приложения капиталов: общая сумма американских инвестиций, по некоторым оценкам, составляет теперь около 1 млрд. долл. На каждый вложенный доллар капиталисты США получают до 35 центов прибыли. Основой экономики на островах по-прежнему является сельское хозяйство. Семидесятилетнее «сотрудничество и партнерство» с самой развитой капиталистической державой дало ничтожные результаты в этой области. Урожайность риса крайне низка — всего 13 ц с гектара, один трактор приходится на 1300 га обрабатываемых земель. Страна не в состоянии обеспечить себя главной продовольственной культурой — рисом и вынуждена ввозить его. Шестьдесят процентов пахотных земель принадлежит плантаторам и помещикам, у которых малоземельные и безземельные крестьяне арендуют участки.

Американцы в начальный период своего господства были заинтересованы в сохранении отсталых аграрных отношений, так как помещичья верхушка была их надежной опорой, и охотно привлекали «сильных людей» к сотрудничеству. Правительство в Вашингтоне и сейчас старается подкармливать часть местной олигархии. Это особенно ярко видно на примере так называемых сахарных баронов — владельцев крупных плантаций и сахарозаводчиков, образующих «сахарный блок». По существующим соглашениям они беспрошленно поставляют сахар — важнейший источник валютных поступлений — на американский рынок. США, несколько теряя в таможенных сборах, с лихвой окупают это тем, что обретают мощное средство давления на филиппинское правительство, обеспечивают статус-кво в стратегически важном районе и создают влиятельную прослойку «сильных людей», кровно нуждающихся в укреплении связей с ними.

Местная знать существенно упрочила свои экономические позиции при американцах. Получив власть и состояние из рук колонизаторов, она и поныне остается их верным союзником. Олигархическая верхушка (около 400 семейств) контролирует до 90% национального богатства. Ее господствующее положение в хозяйственной области неоспоримо и не подвергается практически никаким ограничениям. Принцип свободы частной инициати-

вы явно доминирует над принципом государственного контроля. В самих США в последние десятилетия государство все активнее вмешивается в сферу предпринимательства (естественное проявление государственно-монополистических тенденций), на Филиппинах же крупный капитал успешно противостоит попыткам государственного регулирования.

По сравнению с другими развивающимися странами государство здесь играет неизмеримо меньшую роль в экономике. Действие принципа частной инициативы приводит к разбазариванию местных капиталов, к их непроизводительному помещению и к засилью иностранного, прежде всего американского и японского, капитала. Бюджетные ассигнования расходуются не на поддержание государственного сектора, а на кредитование частных компаний. Эти средства оседают в сейфах представителей олигархии. Вот цифры: за период с 1965 по 1970 г. государственные финансовые учреждения выделили на цели кредитования 4 млрд. песо, из них 2,7 млрд. попали к 36 семействам.

Экономика страны подчинена иностранному диктату, что отчетливо проявилось во введении свободно колеблющегося курса песо, т. е. фактической девальвации его под давлением Международного валютного фонда. Эта мера оказалась выгодной экспортерам (в первую очередь тем же «сахарным баронам»), ибо они стали получать больше песо на каждый заработанный доллар, но резко ухудшила положение трудящихся: только за 1971 г. цены на товары широкого потребления возросли в среднем на 23%. Учитывая характер филиппинского экспорта, можно с уверенностью сказать, что в итоге такой шаг приведет к сохранению колониальной структуры экономики.

В 1969 г. финансовые затруднения вынудили правительство Филиппин обратиться к Международному банку реконструкции и развития с просьбой создать консультативную группу для оказания помощи. Оно полагало, что группа под его руководством будет работать над изысканием краткосрочных кредитов. Однако МБРР настоял на том, чтобы группа занималась вопросами, связанными с долговременным экономическим планированием. В мае 1971 г. она была образована, в нее вошли представители Австралии, Японии, Испании и США (восемь других государств имеют статус наблюдателей) и трех междуна-

родных учреждений: Азиатского банка развития, МВФ и Фонда развития ООН. Члены группы уже в 1971 г. предоставили местному правительству 230,9 млн. долл., но за это получили решающий голос в экономической сфере.

Еще в 1946 г. была принята грубо попирающая суверенитет страны поправка к конституции, устанавливающая для американских граждан равные с филиппинцами права в разработке естественных богатств и в некоторых других сферах предпринимательства.

Наконец, Филиппины привязаны к США серией военных соглашений, важнейшими из которых являются Пакт о военной помощи и Соглашение о базах (срок действия истекает в 1991 г.). По просьбе филиппинской стороны отдельные пункты Соглашения время от времени пересматриваются (в частности, поднимается вопрос об арендной плате), но пока нет никаких признаков, что правительство намерено заговорить о ликвидации баз, хотя присутствие американских войск связано с известными психологическими и политическими издержками. Американские военные отмечают, что на архипелаге они чувствуют себя свободнее, чем в любой другой стране мира.

Пентагон отводит этим базам важную роль, которая, по оценкам, в послевьетнамский период возрастет: они станут крупнейшими военными сооружениями США, в западной части Тихого океана². Общая численность американских военнослужащих на островах достигает 16 тыс. (в разгар войны в Индокитае их было 27 тыс.). Обучением филиппинской армии руководит влиятельная группа американских советников, и снабжается она американским оружием.

Все перечисленное и составляет вместе то, что принято называть «особыми отношениями» между Филиппинами и США.

* * *

Американцы принесли в колонию свои идеи, институты, нормы, весь механизм буржуазной демократии, который приобрел тут, однако, довольно искаженную форму.

---

² Соединенным Штатам принадлежат военно-морская база Су-бик Бэй (36 тыс. акров земли, стоимость сооружений — 372,94 млн. долл., число работающих филиппинцев — около 30 тыс.) и военно-воздушная база Кларк Филд (соответственно 13 тыс. акров, 150,6 млн. долл., около 17 тыс. работающих филиппинцев) и три других военных объекта.

При соприкосновении с главными ценностями традиционного общества по видимости вполне американские установления причудливо трансформировались. Новые веяния сталкивались не только с исконными, но и с испанизированными понятиями и концепциями. В результате американизация Филиппин удалась лишь в каких-то узких пределах.

Насаждение принципов буржуазной демократии в стране с совершенно отличной культурой, в стране, естественное развитие которой было насильственно прервано, проходило негладко. Неподкрепленные экономическими и социальными преобразованиями, «чужие» институты не могли функционировать эффективно; позаимствованная из-за океана надстройка явно не соответствовала базису.

Двадцать пять лет независимости Филиппин продемонстрировали недейственность созданного здесь правопорядка, что внешне проявляется в разладе работы всего государственного аппарата, разгуле беззакония, росте коррупции и фаворитизма. Западная печать обычно пишет об этой стране в крайне пессимистических тонах и таким образом демонстрирует непонимание всей сложности проблемы. Колониализм не позволил выработать здесь органические, отвечающие местным условиям формы государственного устройства. И не филиппинцы в этом виноваты. Вместе с тем многое из происходящего сегодня в стране может быть объяснено усилением роли некоторых традиционных установок, до поры до времени отнесенных на задний план.

Право всегда есть возведенная в закон воля господствующего класса. На архипелаге кодифицированное право отражает иную, не филиппинскую, реальность и возводит в закон волю американской буржуазии. Местный же господствующий класс располагает другими средствами диктовать свою волю, не затрудняя себя юридическим подкреплением каких бы то ни было действий. Представители правящей верхушки часто игнорируют то, что зафиксировано в законе, и, по сути, выступают первыми его нарушителями. Власть олигархии покоится на прочных основаниях, и она не собирается отказываться от них — просто не видит в этом никакой необходимости: характер отношений, сложившихся между «сильными» и «маленькими» людьми, гарантирует ей повиновение.

Сознанию филиппинцев чужды принципы англосаксонского права. Выработанные в барангае и все еще признаваемые большинством населения нормы плохо согласуются с идеями и концепциями, искусственно пересаженными на неподготовленную почву. Новые понятия, взгляды, отношения не вырастают органически из традиций и вступают с ними в конфликт. В конституции Филиппин сформулированы основные положения буржуазной демократии, но из этого еще не следует, что филиппинцы могут пользоваться ими. Этому препятствует весь уклад жизни, освященный и поддерживаемый авторитарной католической церковью. Главное в нем — статус, приписываемый от рождения и практически неизменяемый. Либо ты родился «сильным человеком» и тогда в обмен на некоторые услуги можешь рассчитывать на поддержку простого тао, либо ты — «маленький человек» и тогда обязан быть лояльным по отношению к «сильному», иначе не выживешь и никакой закон тебя не спасет. В конституции сказано, что все равны, однако жизнь свидетельствует об обратном. Человек не может свободно изменить свое положение в обществе, хотя формально это право за ним признается.

Филиппинское законодательство в большой мере повторяет американское, в котором отражены также и определенные политические завоевания трудящихся США. Но филиппинец живет и движется в социальной действительности, где большую роль играет принцип авторитарности, подчинения вышестоящим. Волей-неволей он переносит этот принцип на все отношения, в которые ему приходится вступать.

Патернализм, привычка рассматривать всякие связи как личные и регулировать их принципами «внутреннего долга», «стыда», «такта и вежливости» приводят к тому, что значительная часть трудящихся воспринимает свои отношения с эксплуататорами не как классовые, антагонистические, а как отношения старшего и младшего, каждый из которых несет определенные обязанности и обладает определенными правами. И пока эти права и обязанности признаются «сильными людьми» (а они в какой-то степени признаются), многие рабочие и крестьяне субъективно считают свое угнетенное положение естественным и полагают, что его следует сохранять и поддерживать. Общественные противоречия, в их пред-

ставлении, сводятся исключительно к соперничеству отдельных лиц.

Трудящиеся не имеют достаточного опыта классовой борьбы и потому не используют в полной мере возможности, которые предусмотрены законом. Это особенно наглядно проявляется в деятельности профсоюзов. Формально рабочим предоставлено право профессионального объединения, но реализация его наталкивается на разного рода препятствия. Поражает уже число профессиональных союзов (их свыше 3500) и еще более — аномалии в их деятельности.

Прежде всего, нередко профсоюзы создаются самими предпринимателями, которые ставят во главе их своих брата, протеже, и через них осуществляют влияние в массах, укрепляя патерналистские связи между рабочими и работодателями и протаскивая традиционную идейку о том, что босс — «отец-благодетель». Приходилось встречать даже плантаторов, с гордостью сообщавших, что они организовали профсоюзы для сельскохозяйственных рабочих. Этим они достигают сразу несколько целей: создается видимость демократии, гармонии труда и капитала, отводится угроза появления подлинных профсоюзов. Кое-где — особенно на сахарных плантациях — такие «профсоюзы» получают от хозяев оружие и превращаются в полувоенную организацию фашистского типа, послушную помещику и держащую в страхе все население.

Далее. В соответствии с существующим законодательством все трудовые конфликты в обязательном порядке разбираются в Суде промышленных отношений, а потому многие профсоюзы занимаются не столько своей основной деятельностью, сколько судебной. Для этого, разумеется, нужны специальные знания, вот почему зачастую филиппинскими профсоюзами руководят адвокаты, далеко не всегда выражающие подлинные интересы рабочих. Бывает, что лица с юридическим образованием сами основывают профсоюзы из карьеристских соображений, а то и для шантажа предпринимателей.

Есть «профсоюзы» — поставщики рабочей силы. Обычно их возглавляет какая-нибудь энергичная личность (нередко с уголовными наклонностями), сама себя назначившая руководителем. Подобный руководитель подбирает рабочих (как правило, родственников или чем-

то ему обязанных людей, на преданность которых он может положиться) и договаривается о найме. Всю заработную плату своего «профсоюза» он кладет себе в карман, выдавая членам лишь столько, сколько сочтет нужным. Он же ведет борьбу, причем не на жизнь, а на смерть (в буквальном смысле слова), с конкурирующими «профсоюзами». Именно эта форма организации преобладает среди портовых рабочих, а их, принимая во внимание островной характер страны, немало. Такого рода профсоюзы — нечто среднее между артелью грузчиков, шайкой контрабандистов и портовой хулиганской бандой. Тем не менее они регистрируются в министерстве труда и держат юристов, защищающих их интересы.

Развитие профсоюзного движения затрудняется также деятельностью церкви, и (как всегда на Филиппинах) в первую очередь иезуитов, создавших профсоюзы и промышленных и сельскохозяйственных рабочих. Они пытаются убедить предпринимателей в необходимости некоторых уступок и в ряде случаев не останавливаются перед забастовками. Но все же главной их задачей остается отвлечение рабочих от классовой борьбы.

Конечно, далеко не все филиппинские профсоюзы таковы. Есть объединения, насчитывающие уже более чем полувековую историю последовательной борьбы за подлинные интересы трудящихся. Их число, правда, невелико, но влияние их растет, и по ним начинают равняться другие.

Новые колонизаторы принесли на архипелаг дух предпринимательства и наживы, дотоле здесь неизвестный. Но и сейчас, как и при испанцах, престиж определяется главным образом размером земельного владения, а не успехами в бизнесе. По-прежнему «сильный человек» — это преимущественно землевладелец, «маленький человек» — арендатор, целиком зависящий от него. При сложившемся характере отношений ни одна из сторон не заинтересована в повышении производительности труда. Помещик и так, ничего не делая, получает высокую прибыль. Издольщик знает, что плоды всякого нововведения ему не достанутся, и не видит никакого смысла в улучшении методов сельскохозяйственного производства. Пропагандируемые государственными органами прогрессивные способы ведения хозяйства встречают не всегда явное, но упорное сопротивление сельских тружеников.

И получается, что, скажем, на рисовых полях сельскохозяйственного колледжа в Лос-Баньосе, в 60 км от Манилы, снимают рекордные урожаи, а на расположенных рядом участках арендаторов — в 5—6 раз меньше. Научно-исследовательский институт, в котором был выведен «чудо-рис», положивший начало «зеленой революции» в Азии, находится на Филиппинах. Он предлагает свои услуги крестьянам, но те не заимствуют даже отдельных элементов передовой технологии: при архаичной системе землевладения им это невыгодно. «Зеленая революция» началась на Филиппинах, но саму страну почти не затронула.

Попытка предоставить крестьянам государственный кредит успеха тоже не имела. Они по-прежнему прибегают к займу у помещика, платежи которому (хотя их сумма и растет) можно задерживать, тогда как в сельскохозяйственный банк их надо вносить в строго установленные сроки и при этом использовать кредит только по указанию учреждения. Когда крестьяне обращаются к банкам, последние, как правило, не могут собрать то, что им причитается. Тут играет роль и безличный характер отношений: банк — не человек, к нему нельзя питать какие-то чувства, здесь не действует принцип «внутреннего долга», а задержка платежей и отказ от них не кажется проступком. Земледелец часто не заключает арендного договора до тех пор, пока крестьянин не распишется в получении ссуды, причем бывает и так, что на деле ссуда не выдается, но тот должен погашать ее. И все-таки кабальная задолженность владельцу земли кажется естественной. Впрочем, с проникновением капитализма в сельское хозяйство наблюдается ослабление традиционных связей.

Уже говорилось, что в некоторых районах страны абсентеизм помещиков принял массовый характер (в провинциях Центрального Лусона — напомним, что это самые «беспокойные» районы, — до 70% помещиков не живут в своих имениях), и отношения с ними становятся опосредованными. Управляющего крестьяне не признают за «сильного человека» — это лишь представитель, не могущий обладать теми же правами, они не видят прямого подтверждения отношениям «внутреннего долга» и все менее считают себя обязанными выполнять требования, вытекающие из этого принципа. Правда, уважение к по-

мещику сохраняется и в тяжелую минуту к нему посылаются ходоки, хотя тесного общения уже нет. В Маниле часто приходилось слышать жалобы не живущих в имениях землевладельцев, что «с крестьянами становится все труднее». (Один из них с искренней обидой упрекал их в своеволии: они не всегда голосуют за того кандидата, на которого он указывает.)

Предприниматели, сколотившие капитал в городе и, по филиппинскому обычаю, поспешившие купить землю, сетуют, что крестьяне их не признают. Повиновение новым хозяевам не освящено традицией поколений и не воспринимается как должное. С развитием капитализма у «маленького человека» в деревне все же появляется кое-какая возможность изменить свое положение и самому распорядиться собой — он может уйти в город и попытаться счастья там. Тао все отчетливее начинают понимать подлинную эксплуататорскую сущность зависимости от помещика, подтверждением чему служит активизация крестьянского движения. И все же утверждать, что традиционные отношения отошли в прошлое, еще преждевременно.

В городе изменения оказались более значительными. Филиппинская олигархия, усваивая американский стиль в сфере предпринимательства, открывала для себя новые источники обогащения. Ранее ее почти исключительно составляла родовая земельная аристократия, которая ничего, кроме сельского хозяйства, не знала. При испанцах на архипелаге практически не было местной торгово-промышленной буржуазии — спекуляция землей или извлечение выгод из чиновничьей должности являлись самым прибыльным и почтенным делом. С приходом американцев стала складываться местная буржуазия, своим возникновением обязанная иностранному капиталу. Лишь после второй мировой войны появилось поколение филиппинских бизнесменов, сколотивших (порой весьма темными путями) состояние в период оккупации. Эти предприниматели не имели связей с США и выступали за освобождение не только от американского капитала, но и от власти помещичье-бюрократической элиты внутри страны.

Сейчас из-за засилья иностранцев национальная буржуазия вкладывает капитал преимущественно в непроизводительные отрасли хозяйства, прежде всего в «индуст-

рию развлечений». Но именно здесь капитал дает быструю и верную прибыль. Иностранцы любят говорить, что филиппинские предприниматели, отягощенные предрасудками и не имеющие опыта, не способны развивать тяжелую промышленность, которая требует долгосрочных вложений и приносит менее высокую прибыль. Филиппинцы, мол, не умеют заглядывать вперед, не отличаются предусмотрительностью и терпением, тогда как американцы обладают этими качествами. Отсюда делается вывод о том, что между местными и американскими бизнесменами существует полная гармония, а выигрывает страна в целом. На деле отечественный капитал просто не в силах конкурировать с иностранным, которому законодательство предоставляет большие права, и вынужден искать иные сферы приложения. Противоречия между американскими монополиями и национальной буржуазией достаточно остры, и последняя по ряду вопросов занимает антиамериканские позиции. По ее мнению, независимость от США и демократизация суть необходимые предпосылки индустриализации.

Растущая национальная буржуазия иногда вступает в конфликт и с прежней элитой, с помещичьей верхушкой. Поэтому на Филиппинах различают «старую олигархию» (помещики и компрадорская буржуазия) и «новую олигархию» (национальная буржуазия). Не следует, однако, преувеличивать остроту разногласий: «новая олигархия» во многом близка к «старой». Филиппинские предприниматели в большинстве своем тесно связаны с помещиками родственными узами и, как правило, решают все спорные вопросы при личном общении. Они образуют замкнутую группу и против народных масс выступают единым фронтом.

В то же время они не прочь порассуждать о том, что Филиппины — «страна равных возможностей», где каждый может добиться всего — были бы трудолюбие, дисциплина и предприимчивость. Впрочем, американский миф о чистильщиках обуви, ставших миллионерами, никого не вводит в заблуждение. Филиппинцы превосходно знают, как сложно простому человеку «выбиться в люди» и как важны при этом контакты. Даже чтобы просто устроиться на работу и продвигаться по служебной лестнице, требуется покровительство «сильного человека», который соглашается помогать своим бата только

в обмен на личную преданность. Связи гораздо полезнее, нежели дипломы и аттестаты.

Класс буржуазии пополняется почти исключительно из рядов олигархии. По данным одного социологического обследования, в Маниле, например, из 92 владельцев предприятий, принадлежащих филиппинцам³ и насчитывающих свыше 100 рабочих, лишь менее 20% были выходцами из низших и средних слоев. При самом поверхностном знакомстве с Филиппинами становится ясной зыбкость тезиса о социальной мобильности местного общества.

С возникновением класса местных капиталистов, точнее, с выделением его из класса помещиков, появился новый тип «сильного человека», статус которого определяется уже не только земельными владениями, но и капиталом. Однако отношения между ним и рабочим во многом такие же, как между помещиком и крестьянином. Он должен быть опекуном, советчиком, помогать в случае болезни, ссужать деньгами, устраивать родственников — словом, делать то же, что делает добрый отец семейства. Рабочему же надлежит платить ему преданностью, полностью повиноваться, оказывать услуги личного порядка: подать, принести. (Порой даже во время забастовки пикетирующий предприятие рабочий может положить на землю плакат и сбегать в ближайшую лавочку купить сигарет для босса.) При господстве преимущественно личных отношений филиппинский труженик прежде всего ищет защиты и справедливости у своего хозяина. «Только тот не останется голодным, — гласит пословица, — кто живет рядом с богатым. Ему не страшен ни ураган, ни землетрясение».

Психология рабочего во многом «питается» нормами феодального и родового строя. Ему трудно осознать, что он просто продает свою рабочую силу предпринимателю. Он стремится установить с хозяином тесные контакты и заручиться его расположением, ибо не без оснований считает, что это более надежная гарантия от всяких неприятностей, чем юридические установления. В стране при-

---

³ Характерный штрих: первоначально обследовалось около 300 предприятий, но из них 54 оказались американскими, 105 — китайскими, 9 — испанскими и остальные принадлежали прочим иностранцам, хотя все числились филиппинскими.

знается право на забастовки и на организации, приняты законы, гарантирующие минимальную заработную плату, но об этих законах и правах не упоминают и не настаивают на их выполнении. Они сплошь и рядом нарушаются самым грубейшим образом, и лишь ничтожная часть этих нарушений становится достоянием гласности. Обычно споры улаживаются традиционным, неформальным способом.

Материалы социологических обследований, которые так часто проводятся в стране, показывают, что рабочие все еще ценят в предпринимателе определенные качества: умение ладить с людьми (пусть в ущерб эффективности производства), вежливость, доброту, понимание, отзывчивость, доступность. Крики, брань считаются совершенно недопустимыми и часто приводят к увольнению «по собственному желанию». Правда, и справедливый упрек в дурно сделанной работе тоже задевает самолюбие.

Считается естественным, что босс отдает предпочтение родственникам и бата, живет в особняке, ездит на машине. Как и помещик в деревне, он должен давать деньги на проведение городских праздников для подтверждения своего статуса, играть роль руководителя во всех начинаниях, помогать неимущим соседям и предоставлять им кров в случае стихийных бедствий (которые не щадят и город); именно к нему обычно обращаются с просьбой быть крестным отцом.

Но, несомненно, отношения, которые строятся по типу патрон— клиент, в городе несколько ослабевают. Есть «сильные люди», особенно в средней прослойке, предпочитающие избегать обязательств, связанных с их высоким, по филиппинским понятиям, положением. В городе они селятся вместе, чтобы не вступать в обременительные контакты с бедными соседями, стараются упрочить свои позиции исключительно посредством увеличения состояния, а не путем увеличения числа зависимых от них людей. Они не тратят деньги на неимущих родственников, а кладут их в банк, за что и получают репутацию людей жестоких, бессердечных, бессовестных. Надо сказать, что и некоторые рабочие начинают ощущать как тяжкое бремя обязанность поддерживать своих многочисленных родственников, хотя и не отказываются от нее так откровенно.

Развитие капитализма на Филиппинах имело следствием усложнение классовой структуры общества. Правда, и сейчас безошибочно определяют, кто относится к «сильным» и кто к «маленьким» людям, но урбанизация заставляет проводить дальнейшую классификацию. В Маниле, например, «маленькие люди» делятся на коренных горожан и на недавно прибывших из провинции и не успевших приспособиться к городской жизни. Их называют *провинцидно* — «провинциалы» или просто *сидно*, причем это слово имеет пренебрежительный оттенок. Как правило, они ютятся у родственника и с его помощью ищут работу, причем готовы выполнять любую и почти за любую плату. Сиано образуют самый низший слой «маленьких людей» и подвергаются наибольшей эксплуатации. Коренные горожане — бедняки — представлены рабочими, мелкими служащими, шоферами, домашней прислугой, владельцами лавчонок *сари-сари* (по-тагальски «разное»), где продают всякую мелочь, а главным образом кока-колу, ставшую чуть ли не национальным напитком.

«Сильные люди» в таком крупном городе, как Манила, подразделяются на несколько категорий. Прежде всего к ним относятся все белые: американцы (около 18 тыс.), испанцы (около 10 тыс.) и прочие европейцы (около 5 тыс.), преимущественно англичане и немцы. Это представители фирм, банкиры, разного рода эксперты, инженеры, владельцы шахт и т. п. Они держатся обычно замкнуто и мало общаются с филиппинцами. Вряд ли иностранцев можно рассматривать как элемент структуры собственно филиппинского общества: они остаются чужеродным телом, даже если на островах их сменилось несколько поколений. Но их деятельность оказывает влияние на все стороны местной жизни, а потому их никак нельзя обойти вниманием.

Далее следуют метисы, прежде всего испано-филиппинские, среди которых, в свою очередь, различают две группы: представители первой обладают выраженными европейскими чертами, представители второй же по антропологическому типу приближаются к малайцам. Это разграничение проводят сами филиппинцы. Первая группа претендует на большее уважение. Вообще метисам свойственно некоторое высокомерие, они недвусмысленно дают понять, что между ними и прочими жителями существ-

вует барьер, считают себя носителями испанской культуры и всячески это подчеркивают. В руках «сильных людей» из данной группы сосредоточены крупные земельные владения и предприятия в «солидных» отраслях — в обрабатывающей промышленности и особенно на транспорте (по традиции они занимаются морскими перевозками). Из-за некоторой отчужденности, существующей между ними и остальным населением, метисы редко занимают административные посты. Они образуют элиту бизнеса и заметно влияют на государственные дела, но предпочитают не выставлять свое влияние напоказ.

Затем идет собственно филиппинская верхушка, которая включает и китайских метисов. Представители ее занимаются торговлей, банковскими операциями и страхованием, вкладывают капиталы в обрабатывающую промышленность, владеют землей и поставляют политических и государственных деятелей.

«Средний слой» образуют мелкие собственники, чиновники, преподаватели и служители культа. Эта группа невелика по численности, но именно она объединяет основную часть «интеллектуальной элиты» страны, голос которой звучит достаточно громко.

Как видно из сказанного, деление довольно условно, хотя имеет свои основания в реальной действительности, поскольку разные виды деятельности закреплены за отдельными группами правящей верхушки и между ними нередки трения.

Несмотря на значительные изменения в социальной структуре общества при американцах, поведение большинства филиппинцев по-прежнему определяется принципами утанг на лооб, хийа и пакикисама. Есть признаки того, что такая модель поведения уже не является всеобъемлющей, но она все еще действенна. Иного трудно было ожидать. По утверждениям американских специалистов, производительные силы на современных Филиппинах на 70% остались такими же, какими были до испанцев. Изменения в сфере материального производства крайне невелики (тот же буйвол, то же поле и те же малоурожайные сорта риса), большая часть населения живет в тех же условиях, что при испанцах и до испанцев. Естественно, что и взгляды, установления, которым она следует, едва ли могли существенно трансформироваться. Исконные и глубоко укоренившиеся испанские представления и

обычай активно воздействовали на новые институты и превратили их в нечто, столь отличное от оригинала, что сами американцы затрудняются оценить результаты своей деятельности на архипелаге.

«ДЕМОКРАТИЯ» НА ФИЛИППИНАХ

Выборное начало. Колонизаторы принесли на острова идею выборности руководящих лиц и весьма ревниво следили за ее претворением в жизнь. Раз в два года филиппинцы кого-нибудь выбирали: *капитана де барио*, т. е. деревенского старосту, мэра, члена муниципалитета или провинциального совета, губернаторов, конгрессменов, сенаторов, вице-президента и президента, но это еще не значит, что они действительно могли сделать выбор. Как и прежде, любые связи здесь рассматривались сквозь призму отношений в семье, а в ней, естественно, выборное начало не представлено.

Филиппинцам свойственно персонифицировать свои контакты с властями; простой тао голосует за данного кандидата не потому, что тот принадлежит к партии, программу которой тао разделяет, а потому, что через многочисленных посредников связан с ним и надеется получить личную выгоду в случае его победы. Взгляды и идеи кандидата имеют десятистепенное значение. Главное — это найти в иерархической структуре лиц, пользующихся доверием избирателей, и заручиться их помощью, обычно путем подкупа или обещаний. Тогда и только тогда можно рассчитывать на успех. Непосредственное обращение к массам мало что дает: простой тао лично не знаком с кандидатом, не представляет, чего от него ждать, и оттого не склонен придавать значение широкоовещательным декларациям. Вот если близкий человек попросит голосовать за конкретного кандидата — другое дело. В таком случае тао уверен, что за согласием последует немедленная, пусть маленькая, но осязаемая благодарность. Не столь важно, что сделает выборное лицо для страны в целом, гораздо важнее, что он сделает для своего округа, для этого барио и для этого избирателя. Коль скоро он изыщет способ проложить дорогу, построить школу, вырыть артезианский колодец и не откажет в нескольких песо крестьянину, ему будет обеспечена поддержка, при-

чем гораздо более надежная, чем если бы он внес законопроект об улучшении условий аренды или повышении минимума заработной платы.

Насаждение принципа выборности породило на Филиппинах явления, в других развивающихся странах неизвестные. Доминирующей фигурой всей жизни стал не чиновник, назначаемый центральным правительством, а выборное должностное лицо, или, как его называют здесь, *пултико* (от испанского политико) — странный гибрид родового вождя или феодала и современного политикана из буржуазно-демократического государства. Всякий, кто домогается выборного поста или участвует в выборной борьбе, и есть пултико. А домогаться этих должностей могут исключительно «сильные люди», в руках которых сосредоточено богатство.

Если раньше, до американцев, филиппинская олигархия осуществляла власть только на местах и притом непосредственно, используя традиционные формы утверждения своего могущества, то теперь она обладает властью в национальном масштабе, проводя с помощью механизма выборов своих ставленников в административные органы. Этот механизм, называемый демократическим, гарантирует ей безраздельное господство (лишь при такой условии она принимает его). Форма правления в стране остается олигархической, несмотря на демократический фасад.

Правят те же «сильные люди», контролирующие буквально все стороны жизни. Для обществ, в которых прочны традиционные отношения, характерно нечеткое разделение функций (в развитом индустриальном обществе такое разделение — неперемненное условие существования). Филиппины в этом смысле не составляют исключения. Исторически они не подготовлены к тому, чтобы за каждым должностным лицом был закреплен определенный круг обязанностей, за пределами которого его власть кончается.

Дато, вождь в доиспанской общине, решал и экономические и религиозные вопросы, улаживал распри и ссоры своих подданных; испанский монах был главным арбитром во всех областях жизни, помещик — высшей инстанцией по всем спорным проблемам. Так и пултико, появившийся в период американского владычества, вмешивается во все дела, и за ним всегда признается послед-

нее слово, хотя это мало согласуется с формальной структурой организации власти.

Рядовой избиратель со своими бедами, обидами, заботами идет к капитану, мэру, губернатору, конгрессмену, сенатору и даже президенту, полагая, что его выслушают и ему посодействуют. Просьбы могут быть разными: устроить на работу, оказать медицинскую помощь заболевшему члену семьи, найти управу на соседей, с которыми у него нелады, призвать к порядку мужа, который завел кериду и т. д. Тао обычно мало понимает в законодательстве, зато он твердо знает, что пулитико не должен подвести: «Раз я за тебя голосовал, ты обязан мне помочь, а иначе где же у тебя хйя, совесть?».

И никто из должностных лиц не рискнет отмахнуться от просителя, сославшись на то, что это не его дело. Есть обязанности, которые они должны выполнять и отказаться от которых не могут. В требовании помощи, нередко исчисляемой несколькими песо, «маленький человек» достаточно тверд, решителен и даже агрессивен, и «сильные люди» вынуждены откликаться на это, расходуя свои или государственные средства, ибо «богатый, не дающий бедному, сам беден».

При таком положении критерии оценки деятельности выборного лица становятся чрезвычайно расплывчатыми. Чтобы не потерять избирателей, пулитико вынуждены заниматься и частными вопросами, показывать, что они умеют ладить с людьми. С другой стороны, чтобы иметь возможность удовлетворять просьбы избирателей (а удовлетворение их почти неизбежно связано если не с нарушением, то с обходом закона), он должен заручиться поддержкой тех, кто распоряжается государственными средствами и раздает должности. Отсюда постоянная необходимость лавировать, циничный расчет, боязнь прогадать самому. За каждым шагом пулитико можно усмотреть желание получить личную выгоду. В этом, впрочем, не видят ничего особенного, лишь бы не нарушались определенные правила игры, а вот заверения в бескорыстии всегда встречаются с недоверием.

Нечеткое распределение ролей, неизбежное привнесение трудно поддающегося учету личного фактора мешает нормальному функционированию различных ступеней государственного аппарата, создает множество препятствий. Поведение любого лица, находящегося у власти, стано-

вится трудно предсказуемым, никогда нельзя угадать, будет ли оно действовать в интересах дела, в собственных интересах или в интересах своих бата. Сколько-нибудь добросовестное, непредвзятое отношение к своим обязанностям, по понятиям многих филиппинцев, не относится к числу положительных качеств и часто квалифицируется как бездушие. Исполнительный чиновник, глухой к просьбам «порадеть» за кого-нибудь, быстро получает репутацию бессердечного и вызывает всеобщее осуждение. Он просто обязан помогать близким людям, связанным с ним отношениями утанг на лооб. «Дружба дружбой, а служба службой» — такой принцип здесь, как правило, не признается. «Дружба» должна распространяться на все, иначе это не «дружба». Ссылки на то, что так не положено, что для пользы дела нужно иное решение, воспринимаются как пустые отговорки, прикрывающие моральную «деградацию» человека.

Стремление рассматривать любые связи как сугубо личные, причем во всех случаях соблюдать субординацию, ожидание немедленных и осязаемых благ за каждую оказанную услугу отчетливо прослеживается в политической жизни страны, хотя в данной области проявляются и новые элементы. Смещение западных идей и традиционных норм, естественно, порождает всякого рода недоразумения и конфликты. Процесс капиталистического развития требует умения и навыков от руководящих деятелей, и «сильные люди» приобретают эти навыки в колледжах и университетах. Тао же основные принципы жизни усваивает, как и ранее, в семье и церкви и лишь в незначительной степени — в школе. Его положение четко обозначено, он занимает определенную ступень в иерархии отношений, знает, что ждут от него и что он сам может ожидать от других. Его чувствительность и большая уязвимость заставляют его избегать общения за пределами привычного круга лиц и нередко побуждают воздерживаться от действия, в исходе которого он не уверен.

Но в современных условиях контакты с людьми не ограничиваются узким кругом близких, и риск открытой конфронтации неизмеримо возрос. Поэтому тао делает все, чтобы переложить угрозу возможного столкновения на посредника. Эту традиционную роль и стал выполнять пулитико, задача которого, в частности, состоит в том, чтобы ограждать своего избирателя от соприкосновения

с властью, вообще с внешним миром и улаживать возникающие между ними конфликты⁴. Избиратель как бы передает ему свое право влиять на существующий порядок в обмен на то, что тот «принимает удар на себя». Не правительственный чиновник, а именно выборное лицо олицетворяет для тао защиту. Только за ним он признает право распоряжаться собой: он голосовал за него и, следовательно, вступил с ним в отношения «внутреннего долга». Ему он доверяет больше, чем чиновнику, на заботу которого рассчитывать не приходится: тот ему ничем не обязан, а признается лишь правило «услуга за услугу».

Администратор присылается из центра, и филиппинец знает, что это произошло без его участия, и поэтому не ждет от него никакой помощи. Но и себя считает свободным от обязательств по отношению к органам власти, представители которых назначаются сверху. Без одобрения своего пулитико он не станет выполнять их приказы и распоряжения.

Успех деятельности правительственного органа зависит от того, насколько ему удастся найти контакт с пулитико. Последний же по принципу взаимности за свое содействие требует права вмешиваться в работу государственных учреждений, прежде всего пристраивать своих подопечных. Любую должность — от вахтера до министра — можно получить лишь по протекции пулитико разных рангов. Поэтому связи с ними очень важны. Чувство уверенности, которое в развитом капиталистическом обществе дает прежде всего обладание капиталом, на Филиппинах обеспечивает близость к сильным мира сего; и если капиталист стремится обезопасить себя, вкладывая капитал в разные предприятия, филиппинец с той же целью старается установить добрые отношения с возможно большим числом власть имущих. Эксплуатируемые массы оказываются привязанными к правящей верхушке.

Такой порядок вещей способствует достижению узких, личных (в лучшем случае — групповых) целей и плохо вяжется с классовыми, а также национальными целями. Но он вполне устраивает господствующую элиту, поскольку

---

⁴ Правительство кажется чем-то далеким, недоступным и недружелюбным; основные представители центра на местах — сборщики налогов, жандармы и прочие лица, едва ли способные вызвать симпатию.

ку разобщает трудящихся. Многие филиппинцы не очень верят в различного рода объединения, призванные защищать интересы своих членов, а отдают предпочтение испытанной иерархической структуре. «От помещика можно получить больше, чем от соседа-арендатора, от хозяина предприятия — больше, чем от товарища по работе; пулитико сразу и немедленно откликается на просьбу, тогда как через союз себе подобных мало чего добьешься».

Филиппинцы в массе своей не склонны сотрудничать в организациях, и последние существуют недолго — обычно до тех пор, пока во главе их стоит энергичный руководитель, способный привлечь сторонников. Как только он уходит или охладевает к работе, организация просто распадается, ибо ее членов объединяют не общие идеалы, а личная преданность руководителю.

Даже прогрессивные организации не свободны от этих недостатков. Вот что пишет один из участников движения хуков, возглавлявшегося коммунистической партией: «В ходе борьбы хуков обнаружилось одно серьезное явление — развитие личной преданности бойцов отдельным выдающимся военным руководителям... верность не столько движению в целом, сколько определенному командиру, в результате чего люди послушно шли за ним и в его правильных действиях и в ошибочных. Это случилось каждый раз, когда партийное руководство ослабевало или политическое просвещение было в упадке. Некоторые из подразделений приходилось по этой причине расформировывать и отправлять бойцов в разные отряды, чтобы выработать у них преданность принципам движения, а не отдельным личностям».

За последние два десятка лет в общественной жизни страны промелькнуло великое множество названий организаций. Некоторые насчитывали сотни тысяч и миллионы человек, получили признание в общегосударственном масштабе, но все они исчезли, уступив место новым. Их, видимо, постигнет такая же участь.

Упор на личные отношения позволяет олигархии не опасаться за исход выборов: у нее достаточно средств для того, чтобы добиться нужного результата. По закону каждый гражданин имеет только один голос, но на практике «сильные люди» распоряжаются многими голосами и держат власть в своих руках. Привязанность крестья-

нина к помещику позволяет безбоязненно допускать шумные предвыборные баталии — они ведутся в пределах господствующего класса и не угрожают ему в целом.

Политическая борьба за получение выборных должностей характеризуется рядом специфических черт. В новых условиях одной из важнейших услуг, оказываемых «маленькими людьми», стал голос избирателя. Тао знает, что его голос имеет ценность, и рассчитывает за него получить кое-что взамен — и не в виде законодательства, облегчающего его положение, а в виде конкретных благ. Обычно за его голос ведется борьба, ибо выставляются несколько кандидатов, и он, стремясь извлечь максимальную выгоду, его просто-напросто продает. (Кстати, некоторые исследователи склонны усматривать в этом известный шаг вперед: раньше-де тао послушно следовал указке помещика, теперь же распоряжается своим голосом и отдает тому, кто больше платит. Но больше опять-таки платит «сильный человек», и, значит, тут мало что меняется.) Подкуп во время выборов, особенно президентских, на Филиппинах явление обычное. Бывает, что на финансирование выборной кампании, и в первую очередь на «покупку голосов» расходуется до 10% национального бюджета.

Механизм подкупа не лишен интереса. Надежнейший источник информации по данному вопросу — провалившийся кандидат: он непременно сошлется на то, что победа его противника была куплена (причем объяснит, что противник оказался богаче, т. е. тем самым признает, что и сам не гнушался подкупом). Впрочем, слово «подкуп» здесь не совсем подходит: по нашим понятиям оно подразумевает нарушение закона, по местным юридическим установлениям — тоже, но этические принципы не считаются затронутыми: ни дающий, ни берущий не ощущают никаких угрызений совести, поскольку плата за голос — это норма. Напротив, отказ от платы смутил бы обе стороны и был воспринят как нарушение этики, ведь дающий в таком случае проявил бы жадность (что нетерпимо в «сильном человеке»), а берущий — гордыню и заносчивость (что нетерпимо в «маленьком человеке»).

Обычно цена за голос колеблется в пределах от 1 до 3 песо, но, если сталкиваются несколько кандидатов, подскакивает до 25—30 песо. Подкуп осуществляется через посредника (без него и тут не обойтись), называемого

«добытчик голосов» (vote getter). На уровне барии ему достаточно поддерживать хорошие отношения с несколькими влиятельными семьями, которые доверяют ему и голосуют по его указанию. Во время выборов в муниципалитет возникает нужда в двух-трех «добытчиках» в каждой деревне, на выборах конгрессмена или губернатора провинции — соответственно в трех-пяти в каждом муниципалитете, наконец, на президентских выборах — от 12 до 25 в каждой провинции. Сами «добытчики голосов» называют себя *лидерами*. Лидер не обязательно является и пулитико, им может быть человек, не домогающийся должности для себя, но активно воздействующий на процесс выборов. Как правило, он в чем-то зависит от пулитико, поэтому, знакомясь, обычно представляется так: «Я лидер конгрессмена X в городе N».

Слово «лидер» на Филиппинах не означает, что данное лицо чем-то или кем-то руководит, наоборот, прежде всего оно означает, что данное лицо — подчиненное и действует в интересах определенного пулитико. Лидер низшего уровня не занимает никакого поста. Им может стать любой человек, пользующийся доверием односельчан, чаще всего — зажиточный крестьянин, которому прочие чем-то обязаны, но иногда и крестьянин победнее, если его уважают и прислушиваются к его советам. В последнем случае он почти наверняка перейдет в разряд местных «сильных людей», ибо за обеспечение голосов получит весьма ощутимые блага от деятеля, добивающегося его услуг. Лидер должен быть чутким к запросам односельчан, оказывать им помощь, участвовать в организации фиест, иметь связи с муниципальными властями, т. е. опять-таки должен быть «сильным человеком» по деревенским стандартам. Капитан де барии обычно бывает лидером мэра, мэр и члены муниципалитета выступают лидерами членов провинциального правления, губернатора и конгрессмена, а последние могут быть лидерами сенатора, вице-президента и президента.

Деньги, вручаемые лидеру, в конце концов доходят до рядового избирателя, но значительная часть их оседает в карманах «добытчиков голосов» — это подразумевается с самого начала. (Один из них говорил мне, что честным считается тот, кто берет не более 30% отпускаяемой ему суммы.) К лидеру обращаются и сверху и снизу. Избиратель, которому мало дела до того, что происходит

за пределами деревни, полагает, что лидер укажет ему верного кандидата, кандидат — что он обеспечит ему нужное число голосов. И первый и второй считают, что между ними установлены отношения утанг на лооб, кои должны постоянно подкрепляться, а посредником в налаживании таких отношений служит лидер.

Иными словами, наряду с формальной, предусмотренной законом избирательной системой складывается другая, неформальная и непредусмотренная никакими законами, полностью соответствующая, однако, традиционным принципам. И они сводят на нет формальную структуру. Посреднический аппарат частично совпадает с официальным (лидер может быть выборным должностным лицом). Но даже при частичном совпадении связи между лидерами регулируются исключительно издревле принятыми нормами. И именно механизм, целиком определяемый исконными представлениями, решает исход выборов. Обойти его никак нельзя, без поддержки посредников кандидат не имеет ни малейших шансов на успех.

Казалось бы, всякий волен, используя буржуазно-демократические свободы, адресоваться непосредственно к простому тао. Однако «голос извне» до рядового избирателя не доходит. Разумеется, крестьянин может слушать радио и даже читать газеты, все равно его реальность — это исключительно его деревня и узкий круг лиц, связанных с ним отношениями «внутреннего долга». Призыв из «внешнего» мира не оказывает на тао никакого воздействия, пока лидеры не порекомендуют ему прислушаться. Социальные барьеры весьма надежно блокируют все каналы непосредственного влияния на человека. Любой политический деятель в своих речах апеллирует к каждому филиппинцу, но адресат по большей части остается глух. Он не то чтобы не верит, просто не понимает, что обращаются к нему. Его социальный опыт весьма ограничен, и всякая информация «с той стороны» должна быть предварительно отфильтрована «сильными людьми», и только тогда она будет воспринята. Так осуществляется фактически безраздельный контроль над голосами избирателей, добраться до которых можно только через лидера.

Иногда, правда, практикуется обход, но, как правило, не более чем через одно звено. На выборах 1953 г. Магсайсай попытался апеллировать непосредственно к изби-

рателям. Он побывал во всех городах страны, посетил свыше 1500 барии и, как подсчитали журналисты, говорил более 3 тыс. часов, пожал сотни тысяч рук и т. д. Он победил. Характерно, однако, что крестьянство, к которому он взывал в первую очередь, отдало ему меньше голосов, чем другие слои населения. Несмотря на помощь США (в конечном счете именно она сыграла решающую роль в его победе), ему далеко не везде удалось добиться поддержки: там, где за ним не шли «сильные люди», крестьяне тоже голосовали против.

Надо сказать, лидеры превосходно знают свое дело. Нельзя не поразиться их умению оценивать обстановку в деревне. Они прекрасно осведомлены о настроении каждого главы семьи, точно знают, за кого он собирается голосовать, чем привлек его на свою сторону конкурент и что нужно сделать, чтобы переманить избирателя. От пулитико посредник получает определенные блага — наличные или возможность дать кому-то работу, устроить детей в школу и т. п. А поскольку желающих воспользоваться этим всегда больше, чем нужно, он может выбирать. Тао, которому кое-что перепало от благ, считает себя обязанным лидеру, снизошедшему до него, и должен предьявлять доказательства своей признательности и впредь. Это укрепляет позиции лидера в его отношениях с вышестоящими пулитико, ведь он может перейти к другому патрону, уведя своих сторонников. Все это очень напоминает принцип феодального общества — «вассал моего вассала не мой вассал».

В союзе лидера и его сторонников, союзе иерархическом, главную роль играет первый, это он создает группу последователей, а не они выдвигают его. Их отношения строятся по вертикали: последователи теснее связаны с лидером, чем друг с другом. В таких группировках отсутствует дух солидарности, и с уходом главы они рассыпаются, а их члены переходят к новым лидерам, в которых никогда нет недостатка. Тао ждет услуг для себя, а не улучшения условий для всех, лидер же нуждается в нем для достижения своих, тоже личных целей. Этот симбиоз подкрепляется взаимным удовлетворением каких-то частных потребностей, и, пока они удовлетворяются, группировка существует. Точно на таком же основании покоятся связи лидера высшего уровня с подчиненными ему посредниками. В результате образуется не-

сколько ярусов зависимости, базирующейся на постоянном подтверждении принципа утанг на лооб.

Интересное положение складывается в случае, если побеждает не тот кандидат, за которого голосовала данная деревня или городской квартал. Тогда обе стороны считают себя свободными от обязательств. Победитель игнорирует нужды непослушных избирателей, а они не ждут от него никакой помощи (дорога не будет проложена, школа не будет построена, колодец не будет вырыт). Подобная ситуация чревата тяжелыми последствиями для избирателей, воспринимается как большое несчастье и может повлечь «низложение» лидера, не справившегося со своими обязанностями (не выполнившего функции посредника) и навлекшего беду на всех.

Вот что происходит в одном из трущобных районов Манилы — Махирапе. (По-тагальски это слово означает «бедный», и название как нельзя более точно.) В 200 строениях, сколоченных из ящичков и разделенных узкими — двоим не разойтись — не переулками даже, а какими-то щелями, живут 1500 человек. В 1959 г. вместе с первыми строениями здесь появился пулитико, домогавшийся места в органе городского управления. Он постарался заручиться голосами жителей Махирапа, пообещав, что в случае избрания не позволит городским властям согнать их с земли. (Они, подобно любым обитателям трущоб, не владеют землей и поселились тут самовольно.) Тогда же объявился лидер, который стал собирать голоса для пулитико. Тот добился победы и в благодарность за поддержку провел в Махирап электричество (правда, не во все дома). За голосами обитателей этого района на выборах мэра столицы, конгрессменов, сенаторов, президента гонялись и другие. Помимо старосты квартала здесь были еще четыре лидера. Все шло более или менее нормально: никто не грозил им выселением (а такая угроза висит постоянно), установили даже водоразборную колонку (в Маниле плохо с водой и у колонок всегда выстраиваются очереди), кроме того, жена нового кандидата в орган городского управления оказала жителям кое-какие услуги.

Но во время последних выборов случилась неприятность: лидеры не сумели договориться и 40% голосов были отданы проигравшему кандидату. Победитель старается установить, кто именно выступал против него, и

это вызывает тревогу обитателей Махирапа: вдруг он решит, что на следующих выборах они отдадут голоса его противнику, а в таком случае не выгоднее ли добиться сноса и выселения? Все ходят мрачные и озабоченные, их существование зависит от милости пулитико. Поступи выигравший именно так, его бы не осудили даже пострадавшие: они проявили неблагодарность и тем самым освободили его от всяких обязательств. (Голосовавшим за него он всегда может сказать, что против них ничего не имеет и им надо «благодарить» своих соседей.) Как бы то ни было, жители трущобного района считают, что сами во всем виноваты, и уповают лишь на то, что все еще обойдется — ведь большинство проголосовали за победителя. Сейчас все четыре лидера стараются убедить победившего пулитико, что на следующих выборах голоса будут отданы только ему. (Правда, если он надумает действовать против обитателей Махирапа, они смогут обратиться к проигравшему кандидату и тот начнет кампанию против победителя — это последний тоже учитывает.) Положение неопределенное, дамоклов меч по-прежнему висит над жителями Махирапа, и, если и в будущем они просчитаются, не исключено, дело обернется бедой.

Горожан все же кое-что объединяет, в данном случае, например, сознание одинаковой участи при неблагоприятном исходе. Есть у них и защитные средства, в частности возможность апелляции к проигравшему кандидату. В сельской же местности разобщенность гораздо большая. И люди предпочитают полагаться на личные контакты с сильными мира сего, избегая любых шагов, способных вызвать их неодобрение.

В беседах с жителями небольших городков и деревень часто приходилось слышать сетования, что выбрали «не того человека», т. е. не того, кто пользуется поддержкой вышестоящих властей. В этих жалобах отчетливо звучала мысль, что главное — не доверие, оказываемое кандидату избирателями, а его хорошие отношения с начальством. Но и здесь легко ошибиться. Выбрали, скажем, старосту, угодного муниципальным властям, однако в органы провинциального управления прошли представители противоположного блока, которые будут игнорировать весь «нелояльный» муниципалитет: ему не выделят средств, что отразится и на благосостоянии данной деревни. Может случиться и так, что провинциальные

власти будут довольны исходом выборов, а муниципальные — нет. Это тоже плохо, ибо в муниципалитете станут чинить всяческие препятствия, что тоже скажется на благополучии. Вариантов бесчисленное множество.

«Наш конгрессмен замечательный человек, но у него неважные отношения с президентом, и, значит, нечего надеяться на получение достаточных средств из национального бюджета. Поэтому у нас мало асфальтированных дорог, не хватает мостов, после тайфуна нам почти ничего не дали на восстановление» — такие жалобы часто раздаются в провинциальных центрах. В муниципалитетах жалуются на плохие отношения мэра с губернатором или конгрессменом, в деревне — капитана с мэром...

Так как непредвиденный исход выборов немедленно оборачивается ущемлением интересов избирателей, голосовать стараются только наверняка — за тех, о ком заранее известно, что они способны добиться кое-чего у властей. На Филиппинах не столько выборное лицо считает себя обязанным избирателям, сколько избиратели считают себя обязанными ему за те блага, которые он «выбивает» для них. Каким бы странным ни казалось такое положение, оно укладывается в традиционные отношения «сильных» и «маленьких» людей. Иерархическое строение филиппинского общества, восходящее к эпохе господства родовых и феодальных порядков, дает себя знать и в условиях декларированной буржуазной демократии.

Пулитико полагает, что он вправе наказывать непокорных избирателей и обладает для этого реальными возможностями. В небольшом городке (7 тыс. жителей) одной из северных провинций о-ва Лусон мне довелось услышать речь конгрессмена, произнесенную им перед своими земляками. Шла кампания по выборам губернатора провинции, и конгрессмен, обладавший здесь огромной властью, задался целью сменить прежнего губернатора (кстати, он сам же провел его на эту должность, но потом счел недостаточно послушным и захотел поставить более покладистого человека). Губернатор, подвергшийся опале, все же решил выставить свою кандидатуру, хотя понимал, что шансы его невелики.

Конгрессмен говорил примерно следующее: «Вы знаете, что тут я родился. Вы помните, что до того, как я стал конгрессменом, здесь не было колледжа, не было асфаль-

тированных улиц, не было такой красивой пласа, не было шоссе, связавшего наш город с провинциальным центром. Все это сделал я, потому что это мой родной город. И вот теперь я узнаю, что нашлись люди, поддерживающие моего противника. Где же ваша благодарность? (конгрессмен употребил выражение утанг на лооб. — И. П.). Я скажу вам прямо. Возле урн будут стоять мои люди, урны вскроют, и я доподлинно узнаю, кто голосовал против моего кандидата. Мне наплевать на закон. Это моя провинция и мой родной город. И если найдутся 50 человек, которые будут голосовать не так, как я хочу, город не получит ни одного сентаво на общественные работы, а непокорным лучше добровольно обратиться отсюда».

Эта речь, достаточно красноречивая, напоминала скорее обращение феодала к своим вассалам, чем выступление общественного деятеля, руководствовавшегося демократическими принципами. (Позже я узнал, что конгрессмен провел своего кандидата.)

Обычно на каждом уровне — в деревне, муниципалитете, провинции — существуют политические династии, по традиции поставляющие выборных лиц или же указывающие, за кого голосовать⁵. Через посредников они оказывают решающее влияние на исход выборов и прочно удерживают власть. Довольно типична для Филиппин такая ситуация: муж — конгрессмен, жена — губернатор провинции, дети и прочие родственники занимают важные посты. Провинция практически превращается в вотчину пулитико. Иногда в какой-либо местности появляются две или три династии, тогда между ними завязывается ожесточенная борьба, в которой нередко прибегают к помощи оружия.

Чем занимается пулитико? Деятельность его на Филиппинах складывается из четырех компонентов. Первый — забота о собственном кармане. Предполагается, что пулитико должен извлекать из своего положения какую-то выгоду для себя и своих близких. По закону он не

---

⁵ В последнем случае их ставленников называют по фамилии господствующей династии. Так, в муниципальном центре, где, скажем, Гонсалесы от века контролируют жизнь города, мэра тоже называют Гонсалес. При ближайшем рассмотрении оказывается, что его фамилия совсем другая (скажем, Родригес), но он «человек Гонсалесов», и это определяет его статус, а потому его самого называют именем патрона.

имеет права истратить в предвыборную кампанию сумму, большую, чем годовой оклад, предусмотренный для той должности, к которой он стремится. Для конгрессмена это составляет 72 тыс. песо. Однако даже в окраинных провинциях, где, как правило, власть находится в руках одной династии и нет конкуренции, взвинчивающей цены на голоса, расход по оплате услуг лидеров всех уровней и подкупу избирателей достигает не менее 200 тыс. песо. Чтобы занять любую выборную должность, надо платить — это аксиома. А всякие траты требуют компенсации — это тоже аксиома.

В распоряжении пулитико есть множество способов для возмещения таких трат. Прежде всего «благодарность» частных компаний, заинтересованных в получении подрядов на общественные сооружения, которые предоставляет именно он. Заключая сделку с какой-либо фирмой, староста, мэр, губернатор, конгрессмен ставят свою подпись только тогда, когда им гарантирована определенная мзда. Обычно в документе указывается сумма, намного превышающая фактическую, разница идет пулитико и фирме. Эти средства называются английским термином *kickback money* — «удержанные деньги» — и служат главным источником обогащения пулитико. Кроме того, частные фирмы нуждаются в разрешении властей на расширение своей деятельности, в льготах (например, освобождение на какой-то срок от налога или снижение его) — за это тоже полагается мзда. Стараясь опередить конкурентов, фирмы сами идут с подношениями, и от них никто не отказывается. В оправдание приводится следующий аргумент: «Мы не лицемеры. Для чего же тогда мы находимся у власти?»⁶ Эти слова, надо сказать, свиде-

---

⁶ Это заявление в свое время было сделано публично. Оно заслуживает того, чтобы привести его целиком, ибо дает представление о нравах филиппинских пулитико. Возмущаясь предпринятым при президенте Элпидио Кирино расследованием, один сенатор (ныне покойный) сказал: «Зачем вы приказали начать расследование, уважаемый господин президент? Никто не требует, чтобы вы открыто разрешали злоупотребления, но вы должны по меньшей мере терпимо к ним относиться. Для чего же тогда мы находимся у власти? Мы не лицемеры. К чему притворяться святыми, если в действительности мы ими не являемся? Когда мы умрем, мы отправимся в ад. И это, пожалуй, не так уж плохо — там не будет никаких расследований, не будет ни министра юстиции, ни министра внутренних дел для проверки нашей деятельности». В выступлении ярко выражена

тельствуют, по филиппинским понятиям, не об отсутствии хийа, а об отсутствии деликадеса. Подобная практика существует, но о ней не стоит говорить откровенно. Поэтому фразы аналогичного содержания обычно произносят как шутку, хотя тут же добавляют: «Такова жизнь, здесь уж ничего не поделаешь», т. е. признают неизбежность взыточничества.

Пулитико имеют и узаконенные привилегии. Конгрессменам выдаются крупные суммы на содержание личной канцелярии, на представительство, в случае поездки за границу они покупают доллары по курсу 2 песо за 1 долл., тогда как все прочие должны платить свыше 6 песо.

И все же иногда не гнушаются прямым вымогательством. Здесь выработался даже известный штамп. События развиваются по определенной схеме: пулитико обрушивается с яростными нападками на того или иного бизнесмена (чаще всего китайца), обвиняя его в том, что тот «пьет народную кровь». Затем вдруг его пафос иссякает, а через какой-то срок становится известным, что он начал строить виллу, приобрел пакет акций преуспевающей компании, отправился в увеселительный вояж по Европе или Америке.

Второй компонент деятельности включает услуги людям своего избирательного округа, причем услуги личного плана. Для тао общество состоит не из классов, а из отдельных индивидов. Его, к сожалению, мало беспокоит вопрос о благополучии лиц равного с ним статуса, поэтому редко волнуют меры, принимаемые против людей его положения в целом. Он не видит ничего необыкновенного в том, что его интересы, интересы крестьянина, представляет в парламенте помещик. Напротив, это кажется ему единственно правильным — лишь бы тот не забывал о нем и делился крохами.

Теоретически выборные лица не должны удовлетворять личные просьбы, фактически же все обстоит иначе. Пулитико отлично знает, что невыполнение традиционных обязанностей на том основании, что это не входит в его компетенцию, или что это против закона, немедленно

разделяемая всеми пулитико мысль о том, что пребывание на выборном посту имеет целью не служение обществу, а извлечение личной выгоды. Выборных должностей домогаются почти исключительно для того, чтобы получить возможность выкачивать деньги из государственной казны, да и из частного сектора тоже.

будет расценено как нарушение «внутреннего долга» и он окажется человеком уаланг хийа; слух об этом дойдет до других, и тогда нечего рассчитывать на их голоса в дальнейшем. Вот почему неукоснительно соблюдается правило никому ни в чем не отказывать. Специальные канцелярии с большим штатом служащих устраивают дела избирателей и следят, чтобы им было уделено соответствующее внимание. На рождество, например, практически всем избирателям отправляются поздравления. В это время 80% всей корреспонденции в стране составляют рождественские открытки конгрессменов и сенаторов, обладающих правом бесплатно пересылать почту.

По утрам в доме филиппинского конгрессмена собираются не менее 20—25 просителей. Один из секретарей опрашивает их и за завтраком докладывает боссу. Тот обдумывает решение и затем объявляет его клиентам, которые почтительно ловят каждое слово патрона. Не раз присутствуя на таких приемах, я имел возможность убедиться, что просьбы имели личный характер и что их всегда выслушивали терпеливо, какими бы абсурдными они ни показались постороннему человеку.

Разумеется, это вовсе не значит, что между простым тао и пулитико действительно устанавливаются сердечные отношения. Субъективно они воспринимаются, как таковые, объективно же способствуют закреплению существующего неравенства. Для пулитико, имеющего солидные доходы, некоторые траты на поддержание «добрых отношений» отнюдь не обременительны и не угрожают его благосостоянию — он остается хозяином положения.

Улаживание дел своих избирателей поглощает много времени пулитико. Будучи посредником, он не вправе отказать от этой деятельности, не рискуя своим положением. Однажды я провел со знакомым конгрессменом целый рабочий день. Утром мы ненадолго заглянули в конгресс, где шло обсуждение важного законопроекта об ограничении прав иностранных нефтяных монополий, но зал был почти пуст. Большинство конгрессменов, как мне объяснили, были заняты тем же, чем собирались заняться и мы. Сначала мы поехали в министерство просвещения, где удалось получить должность инспектора для хорошего знакомого семьи, затем в министерство финансов — уточнить вопрос о назначении провинциальным

казначеем «своего человека», потом в бюро по налогообложению — «выбивать» еще одно место и т. д. После обеда те же вопросы решались по телефону: конгрессмен договаривался, добивался, утрясал. Вечером он давал обед своим лидерам, вызванным из провинции: приближались очередные выборы, и надо было разработать стратегию. Кстати, проезд, гостиница в Маниле и развлечения лидеров (иногда весьма фривольного свойства) — все это оплачивается конгрессменом и является одной из форм подкупа. Никого — кроме разве прессы — не интересует его деятельность в качестве члена законодательного органа, и она отнимает мало времени, а вот лакад, т. е. всякого рода хлопоты по устройству людей из своей провинции, находится в центре внимания избирателей.

В публичных выступлениях, в прессе непотизм и фаворитизм объявляются злом. Пулитико, находящийся в оппозиции, не упустит случая обвинить в этих пороках своего удачливого соперника, находящегося у власти. Однако если ему повезет и он добьется поста, то будет делать то же: «такова жизнь».

Третий вид деятельности связан с удовлетворением нужд всего избирательного округа: сооружением школ, больниц, дорог, мостов и т. п. Деньги на эти работы выделяются государством, и здесь искусство пулитико состоит в том, чтобы вырвать побольше, пусть даже в ущерб другим районам. Популярность его, шансы на победу непосредственно зависят от умения выколачивать средства. Какими способами — не существенно, ценится результат. Здесь чрезвычайно важны хорошие отношения с вышестоящими должностными лицами.

Конгрессмены волей-неволей должны ладить с президентом. Расходы на общественные работы утверждаются в целом по стране, но распределение средств по провинциям — прерогатива главы исполнительной власти. Он направляет их конкретному конгрессмену, а уже последний ищет подрядчика — с выгодой для себя. Эти средства на Филиппинах называют «бочка с солониной» (термин заимствован из практики освоения американского Запада). Тут все зависит от личных связей. Если конгрессмен препятствует проведению законов, угодных президенту, выступает с критикой администрации, ему неизбежно грозит уменьшение доли «солонины», и это приведет к падению его авторитета у избирателей: он пока-

жется им неспособным выполнять одну из своих основных обязанностей. Немногие могут позволить себе пойти на такой риск.

Подобное положение складывается и на следующих ступенях иерархической лестницы: у вышестоящего всегда есть реальные возможности диктовать волю нижестоящим. И только если пулитико метит на более высокий пост, он может обрушиться с критикой на «начальство», предварительно заручившись поддержкой лидеров.

Наконец, четвертый вид деятельности — это выполнение тех функций, которые предусмотрены законом, для конгрессмена — прежде всего участие в работе законодательного органа, обсуждение и принятие законопроектов и т. п., т. е. то, что по замыслу должно быть самым главным, но что для него и для его избирателей является как раз второстепенным. Это подтверждается данными социологических обследований. При одном из них интервьюеры старались выяснить, каким, с точки зрения избирателя, должен быть человек, занимающий выборный пост (в данном случае речь шла о губернаторах и конгрессменах). 52% опрошенных заявили, что пулитико этого ранга надлежит оказывать услуги своим избирателям и провинции в целом, 32% — что главное это уметь ладить с подчиненными, не отгораживаться от них, защищать их, посещать деревни, т. е. соблюдать нормы пакикисама, и лишь 7% опрошенных полагали, что губернатору и конгрессмену следует быть честным, справедливым и неукоснительно выполнять предвыборные обещания. Остальные определенного мнения не имели. Почти наверняка можно сказать, что указанные 7% принадлежат к образованной части населения, взгляды которой сформировались под американским влиянием. Простой тао обычно не оперирует такими понятиями, как «честность» и «справедливость». Из этого не вытекает, что он безразличен к названным качествам, просто они для него как бы включаются в понятия «внутренний долг» и пакикисама и неразрывно связаны с ними. Честен и справедлив тот, кто уважает традиционные принципы и не задевает чувства других.

Из того факта, что в стране пулитико (выборное должностное лицо), а не администратор (назначенное) является важнейшим, часто делают вывод о торжестве

принципа выборности, принесенного из США. Американцы всегда с гордостью говорят об этом, подчеркивая победу своей формы демократии. «Торжество» это, однако, объясняется только тем, что филиппинцы в совершенно чуждую им форму вложили привычное содержание. Под оболочкой буржуазной демократии живут прежние феодальные и родовые отношения, и сама оболочка не отвергается лишь потому, что позволяет этим отношениям существовать.

Особенно явно они влияют на формирование и работу низших органов власти, где сам принцип самоуправления сводится на нет иерархической структурой общества. У нас нет навыков самостоятельного решения даже мелких вопросов, и по поводу рытья колодца посылаются ходоки не в муниципалитет даже, а прямо к губернатору провинции. На местах господствует мнение, что все в руках центра. Такое неверие в собственные силы, с одной стороны, приводит к оттоку наиболее способной молодежи в столицу, а с другой — усиливает бездействие, состояние зависимости, апатии.

Вплоть до 1955 г. в деревне не было своих выборных руководителей и они назначались сверху. Теперь выбирают капитан де барио, вице-капитан (его заместитель) и три члена совета. Но в ряде деревень (до 8%) все еще нет никаких капитанов, а в некоторых (до 1%) они по-прежнему назначаются. Причем по закону правом выбирать должностных лиц на уровне барио пользуются только главы семей. Создается парадоксальное положение: многие филиппинцы, живущие в сельской местности, имеют право выбирать президента, сенаторов и в то же время лишены права выбирать своих непосредственных руководителей (в филиппинских установлениях немало таких несуразностей).

Само голосование вопреки закону далеко не всегда бывает тайным. Чуть ли не в половине деревень голосуют поднятием рук, криком (как на вече: за кого громче кричат, тот и проходит) или проводят опрос. Нередко люди уклоняются от голосования: боятся ошибиться и тем обострить отношения с «сильным человеком». Совет барио в 80% деревень собирается нерегулярно, от случая к случаю; в 20% деревень заседания вообще не созываются. Все вопросы обсуждаются в процессе неофициального общения местных пулитико. Таким образом, несмотря на

закон 1955 г., действует прежний порядок принятия решений на низшем уровне.

Если учитывать условия жизни в деревне, этому едва ли стоит удивляться. Введение выборного начала само по себе не в состоянии устранить все сложности и развязать инициативу масс. Поскольку власть помещиков не поколеблена, они без особого труда прибирают к рукам руководство барии, добиваясь избрания нужных людей или вовсе обходясь без выборов. Филиппинский крестьянин, которого обвиняют в безразличии, апатии и равнодушии к демократии, отлично знает, у кого реальная власть, и, будучи человеком практическим, неосмотрительно не поступает. Давать может только помещик, и, следовательно, только с ним и стоит иметь дело, а не то прозвучит грозный окрик «скатывай свою циновку». Определяет все не пресловутая апатия, а характер классовых отношений в деревне. Красивые слова о «доведении демократизации до конца» (так рекламировался закон 1955 г.) остались лишь словами. У землевладельцев слишком много средств экономического и внеэкономического принуждения, чтобы можно было говорить о действительных сдвигах в филиппинском барии.

Выборные органы здесь существуют уже 18 лет, но не дали и не могли дать результатов, которых от них ожидали либерально настроенные интеллигенты. И все же нельзя сказать, что эффективность этой меры равна нулю. Изменилась форма господства «сильных людей», хотя власть их не поколеблена. Они большей частью уже не могут непосредственно диктовать свою волю, а вынуждены действовать через совет, что несколько ограничивает их возможности. А в тех районах, где отмечаются волнения крестьян, последним удается проводить в органы самоуправления истинных выразителей своих интересов. Отсюда жалобы помещиков Центрального Лусона на «злоупотребления» этих органов, на их так называемую некомпетентность. Между тем опыт показывает, что крестьяне вполне способны к самоуправлению и отлично разбираются в собственных проблемах.

В целом по стране, однако, власть латифундистов еще слишком велика, чтобы можно было говорить о подлинном самоуправлении крестьян.

Принцип выборности не ущемил интересов «сильных людей» ни в городе, ни в деревне. Напротив, он укрепил

позиции правящей верхушки. За годы колониального господства США она сама видоизменилась, появилась ее новая разновидность — промышленная буржуазия (прежде всего выходцы из прежней земельной аристократии), классовые цели которой удобнее всего достигаются в условиях буржуазной демократии. И «старая» олигархия и «новая» действуют через своих ставленников.

Пулитико вербуются почти исключительно из буржуазно-помещичьей среды. В начальный период американского владычества главным источником пополнения их рядов была земельная аристократия, теперь к ней прибавились представители буржуазии и интеллигенции. Раньше пулитико рекрутировались преимущественно из метисов, сейчас положение резко изменилось. По мере роста национализма метисы, занимающие по-прежнему прочные позиции в сфере предпринимательства, оттесняются с политической арены и уступают место «чистокровным филиппинцам» (понятие, впрочем, весьма условное). Человеку с европейскими чертами лица (хотя они все еще составляют предмет гордости) трудно рассчитывать на успех в политической карьере: противники не преминут подчеркнуть, что он не может выражать интересы филиппинцев, а это довод не из маловажных.

Политическая борьба, ведущаяся на Филиппинах с огромным шумом, — это всегда борьба внутри правящей верхушки. Все еще отчетливо выраженный патернализм вплоть до недавнего времени делал радикальные по целям движения довольно неопасными для элиты.

Чтобы сохранить своих сторонников, нужны средства, и немалые (на высшем уровне просто колоссальные), а они есть только у представителей правящего класса. Когда пулитико стоит у власти, он нередко черпает их из государственной казны, но, когда он в оппозиции, он вынужден покрывать расходы из личных средств, иначе его сторонники — основа его могущества — покинут его. Без них он не сумеет сохранить влияние и лишится возможности выторговывать что-либо, когда будет не у власти.

Случается, и сравнительно небогатые люди добиваются столь значительной популярности, что элита не может этого игнорировать. Человек, способный повлиять на исход выборов, всегда привлекает ее внимание, и она старается ввести его в свой круг. «Династии», господству-

ющие в той или иной местности, заинтересованы в про движении «перспективных» молодых людей. Они оказывают им соответствующую помощь, без которой доступ к политической карьере практически закрыт. Такая помощь рассматривается как установление отношений «внутреннего долга», и благодетельствованный в случае успеха никогда не забудет тех, кто поддержал его в начале пути.

Отыскание «талантов» и их продвижение — дело весьма выгодное. Какой бы пост ни занял протеже того или иного политического босса (пусть даже пост президента), он остается обязанным ему и должен постоянно подтверждать это. Именно благодаря данному обстоятельству правящая верхушка прочно удерживает свою власть.

Обычно молодой человек, избравший политическую карьеру, старается получить диплом юриста⁷. Затем он возвращается в свою провинцию и некоторое время занимается адвокатской практикой. Он общается со многими людьми и старается заслужить репутацию доброго, чуткого человека, понимающего, что такое «внутренний долг», такт и вежливость. Снискав популярность, он обращается к местному пулитико (если только тот сам его не приметил) — чаще всего губернатору или конгрессмену, чтобы заручиться его поддержкой, и одновременно устанавливает контакты с пулитико на уровне муниципалитета. Если все пойдет хорошо, последние поддержат его. Это значит, что через своих лидеров они дадут указание голосовать за него и покроют расходы на предвыборную кампанию (о чем он всегда будет помнить). Добившись положения в провинции, новоиспеченный пулитико может попытаться стать конгрессменом. Для этого ему, с одной стороны, нужно сохранить связи с деятелями в своей провинции, а с другой — заинтересовать либо сенатора, либо самого президента. Лица одинакового с ним ранга мало чем могут помочь ему, скорее они явля-

---

⁷ Пулитико (особенно от губернатора и выше) — чаще всего дипломированные юристы. (Образовательный уровень членов филиппинского парламента — один из самых высоких в мире.) Большинство сенаторов и конгрессменов являются адвокатами и нередко содержат собственные конторы. Такая подготовка позволяет им наилучшим образом отстаивать интересы верхушки в целом и заботиться о личной выгоде: их положение дает им огромное преимущество в адвокатской практике и приносит баснословные гонорары.

ются конкурентами. Здесь, как и везде, действует иерархический принцип: главное — поддержка по вертикали (сверху и снизу), а не со стороны коллег.

Уже отмечалось, что пулитико прежде всего посредник. За блага, которые он извлекает из своего положения, он расплачивается тем, что берет на себя неприятную, с точки зрения филиппинцев, миссию выступать в конфликтных ситуациях. Главным стимулом его жизни становится расчет, порождающий грубый прагматизм и цинизм. Общение пулитико между собой характеризуется взаимным недоверием, ожиданием подвоха: каждый стремится к достижению только своих целей и ради них готов на все. Злоупотребления одного пулитико ограничены лишь злоупотреблениями других, но не общественным мнением. Никто не верит в то, что конгрессмен, например, поддерживает (или осуждает) тот или иной законопроект, думая о благе избирателей. Последние часто просто не знают о такой его деятельности. Поэтому он волен сам формулировать «общественный интерес», а будучи представителем господствующего класса, почти неизбежно формулирует его, исходя из выгод и потребностей своего класса, но выдавая их за общенациональные.

Предвыборная борьба здесь часто сводится к столкновениям между отдельными деятелями. Она ведется в развязном, крикливом и даже истеричном тоне, сопровождается взаимными оскорблениями и обвинениями во всех смертных грехах. Возникают коалиции и союзы, которые живут недолго, на их обломках образуются новые, чтобы в свою очередь исчезнуть и дать место другим. Единственное, что остается неизменным — это пулитико, которые грызутся между собой за власть. В этой борьбе предаются забвению обычные для филиппинцев нормы поведения, хотя характер ее можно объяснить в первую очередь ими. Надо во что бы то ни стало уязвить противника, а это легче всего сделать, задев его самолюбие, чувство чести, показав избирателям, что соперник — человек «бессовестный». Личные нападки, а не критика убеждений и принципов представлены в речах политических противников. Это отчетливо видно в приводимой ниже «полемике» между г-ном X и г-ном Y (за X и Y скрыты имена реальных политических деятелей, ныне уже покойных).

«Г-н X, который мнит себя прекрасным Нарциссом и курит себе фимиам, имеет наглость утверждать, что у него есть литературный дар. Он продолжает обманывать своих избирателей, пытаясь убедить их, что он — автор статьи, которую написал для него другой человек... Убогий клерк, мечтающий о кресле председателя сената и коварно рассчитывающий обмануть своего покровителя! (имеется в виду патрон, оказавший г-ну X покровительство в начале его карьеры. — И. П.) О, жалкий воробей, решивший свить гнездо на самом верху, но свалившийся вниз от головокружения... Бедный Квазимодо, воображающий себя Адонисом и осмелившийся назвать меня шутом!»

Соперник отвечает: «Шут, воображивший себя поэтом, говорит о своих достижениях, которые ему пригрезились... Что он дал стране? Что он может пропищать своим бабьим голосом? Профессиональный клоун и сплетник желает получить место в сенате... Этим он оскорбляет здравый смысл и политическое чутье избирателей пятого округа. Он боится вступить со мной в открытую полемику и прибегает к акробатическим трюкам, как заправский циркач».

Реакция незамедлительна: «Этот похожий на гусака г-н X говорит, что у меня бабьим голос. Может быть. Все мы такие, какими нас создал господь. Пусть у меня высокий голос, зато у г-на X отталкивающее лицо и искривленная фигура. И если верно, что лицо — зеркало души, то душа г-на X вызывает омерзение».

Этот обмен любезностями, заставляющий вспомнить Марка Твена, имел место несколько лет назад, но подобные приемы господствуют и поныне. Бывает, дело доходит до рукоприкладства и перестрелки. Не надо думать, однако, что соперники остались непримиримыми врагами. Они вскоре договорились и до конца своих дней действовали как союзники. При всей кажущейся остроте и непримиримости перепалка такого рода ничего не значит — она лишь отвлекает внимание, создавая иллюзию демократии («У нас кто угодно может говорить что угодно»).

Сами пулитико очень цинично отзываются о своей роли в филиппинском обществе. На каком-то поверхностном уровне, рассчитанном на зрителя, резкость признается позволительной и даже желательной, но из этого не

следует, что такое поведение считается допустимым всегда и везде: есть множество ситуаций, когда оно просто запрещается. Определенные правила игры (причем навязанной извне) требуют продемонстрировать, что в интересах дела пулитико «не взирает на лица» (здесь часто «переигрывают»). А то, что в следовании американским установлениям есть немало элементов игры, несомненно. Политическая борьба, как говорят на Филиппинах, — это на 90% *палабас* — «спектакль».

Не доверяя друг другу, пулитико всегда имеют возможность добиться взаимопонимания. Эта возможность вытекает из того простого факта, что с точки зрения закона все так или иначе злоупотребляют своим положением. Если один обвиняет другого в нарушении закона, то последний имеет основания отплатить тем же. Поэтому существуют темы, которых избегают касаться, как бы запретные. Иногда, правда, подводит темперамент, и тогда разражаются скандалы, но большей частью противники ограничиваются нападками личного характера, зачастую абсурдными.

Соперничество в некотором смысле предохраняет от сосредоточения слишком большой власти в одних руках: каждый опасается, что его доля уменьшится. Излюбленный прием пулитико — обвинить противника в диктаторских поползновениях. Против чрезмерной централизации власти выступают прежде всего деятели, контролирующие жизнь на местах. Обладая значительными средствами, что делает их до известной степени независимыми, и имея личных сторонников, они отнюдь не намерены поступаться своим положением в пользу центра. Им выгоднее, чтобы правительство шагу не могло ступить без их одобрения, а за него они требуют плату из государственной казны.

Каждый пулитико возглавляет какую-то группу, и эта группа строится не по горизонтали, а по вертикали, т. е. объединяет не людей равного статуса, а (благодаря господству патриархальных отношений) представителей всех социальных слоев вплоть до тао. Поэтому пулитико обладают относительной самостоятельностью, что делает общую картину политической жизни чрезвычайно пестрой. На низшем уровне, опираясь на сторонников, преданных именно им, они могут предъявлять требования деятелям высших уровней. Их сила в том, что они нала-

живают прямые контакты с рядовым избирателем, который признает только личные обязательства, тогда как пулитико провинциального и национального масштаба такие контакты установить не могут. Тао верит, что только местный пулитико, который его знает, не забудет о нем при распределении благ, и безоговорочно поддерживает его. Это позволяет деятелю низшего уровня, особенно если он богат, какое-то время обходиться без помощи вышестоящих. Те же неизбежно должны обращаться к низшим, и последние, играя на противоречиях кандидатов, получают возможность выторговать побольше. Нельзя, конечно, абсолютизировать самостоятельность пулитико, но не следует ее преуменьшать.

Вражда «сильных людей» очень напоминает вражду феодальных сеньоров и часто передается по наследству. Во многих провинциях влиятельные семьи продолжают борьбу, которая началась полвека, а то и век назад, еще при испанцах. (Мне известно несколько случаев, когда она восходила еще к ссоре из-за должности губернадор-сильо.) Кто-то кого-то когда-то публично унизил, задел, и вот вся провинция разделилась на монтекки и капулетти. Кое-где распри восходят ко временам антииспанской национально-освободительной революции (одни поддерживали испанцев, другие — повстанцев) или к первому периоду американского господства (одни сотрудничали с колонизаторами, другие — нет, с тех пор все примирились с завоевателями, но раскол произошел, и он сказывается по сей день).

В ту эпоху споры решались, как правило, силой оружия, сейчас они решаются в борьбе на выборах, однако и прежний метод не забыт. Обычно в той или иной местности складываются две соперничающие династии, все нижестоящие разбиваются на их сторонников, и власть в ожесточенной борьбе попеременно переходит от одной династии к другой.

Успех на выборах обеспечивает доступ к источникам обогащения, и ради этого идут на все. Нередко пулитико прибегают к помощи преступных элементов для устранения конкурентов. В некоторых районах страны ведутся настоящие военные действия, бывает, снаряжаются даже карательные экспедиции против барио, считающихся оплотом противника. Во время таких экспедиций сжигаются целые деревни, пускается в ход самое современное

оружие и гибнут ни в чем не повинные люди. Все это очень напоминает стычки, столь часто вспыхивавшие между отдельными барангаями еще в доиспанские времена, только на смену прежним мечам и копьям пришли автоматы и пулеметы, а на смену вождям — пулитико, по букве закона призванные осуществлять волю своих избирателей, а на деле те же «сильные люди», не сомневающиеся в своем праве карать непокорных «маленьких людей».

В пистолетах, карабинах, автоматах недостатка нет. Филиппины не случайно называют «архипелагом, набитым оружием». По официальным — и явно неполным — данным, в частном пользовании находятся примерно 450 тыс. единиц огнестрельного оружия. Печать с тревогой сообщает о том, что в стране появились самые настоящие частные армии, и это действительно так. В поместье одного из сенаторов я видел вооруженных автоматами людей, одетых в незнакомую форму. Сенатор охотно поведал мне, что в его «войсках» служат 1200 человек, у которых есть пулеметы, минометы «и вообще все, что надо». Такие отряды несомненно представляют опасность для населения страны. Официальные цифры показывают, что филиппинская армия насчитывает 60 тыс. человек, а «частные» армии, по признанию министра обороны, — 65 тыс. (по другим сведениям — 75 тыс.).

Пулитико нигде не появляется без вооруженных до зубов телохранителей. Поначалу кажется странным, что в машине конгрессмена или сенатора на переднем сиденье обязательно громоздится детина с автоматом в ногах и с парой пистолетов под рубашкой, а за машиной часто следует джип, битком набитый охранниками. Но потом перестает удивляться. В самой Маниле иногда устраивались вооруженные засады, в которых участвовали десятки людей. Кого-то убивают, за него мстят, это, в свою очередь, требует пролития крови, и так без конца. Сам президент страны признал серьезность такого положения, заявив: «Политическая борьба становится слишком грубой, слишком грязной. Она ведется нечестными средствами. В ней принимают участие безответственные, почти безумные элементы».

Таким образом, принцип выборности в его буржуазном толковании, наложенный на конкретные условия, по-

родил множество отрицательных явлений. Разумеется, нельзя сказать, что принципы западной демократии игнорируются совершенно. В любой капиталистической стране господствующий класс использует «национальные» приемы для утверждения своего господства (интернациональная сущность его — эксплуатация трудящихся — остается). Филиппинская же олигархия включила в арсенал таких приемов методы, выработанные в США. Осуществляя свою диктатуру, она не всегда рискует прибегать к методам открытого подавления выступлений трудящихся (хотя и это случается) и предпочитает полагаться на измененный под влиянием местных особенностей механизм буржуазной демократии, который в сочетании с пережитками родового и феодального строя вполне обеспечивает ее господство при сохранении респектабельности.

Институты и установления, регулирующие отношения эксплуататоров и эксплуатируемых, дают массам некоторые возможности для развертывания борьбы за свои права. За ними признается право на создание организаций, на демонстрации и забастовки, и оно, хотя и в сильно урезанном виде, все же использовалось. Прогрессивная общественность получила возможность выразить свое мнение и тем оказывать давление на правящую верхушку.

Двухпартийная система. Под влиянием личного элемента, столь характерного для всех традиционных обществ, значительной трансформации подверглась и заимствованная из США двухпартийная система. Американцы с самого начала придавали большое значение ее насаждению: она считается необходимым атрибутом буржуазной демократии американского и английского типа. До прихода новых колонизаторов единственной формой политической организации, известной филиппинцам, были тайные общества типа масонских. Политические партии, возникшие здесь в начале нашего века и выросшие из местных разрозненных группировок, во главе которых стояли представители помещичьей верхушки, имели основной целью выработать принципы сосуществования с оккупантами. Первой такой партией была федеральная партия (основана в 1900 г.), открыто призывавшая к превращению Филиппин в американский штат. В условиях, когда в памяти еще были живы события борьбы за

независимость, лозунг присоединения к США не мог пользоваться популярностью, и партия быстро сошла со сцены⁸.

Идея государственной самостоятельности обладала огромной притягательной силой для масс и той части элиты, которая не вполне еще осознала выгодность сотрудничества с новыми хозяевами. Даже те, кто пошел в услужение к ним, не могли не учитывать этого. В 1907 г. отдельные группы в провинциях, ратовавшие за независимость, объединились в партию националистов, просуществовавшую 65 лет. Поводом к объединению послужили выборы в Национальную ассамблею, на которых новая партия одержала убедительную победу (с самого начала партии на архипелаге создавались с целью победить на выборах, т. е. для действий в рамках буржуазной демократии). Эта победа наглядно продемонстрировала стремление филиппинцев к освобождению, и с тех пор вопрос «быть или не быть независимости» уже не стоял. Все признавали ее необходимость.

Роль партии националистов возрастала по мере того, как американские колонизаторы, убедившиеся в лояльности местной буржуазно-помещичьей верхушки, предоставляли ей все больше постов в управлении. Для занятия этих постов уже недостаточно было опираться на поддержку избирателей какого-то одного района, нужна была поддержка в масштабе страны, а этого нельзя было добиться без помощи партии. Пулитико вели внутрипартийную борьбу, не раз приводившую к расколу и выделению фракций, которые образовывали свои партии, обычно существовавшие весьма недолго. Эта борьба опять-таки не была борьбой убеждений, она велась между отдельными личностями, а потому всегда сохранялась возможность союзов и компромиссов. Хотя временами другие партии добивались значительных успехов, они не пользовались влиянием. В стране не было приемлемой по буржуазным стандартам оппозиции, ее роль чаще

---

⁸ Однако сама идея не угасла в некоторых кругах. В 1971 г. в стране появилась организация, добивавшаяся превращения Филиппин в 51-й штат США. Ее возглавлял бывший конгрессмен, утверждавший, что организация насчитывает 3,5 млн. человек. К подобным сообщениям следует подходить с большой осторожностью: часто цифры берутся с «потолка» и не отражают никакой реальности.

всего выполняли враждующие фракции партии националистов.

Только после второй мировой войны здесь сложилась довольно устойчивая двухпартийная система. Напуганная размахом народного движения олигархия осознала, что эта система может сослужить ей добрую службу, отвлекая внимание трудящихся и создавая видимость свободной борьбы мнений. Кроме того, разногласия, обнаружившиеся в правящем классе в связи с ростом национальной буржуазии, требовали своего выражения. И все же поводом для организации новой партии опять-таки явились личные распри. В 1946 г. Мануэль Рохас, поссорившись с президентом Серхио Осменья (он же — глава националистов), сумел завоевать доверие американцев, покинул националистов и основал либеральную партию. При поддержке американцев, за которыми оставалось решающее слово, он добился победы на президентских выборах. С тех пор националисты и либералы попеременно находятся у власти.

На первый взгляд на Филиппинах установилась типичная буржуазная двухпартийная система. Но, приглядевшись попристальнее, скоро убеждаешься, что это не совсем так, а может быть, и совсем не так. Партии не различимы ни по составу, ни, как следствие, по платформам. Обе они пользуются поддержкой элиты, и нельзя сказать, что одна из них ориентируется преимущественно на буржуазию, а вторая — на помещиков (и помещики и буржуазия делают ставку и на ту и на другую, не отдавая длительного предпочтения какой-нибудь из них).

Точно так же нельзя сказать, что какая-то партия имеет опору в определенном районе страны. В послевоенные годы считалось, что у либералов сильны позиции на севере Лусона. Однако стоило уроженцу этих мест Фердинанду Маркосу перейти к националистам, как «оплот либералов на севере» подавляющим большинством голосов выразил ему поддержку на выборах.

И по существу и по форме обе указанные партии представляют собой неустойчивый конгломерат различных групп пулитико. Поскольку они идентичны и программы их одинаковы, решающую роль в них играют личности, которые стараются привлечь представителей всех классов. В предвыборных листовках расписываются исключительно личные достоинства кандидатов (чуткий,

отзывчивый, добрый, хороший семьянин) и нет почти ни слова об их политическом кредо.

Так как у пулитико есть привязанные к нему сторонники, он может — даже в обход местной элиты — добиться выделения больших средств для своего округа в обмен на голоса этих сторонников в пользу вышестоящего деятеля, помогающего ему получить нужные средства. Здесь появляются условия для маневра: можно опираться на местных «сильных людей», а можно «запродать» своих избирателей какому-нибудь конгрессмену или сенатору. Важно не прогадать, сделать ставку на «верного» кандидата, а что до его партийной принадлежности, то это дело десятое.

По примеру США на Филиппинах практикуется перераспределение государственных должностей в пользу партии, победившей на выборах, что, надо сказать, полностью соответствует филиппинским представлениям о необходимости отблагодарить за поддержку в предвыборной борьбе. Пулитико, чтобы остаться у власти, обычно становятся членами победившей партии, благо для этого не надо менять убеждений. Так не все ли равно, за какой партией идти? Главное — за каким человеком.

Большой бизнес, который в значительной мере финансирует выборные кампании, отлично учитывает это и тоже ориентируется почти исключительно на личности, на шансы того или иного кандидата, а не на его политическую платформу, что тоже стирает различия между партиями. В сущности, они руководят борьбой между отдельными представителями элиты и не способны включать в свои программы более или менее отчетливо сформулированные требования избирателей (последние часто их вообще не выдвигают). Как признают сами филиппинцы, в стране нет двух партий, а есть два механизма перераспределения власти между борющимися за влияние группировками внутри элиты, и каждый волен выбирать себе механизм или менять его по своему усмотрению. Сходство платформ, состава и организационной структуры двух партий позволяет правящей верхушке в целом намечать наиболее удобных исполнителей своей воли, не принимая во внимание их партийную принадлежность.

Сделки между представителями обеих партий всегда возможны, и ни одна из них не стремится найти опору в массах, хотя именно для них, по уверению пулитико, и

существуют партии. Вся деятельность их основывается на традиции личного улаживания разногласий. Для нее характерна огромная, даже подавляющая роль руководителя, вокруг которого группируются сторонники. Поражение пулитико высшего ранга означает, что у него исчезает возможность оказывать услуги своим лидерам. Те в таком случае предлагают свои услуги победителю. Если, скажем, президентом стал националист, то конгрессменам-либералам трудно рассчитывать на «солони-ну» — на получение средств для своей провинции: иссякает источник, из которого платят избирателям. Чтобы сохранить влияние, лидеры, т. е. пулитико низшего ранга, переходят в партию победителя, и это никого не шокирует — напротив, рассматривается как проявление заботы об избирателях.

Мэр одного из городов, ставший, подобно многим его коллегам, либералом после того, как президентом был избран либерал, высказался достаточно откровенно: «Давайте смотреть фактам в лицо. Если вы не в партии большинства, то вы ничего не получите от Малаканьянга (президентский дворец. — *И. П.*), ни о какой „солонине“ не может быть и речи. Вы окажетесь не в состоянии сделать что-нибудь для своего города, и, значит, вас не выберут на следующий срок».

Другой пулитико, рангом повыше (губернатор), в такой же ситуации заявил: «Моя провинция экономически слаба. Ее годовой доход всего 320 тыс. песо, и она не стоит на собственных ногах (имеются в виду отчисления в местный бюджет. — *И. П.*). Я не могу позволить себе роскошь перечить Малаканьянгу».

Популярный деятель — националист, решивший, что у второй партии на текущий момент более сильные позиции на местах, не задумываясь, перейдет к либералам, и те охотно примут его, учитывая его популярность. Поэтому никто не удивляется тому, что фактически почти все руководители (не исключая и президента) пришедшей в 1965 г. к власти партии националистов были когда-то либералами. Есть люди, которые меняли партийную принадлежность несколько раз. Партия же лишена возможности наказать своего нелояльного члена из опасения, что он уйдет к противнику и тем усилит его. «Перелеты» шокируют даже американцев, подлинных творцов двухпартийной филиппинской системы: здесь не удастся уло-

вить и таких различий, какие существуют между республиканцами и демократами в США. Но, с точки зрения жителей архипелага, основные моральные нормы этим не нарушаются, и, несмотря на негодующие голоса людей, получивших европейское образование, подобная практика сохраняется.

Естественно, что и рядовые избиратели не придают никакого значения различиям между партиями. Для большинства из них это просто условность — они знают только конкретного пулитико, от которого ожидают услуг. Вот данные социологического обследования. Из 493 опрошенных избирателей 61% сказали, что им неизвестно, в чем разница между партиями; 2,2% — что в одной из партий «люди получше»; 3% — что у одной из партий больше денег; 6% — что одна партия, находясь у власти, надежнее обеспечивает правопорядок, и только 6% нашли принципиальные различия в платформах.

Сами пулитико, использующие партийный аппарат в своих целях, вовсе не заинтересованы в том, чтобы избиратели объединялись вокруг партий, а не вокруг них. Они всеми дозволенными и недозволенными средствами стремятся создать группы лично им преданных людей, что гарантирует более выгодное положение при общении с партийным руководством и правительством. Отсутствие единства в правящей партии позволяет пулитико — оппозиционеру рассчитывать на то, что и ему кое-что перепадет из государственных фондов: руководство всегда стремится к приобретению сторонников.

Никто не имеет отчетливого представления о членстве в партии. Собственно, формальной процедуры вступления в нее не существует, каждый при желании может просто объявить себя либо либералом, либо националистом, и это не подвергается сомнению. (Бывали случаи, когда один и тот же пулитико одновременно числился в обеих партиях.)

И еще одно обстоятельство. Для деятеля низшего и среднего ранга (староста, мэри и член муниципального правления, губернатор провинции и член провинциального правления, конгрессмен) опора на партии не так уж важна: они могут с помощью лидеров создать свою избирательную машину. Если их влияние в данной местности достаточно велико, они либо сами контролируют партийный аппарат, либо даже обходятся без него, поэтому на-

циональное партийное руководство вынуждено с ними считаться.

Сенаторы же, вице-президент и президент в гораздо большей степени зависят от партийного аппарата, ибо им труднее непосредственно контролировать голоса. Им необходима поддержка пулитико низшего и среднего ранга, и они ее получают легче всего через партию (хотя опять-таки иногда не исключается просто личная договоренность в обход партийных каналов). Конгрессмен-либерал, являющийся полным хозяином провинции, может заявить, что его провинция будет голосовать за кандидата на пост президента от националистов. Это не считается нарушением партийной дисциплины, все понимают, что в основе такого решения лежит голый расчет, а не соображения партийной этики. Даже кандидат на пост президента спокойно может перейти в другую партию, если считает, что там больше шансов на победу.

Организационная структура партии очень расплывчатая. В каждом барио четыре-шесть лидеров являются ее рядовыми членами, но они не образуют первичной организации и не имеют удостоверений — последние в обеих парламентских партиях просто-напросто отсутствуют. Точно так же не существует списков членов партии, и вопрос о численности ее, который задаешь на первых порах, встречается с недоумением. Партия — не организация масс, а организация пулитико, и никто, кроме них, не заинтересован в принадлежности к ней; простой тао вовсе не стремится стать членом партии, да его никто и не просит вступить в нее, в этом нет смысла.

Лидеров в барио контролирует пулитико муниципального уровня⁹. Он еще непосредственно связан с избирателями и оказывает им личные услуги через лидеров. Те сообщают ему, где будет свадьба, а где похороны, которые полезно почтить присутствием для приобретения популярности. Он дает жителям деревень деньги на проведение праздников в честь святого покровителя и составляет протекцию во всех случаях, даже когда она вроде бы не нужна. (Крестьянин, например, сам не пойдет в му-

⁹ Если в муниципалитете произошли изменения, они немедленно сказываются в барио. Вообще все перемены идут сверху, а не снизу: пулитико муниципального уровня сменил партийную принадлежность, потому что его босс в провинции сделал то же, и его лидер в барио следует за ним, но наоборот — никогда.

ниципальную больницу, пусть в ней и много свободных коек — ему нужно, чтобы кто-нибудь договорился за него.) Когда в муниципалитете ведутся общественные работы, пулитико позволяют лояльным избирателям заработать несколько песо — за это тоже надо платить голосом на следующих выборах.

На данном уровне партии оформляются уже организационно. Следует отметить, что более или менее устойчивыми являются организации только националистов, имеющих давнюю историю. Что касается либералов, то их организации часто приходится создавать заново к каждым выборам, а затем они распадаются. Существуют муниципальные и провинциальные комитеты партий, формально подчиняющиеся съездам, на деле же всем заправляющие. То же наблюдается и в масштабе страны: высшим органом партии является не съезд, а постоянно действующий Национальный директорат. Он не избирается, а формируется из членов партии — сенаторов, конгрессменов и губернаторов. Директорат избирает из своей среды Исполнительный комитет, включающий председателя, вице-председателей (иногда, чтобы не обидеть амбициозных деятелей, множество вице-председателей; у либералов, например, их избрали 12, один из них признал, что, за исключением двух человек, остальные ровным счетом ничего не делают), трех сенаторов, трех конгрессменов и трех губернаторов. Если президент состоит в данной партии, он считается ее титулярным главой и руководит всею ее деятельностью.

Относительная независимость местных пулитико от своей партии заставляет руководство считаться с ними. По замыслу партия должна выдвигать кандидатов на все выборные должности. Но из-за отсутствия партийной дисциплины единогласия удается добиться далеко не всегда, и тогда руководство заявляет, что не будет выдвигать кандидата в данном округе, который объявляется «свободной зоной». Это означает, что любой представитель партии вправе выдвинуть свою кандидатуру от нее. На первый взгляд такое решение кажется нелогичным, так как значительно увеличивает шансы противника на победу. Но логика здесь есть: партия сильна исключительно своими пулитико, и их важно не потерять. Если же настаивать на выдвижении только одного кандидата, то недовольные перейдут к противнику, а это скажется

гораздо болезненнее, чем поражение в том или ином избирательном округе.

Проведением выборов ведает независимая избирательная комиссия, контролирующая действия провинциальных и муниципальных властей. Однако в провинции и муниципалитете пулитико имеют возможность исказить результаты выборов и пользуются этим. Практикуется подделка бюллетеней, приписывание «мертвых душ», фальсификация подсчета и т. п. Чтобы уменьшить злоупотребления, комиссия направляет на избирательные участки учителей, у которых есть образование. Считается, кроме того, что они меньше вовлечены в местные распри и в состоянии оставаться беспристрастными. Как показывает жизнь, такое допущение довольно безосновательно — учителя тоже получают блага от пулитико, хотя по сравнению с другими и обладают некоторой самостоятельностью.

По закону представители двух партий, набравшие на предыдущих выборах наибольшее число голосов (всегда либералы и националисты), назначают своих наблюдателей, которые следят за ходом выборов и присутствуют при подсчете голосов. Это дает им огромное преимущество перед остальными партиями. Избиратель своей рукой вписать в бюллетень имена тех, за кого он голосует. Из-за малограмотности он часто пишет их неверно, а это позволяет считать бюллетень недействительным. Бывает, что имена конкурентов схожи, и тогда он может быть засчитан в пользу того или иного кандидата, по усмотрению.

Наблюдатели важны и по другой причине. На выборах баллотируются множество кандидатов разных уровней, и обычно в бюллетень надо внести до двадцати имен. Избирателю самому трудно сделать правильный выбор, и каждая из двух партий печатает образец списка. Наблюдатель должен снабдить избирателя списками, которые тот потом просто переписывает. Здесь тоже открывается возможность злоупотребления. Каждый пулитико действует на свой страх и риск, не очень доверяя партии. Каждый стремится победить во что бы то ни стало, а потому распространяет список, составленный им самим. Он печатает свое имя среди имен кандидатов, заведомо пользующихся доверием. Скажем, кандидат-либерал проходит по списку своей партии, но он знает, что в данном районе

у националистов позиции прочнее. Тогда он заказывает в типографии список националистов и включает в него свое имя. Теперь задача состоит в том, чтобы через местных лидеров, назначенных наблюдателями, «всучить» его избирателю.

Деятельность соперничающих партий ограничивается целями выборной борьбы. Ни идеологическая, ни культурно-просветительная работа ими не ведется, они не устраивают ни митингов (кроме предвыборных), ни демонстраций. Чем меньше сторонники партии (их трудно назвать членами) интересуются кардинальными вопросами, тем лучше, ибо это позволяет пулитико действовать без оглядки на рядовых членов. Как националисты, так и либералы не указывают своим членам, каких взглядов придерживаться — это каждый решает за себя.

Единственная задача национального съезда партии — выдвижение кандидатов на пост президента, вице-президента и сенаторов. На съезде происходят ожесточенные баталии, обещания даются и не выполняются, появляется множество обиженных, происходят разные скандальные истории. Подкуп процветает и здесь, но в данном случае речь идет уже не об одном-двух песо, а о десятках, сотнях тысяч и даже миллионах. Стремясь добиться поддержки делегатов, кандидаты-конкуренты соревнуются друг с другом в устройстве развлечений — бары, рестораны, ночные клубы в эти дни забиты делегатами.

Президенту, если он является членом данной партии, принадлежит решающая роль на съезде, поскольку именно он в конечном итоге контролирует финансирование всей кампании. Однако и его влияние далеко не безгранично. В своей родной провинции он, как правило, безраздельно контролирует всю политическую жизнь, но в других провинциях властвуют свои династии, обычно враждующие друг с другом. Без их помощи ему не обойтись, и он, а также сенаторы, использует их соперничество.

Между партийным руководством и провинцией существуют отношения взаимозависимости, однако баланс здесь неустойчив: каждые четыре года (срок пребывания у власти большинства выборных лиц) центр тяжести перемещается вверх и вниз. Перед выборами президента, вице-президента и сенаторов у длинного плеча рычага оказываются местные пулитико. Кандидаты на названные посты обхаживают их, охотно раздают обещания. Через

два года, когда настает пора выборов в местные органы власти, картина меняется. Начинается паломничество пулитико низшего ранга в Манилу — лакад. Теперь в более выгодном положении оказываются сенаторы, вице-президент, президент, и они рассчитывают свои действия так, чтобы те принесли плоды через два года. Далеко не всегда эта взаимная торговля ведется через партийный аппарат, многое делается в обход руководства.

Для достижения победы достаточно набрать лишь немногим более половины голосов; победа подавляющим большинством — редкое явление на Филиппинах¹⁰. При отсутствии единства на местах все недовольные, как правило, образуют вторую группировку, отлично понимая, что в одиночку многого не добьешься. Баланс сил всегда находится где-то на грани нарушения равновесия, что показывают итоги выборов. Начиная с 1907 г. победитель набирает в среднем 50—60% голосов, а проигравший конкурент — 30—40% (представители прочих партий обычно получают от 1 до 5%).

Если все равно, за какой партией идти, лишь бы получить доступ к власти, то лучше примкнуть к той, у которой больше шансов. Но она не может включить всех и ограничивается привлечением тех пулитико, которые обеспечивают ей немногим свыше 50% голосов. Тогда все обойденные, связанные общей неудачей, объединяются вокруг оппозиционной партии. Деление на две части присутствует постоянно, и это, кстати, объясняет живучесть двухпартийной системы в стране. Недаром на Филиппинах в шутку говорят, что здесь есть только партия, находящаяся у власти, и партия, стремящаяся к власти.

Бывает, хотя и нечасто, что большинство голосов получает представитель одной какой-то партии, но в том заслуга лишь самого кандидата. Это случается, когда кандидат на пост президента баллотируется в своей провинции. Так, Магсайсай, националист, получил практически все голоса в провинции Самбалес, где он родился. На следующих выборах, однако, националисты собрали тут наименьшее число голосов¹¹.

¹⁰ Лишь однажды, в 1946 г., Демократический альянс, представлявший интересы широких масс на Центральном Лусоне, получил в шести округах от 53 до 96% голосов.

¹¹ Постоянство в этом смысле проявляет только Манила, но и то весьма специфично. На Филиппинах еще не было президента, ко-

Такое относительно равномерное распределение сил между партиями до известной степени исключает возможность захвата и удержания власти одной из них. «Сильные люди» связаны друг с другом, невзирая на партийные границы. Принесенную американцами двухпартийную систему олигархия приспособила к своим нуждам и не видела оснований отказываться от нее.

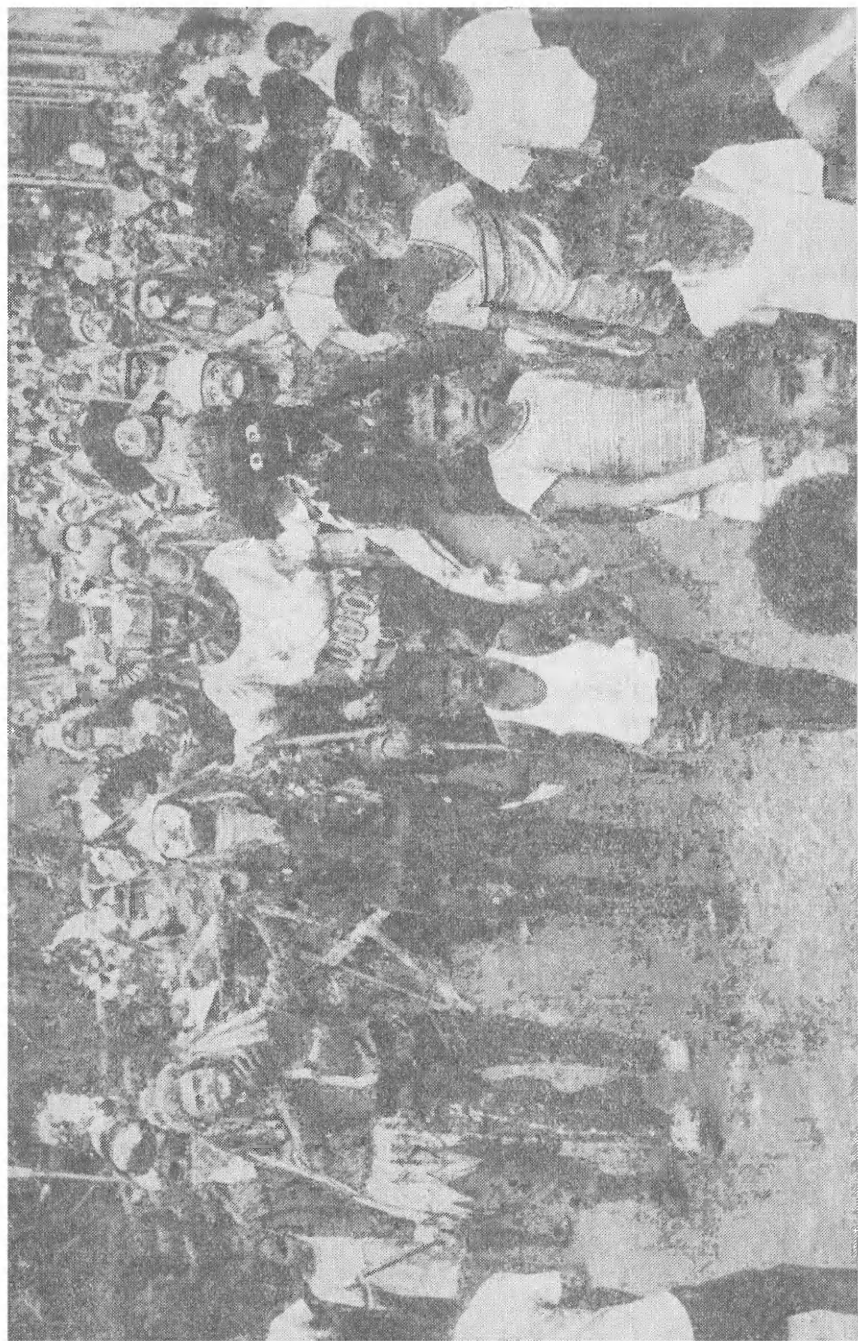
Принцип разделения властей. Один из основных принципов буржуазной демократии — разделение властей на исполнительную, законодательную и судебную — на Филиппинах проводится весьма своеобразно. Сложившаяся здесь неформальная система обмена личными услугами явно доминирует над юридически зафиксированной системой связей и отношений. Может даже показаться, что последняя вообще не имеет никакого значения. На деле это не так, поскольку характер личных услуг, ожидаемых от того или иного лица, зависит как раз от его места в этой структуре, определяемой законами, прежде всего конституцией. От президента ждут, что он использует власть для щедрого вознаграждения своих сторонников, от конгрессмена — что он добьется фондов для своей провинции и своих лидеров, от судьи — что он найдет такие положения в законе, которые позволят ему вынести благоприятное решение для близкого человека.

Формальная система не в силах пока заменить традиционную систему обмена услугами, которые одни и представляют самодовлеющую ценность для многих филиппинцев, но она в известной мере ориентирует неформальную и накладывает на нее некоторые ограничения. В этом и состоит ее действительность. Как и в других странах, переживающих переходный период, на Филиппинах сочетается старое и новое, причем в разных случаях в разных пропорциях, что, естественно, затрудняет анализ действительности. О происходящем здесь нельзя судить ни только на основании писаного закона, ни только на основании истонных установок.

торый не пытался бы переизбраться на следующее четырехлетие, и Манила исправно голосует против претендента на второй срок (обычно 30% голосов за и 70% — против). Но и в таком случае предпочтение отдается не какой-то конкретной партии (националистам или либералам), а партии, находящейся в оппозиции. Это, кстати, подтверждает только что приведенное определение обеих партий как «находящейся у власти» и «стремящейся к власти»; все остальные различия не имеют никакого значения.

Памятник Хосе Рисалю, воздвигнутый на месте его казни.

Народное гулянье в дни религиозного праздника

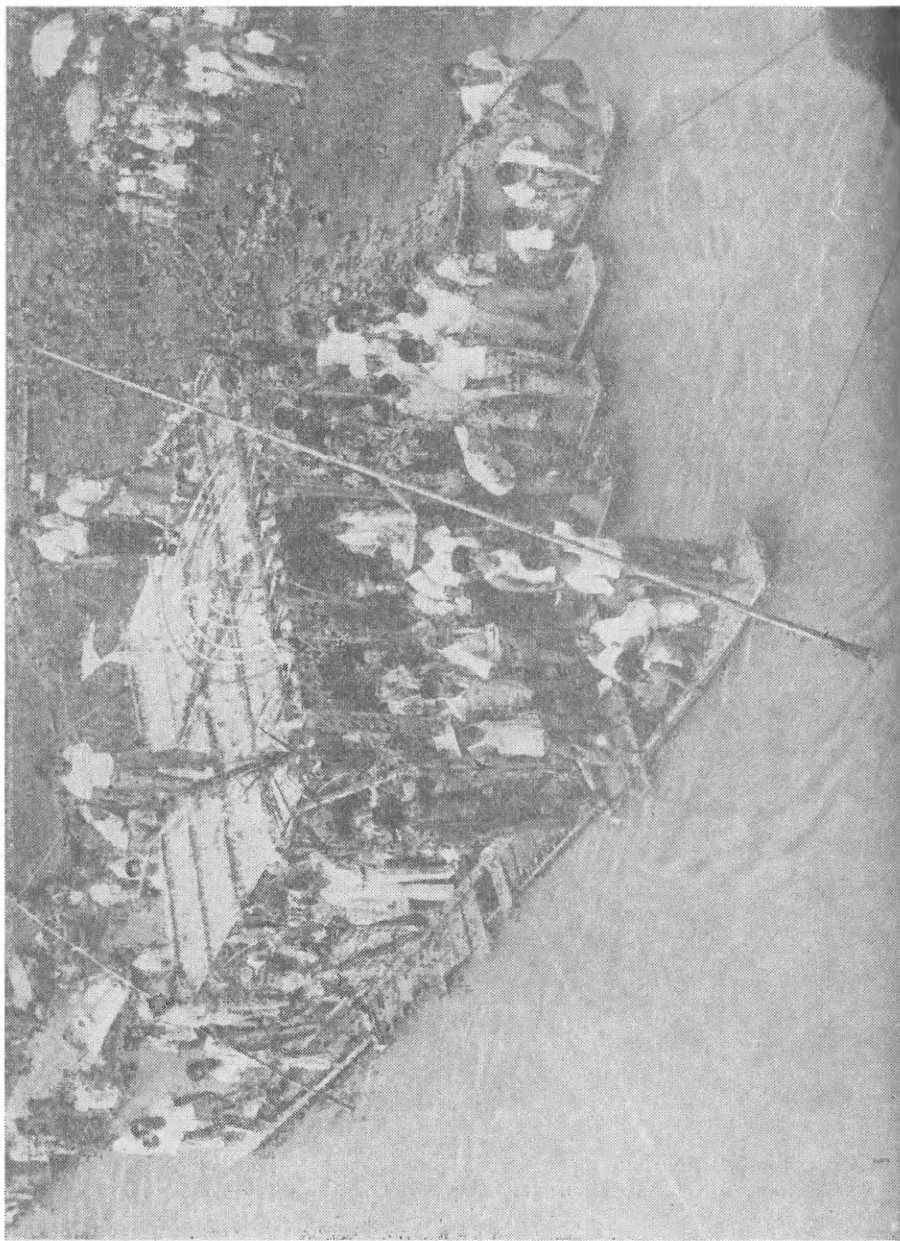

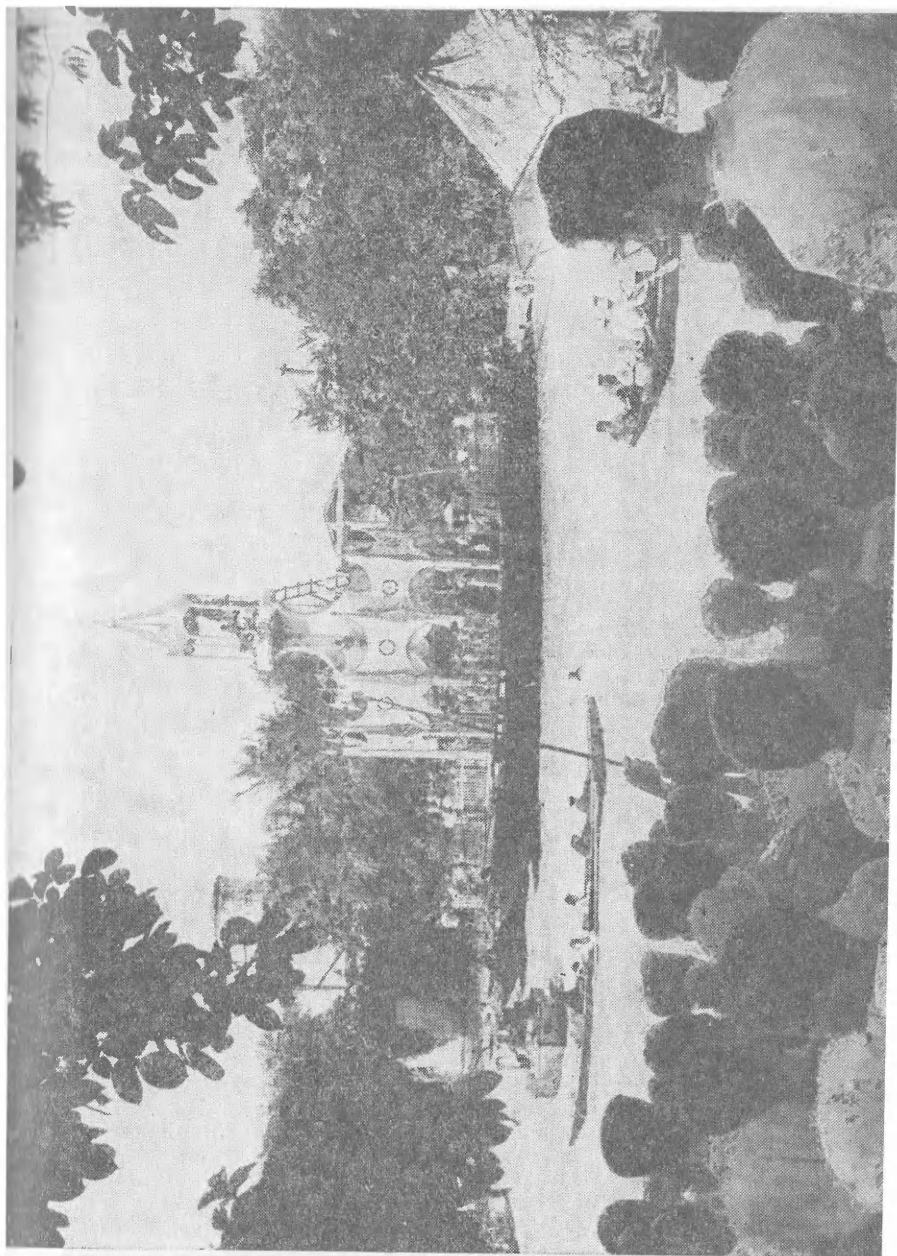
Кающиеся грешники

Театрализованное представление — римские легионеры обезглавливают Святого Лонгина, покровителя одного из филиппинских городков

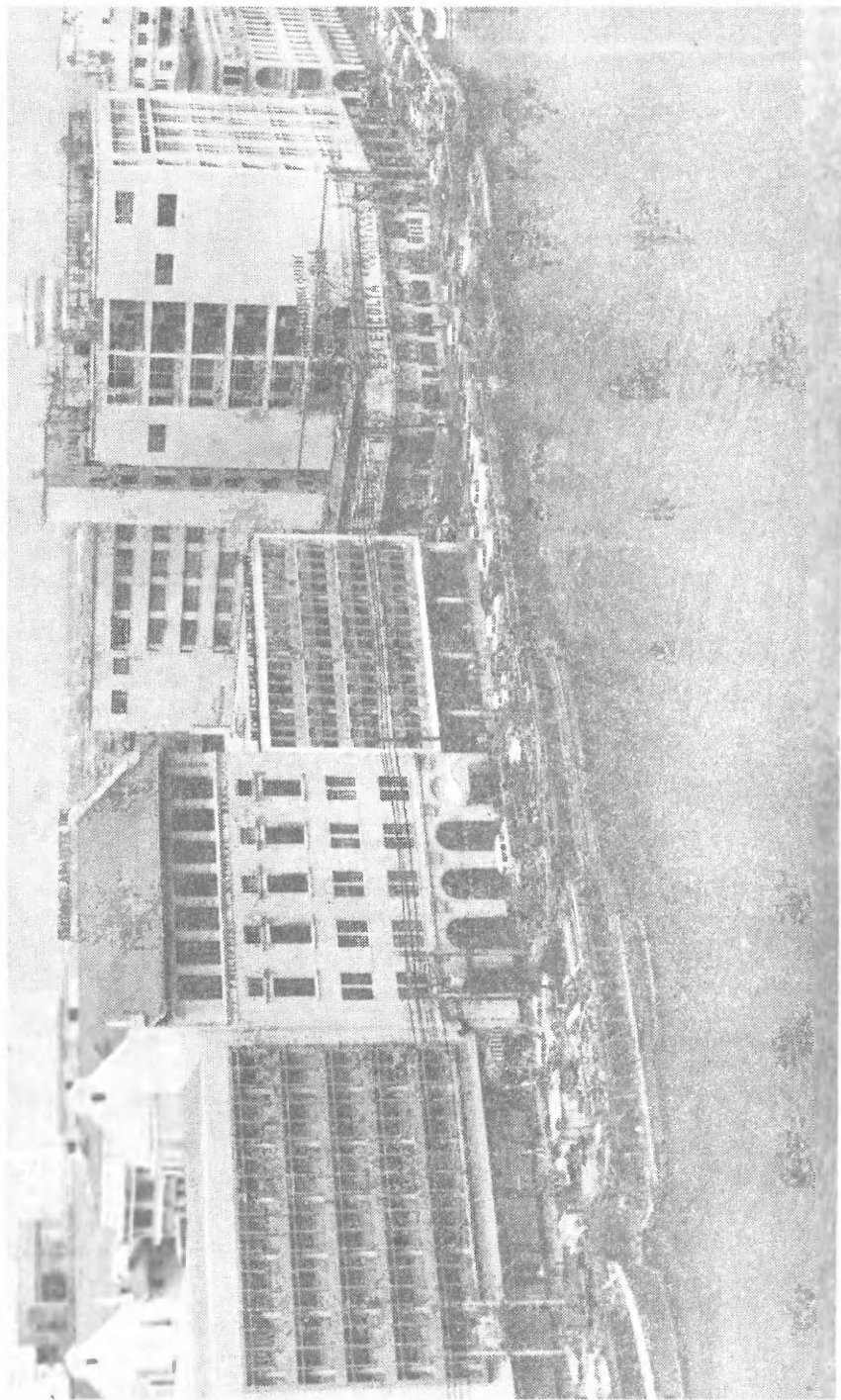

Граздник на воде

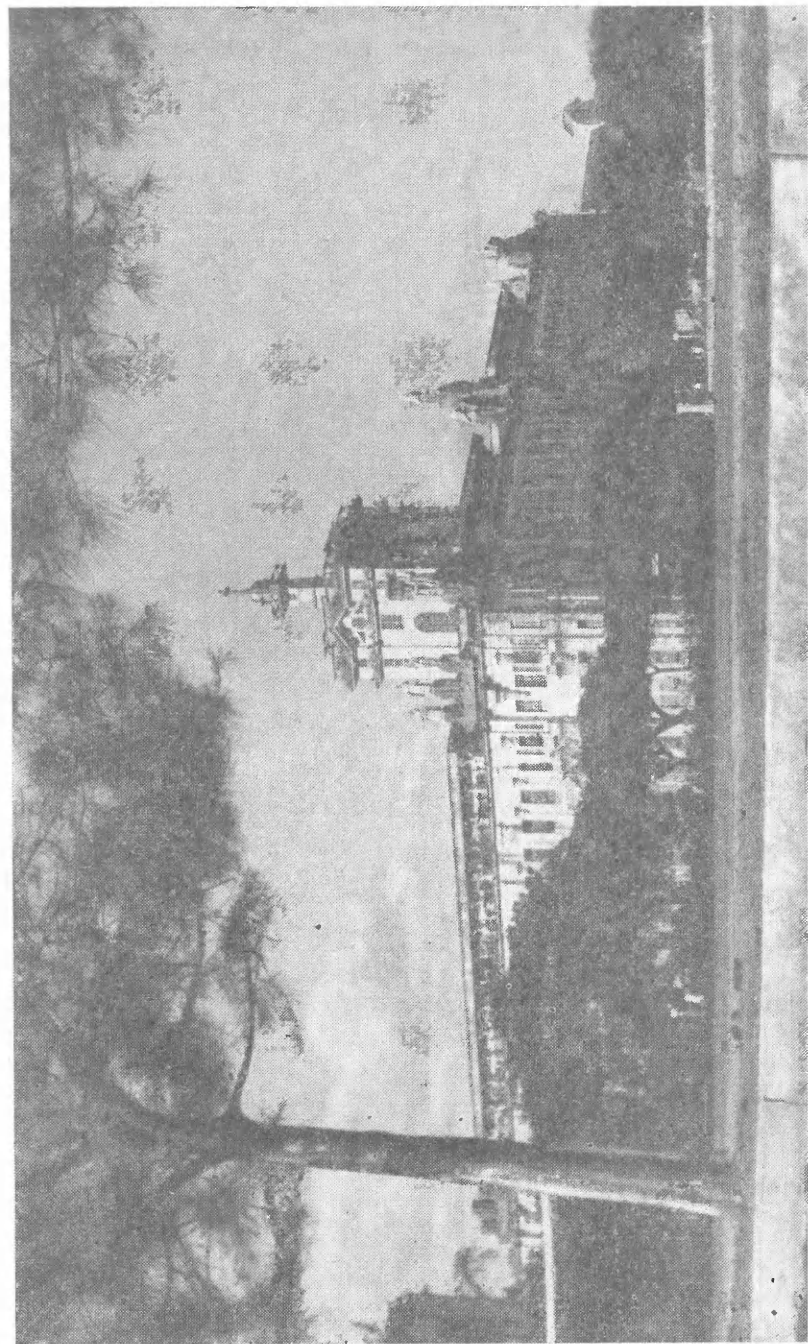
Праздник на воде

Старый деловой центр Манилы — Эскольта

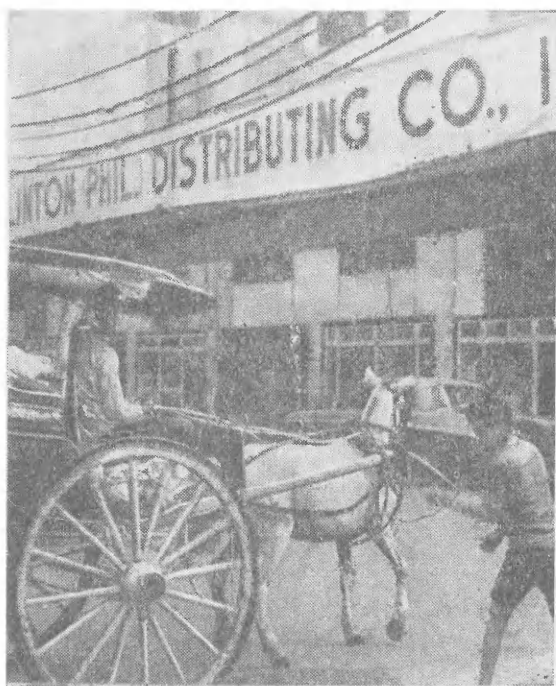
Университет Карнеги Фокса, старейшее учебное заведение Флориды

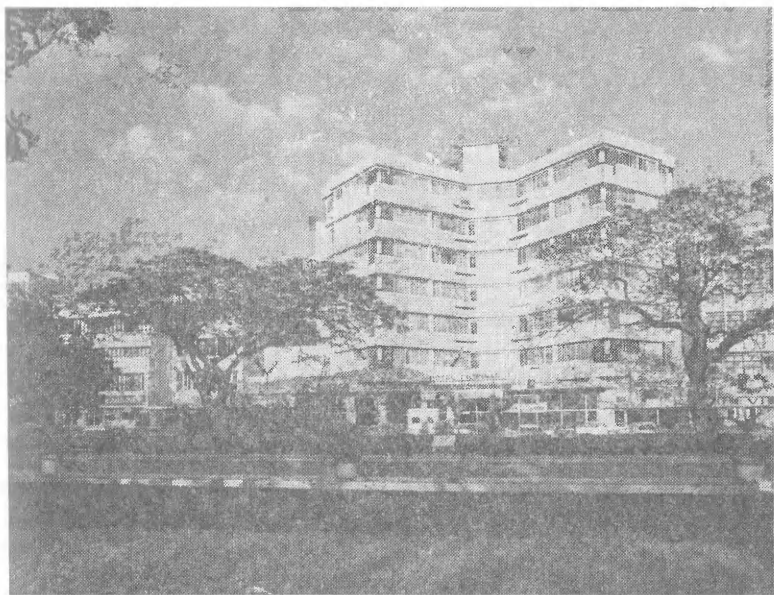

Трущобы Манилы

**В Интрамуресе — «городе внутри стен».
Ныне район Манилы**

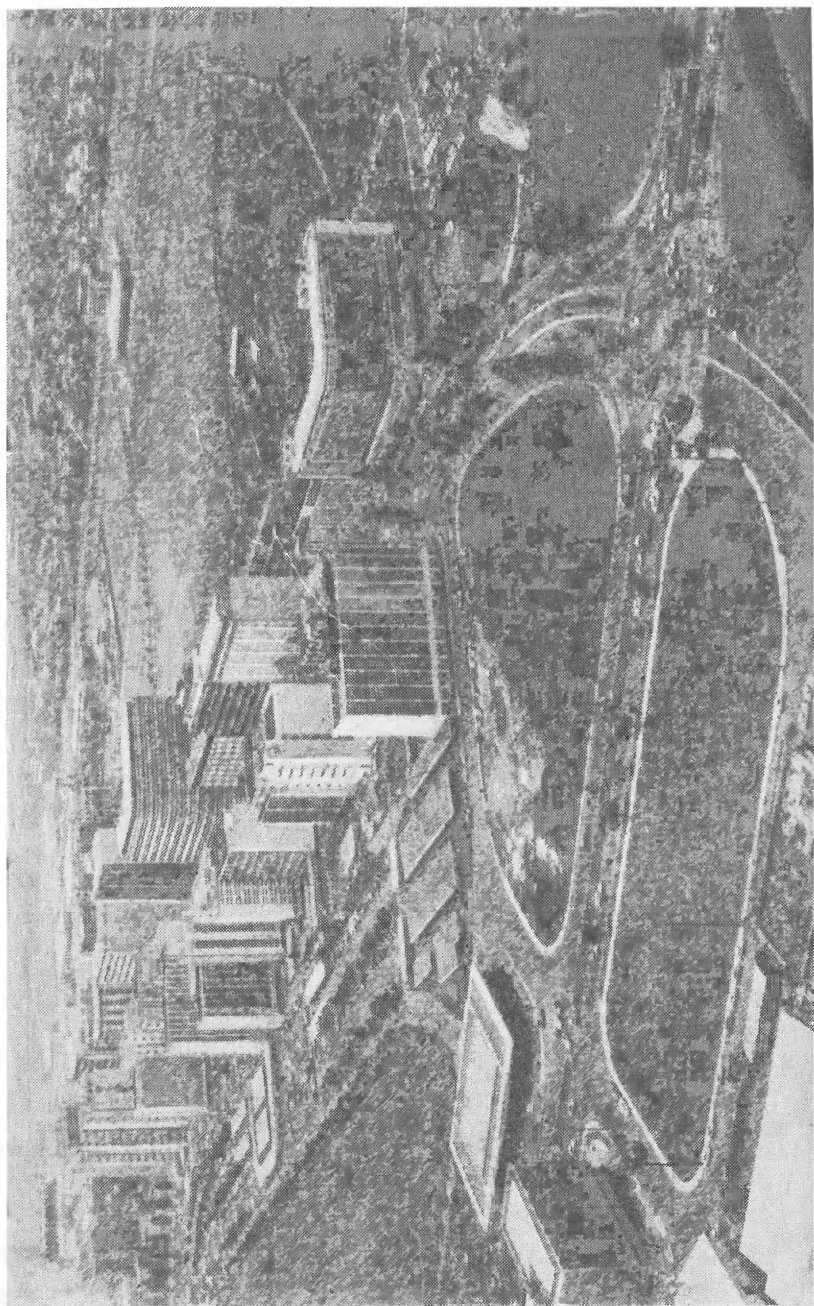

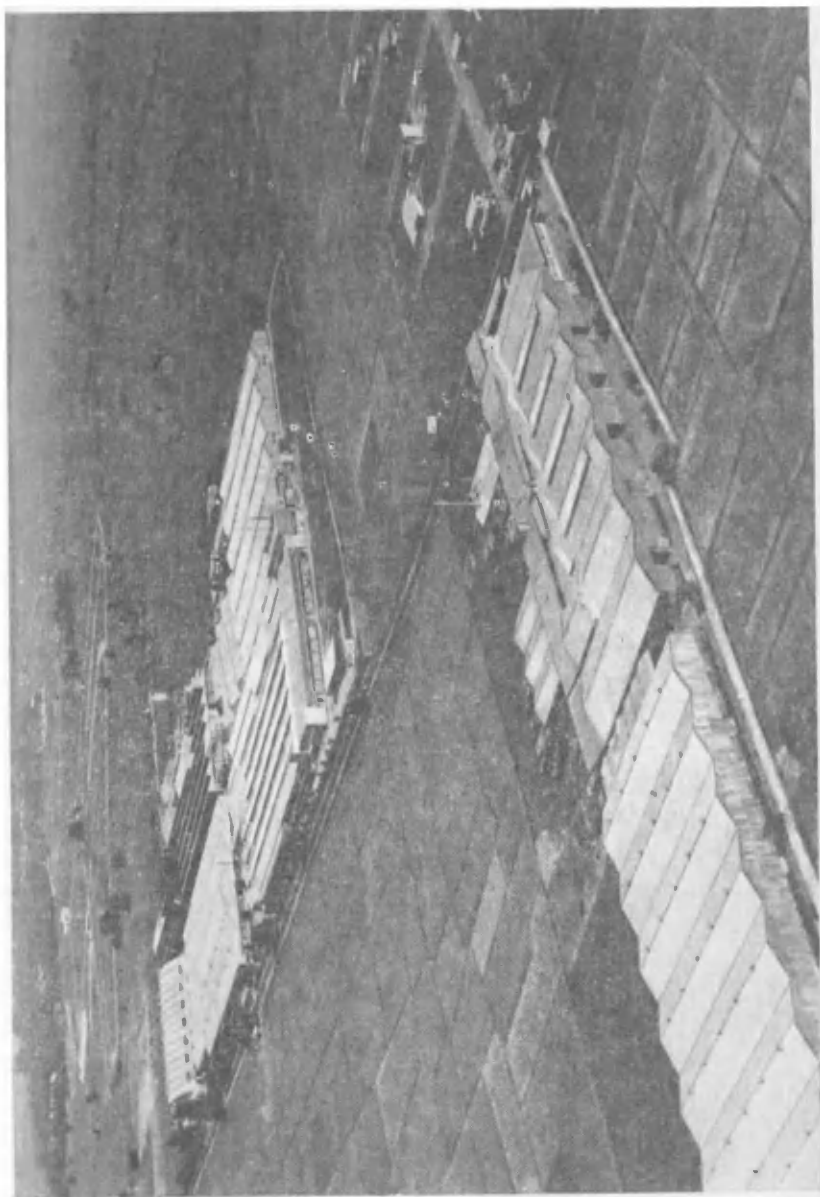
Бульвар Рохаса в Маниле

Отель в Багио

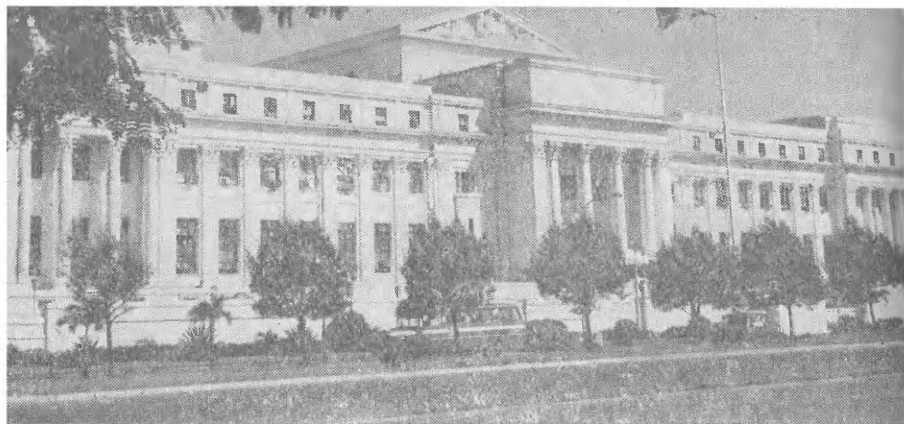

Новый деловой центр Большой Мапылы — **Макати**

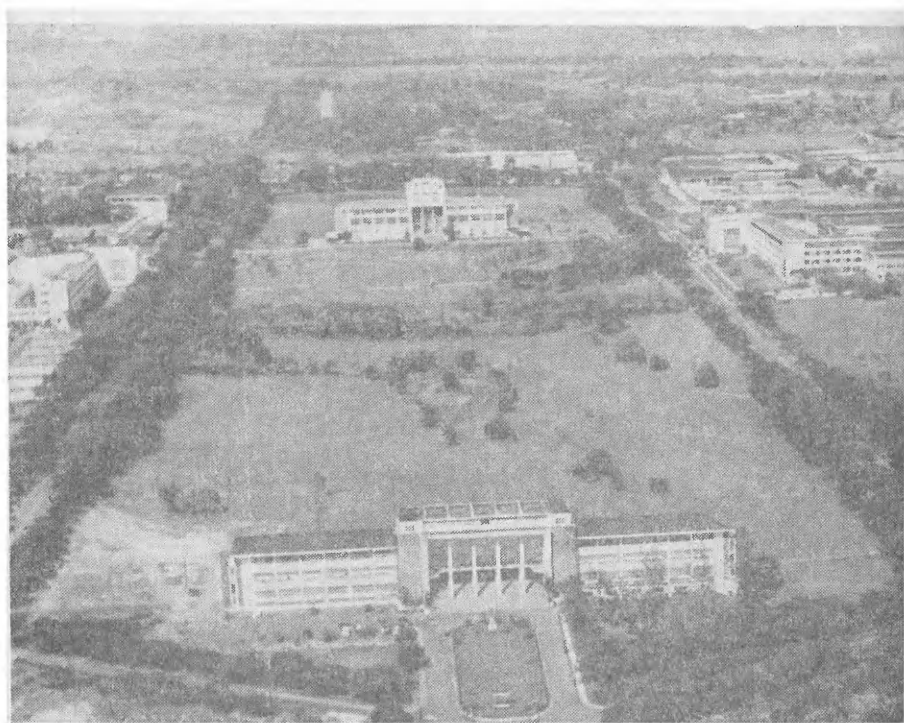
Индустриальный район в долине Марикина, недалеко от Машлы

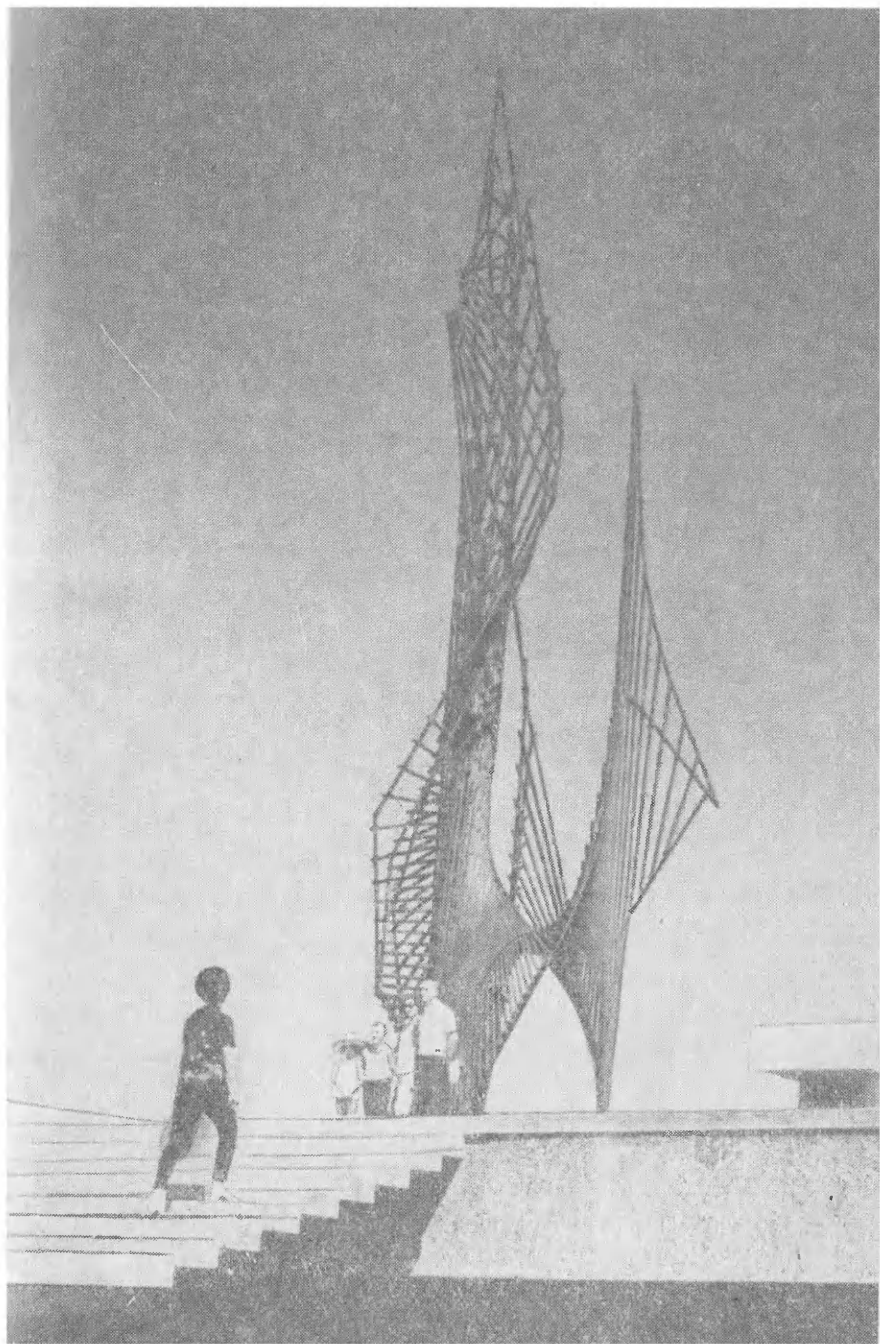

Филиппинский Конгресс

Памятник солдатам, погибшим во второй мировой войне

Филиппинский государственный университет

Вулкан Майон, у подножя котобого розположен город Лёгаспи

Хотя конституция 1935 г. (ныне отмененная — см. послесловие) во многом списана с конституции США, в ней есть отличия, обусловленные местной спецификой. Прежде всего это касается исполнительной власти и ее главы — президента. Традиционная идея руководителя, самого могущественного среди «сильных людей» и обладающего широкими полномочиями, нашла отражение в основном законе страны. По конституции филиппинскому президенту принадлежит гораздо большая власть, чем американскому. Он наделен колоссальными полномочиями, позволяющими ему почти единолично объявлять какие-то меры особо важными (и тогда конгресс — законодательный орган — обязан рассматривать их в первую очередь), созывать чрезвычайную сессию конгресса и определять ее повестку дня, т. е., по сути дела, он предписывает, чем должен заниматься конгресс.

Будучи главнокомандующим всех вооруженных сил, президент имеет право отменить действие закона о неприкосновенности личности и ввести чрезвычайное положение на всем архипелаге или в некоторых районах. (За послевоенные годы президенты дважды приостанавливали действие этого закона.) Он распоряжается фондами, создаваемыми на случай непредвиденных обстоятельств (например, стихийных бедствий, столь частых на Филиппинах), и может использовать их в политической борьбе.

Практически его власть еще более велика. Один из важнейших ее источников — право назначения на самые различные должности. Если в США достаточно силён принцип федерализма и отдельные штаты пользуются довольно широкими правами, то на Филиппинах управление осуществляется из центра и самый последний клерк назначается Малаканьянгом. Без его ведома, иронизируют здесь, нельзя в самом отдаленном барио перенести туалет с места на место.

И все же власть президента не беспредельна, и ограничивают ее в конечном счете те же традиционные установки. Конгрессмен, поддержавший его на выборах, требует назначить своих людей в провинциальные исполнительные органы, так как для него это — способ вознаградить своих лидеров. Государственный аппарат формируется в зависимости от ситуации, сложившейся в политической борьбе. Поэтому чиновник и не играет самостоятельной роли — он знает, что занимает свою должность

лишь потому, что за него просил пулитико, следовательно, подчинен ему если не по закону, то по существу. Бывает, что президент использует свое право назначения для отстранения от дел противников в провинциях: он посылает туда своих людей, игнорируя местных деятелей, но и в этом случае чиновник оказывается лишь пешкой в политической игре пулитико. Такое положение вещей, разумеется, никак не способствует росту авторитета государственного аппарата. Администратор не пользуется уважением, ибо всем известно, что в любой момент его могут заставить отменить его же решение, а то и вовсе убрать.

Между тем современное государство немислимо без опытных, знающих свое дело администраторов, способных осуществлять исполнительную власть. В развивающихся странах остро ощущается недостаток подготовленных кадров, на Филиппинах к этому добавляется еще их текучесть. В условиях безработицы (даже среди выпускников колледжей) всегда множество людей претендуют на каждое вакантное место.

Казалось бы, есть возможность выбрать из них наиболее способных. На практике же должность получает тот, у кого надежнее связи. Получив ее, чиновник вступает в отношения «внутреннего долга» не с непосредственным начальником, а с патроном и действует в его интересах. С этим вынуждены считаться руководители министерств и ведомств: средства выделяет конгресс. Они терпят в своих учреждениях и даже прощряют протеже того или иного пулитико, в обмен же последний обязуется при обсуждении в парламенте поддержать бюджет, пусть завышенный, данного ведомства.

Президент в качестве главы исполнительной власти руководит работой государственного аппарата. Руководство на Филиппинах не понимается как направляющая, институциональная (т. е. определенная правилами и инструкциями) деятельность. Признается один принцип — «делай, что тебе велют, невзирая ни на какие параграфы». Такой стиль руководства лишает возможности самостоятельно принимать решение. Единственный ориентир для подчиненных — мнение начальника, они не вольны использовать данную им законом власть. Поэтому даже мелкие вопросы рассматриваются на неоправданно высоком уровне. Президент сам улаживает многочисленные споры

и конфликты между чиновниками разных уровней — от министров до клерков.

Как пулитико, он вынужден подчинять работу государственного механизма целям политической борьбы. Это ограничивает его роль при решении национальных проблем: привносится слишком сильный личный элемент. Каждый новый президент по-своему перестраивает деятельность правительства, что исключает преемственность в осуществлении социально-экономических преобразований. За послевоенные годы, например, было принято шесть программ индустриализации, а результаты мизерные — отчасти из-за слишком крутой ломки после очередных президентских выборов.

Законодательная власть по конституции принадлежит двухпалатному конгрессу. Двадцать четыре члена верхней палаты, сената, избираются на шестилетний срок (треть их переизбирается через два года). В отличие от США, где сенаторы представляют штаты, на Филиппинах они избираются всей страной, что также отражает большую централизацию. Сенаторы, как и президент, не имеют непосредственного контакта с избирателями и тоже вынуждены полагаться на местных пулитико, чтобы попасть в «магическую восьмерку»¹². Претендент на сенаторское кресло должен вести кампанию по меньшей мере на 11 главных островах и затратить огромные средства. Он может получить их от президента, которому принадлежит решающее слово при выдвижении кандидатов от правящей партии.

Кандидаты от оппозиции должны прежде всего полагаться на себя. Желая приобрести известность и популярность в национальном масштабе, они обычно выступают в качестве «критиков» правительства (в том числе самого президента) и нижней палаты, не останавливаясь перед скандальными разоблачениями, касающимися подкупа, коррупции и фаворитизма. Таким образом, успех на выборах определяется поддержкой либо президента, либо «сильных людей» на местах. Сенаторы отчетливо сознают это и ведут себя соответственно. Они менее связаны с рядовыми избирателями, но зато находятся в прямой

---

¹² Так называют восемь кандидатов, набравших наибольшее число голосов. Обычно баллотируется не менее 16 кандидатов — по восемь от каждой буржуазной партии; иногда к ним прибавляются независимые.

и непосредственной зависимости от олигархии и послушно выполняют ее волю. В целом ряде вопросов — таких, как социальные преобразования, экономические реформы, внешняя политика, — верхняя палата занимает более консервативную позицию, чем нижняя.

Члены нижней палаты, конгрессмены (их на Филиппинах называют «солонами»¹³), избираются от округов и, естественно, больше зависят от избирателей. Если в их округах разворачивается движение протеста, конгрессмены не могут целиком игнорировать требования его участников и эти требования получают отражение, (пусть искаженное) в деятельности законодателей.

Принцип пропорционального представительства часто нарушается. По данным переписи 1960 г., самый малый округ насчитывал 10 309 избирателей (островная провинция Батанес на севере архипелага), а самый крупный — 1 117 819 (первый избирательный округ провинции Рисаль на острове Лусон). Но оба они посылали по одному представителю в нижнюю палату, несмотря на то, что по численности населения второй в 100 с лишним раз превышал первый. Такая практика приводит к тому, что наиболее развитые и наиболее беспокойные районы страны (промышленные центры и густонаселенные крестьянские районы) оказываются в проигрыше. В процессе политической борьбы образуются новые округа и перекраиваются старые, и здесь решающее слово принадлежит президенту. Обычно преследуется цель подорвать влияние какой-нибудь династии и заменить ее другой, более послушной.

Конгрессмены несомненно ближе к избирателям. В этом их сила, и в этом же их слабость. Сила, ибо в руках «солон» власть на местах, и пулитико национального масштаба не могут обойтись без них. Контроль над голосами делает их могущественными, и только это фактически ограничивает власть президента. В то же время избиратели в провинции ждут денег, постов, общественных работ, а их можно добиться только от центрального правительства. Так получается, что отношения между законодательным собранием и исполнительной властью основываются на правиле «услуга за услугу», принцип разделения властей явно не выдерживается.

---

¹³ По имени древнегреческого законодателя.

У президента есть много способов вмешаться в деятельность конгрессменов. Помимо уже упоминавшейся «солонины», заигрывания с соперниками непослушного пулитико, переманивания его лидеров он располагает и юридически закрепленными средствами. Он может наложить вето на любой законопроект, принятый нижней палатой, и, чтобы обойти это вето, требуется две трети голосов, т. е. нужно найти 80 конгрессменов из 120, решившихся выступить против президента. На практике такого не бывало и едва ли возможно при сохранении подобной системы. Партийная принадлежность пулитико в данном случае не играет почти никакой роли, конгрессмен от оппозиции далеко не всегда голосует вместе со своими коллегами: он руководствуется исключительно собственными интересами.

Если президент налагает вето, к спорному вопросу удастся вернуться только на следующей сессии, а за это время он через подчиненный ему партийный аппарат всегда успевает обеспечить нужную расстановку сил в палате. Конгресс, правда, может тянуть время и не рассматривать предложений президента, но тогда тот имеет право созвать чрезвычайную сессию. Так было в 1963 г., когда нижняя палата саботировала внесенный президентом законопроект об аграрной реформе. Несмотря на ее ограниченный характер, она как-то ущемляла интересы помещиков, а их в конгрессе немало. Президент добился принятия закона на чрезвычайной сессии, но с существенными оговорками. Любопытно, что многие конгрессмены, выступавшие при обсуждении в парламенте против реформы, в провинции выдавали себя за ее сторонников. Поскольку избирателей мало интересует, чем занимаются их представители в конгрессе, это сошло с рук.

По той же причине деятельность «солон» в законодательном органе нередко сводится к пустякам. На решение национальных проблем порой просто не остается времени. Убедительный пример: за всю вторую сессию филиппинского конгресса четвертого созыва было принято 30 актов: 12 — о создании новых барио, 17 — об изменении названий городов, деревень и улиц, и один — о разделении одного барио на два.

Законопроект, одобренный какой-нибудь из палат, ставится на рассмотрение другой и после согласования на-

правляется главе исполнительной власти, который либо налагает вето, либо подписывает его. В последнем случае законопроект становится законом, публикуется и вступает в силу через 15 дней после публикации. Таков официальный путь. Но помимо этого ведутся нескончаемые закулисные переговоры, заключаются бесчисленные сделки; всякий старается выторговать побольше для себя, определить, голосовать ли ему за или против, и как расценивать голосование — как оплату за ранее оказанную услугу (тогда нечего требовать взамен) или как оказание услуги (и тогда надо не прогадать). Вот почему деятельность филиппинского конгресса часто сравнивают с айсбергом: важнейшая часть происходящего скрыта от глаз общественности.

Внешне, однако, все идет по правилам. Мне довелось провести немало часов в здании конгресса на галерее для зрителей и наблюдать «демократию в действии». При обсуждении очередного вопроса «солон» произносит речь на английском языке, обычно очень эмоциональную, апеллируя к богу, нации, суду истории и к еще не родившимся поколениям. Он четко и недвусмысленно выражает свое отношение к рассматриваемому вопросу и утверждает, что не отступит от своей позиции ни на йоту. Затем берет слово конгрессмен, придерживающийся противоположной точки зрения, и столь же решительно и бескомпромиссно излагает свое мнение. После этого следуют выступления сторонников той и другой точек зрения — все такие же резкие, исключаяющие всякие возможности соглашения. Противники обмениваются колкостями, нередко весьма ядовитыми, вырывают друг у друга микрофоны (их всего три, и расположены они в проходе), иногда прибегают к еще более «веским аргументам» — это уже от филиппинского темперамента. Кажется, что обсуждение зашло в тупик и всякое примирение исключается. Однако опытный спикер знает, что делать. Он объявляет перерыв на несколько минут (бывает, лишь на одну минуту) и спускается в зал к конгрессменам. Все разбиваются на группы и теперь уже говорят на тагальском или других местных языках. Здесь, согласно старой доброй традиции, резкости недопустимы, начинают действовать нормы паккисама. Сразу находятся точки соприкосновения, полунамеками напоминают, кто кому какие оказал услуги. Противоречия незаметно сглаживаются, намечаются пу-

ги компромисса. Спикер беседует с самыми непримиримыми, взывает к деликадеса, туманно обещает уступить в будущем (намек обязательно принимается к сведению).

После перерыва от былых страстей не остается и следа, соглашение, достигнутое в кулуарах, мирно утверждается, и работа продолжается. Иностранцу с галереи для зрителей это может показаться странным, однако ничего странного здесь нет. Просто сталкиваются заимствованные и исконные установки, причем обе воспринимаются как должные, а потому поведение конгрессменов представляется противоречивым.

Живучесть традиционных принципов не менее отчетливо проявляется и в деятельности суда. Филиппинцы верят в человека, но не в абстрактный закон — это понятие для них довольно бессодержательно. Они твердо убеждены: наказание дается не потому, что кто-то нарушил закон, а потому, что такое решение вынес судья. Оправдание тоже рассматривается как прямой результат действий последнего, а не как свидетельство отсутствия состава преступления.

Патриархальные нравы и нормы поведения сохраняющиеся в стране, воплощают традиционные ценности и не согласуются с принципами, провозглашенными в законе. Они дают себя знать в повседневной жизни, ежечасно и ежеминутно, хотя носители данной культуры обычно затрудняются их сформулировать. Закон, напротив, четко фиксирует какие-то требования, но именно это и показывает, что подобные требования еще не обладают всеобщностью и нуждаются в постоянном подкреплении определенными санкциями.

Положения закона всегда несколько опережают предписания морали и нравственности, однако между ними обычно нет непроходимой пропасти, и со временем первые могут перейти во вторые. На Филиппинах же по ряду исторических причин разрыв между законом, принесенным из метрополий, и традиционными нормами поведения чрезвычайно велик. Законодательство в стране базируется на англосаксонском (отчасти романском) праве, опирающемся на идею индивидуальной ответственности. В противоположность этому весь уклад жизни строится не на индивидуальной, а на общей ответственности члена родового коллектива. Наказание одного человека, согласно правосознанию филиппинцев, означает наказание всех

лиц, связанных с ним родственными узами. Если же среди них есть «сильные люди», пользующиеся авторитетом, то дело обстоит еще сложнее: мало того, что с точки зрения обыденного сознания страдают невинные, под угрозой оказывается иерархический принцип, составляющий основу всех межличностных отношений. Последовательное применение закона в глазах традиционно мыслящего филиппинца является чудовищной несправедливостью, подрывом устоев, тогда как нарушение закона никого не трогает — при условии, что соблюдаются привычные нормы.

«Сильный человек» по определению, имеет больше прав, пусть незафиксированных, но тем не менее весьма реальных. Он не может подвергаться одинаковому наказанию с «маленьким», это идет вразрез с понятиями родового и феодального общества. Вот достаточно характерный пример: в период японской оккупации, когда судебная система практически бездействовала, в одной из южных провинций «сильный человек» убил «маленького». Родственники убитого требовали возмездия, хотя сами считали, что казнь убийцы была бы неправомерной, поскольку жизнь «сильного человека» не равна жизни «маленького». Тогда родственники убийцы предложили замену — тоже «маленького человека» из своего рода. Его казнили в присутствии родичей с обеих сторон, и инцидент был исчерпан.

При таком положении вещей нечего удивляться тому, что проведение юридических установлений в жизнь неизбежно наталкивается на сопротивление. Отсутствует внутреннее согласие с законом, убежденность в том, что следовать закону — значит следовать справедливости, а раз нет подобной убежденности хотя бы в основе, его преступают постоянно. Зарубежные обозреватели, которые охотно говорят о полном забвении закона в стране, выводят это из характера филиппинцев, якобы анархичного и недисциплинированного, однако причины надо искать не в национальном характере, а в истории народа.

Из-за океана было позаимствовано право, но не правосознание. Последнее видоизменяется значительно медленнее, и его нельзя переделать или внедрить никаким законодательным актом. Общество довольно быстро может выдвинуть новые цели, но оно не может столь же быстро изменить способы их достижения, на это требуется

время и соответствующие условия. При сохранении социально-экономической отсталости радикальных сдвигов в правосознании филиппинцев не происходит. Новые безличные отношения, при которых все полагаются равными перед законом, с трудом прокладывают себе путь. Подлинное равенство перед законом в капиталистической стране вообще лишь декларируется, на Филиппинах же даже декларация не воспринимается как разумная.

Разрыв между обычным правом и писаным законом имеет весьма существенные практические последствия. Число правонарушений чрезвычайно велико и действующая в стране система судебных органов просто не в состоянии справиться с ними. Кроме того, неповоротливость филиппинской Фемиды превосходит всякое разумение, рассмотрение дел длится годами и даже десятилетиями, если это выгодно олигархии. Когда перед судом предстает «сильный человек», он нанимает опытного адвоката, который, используя лазейки в законах, ухитряется до бесконечности затягивать судебное разбирательство, пока наконец дело не прекращают.

Столь же типичен факт иного рода. В 1950 г. были арестованы руководители Коммунистической партии Филиппин, и, хотя Верховный суд еще в 1956 г. вынес постановление, что «преступление», в котором их обвиняли, не предусмотрено филиппинским законодательством, их выпустили только в 1970 г. Данный факт нельзя квалифицировать иначе, как самый настоящий произвол, но ни букве, ни духу закона не придается никакого значения, когда в этом заинтересована олигархия.

Правящая верхушка с самого начала американского господства подчинила себе судебную власть, и это не осталось незамеченным колонизаторами. Они уже тогда констатировали, что во многих муниципалитетах мировые судьи «были лишь инструментом в руках касиков, которые использовали их для того, чтобы угнетать неимущих, собирать долги с огромными процентами, наказывать врагов, награждать друзей, побеждать на выборах и вообще контролировать всю местную жизнь». Американцы быстро поняли, что именно в области юриспруденции их принципы менее всего соответствуют здешним нормам. Они были невысокого мнения о способности филиппинцев вершить правосудие и на первых порах хотели отстранить их от этой деятельности. Данный проект не был осуществлен,

потому что не нашлось достаточного числа американских судей, знавших испанский язык, а кроме того, и это главное, колонизаторы старались заручиться поддержкой элиты, для чего надо было предоставить ей должности и в судебных органах.

После получения независимости олигархия стала проводить свою волю через эти органы еще более откровенно, не заботясь даже о видимости законности. Суд на Филиппинах действует в интересах правящей верхушки настолько явно, предвзятость и пристрастность судей достигает такой степени, что и по буржуазным меркам это выглядит неприлично. Вероятно, не так уж далек от истины филиппинский журналист, заявивший, что «в стране нет закона, а есть лишь выборочное применение правилительственных постановлений, на влиятельных же и продажных лиц эти постановления не распространяются».

Судебная система Филиппин строится по типу американской. Все судьи назначаются президентом, и здесь, как следует ожидать, действует тот же механизм, что и при замещении должностей в государственном аппарате. Выпускников юридических колледжей явно больше, чем нужно, и получить место без протекции нет никакой возможности. Заняв его, человек обязан не забывать об интересах того, кто оказал ему покровительство. О беспристрастности, столь необходимой судье, в таких условиях говорить не приходится. На людей со связями закон фактически не распространяется. Они могут не платить налогов, брать в государственном банке кредит и не возвращать его, использовать свое влияние для судебного преследования противников и даже для физической расправы с ними. Их привлекают к суду крайне редко, а если и привлекают, редко осуждают, а если и осуждают, то приговор редко приводится в исполнение. Практически таким людям ничто не грозит. Судья неизбежно вынужден принимать во внимание статус сторон, в противном случае его подвергнут и моральному осуждению.

Как это ни парадоксально, но именно судебная власть, особенно ее высшие инстанции, пользуются наибольшим авторитетом и уважением в стране. Филиппинцы почти благоговейно относятся к людям, обладающим правом вершить судьбу человека. В таком отношении есть что-то религиозное, судья как бы олицетворяет те магические силы, которые, по убеждению верующих, управляют

жизнью; его, возможно бессознательно, ассоциируют с тем же шаманом, способным манипулировать сверхъестественными силами. Отсюда необычная популярность юридических профессий — судьи, адвоката, прокурора. Это заключение нетрудно вывести после бесед со студентами. На вопрос, почему бы им не избрать политическую карьеру, т. е. стать пулитико, обычно отвечают: «Уж очень это грязное дело, да и свою смертью не умрешь, рано или поздно убьют». Карьера чиновника не привлекает их по тем же соображениям. К профессии инженера, агронома относятся с некоторым пренебрежением: считают, что их труд близок к физическому, а последним заниматься зазорно. Вот судебная деятельность — совсем иное дело, она мыслится как весьма почетная, приносящая большое моральное удовлетворение и доход тоже — суд на Филиппинах открыто защищает интересы частной собственности, владельцы которой не скупятся на гонорары.

Итак, судебная власть, равно как исполнительная и законодательная, формально основывается на буржуазно-демократических принципах. Декларируется ее независимость, равенство всех перед законом, произносится много слов о ее глубоко демократической сущности, хотя практика свидетельствует о другом.

Средства массовой коммуникации. Роль печати, радио, телевидения, кино в развивающейся стране, особенно в такой географически и этнически раздробленной, как Филиппины, исключительно велика. Постоянная связь между различными районами и различными слоями общества уже не может обеспечиваться изустной передачей информации. Однако уровень развития современных средств массовой коммуникации здесь еще не достаточно высок, хотя и значительно выше, чем во многих странах «третьего мира».

По данным ЮНЕСКО, в 60-х годах на архипелаге на тысячу жителей приходилось 19 газет. Это не так уж мало, если сравнивать с другими государствами Азии и Африки, но несопоставимо с аналогичными показателями в индустриальных государствах. Положение осложняется тем, что большинство газет издается на английском языке, непонятном основной массе населения. Да и распределяются они по стране неравномерно. В Маниле на тысячу жителей приходится 310 экземпляров, тогда как в осталь-

ных районах — только пять. Общее число подписчиков шести самых популярных ежедневных газет не превышает 450 тыс., восьми самых популярных журналов — 850 тыс., причем две трети газет и чуть более половины журналов расходятся в столице. Только 20% семей выписывают периодику.

Естественно, что при таких условиях пресса поставляет лишь ничтожную часть информации. Преимущественно она идет по традиционным каналам, через непосредственные контакты, которым филиппинцы отдают предпочтение. С далекими и чужими газетчиками они незнакомы, а потому и не склонны верить тому, что те сообщают. По материалам обследований, 45,7% жителей деревень узнают новости от своего капитана де барио, 14,4% — от соседей и 6% — от учителей. Здесь надо учитывать, что частично эти новости представляют собой изложение прочитанного в газете, т. е. имеют в качестве первоисточника все ту же печать, но в процессе передачи неизбежно допускаются тенденциозный подбор фактов и искажения. Как и во всяком обществе, где ощущается недостаток информации, преувеличенное значение приобретают слухи, нередко сеющие панику¹⁴.

Филиппинские журналисты с гордостью называют свою прессу «самой свободной в мире» и никогда не преминут указать, что даже американским собратьям далеко до них. Действительно, газеты критикуют кого угодно и как угодно. Высокие официальные лица не застрахованы от нападков прессы, причем нападки эти нередко принимают весьма резкую форму: любого могут обругать подонком, подлецом, мошенником и т. п. Несведущего человека поражает тот факт, что печать подвергает критике существующий порядок и администрацию, в данный момент находящуюся у власти, что беспощадно бичуются продажность, коррупция и своекорыстие. Однако пожив в стране достаточно долго, он начинает замечать, что ата-

---

¹⁴ Иногда, впрочем, этому содействует и печать. Так, в январе 1971 г. в газетах появились неопределенные сообщения об угрозе государственного переворота со стороны «подрывных элементов» (имелись в виду маоистские группировки). В Маниле началась страшная паника, все ждали резни и бросились закупать продукты. Слухи распространились с невероятной быстротой — говорили об отравлении воды в городском водопроводе, многие молились всю ночь напролет и исповедовались друг другу в грехах.

ки прессы периодически повторяются: месяца примерно за два все департаменты и ведомства, все отрасли государственного управления поочередно попадают в поле зрения газетчиков. Круг как бы замыкается, и затем все начинается сызнова. Уже одно это свидетельствует о малой действенности филиппинской печати.

Никакие нападки не в состоянии поколебать господство олигархии. Газеты, с большим шумом сообщающие о вопиющих нарушениях закона, не представляют для нее особой опасности. Ей даже выгодно иметь по видимости свободную прессу: всегда можно указать недовольным, что никому не возбраняется выражать свои взгляды. Печать играет роль отдушины, предохранительного клапана. О подлинной свободе ее говорить не приходится: крупнейшие издания принадлежат монополиям, заправила которых не прочь поиграть в либералов.

Газеты давно уже превратились в средство борьбы для пулитико, которые увлеченно поливают друг друга грязью на их страницах, предоставляемых желающим за плату. Именно это объясняет тон филиппинской печати — он так же развязен, как и общий тон политической борьбы. Политическое лицо изданий трудно определить. Учитывая слабость общественного мнения, владельцы могут позволить себе изображать беспристрастность; в результате в одной и той же газете помещается статья с явным маоистским духом, автор которой, не вдаваясь в анализ ситуации, грозит всем реакционерам немедленной революцией, и статья иезуита, призывающего вернуться к добрым испанским временам, когда существовало подобие теократии и церкви принадлежал решающий голос в стране.

Служение правящему классу в целом для газетчиков дело несложное: пулитико высокого ранга стремятся заручиться их поддержкой и дают немалые деньги. Для сохранения репутации журналистам разрешается время от времени обрушиваться на олигархию — при условии, что босс остается вне критики. Так приобретается популярность, а за популярность платят больше. Видные журналисты попадают в элиту (быть обозревателем крупной газеты — значит пользоваться огромным влиянием), из них рекрутируются чиновники различных ведомств, и прежде всего дипломатического.

Манера подачи газетного материала позаимствована

из практики американской прессы, но ученики пошли дальше учителей. Погоня за сенсациями, крикливость и истеричность кажутся чрезмерными даже американским наставникам. Они отмечают полную безответственность и незрелость филиппинской печати. С точки зрения самих филиппинцев, придающих огромное значение такту и вежливости, тон ее вообще нетерпим. В Маниле, правда, еще могут одобрить хлесткость той или иной статьи, но в провинции это вызывает недоумение. «Разве допустимо так писать? — с искренним возмущением спрашивали провинсиано. — У этих людей нет стыда. Почему они утверждают, что наш конгрессмен мошенник и к тому же глуп? Разве так можно говорить? Что они, за дураков нас считают, ведь мы его выбрали? Пусть он заботится о себе, о нас-то он не забывает. У него есть утанг на лооб».

Создается впечатление, что местная печать обслуживает исключительно тех людей, культурные запросы которых удовлетворяются из американских источников, и чужда простому народу. Она как бы лишена корней: существует на Филиппинах, но функционирует по-американски, причем старается показать, что она еще более свободна, чем печать США.

Подборка материалов оставляет желать много лучшего. В полукилограммовом выпуске (крупнейшие из газет печатаются на 32 страницах) с трудом отыщешь дельную статью. Сообщения на культурные темы, например, сводятся к информации о том, кто получил премию и кто ее вручал. Наибольшей популярностью пользуется светская хроника (кто, где, с кем и в каком туалете был на коктейле), спорт, любовные похождения кинозвезд, объявления да комиксы. Новости и передовицы, как правило, не читают. На вопрос «почему?» неизменно отвечают так: «Это же отвратительно. Они только и пишут, что о продажности, фаворитизме, некомпетентности. Не очень-то приятно все время читать о позорной деятельности наших руководителей». В таком ответе есть свой резон, во всяком случае с филиппинской точки зрения: подобные сведения только затрагивают комплекс хийа.

И все же местная пресса заслуживает не только отрицательной характеристики. В газетах появляются и серьезные статьи, помогающие понять филиппинскую действительность. К печатному слову имеют доступ некоторые прогрессивные силы. Можно согласиться с мнением изве-

стного манильского журналиста, сказавшего: «В мире есть много продажных правительств, однако немногие действуют в условиях гласности». На Филиппинах, несомненно, есть гласность, но, к сожалению, за разоблачениями печати обычно ничего не следует.

Эффективным средством массовой коммуникации является радио, точнее, оно стало таковым после «транзисторной революции». (До того многие барио, не имевшие электричества, были лишены возможности слушать передачи.) У него аудитория гораздо многочисленнее, чем у прессы. Большая часть программ идет на тагальском и других местных языках, что весьма существенно, ибо, как сказал один комментатор, «даже если человек не умеет читать, слушать-то он умеет». В 1969 г. у 70,8% семей были приемники, преимущественно транзисторные. Число радиостанций просто огромно: в 1970 г. их насчитывалось 294¹⁵. Естественно, им не хватает частот, и они забивают друг друга (иногда намеренно). Все эти станции — частные, коммерческие. Государство еще только планирует создать собственную радиослужбу под названием «Голос Филиппин»; ему уже передано оборудование станций «Голоса Америки», расположенных на архипелаге.

С транзисторными приемниками на Филиппинах произошла любопытная вещь. На первых порах из-за высокой цены они были доступны лишь «сильным людям» и стали одним из важнейших показателей статуса. Их включали всякий раз, когда надо было «произвести впечатление». При этом старались показать, что внимательно слушают передачу, хотя зачастую вовсе не понимали ее. Както во время свадьбы, на которой я присутствовал, родители невесты включили приемник на полную мощность. Шум мешал разговору, тем не менее никто и не подумал убавить громкость — подобная просьба была бы воспринята как оскорбление. Самое же пикантное заключалось в том, что транслировалась протестантская проповедь на английском языке, а гости были католиками и, кроме двух-трех человек, английского не знали. Вообще не раз приходилось убеждаться, что транзисторы используются исключительно для создания «шумового эффекта» с целью подчеркнуть торжественность момента. Вот почему на всякое

---

¹⁵ Для сравнения укажем, что в 1966 г. в ФРГ было 83 радиостанции, тогда как на Филиппинах — 202.

празднество обычно приглашают владельца такого приемника. В деревне от рева транзисторов можно оглохнуть: те у кого они есть, включают их на максимальную громкость. Это делается не только для престижа, но и для того, чтобы доставить удовольствие остальным: человек по «принципу дележа» должен делиться всем, в том числе и звуками своего приемника, иначе он рискует прослыть скупым.

В настоящее время транзисторы подешевели, стали доступны и «маленьким людям». Сейчас новейший японский приемник можно увидеть на шее крестьянина, бредущего с сохой по рисовому полю по колено в грязи за своим слабосильным карабао. Ради приобретения вещи, захватившей его воображение, филиппинец готов отдать последнее сентаво и занять недостающую сумму под огромные проценты.

Радио в большей степени, чем пресса, старается примениться к запросам своих слушателей, и не без успеха. Крестьяне теперь все чаще говорят: «радио сказало...», «радио советовало...», и это звучит как привычное «староста сказал» или «учитель посоветовал...» Такое признание свидетельствует о том, что некоторые включили радио в арсенал традиционных источников информации. Чтобы добиться доверия, оно должно было «подыгрывать» простому тао, выступать в роли приятного собеседника, знающего толк в обхождении и потому заслуживающего уважения.

Интерес к радиопередачам подтверждается тем фактом, что популярные песенки (преимущественно все еще американские) быстро начинают распевать жители всего архипелага. В столь разнородной стране, как Филиппины, и это немаловажно. Однако качество передач и их технический уровень не слишком высоки. Большую часть времени занимают развлекательные программы и реклама. Кроме того, местные станции, стараясь заслужить доверие тао и стать «членом семьи», берут на себя обязанности службы связи. Если у крестьянина, например, пропал буйвол, муниципальные или провинциальные радиостанции помогут его найти; если крестьянин задержался в городе (просто загулял), он может передать по радио сообщение в свою деревню с просьбой не беспокоиться. Телефон и почта в стране работают отнюдь не всегда хорошо, и радио присвоило себе их функции.

Прибегают к помощи радио и политические деятели. Каждые два года предвыборная кампания захватывает все частоты, и тогда, как это водится на Филиппинах, никто не стесняется в резких выражениях. Пулитико, располагающие средствами, прибегают к радиопиратству. Появляется множество анонимных станций, о которых служба радиоконтроля ничего не знает. Содержание передач таких станций всегда одинаково: восхваляется какой-то один кандидат и поносятся остальные. После выборов эти станции бесследно исчезают из эфира, с тем чтобы вновь появиться через два года.

Из всех средств массовой коммуникации только радио может похвастаться доходчивостью. Здесь широко используют традиционные формы изложения материала: говоря о событиях национального масштаба, проводят аналогию с происходящим в деревне — так крестьянам легче понять их. Правда, при этом затушевываются различия между качественно разнородными явлениями, государственные дела воспринимаются как дела общины в расширенном варианте, что никак не соответствует реальности. Представители правящей верхушки изображаются «сильными людьми» общины — добрыми, чуткими, отзывчивыми, всегда готовыми прийти на помощь тао.

Огромной популярностью пользуется в стране кино. Филиппинцы всегда любили зрелища. В свое время испанцы жаловались, что местные жители могут днями смотреть *моро-моро* — театрализованные представления на темы борьбы христиан с мусульманами юга¹⁶, забывая о работе в поле.

В конце прошлого и первой четверти нынешнего века любимым видом театрального искусства стала *сарсуэла* — музыкальная комедия типа оперетты, в которой, в отличие от жестко регламентированной тематики *моро-моро*, отображались события повседневной жизни. В начале американского господства в сарсуэле зазвучал столь резкий протест против новых угнетателей, что коло-

---

¹⁶ В них обязательно фигурировали прекрасные мусульманские принцессы, в конце концов влюблявшиеся в христианских принцев и принимавшие католичество. Представления шли по нескольку дней, большую часть действия занимали сражения на мечах, причем условность достигала почти такой же степени, как в китайской опере. *Моро-моро* изредка можно увидеть и сегодня в самых отдаленных районах.

ниальные власти иногда запрещали постановки и упрятывали авторов и артистов в тюрьму.

Теперь кино вытеснило и моро-моро и сарсуэлу¹⁷. Филиппинцы, наверно, самые заядлые кинозрители в мире. На премьеру попасть невозможно, хотя общее число мест в кинотеатрах достигает 700 тыс. Ежегодно их посещают 381 млн. человек. По числу выпускаемых фильмов Филиппины занимают третье место в мире, уступая только Индии и Японии. Производится примерно 200 фильмов в год. Но в прокате они составляют лишь около 40% (50% фильмов — американские, остальные — европейские).

Местные режиссеры на первых порах развивали традиции сарсуэлы, в их картинах тоже выражался социальный протест, порой содержалась острая сатира на существующий строй, едко высмеивались пулитико. Однако в целом в кино господствовали любовная драма (неувядающая тема для филиппинцев) и филиппинский вариант гангстерских фильмов и вестернов. В последние пять-шесть лет произошел резкий поворот в тематике кинопроизведений, и поворот не в лучшую сторону: экран захлестнула волна порнографии. Появились так называемые бомба-фильмы (под словом «бомба» здесь понимали явление необычное, сенсационное, теперь его значение сузилось, и оно стало синонимом слова «порнография»), которые почти целиком вытеснили все другие картины, кроме гангстерских, куда, впрочем, тоже вводятся эротические сцены.

Интерес к кино не иссякает, залы никогда не пустуют. Зарубежные ленты (и местные также) показывают жизнь малопонятную для тао. Но кое-что он о ней знает. Сидя в затемненном зале, «маленький человек» волен воображать себя участником событий, происходящих на экране. Он временно избавляется от гнета обыденности и в мире грез поднимается на высоты, в реальной жизни для него недостижимые. По всей вероятности, правы те, кто утверждает, что на архипелаге кино превратилось в важнейший социальный наркотик.

Значительное развитие на Филиппинах получило телевидение — пожалуй, даже слишком значительное, если учесть общий уровень развития страны. Как и во многом

---

¹⁷ В последние годы предпринимаются попытки возродить сарсуэлу.

другом, здесь отмечается несбалансированность. Достаточно сказать, что в Маниле, где имеется 243 тыс. телевизоров, программы передаются по семи каналам (считается, что телепередачи смотрят в общей сложности 1 млн. зрителей), тогда как в Нью-Йорке, например, где около 7 млн. приемников, — по шести каналам. Строительство и содержание их обходится дорого, и вложения капиталов в данную сферу кажутся непроизводительными. В этом до известной степени проявляется стремление перещеголять индустриальные государства. Кроме того, подталкивает конкуренция: инвестиции в другие отрасли не так быстро приносят прибыль, и там уже окопались иностранные монополии. Имеет значение и разобщенность правящей верхушки: отдельные ее группы непременно хотят обзавестись своей станцией.

Телевидение, подобно прессе и радио, тоже коммерческое и существует главным образом на доходы от рекламы и продажи времени политическим деятелям. Потребность в рекламе не так уж велика, и телекомпании борются друг с другом за рекламодателей, тех не хватает, и они вынуждены вести передачи неполное время. Филиппины почти не производят собственных телевизоров, их поставляет в основном Япония. В 1969 г. только у 8% семей были телевизионные приемники, причем сосредоточены они преимущественно в городах. Деревне это средство массовой коммуникации остается недоступным. Поэтому ориентированы программы в первую очередь на городского жителя; большинство передач зарубежные, прежде всего американские. Дело в том, что местная получасовая программа стоит телестанции 1,5—2 тыс. песо, иностранные же компании продают их за 800 песо. При финансовых трудностях, которые испытывают телекомпании, иного выхода у них нет.

Несмотря на относительно высокий технический уровень (цветное изображение, например, появилось в стране еще в 1966 г., сейчас в Маниле два канала цветного телевидения), по своей действенности телевидение уступает печати и особенно радио, хотя его широко используют и в политической борьбе. Во время предвыборных кампаний пулитико не сходят с экранов. Они, как говорят филиппинцы (и американцы тоже), совершенно откровенно «продают» себя, т. е. занимаются безудержной саморекламой.

В процессе длительного общения с самой развитой капиталистической страной часть филиппинцев усвоила и позаимствовала некоторые психологические навыки — привычку выслушивать чужое мнение, привычку к полемике. Разумеется, это касается лишь незначительной прослойки, прежде всего интеллигенции. Для большинства, как отмечалось, главную роль по-прежнему играют традиционные способы связи и передачи информации. Между этими способами и современными средствами массовой коммуникации происходит сложное взаимодействие.

Музыку, песни простой тао воспринимает сам, ни у кого не спрашивая совета. Он очень привержен также к любовной драме, но едва ли у него возникает стремление подражать какому-либо персонажу, и видимого влияния такие передачи на его взгляды не оказывают. Что до новых идей и мнений, поступающих по современным каналам и адресованных ему непосредственно, то здесь дело обстоит еще хуже. Казалось бы, ничто не мешает человеку реализовать полученные идеи. На практике же возникает глухая стена: отношение к новым идеям и представлениям определяется одобрением или неодобрением «сильных людей». По радио сколько угодно могут говорить о более прогрессивном способе выращивания риса, о том, что взгляды кандидата левых сил наилучшим образом выражают интересы тао, для последнего все это остается пустым звуком, пока то же самое не скажет помещик, лидер, капитан де барио, учитель или просто сосед. Тао доверяет лишь сведениям, полученным из привычных источников, и не решится принять то, к чему склоняет его печать, радио и, в меньшей степени, телевидение.

Мир филиппинца все еще управляется традиционным социальным механизмом, и развитие средств массовой коммуникации само по себе не в силах разладить его. Более того, этот механизм берет их на вооружение и подчиняет себе. Так что едва ли следует обольщаться впечатляющими цифрами о числе газет и радиоприемников и полагать, что человек, получивший непосредственный доступ к новым воззрениям, уже освобождается от состояния зависимости.

Несомненно, роль средств массовой коммуникации на Филиппинах нельзя сводить к нулю. Она значительна, хотя едва ли ее можно назвать решающей, как то пытаются доказать многие исследователи, видящие именно в них за-

лог прогресса. Эти средства стали основным источником информации для лиц, за которыми по традиции закреплено право интерпретировать ее и право налагать на нее вето (т. е. для «сильных людей»). Через них она, пусть в тенденциозном и искаженном виде, доходит до тао и влияет на него. Современная информация и непосредственно поступает к простому человеку. Сведения, получаемые по новым каналам, хотя и корректируются старыми авторитетами, все же выводят его за узкие рамки привычных представлений барангая и приобщают к жизни нации. Какие-то культурные ценности становятся достоянием всех жителей страны.

Но связь между различными слоями, между государственными органами и гражданами (т. е. связь по вертикали), как и раньше, осуществляется почти исключительно на основе личного многоступенчатого контакта, которому филиппинцы отдают предпочтение перед любым другим. Прежняя ценностная ориентация сохраняется, а потому, несмотря на относительно высокий уровень развития средств массовой коммуникации, они играют здесь вовсе не ту роль, что, скажем, в США.

Система образования. В отличие от испанцев, которые держали народ колонии в невежестве, препятствуя долгое время даже изучению «туземцами» испанского языка, американцы с самого начала видели в просвещении важнейшее орудие своего влияния. Они не без оснований полагали, что через систему образования, построенную по их образцу, будет проще всего проводить идеологическую обработку местного населения и развивать экономику страны в желательном для США направлении.

Филиппинцы всегда испытывали почтение к учености, образование было и остается для них наиболее доступным средством повысить статус, и они с глубоким уважением относятся ко всем, кто помогает им в данной области. Удовлетворяя эту естественную тягу к просвещению, американцы помимо всего прочего добились того, что у многих жителей архипелага сложилось представление об Америке как о добром бескорыстном друге, заботящемся о менее удачливом младшем партнере. Только в последние годы филиппинцы начали подсчитывать прибыли и убытки, и оказалось, что за знания, полученные от колонизаторов, пришлось уплатить дорогой ценой — в первую очередь если не потерей, то значительным ослаблением

чувства национального самосознания тех общественных слоев, которые переориентировались на американские культурные ценности.

У части населения выработалось то, что в стране принято называть «колониальным мышлением». Под ним подразумевается отношение к США как к «старшему брату»; и это не просто риторическая фигура уподобления, а реальность с важными практическими последствиями. По местным понятиям, старший брат — непререкаемый авторитет, и на него следует полагаться не только в трудную минуту, но и во всех случаях жизни. В этих кругах выработалась привычка считать все американское — и в материальной и в духовной сфере — самым лучшим, привычка к зависимости и неверие в собственные силы.

Немалую роль в этом сыграло распространение английского языка, что облегчалось языковой раздробленностью¹⁸. Сейчас в больших городах часто слышится английская речь. Некоторые местные жители не без гордости говорят, что Филиппины — третья в мире (после США и Англии) англоязычная страна. По данным переписи, английским владеют 39,5% населения, но к этой цифре надо подходить осторожно. Знание английского языка — вопрос престижа, с ним часто связаны определенные льготы, оно облегчает трудоустройство. Естественно, что при переписи всякий, кто способен сказать хотя бы *good morning*, указывает, что владеет им.

Прожить в стране со знанием только английского языка можно далеко не везде. Как сказал мой профессор в университете, «с тагальским я буду понят почти повсюду на Филиппинах. Но если бы я попробовал обойтись только английским, боюсь, мне пришлось бы голодать, а кое-где меня, пожалуй, побили бы камнями». Путь к сердцу филиппинца лежит через его язык, и своим считают лишь того, кто знает *пилипино*, т. е. тагальский, обогащенный заимствованиями из других местных языков (в настоящее время им владеют 48% населения). Я говорил по-тагальски и на севере Лусона, заселенном илоканцами, и на центральных Висайских островах, где живут висаянцы,

---

¹⁸ В стране говорят на 135 языках и диалектах, из которых главными считаются восемь (тагальский является родным для 20% населения, сугбуанон — для 22,3, хилигайнон — для 12,3, илоканский — для 12,2%).

и на многоязыком Минданао, самом южном острове архипелага. И всегда филиппинцы, даже нетагалы, выражали удовлетворение по поводу того, что иностранец владеет *их* языком. Они так и говорили: «Вы знаете *наш* язык».

При встрече два филиппинца-нетагала сначала пробуют свои силы в английском, но уже через две-три минуты обязательно переходят на тагальский (с вкраплениями из английского), потому что он по своему строю и словарю несравненно ближе к их родным языкам. Его употребляют в качестве языка внутрисемейного общения: если, например, муж — илоканец, а жена — висаянка, то между собой они говорят на тагальском, их дети же только его и знают.

Вообще молодое поколение все меньше и меньше употребляет английской. Многие студенты Филиппинского университета, с которыми я учился, с трудом изъяснялись на нем. И все же позиции английского еще прочны, и это имеет не только негативное значение: через него филиппинцы получают непосредственный доступ к мировой культуре. На английском языке созданы и продолжают создаваться крупнейшие произведения национальной литературы, и, видимо, английская речь еще долго будет звучать на островах.

В школах, которые открыли здесь американцы, первоначально преподавали солдаты оккупационной армии. (И сейчас еще на Филиппинах можно увидеть настенные календари с изображением американского солдата в форме конца прошлого века с малышом на коленях и с открытой книжкой в руках.) Вообще же вначале местные дети, да и взрослые тоже, боялись «больших краснолицых *американо*», и тем стоило немалого труда расположить их к себе. В 1900 г. на транспорте «Томас» прибыли около 600 учителей — их и поныне вспоминают как «томаситов» — и разъехались по всем островам. Их субъективные устремления едва ли вызывают сомнения, в основном это были люди с твердыми религиозными убеждениями, полагавшие, что осуществляют благородную миссию: несут отсталому народу знания, приобщают его к демократии и высшей культуре, носителями которой они себя считали. Объективно же их деятельность и деятельность их преемников имела для филиппинцев скорее отрицательные последствия — к американской культуре

они сколько-нибудь прочно не приобщились, но в собственной многие забыли.

Молодые филиппинцы, в свою очередь, направлялись за знаниями в США, их посылали туда за государственный счет и называли поэтому *пенсионадо* — «пенсионеры». По возвращении на родину многие из них получали высокие посты и нередко становились надежным орудием колониальной политики.

На первый взгляд достижения филиппинцев в области просвещения кажутся немалыми — декларировано всеобщее и равное образование. По уровню грамотности страна занимает второе место в Азии (80% населения умеют читать и писать), уступая только Японии (98%). В 1971 г. 9 млн. жителей из 38 млн. были учащимися. Практически в каждом из 32 339 бариио есть школа (часто просто навес, но в тропиках и этого достаточно). Особенно поражают цифры, характеризующие высшее образование. В стране действует 631 колледж и университет, а число студентов превышает аналогичные показатели для ряда европейских государств (на Филиппинах один студент приходится на 106 человек, в Дании, например, — на 287). Западные социологи, рассматривая проблему модернизации традиционного общества, иногда утверждают, что развитие системы просвещения служит решающим фактором в этом процессе и ведет к изменениям во всех прочих сферах жизни. Практика Филиппин лишний раз доказывает, что при сохранении отсталых социально-экономических отношений никакие успехи в области образования сами по себе не в силах обеспечить прогресс.

Впрочем, при ближайшем рассмотрении успехи эти в значительной мере оказываются иллюзорными. Тщательный анализ цифр свидетельствует, что не все обстоит благополучно даже с количественными показателями. Прежде всего, в филиппинской школе очень велик отсев. Сорок пять процентов учащихся начальных школ не могут продолжать учебу из-за материальных затруднений в семье: родителям нечем платить за учебники, не хватает денег на одежду, обувь. (При чувствительности филиппинцев они скорее предпочтут оставить детей дома, чем отправить в школу не в должном виде.) На сегодняшний день 65% населения страны имеют образование только в объеме трех-четырех классов, среднюю школу оканчивают всего 14,4% детей в городах и только 3,2% в сельской

местности. Образование, таким образом, далеко не всеобщее.

Не является оно и равным. Существуют привилегированные частные учебные заведения (такие, как иезуитский Атенео, Университет св. Фомы, основанный еще в 1611 г.), стоимость обучения в которых делает их недоступными для подавляющего большинства населения. Их выпускники получают несравненно лучшее образование, и перед ними открываются более широкие перспективы. Девяносто пять процентов студентов посещают частные колледжи и университеты — такого, наверно, нет ни в одной стране мира. Вузы фактически представляют собой коммерческие предприятия, работающие ради прибыли. Привилегированные учебные заведения получают ее, устанавливая высокую плату, что позволяет поддерживать качество преподавания на достаточно высоком уровне. Большинство же достигает прибыльности, бесконечно увеличивая число учащихся (частный Университет Дальнего Востока насчитывает, например, 60 тыс. студентов — поразительная цифра!). Фактически они превратились в «мельницы дипломов» (так их называют на Филиппинах). Для поступления в них не требуется ни экзаменов, ни документов. Возможно, этим объясняется одно странное явление: по всем статистическим данным, число студентов превышает число учащихся старших четырех классов средних школ (20,9% и 15% соответственно), видимо, в колледж или университет поступают лица, не получившие среднего образования. Диплом об окончании колледжа дает гораздо больше, чем аттестат об окончании средней школы, поэтому сразу стараются добыть его.

Система подготовки кадров высшей квалификации никоим образом не отвечает реальным потребностям страны. Самой привлекательной, как уже указывалось, считается профессия юриста. На Филиппинах один студент юридического колледжа приходится на 1976 человек населения, тогда как в США — на 4485. Инженеров выпускается в 40 раз меньше, чем юристов. Не вызывает сомнения и факт перепроизводства учителей: на каждое вакантное место претендуют от 10 до 15 человек.

Если принять во внимание качество филиппинской системы образования, то картина будет еще более удручающей. Одной из серьезных проблем является проблема языка. Обучение в основном ведется на английском,

что затрудняет усвоение материала. На это жалуются преподаватели всех уровней. Английский неизбежно подвергается влиянию местных языков, и учащиеся просто строят предложения из английских слов по правилам родного синтаксиса¹⁹.

Методика преподавания не соответствует характеру филиппинцев. Учащиеся боятся отвечать на вопрос учителя: ведь тут легко ошибиться, попасть в неловкое положение, стать объектом насмешки. Лучше всего затеряться в классе и не лезть вперед. Учителю по три-четыре раза приходится вызывать ученика, прежде чем тот соберется с духом и решится встать. Везде, в том числе и в колледжах, преобладают письменные виды работ, которые обычно списываются до запятой, устные же ответы представляют собой дословное воспроизведение текста. Учащиеся не привыкли высказывать свое мнение ни по существенным, ни по маловажным вопросам. Даже в университете профессора вынуждены приноравливаться к этому — они просто диктуют материал целых разделов курса (потом он будет вызубрен). Возражение со стороны слушателей, спор и даже просьба развить то или иное положение — вещи просто немыслимые (как я мог убедиться, для обеих сторон — и для студентов и для преподавателей). Позимствованные из США «объективные методы оценки» не требуют умения рассуждать, и ответ часто сводится к угадыванию (заполнить пропуски, указать, верно или неверно то или иное утверждение, выбрать из ряда возможных правильное и т. д. — все это, может быть, и полезно, но не предполагает в учащихся способности самостоятельно мыслить).

Студент производит впечатление потерянного. Он сам выбирает учебные дисциплины из числа предложенных и потому каждый предмет изучает в разных группах, так что ни о каком коллективе в этих условиях говорить не приходится. Подобная система, возможно, неплоха для американцев, но для филиппинцев она явно не годится, так как исключает чувство локтя, столь нужное им.

Содержание обучения во многом объясняет апатию и инертность обучаемых и обучающихся. Школа дает знания

---

¹⁹ Это делает английский язык филиппинцев весьма специфичным, малопонятным для американцев, называющих его «бамбуковым английским».

не столько о родной стране, сколько о США. Филиппинские учащиеся лучше знают Франклина, чем Рисаля, события войны за независимость в США, чем события филиппинской революции 1896—1898 гг., и чаще рассуждают о пшенице, чем о рисе. Пресса сообщает, что кое-где в отдаленных барио на ежедневной обязательной церемонии подъема флага в школах до сих пор поднимают американский звездно-полосатый флаг вместо филиппинского. Американизированная правящая верхушка, контролирующая систему образования, стремится через нее проводить свое влияние, что совпадает с целями неокolonизаторов. Видный историк Эрнандо Абайя так охарактеризовал сущность филиппинской системы просвещения: «В своей основе иностранное господство покоится на том, что угнетенному населению с помощью „соответствующего“ обучения привиты чуждые ему ценности, внушено представление о закономерности того, что над ним властвуют, что его эксплуатируют. Поэтому американцы для закрепления своего господства с самого начала стали заботиться о создании соответствующей системы образования. Мышление и вся культура угнетенных и эксплуатируемых людей должны были так измениться, чтобы они почитали свои отношения с Соединенными Штатами за высшее благо, а утрату таковых — за большое несчастье. Постепенно с помощью специальной системы образования филиппинцев научили принимать эксплуатацию за помощь, угнетение — за свободу, а иностранный диктат — за гарантию национальной безопасности. Воспитанные в этом духе люди принимают американские интересы за продолжение своих собственных и защищают их в ущерб истинным нуждам своей страны».

Национальная школа является филиппинской только по названию. По содержанию и методам обучения она американская и потому воспринимается как нечто чуждое, не имеющее касательства к жизненной практике. Школа всегда служит важным инструментом социализации, включения личности в общество. Здесь же этот инструмент резко противоречит другим, прежде всего семье. Ценности, которым учит местная школа суть ценности развитого капиталистического общества. В ней говорят о гражданском долге, пропагандируют культ личного успеха, пытаются привить уважение к труду, утверждая (в соответствии с протестантской этикой), что только так

человек может добиться успеха. Для филиппинцев же важен не гражданский, а «внутренний долг», преуспевание немислимо без помощи «сильных людей» и лишь связи с ними открывают «путь наверх».

Все в роде бы относятся с глубоким уважением к тому, чему учит школа и в то же время внутренне не принимают ее установок: о них, как и о религии, охотно говорят, но им не следуют. Человек с пафосом рассуждает о гражданских добродетелях, однако жизнь не требует их проявления. Необходимо и достаточно признавать лишь принципы утанг на лооб, хийа и пакикисама, т. е. добродетели не гражданина — члена общества, а человека — члена родового коллектива.

Все это неизбежно отражается на положении учителя. Он пользуется почти таким же уважением, как священник, но, подобно ему, не может похвастать особой результативностью своих трудов. Тао прислушивается к его советам, однако не позволяет ему войти в свой внутренний мир. Учитель учит тому, «чего в жизни не бывает», — такова уж его обязанность. Опыт резко расходится с тем, что написано в книгах.

Наибольшему воздействию американской культурной традиции подвергается филиппинская интеллигенция — конечный продукт принятой системы просвещения. Это особенно справедливо по отношению к той ее части, которая получает образование в США. Молодой человек волей-неволей усваивает новые взгляды, новые идеи, новые нормы поведения. Окончив обучение и начав практическую работу, он вдруг обнаруживает, что между его новыми устремлениями и филиппинской реальностью существует разрыв, который нечем заполнить.

Простой тао выучивает немного и не задумывается над противоречием между «сущим и должным». Интеллигенция же ощущает это противоречие в полной мере, что ставит ее в чрезвычайно сложное, можно даже сказать трагическое, положение. Она признает, с одной стороны, традиционные ценности, посредством которых филиппинцы с незапамятных времен осмысливали свое существование, с другой — ценности западной культуры, прежде всего достижения в области науки и техники, и страстно желает, чтобы они стали достоянием народа. Однако обе эти системы ценностей во многом не согласуются, установки, по которым интеллигенция ориентирует

свое поведение, из-за их разнородности сталкиваются, порождая внутреннюю напряженность, конфликт. Интеллектуальные построения, которыми она пытается оправдать свое существование, рушатся при первом же соприкосновении с действительностью. Она не знает, к чему «приписаться»: на родине ее воззрения отвергаются, чуждыми они остаются и для представителей американской культуры.

Тема трагизма интеллигенции проходит через всю современную художественную литературу. Типичный герой многих произведений — молодой человек, вернувшийся из американского колледжа и преисполненный самых радужных надежд. При соприкосновении с действительностью эти надежды рушатся, и он либо отказывается от «американского наследства», либо, будучи не в силах вынести противоречия между идеалом и реальностью, кончает жизнь самоубийством.

Отторжение от родной среды, разрыв с практической деятельностью, психологией коллектива, в котором все прочно связаны, переживается крайне тяжело. Если раньше почти вся жизнь человека регламентировалась господствующими верованиями и обычаями (индивидуальные представления, конечно, есть и в родовом коллективе, но там они играют ничтожную роль сравнительно с коллективными), то теперь привычные ориентиры исчезают, он вдруг обнаруживает пустоту и испытывает горькое чувство потерянности. В подобном положении он готов ухватиться за что угодно, лишь бы вновь обрести себя — лучше всего за такие идеи, которые с порога отметают его прежнее существование, снимают с него бремя мучительных поисков и указывают ему «врага». Этим, как представляется, до известной степени можно объяснить притягательность маоцедуновских идей для части местной интеллигенции. Не случайно пропекинские раскольники имеют влияние прежде всего на учащуюся молодежь и образованные слои.

Если в развитых капиталистических государствах мелкий буржуа, исторгнутый из общества, впадает в отчаяние и готов прибегнуть к самым радикальным средствам, предлагаемым «сверхреволюционными теориями», то в развивающейся стране, подобной Филиппинам, отчаяние человека, исторгнутого из среды людей с общинной психологией, еще более велико. Он становится легкой

добычей тех, кто, не апеллируя к разуму, обращается к эмоциям и зовет к «решительным действиям», направленным на «немедленное разрушение существующего порядка». Есть ли в данное время условия для таких действий, могут ли они дать сколько-нибудь положительный результат, не приведут ли к ухудшению положения тех самых масс, от имени которых выступают эти люди, — даже постановка подобных вопросов воспринимается как отклонение от «революционного поведения».

«Главное — действовать» — так объяснял мне один промаоистский молодежный «вождь» в студенческой столовой Филиппинского университета. На вопрос, почему же так мало делается для привлечения масс — ведь в конце концов буржуазная демократия, пусть ограниченная, создает условия для этого, последовал ответ: «Наши действия и есть лучшая агитация. Главное — вызвать беспорядки, вооруженное столкновение. Чем хуже положение народа — тем лучше, тем скорее он поднимется на борьбу. И если даже мы погибнем на баррикадах, все равно найдутся люди, которые сумеют использовать взрывчатую ситуацию, созданную нами».

Надо быть совершенно неосведомленным о ситуации в стране, чтобы рассуждать подобным образом. Тактика «левых» экстремистов отталкивает массы. Многие филиппинские труженики еще опутаны родовыми и феодальными пережитками, и требуется серьезная политическая работа, чтобы они осознали свою силу и свое место в обществе. Эту работу в чрезвычайно сложной обстановке неустанно ведет Коммунистическая партия Филиппин.

Что касается того, что «найдутся люди», то они и вправду находятся, но только в крайнем правом лагере. Амбициозные пулитико предоставляют маоистам средства и даже оружие, рассчитывая использовать «взрывчатую ситуацию» для достижения своих корыстных целей. И пропекинские раскольники отнюдь не гнушаются сотрудничеством с откровенными реакционерами — тому есть достаточно документальных подтверждений.

В этнографии для характеристики индивида, стоящего на рубеже двух культур, существует понятие «маргинальная личность». При благоприятных условиях, утверждают этнографы, через таких людей идет взаимообогащение культур. Но это при благоприятных условиях, кото-

рые в принципе возможны при высшем типе социально-экономических отношений. Для филиппинского же интеллигента маргинальный статус оборачивается тяжелым бременем. Нередко он оказывается перед необходимостью отвергнуть какую-то из систем ценностей. Сам выбор небогат: отказаться от западной культуры (что выражается в уже упоминавшемся странном призыве «убить западного отца»; нельзя же зачеркнуть 400 лет филиппинской истории) или от национальной традиции. В последнем случае горечь сменяется презрением к своему народу и человек начинает говорить о соотечественниках в насмешливом и издевательском тоне. Во время пребывания в стране мне не раз и не два приходилось встречать образованных филиппинцев, которые отзывались о своем народе как о нации ни к чему не способных ленивцев и глупцов. Эти люди на все смотрят глазами американцев, причем далеко не лучших американцев. Нередко свои беды они выдают за всеобщие, и тогда появляются рассуждения о шизофреническом характере филиппинцев, их невротической нерешительности и т. д.

Чаще же всего представители интеллигенции не делают никакого выбора, они носят с собой свою раздвоенность, и это отражается на их психике, поведении, взглядах. (Как точно подметил один советский турист, побывавший на архипелаге, «у местных интеллигентов какая-то виноватая улыбка».)

Лишенная связи с народом, часть интеллигенции вливается в собственный сок, она и рада бы служить своей стране, но у нее не получается. Так в эпоху, когда интеллектуальный потенциал нации приобретает огромное и все возрастающее значение, ее интеллектуальные силы оказываются отчужденными. Это, пожалуй, самый серьезный ущерб, который колониализм нанес духовной жизни страны.

Сейчас ущерб наносится и другим, более прямым способом — речь идет об «утечке мозгов». По американским иммиграционным законам, принятым в 1965 г., преимущества на въезд получают лица, обладающие квалификацией. Как выразился один английский ученый, дискриминация по расовому признаку сменилась дискриминацией по признаку квалификации. Принятие этих законов немедленно сказалось в бывшей колонии: если в 1965 г. всего 90 филиппинцев с высшим образованием получили

американское гражданство и выехали в США, то в 1967 г. — уже 1066, а в 1968 г. 19 369 человек оформляли документы на выезд. Около 7% выпускников колледжей эмигрируют в Соединенные Штаты — как правило, самая талантливая часть молодежи.

Наибольший процент среди эмигрантов составляют врачи и медсестры, которые, кстати сказать, завоевали репутацию одних из лучших в мире. То, что говорилось об общем невысоком уровне подготовки специалистов, никак не распространяется на врачей. Создается впечатление, что у филиппинцев есть какая-то врожденная склонность к занятиям медициной, не последнюю роль, видимо, играет их природная мягкость и чуткость. К некоторым врачам на архипелаг приезжают больные из многих других государств. В США четверть практикующих врачей-иностранцев являются филиппинцами; филиппинские медики в Канаде и Западной Германии исчисляются тысячами. В то же время в Маниле один врач приходится на 670 человек, а в провинции — на 4779. Поэтому неубедительно звучат аргументы, призванные оправдать эмиграцию специалистов. Рассуждают о нехватке вакансий или о том, что уехавшие, посылая денежные переводы своим родственникам (святая обязанность филиппинцев), способствуют накоплению твердой валюты в стране. В какой-то степени «утечка мозгов» объясняется культурной ориентацией выпускников колледжей. Не случайно из пяти филиппинцев, обучающихся за границей, только трое возвращаются на родину.

Духовная разобщенность интеллигенции и оторванность ее от народа постепенно преодолеваются, но на этом пути возникает множество сложностей. Филиппинская культура, имеющая три источника, до сих пор не стабилизировалась — сказываются центробежные тенденции. В трудах местных писателей, философов, историков, социологов неизбежно всплывают роковые вопросы: «Кто такие филиппинцы?», «Что такое филиппинская культура?». И это не риторические вопросы, а желание разобраться в жгучих проблемах, неизбежно встающих перед каждым мыслящим человеком.

Окончательный ответ даст история, поскольку процесс слияния столь разнородных элементов все еще далек от завершения, и трудно предугадать, что будет отброшено, а что оставлено. Так или иначе, дело отнюдь не об-

легчается тем, что интеллигенция, по своему положению призванная осмысливать и в какой-то степени направлять его, сама лишена внутреннего единства и оторвана от своих корней. Не вызывает сомнения, что в этом повинна навязанная колонизаторами система образования, которая и сегодня, через четверть века после предоставления независимости, служит инструментом неокOLONиальной политики. Это все отчетливее начинают понимать в стране, о чем свидетельствует, например, программный документ организации «Движение за развитие национализма»²⁰. В нем говорится: «Экономическая отсталость Филиппин усугубляется господством колониальной культуры, в результате чего не только распространяется миф об американском бескорыстии, но и порождается образ мыслей, когда все иностранное считается лучше филиппинского. Еще до подавления революции 1896 г., а особенно после него, американцы поняли, что нужно отвлечь внимание филиппинцев от революционной борьбы. Основным средством, с помощью которого они старались направить развитие филиппинского духа в нужное им русло, явилась система образования — мягкий, но надежный инструмент порабощения. Иллюстративные материалы, капитулянтские и прозападные элементы были включены в новую колониальную структуру и стали опорой режима.

Для филиппинцев, учившихся по новой системе, борьба против колонизаторов отходила на задний план. По мере того как все большее их число усваивало идеи и ценности колониальной державы, становилось все более очевидным, что деятельность американцев в области просвещения преследует политические цели.

На сегодняшних Филиппинах идеи, ценности и взгляды, составляющие основу колониального мышления, служат сохранению статус-кво, поскольку они способствуют распространению идеалистических социально-политических воззрений, игнорирующих грабительский характер существующего строя. Культурная система несет в себе острые противоречия: достижения науки соседствуют с предрассудками, самый откровенный индивидуализм — с забитостью и покорностью...

---

²⁰ «Движение», объединившее многие организации и весьма активизировавшееся в 1968—1969 гг., затем пошло на убыль — судьба многих начинаний на Филиппинах.

Появление декадентских и атаквистических направлений в искусстве, которые на первый взгляд воспринимаются как протест против господствующей культуры, служит показателем ее банкротства...

Националистическое движение должно, следовательно, объяснять народу, что авангардистское направление, равно как и направление, зовущее назад, отвлекают внимание трудящихся, и показывать, что подлинно живая и динамичная культура может развиваться только после решения основных проблем, стоящих перед страной.

Господствующие в филиппинском обществе ценности распространяются с помощью английского языка. Использование его в качестве языка обучения облегчает американское культурное засилье... В настоящее время система образования в нашей стране служит целям американской политики. Надо, однако, отметить, что колониальное мышление распространяется также с помощью фильмов, книг, журналов и газет на Филиппины и других местных языках...

Главная задача националистического движения в области культуры — освободить филиппинский дух от колониальных оков и овладеть средствами достижения полной независимости».

Если отбросить упоминания о мистическом «филиппинском духе», то с этой оценкой положения в области культуры в какой-то мере можно согласиться.

* * *

«Американское наследие» на Филиппинах все еще живо, причем внешне заявляет о себе гораздо громче, чем испанское. Собственно, говорить приходится не о следах пребывания американцев, а о самом их пребывании. В Манильском порту стоят на рейде военные корабли под звездно-полосатым флагом, во многих городах полно американских солдат и моряков, на центральных улицах красуются вывески отделений американских фирм, да и сами улицы нередко спланированы американцами, и примечательные здания построены ими же (самое высокое здание Манилы двадцатидвухэтажный отель «Хилтон»).

Филиппины недаром называют «витриной США» в Азии. Реклама настойчиво пропагандирует американские товары, и к ним привыкли в самых глухих уголках (даже в отдаленном барио кто-нибудь обязательно торгует ко-

ка-колой). Предметом гордости для ряда филиппинцев является обладание именно американскими вещами (финансовый магнат, глядя на свои часы, не преминет заметить, что именно такие часы носят сейчас на Уолл-стрите). Подражание американским образцам не знает границ. Здесь любят говорить: «Все, что есть в США, есть и на Филиппинах». И это не просто слова. Стóит в Америке появиться новому веянию — в музыке, танцах, пении или даже в манере поведения и способе времяпрепровождения, — как тут же возникает его филиппинское подобие. Об известном певце не скажут просто, что он г-н такой-то — нет, обязательно добавят, что это «Фрэнк Синатра Филиппин» или что-либо в том же роде — для популярности. Некоторые горожане усвоили манеру держаться «по-американски» — похлопывают собеседника по плечу, громко смеются, ведут себя довольно бесцеремонно, что никак не вяжется с традиционными представлениями о приличиях.

Словом, все атрибуты американского образа жизни налицо. Турист из США, приехавший на Филиппины на короткое время, обнаружит вокруг знакомые предметы, обслуживание покажется ему типично американским, люди, с которыми он столкнется, будут излагать привычные идеи, причем на его родном языке, и он уедет домой в приятной уверенности, что американизация страны вполне удалась. Но если тот же турист задержится подольше, он сможет увидеть антиамериканскую демонстрацию у посольства США, из газет он узнает, что филиппинцы вовсе не выражают восторга зависимостью от «старшего партнера», в общении с людьми за внешней откровенностью и дружелюбием скоро научится распознавать отчуждение и холодность.

Американцы-старожилы настроены далеко не восторженно и оценивают итоги американизации довольно пессимистично. Живут они замкнуто и мало общаются с местным населением, для которого остаются колонизаторами. Они уже давно установили горькую истину: «туземцы» не испытывают к ним симпатий. Если же к янки выказывают благорасположение, то не столько ради него самого, сколько ради его долларов. В глаза его называют Джо (так филиппинцы именуют всех американцев мужского пола), и это звучит дружески и фамильярно, но за глаза его называют *кано* (усеченная форма

от испанского *американо*), и это имеет оскорбительный оттенок. Теперь его могут назвать так и в лицо. Американцы, даже расположенные к филиппинцам, все же кажутся последним слишком бесцеремонными. Когда подобным образом ведет себя соотечественник, его прощают, ибо понимают, что он играет навязанную ему роль и что среди своих он поведет себя совсем иначе: будет сдержанным, вежливым, постарается не задеть других и даже есть предпочтет руками, а не при помощи ножа и вилки. Роль сыграна, но это не значит, что она нравится исполнителю.

Влияние США проявлялось главным образом в сфере государства и права. Особенно сильным оно было в годы колониального режима, но после предоставления независимости начался все ускоряющийся процесс «филиппинизации». В связи с этим здесь все чаще задают тревожные вопросы: удалось ли США привить жителям далекого архипелага свои идеалы? Какова вообще судьба американского наследия на Филиппинах? И что будет дальше? Ответ может дать только будущее. Пока несомненно одно: американское пребывание не пройдет бесследно, хотя американцы не проникли в душу филиппинцев так глубоко, как испанцы; у них было меньше времени (правда, больше средств), к тому же главные усилия они прилагали к той области, которая не в такой степени, как религия, затрагивает повседневную жизнь и поведение людей. К католицизму, пустившему на архипелаге глубокие корни и продолжающему оказывать огромное воздействие на духовную сферу, филиппинцы приросли, и расстаться с ним им было бы труднее, чем с принесенными из США идеалами. Можно полагать, что простой тао довольно безразлично воспринял бы исчезновение многих буржуазно-демократических институтов, но он едва ли согласится отказаться от религиозных праздников и шествий. Неважно, что в религии видит он не то, что требуют от него богословы, — сила веры измеряется привязанностью к ней верующих, а не знанием доктрины.

Разрыв между буржуазно-демократическими принципами и филиппинской действительностью все углубляется. Это приводит многих наблюдателей к выводу о том, что на Филиппинах разыгрывается комедия, что все государственное устройство, вся политическая жизнь — не более чем карикатура на американский оригинал. Пред-

ставляется, однако, что в происходящем здесь гораздо больше трагических черт. Колониализм нанес стране тяжелую травму и то, что мы видим на Филиппинах, — это не театральная маска, а лицо, искаженное подлинным страданием.

ТРУДНОСТИ ПЕРЕХОДА

Почти четыре века господства испанских и американских завоевателей многое изменили в жизни страны, но изменения эти коснулись преимущественно надстройки — государственного устройства, идеологии и религии, юридических норм и политической организации общества. Производственные отношения трансформировались не столь уж существенно. «Пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его „естественным повелителям“», еще не разорваны.

Конечно, за 400 лет отношения между «сильными» и «маленькими» людьми эволюционировали, но их эксплуататорская, в основе своей феодальная, сущность осталась. Эти отношения (то, что называется «внеэкономическим принуждением») были перенесены в новые сферы, которые, казалось бы, их исключают, — в область отношений между трудом и капиталом на современном капиталистическом предприятии, между выборным должностным лицом и избирателем и т. д.

После получения политической независимости размышление родовых и феодальных связей происходит значительно активнее. Ускорение вызывается капиталистическим развитием. Аграрное общество уходит в прошлое, на смену ему идет индустриальное. Этот процесс, который в Европе занял около 500 лет и сопровождался колоссальными потрясениями, в развивающихся странах совершается гораздо быстрее. Коренной ломке подвергаются социальные институты, взгляды, разделяемые членами общества, их психология. Порой ломка начинается еще до того, как созданы новые институты и ценности, что тяжело сказывается и на отдельном человеке, и на обществе в целом. Часть его живет по-новому — в мире, где устанавливается бóльший контроль над окружением, часть живет по-старому — в мире, где сохраняются древние верования, где человек почти полностью зависит от природы.

На Филиппинах ломка совершается особенно болезненно, хотя это, быть может, не так уж бросается в глаза. Кажется, что жизнь течет однообразно и спокойно. Со стороны тагальские барио выглядят очаровательно. Легкие изящные хижины на сваях прячутся в негустой тени стройных пальм. Возле них бродят куры и свиньи — от всего веет покоем, умиротворенностью и безмятежностью. В таких деревнях жизнь представляется райской, как ей и положено быть на сказочных островах южных морей. По утрам селян будят петухи и собаки, богомольные католики по усыпанным коралловым гравием дорожкам спешат к утренней мессе, потом мужчины отправляются в поле, а женщины — к ручью с бельем. За стиркой обмениваются новостями, слухами, сплетнями, перебивают косточки знакомым. Вечером мужчины, вернувшись с поля, обедают, узнают от жен новости, затем собираются возле единственной в деревне лавочки сари-сари, попивают пиво или пальмовое вино и, в свою очередь, обсуждают последние события.

У других народностей обычаи несколько иные: висаянец, например, устав от праведных трудов, предпочитает лежать на циновке с гитарой на животе и, лениво перебирая струны, пересказывать в бесконечной песне то, что видел и слышал в течение дня. Но в любой филиппинской деревне ничто, кажется, не в силах изменить раз и навсегда заведенный порядок, ничто не в силах нарушить идиллию.

Однако, когда поживешь там подольше, увидишь, что идиллического здесь мало. Вода почти не пригодна для питья, отсутствуют элементарные удобства (в 95% деревенских домов нет мусорных ящиков, в 80% — туалетов, в остальных они построены по требованию санитарных властей, но крестьяне ими, увы, не пользуются), все жители страдают кишечными заболеваниями. И не мудрено: отходы сваливаются около хижин, при тропической жаре быстро гниют, а мириады мух и ящериц разносят заразу. У половины детей животы раздуты от шистоматоза.

Безмятежная на первый взгляд жизнь крестьян полна трудов, забот, тревог и волнений: у одного пал буйвол, полученный от помещика, и теперь встал вопрос об уплате (сумма будет, скорее всего, такой, что и сыну крестьянина не расплатиться), другому помещик пригрозил от-

казом в продлении аренды, третий в связи со свадьбой сына занял денег под колоссальные проценты, и долг, не исключено, будет выплачивать несколько поколений.

В городе вроде бы все не так — здесь современные улицы с нескончаемым потоком машин, роскошные магазины, в конторах фирм — кондиционированный воздух. Однако и города подвержены тем же напастям, что и деревни. Во время наводнений их часто затопляет (случается, что даже к президентскому дворцу, Малаканьянгу, можно добраться только по пояс в воде), а между тем питьевой воды в них не хватает, улицы полны машин, но общественный транспорт явно не справляется с потоком пассажиров (попасть в нужное место в Маниле не менее, а может быть и более, трудно, чем в сельской местности), целые районы представляют собой огромные пустыри, и вместе с тем сотни тысяч людей ютятся в трущобах, страдают от ужасной скученности и от тех же болезней, что крестьяне. Горожанин не застрахован даже от укуса змеи (летом 1972 г., во время страшного наводнения на Центральном Лусоне, в столице неизвестно откуда выползло множество змей и были жертвы).

Города, в первую очередь столица, являются центрами притяжения населения. В 60-х годах половину манильцев составляли не коренные горожане, а выходцы из сельской местности. Живут они здесь в общем так же, как привыкли жить в деревне. Широко распространенное мнение о том, что город резко меняет уклад жизни, лишь частично подтверждается филиппинской действительностью. В трущобах быстро образуются группы людей, связанных взаимными обязательствами: одалживают друг у друга, заботятся о больных и престарелых, присматривают за соседскими детьми, устраивают фиесты и религиозные процессии. Размер семьи тоже обычно не меняется. Утверждение, согласно которому в городе отмечается тенденция к сокращению числа детей, опровергается манильским опытом.

Большая рождаемость плюс непрекращающийся приток сельских жителей ведет к катастрофически быстрому росту населения трущоб: если в Маниле в целом прирост составляет 4% в год, то в трущобах — 12%. Эти люди, не имеющие, как правило, никакой квалификации, увеличивают и без того огромную армию безработных. Тем не менее они и слышать не хотят о возвращении в провин-

цию, потому что там еще меньше шансов сносно устроиться.

Характер отношений между людьми в городе меняется, но не столь уж существенно: прежние традиционные связи не исчезают, а лишь ослабляются и трансформируются. Процесс урбанизации, о котором много пишут и говорят на Филиппинах, ведет к усложнению социальных проблем, потому что модернизация (урбанизация—ее составная часть) является капиталистической модернизацией, а ей присуща безжалостность и невнимание к судьбе человека. Вчерашние крестьяне в городе оказываются «морально безоружными», они стараются вести себя так же, как и в деревне, поскольку у них нет иного опыта, но в новых условиях их поведение выглядит неадекватным и нелогичным, даже смешным и глупым.

Вообще на пути модернизации встает множество препятствий как социально-экономического, так и психологического плана. Она сдерживается прежде всего отсталыми формами землевладения и землепользования. Уже отмечалось, что арендатор вовсе не заинтересован в применении передовых методов ведения хозяйства: элементарная осторожность и здравый (с его точки зрения) расчет подсказывают ему, что плоды нововведения, сопряженных с дополнительным вложением труда и капитала, достанутся не ему, а помещику. Как говорят тагалы, «я сажаю рис, я его собираю, я его варю, а ест другой». Главная забота крестьянина заключается не в том, чтобы улучшить свое положение, а в том, чтобы сохранить его.

Правительственные органы на Филиппинах проводят довольно широкую кампанию по программе «коммунального развития», т. е. внедрения новых методов ведения хозяйства. Чиновники, осуществляющие кампанию, в один голос жалуются на малый интерес жителей сельских районов к этим проектам. Мне приходилось беседовать со многими из них, и все отмечают, что им никак не удастся убедить крестьян в пользе даже тех мероприятий, которые сулят несомненную материальную выгоду. Забитый тао просто не ощущает в них нужды. Реальные потребности (т. е. потребности, оцениваемые с какой-то универсальной, не общинной точки зрения), по утверждению социологов, не превращаются в осознаваемые. Нередко высказывалось мнение, что виной всему праздность и лень

крестьян. На подобные обвинения в свое время убедительно ответил Хосе Рисаль: «Надо признать, что праздность действительно и безусловно существует на Филиппинах. Но, вместо того чтобы считать ее причиной всех наших бед и отсталости, мы рассматриваем праздность как их следствие, содействующее усугублению тяжелого положения наших соотечественников.

Что же странного, если в сознании жителей Филиппин укоренилось... представление о бессмысленности какой-либо деятельности? Ведь они не знали, — среди стольких бедствий, — увидят ли они, как прорастут брошенные ими в землю семена, боялись, что собственное поле станет для них могилой, а выращенный урожай — пищей для палача, который их казнит...

Человек трудится ради определенной цели. Отнимите у него эту цель — и у него опустятся руки. Самый деятельный человек в мире оставит работу в ту минуту, когда поймет, что напрасно истязать себя — безумие, что труд может стать для него причиной бедствия... По-видимому, подобные мысли никогда не приходили в голову тем, кто много кричит о праздности филиппинцев...

Туземный житель, которого принято считать дураком, не так глуп, чтобы не понять, что бессмысленно работать изо всех сил и в результате жить еще хуже. Местная поговорка гласит: „Свинья жарится в собственном жиру“, и так как филиппинец, наряду с дурными качествами, обладает похвальной способностью относиться к себе критически, он предпочитает жить в бедности и праздности, но не превращаться во вьючное животное».

К сказанному можно лишь добавить, что со времен Рисаля положение крестьянина стало еще хуже и он находит еще меньше оснований для применения инноваций. Это относится не только к земледельцу. Если у рыбака, например, есть деньги на подвесной мотор, он едва ли его купит, поскольку такой шаг повлечет за собой слишком серьезные изменения: надо будет платить за горючее, вступать в отношения с новыми людьми, что всегда делается неохотно, в связи с увеличением улова — больше давать родным и близким по «принципу дележа», и, может статься, из-за одного этого вся затея не окупится.

При существующей организации филиппинского общества всякое нововведение либо не дает положительных результатов, либо дает незначительные результаты, мало

оправдывающие дополнительные вложения труда, либо вообще ведет к отрицательным результатам.

Условия жизни, как они сложились в стране, не способствуют развязыванию инициативы и сверху. Элита, отличающаяся достаточной косностью, встречает новшества настороженно, опасаясь, что они расшатают установившийся порядок. Правда, отдельные, самые дальновидные ее представители прекрасно понимают необходимость модернизации, но далеко не всегда им удается убедить других «сильных людей» в том, что эксплуатация трудящихся капиталистическими методами гораздо выгоднее. Консерватизм правящей верхушки в значительной мере обесценивает действие такого фактора, как стремление к извлечению большей прибыли. Несомненно, серьезным препятствием, мешающим экономическому развитию, служит засилье в стране иностранного капитала, не заинтересованного в подлинной ее индустриализации.

Модернизация предполагает множество изменений, и едва ли не самые важные из них — изменения в людях. Можно довольно быстро построить школу, фабрику, проложить дорогу, но человека, который будет учиться в этой школе, работать на этой фабрике и пользоваться этой дорогой, переделать нелегко. Модернизация ставит под сомнение весь культурный опыт, накопленный филиппинцами. Отношения людей в современном капиталистическом индустриализованном обществе характеризуются безличностью, анонимностью и рациональностью, при которых до индивида никому нет дела. Тао воспринимает это как катастрофу, как крушение устоев, как разрыв священных связей, на коих держится мир, и потому сознательно и бессознательно противится новому.

В традиционном обществе мудрость заключается не в умении предвидеть будущее, а в доскональном знании прошлого и неукоснительном следовании его заветам. Поступать правильно — значит поступать, как отцы и деды. Мудрость здесь предполагает подчинение «судьбе», фатализм, безропотное принятие естественного хода событий вместо попыток повлиять на него (лучше ждать дождя, чем возводить ирригационные сооружения). Высшим принципом почитается служение не общему благу, а групповым интересам. Определяющим является не функция, а статус: уважение и почет зависят не от качеств индивида, а от его происхождения и положения.

Длительное существование в условиях жестокой борьбы за «хлеб насущный» не приучило филиппинского крестьянина заглядывать в завтрашний день, сегодняшние заботы — как прокормить семью — поглощают его целиком, все, что не дает немедленной выгоды, мало интересует его. Жизнь, с его точки зрения, есть повторение одного и того же: повторяются «плохие дни» и повторяются «хорошие дни» («Таково колесо судьбы — сегодня ты внизу, завтра — сверху» — гласит тагальская пословица). Представление о цикличности событий без их качественного изменения мало способствует новаторству: все заранее предопределено, заглянуть в будущее невозможно и даже опасно, так как можно нечаянно нарушить испокон веку заведенный порядок. То, что имеешь, лучше израсходовать сейчас — откладывать на потом противно естеству, это значит бросать вызов высшим силам (отсюда психологическая ориентация на потребление, не на производство). Ожидание немедленного эффекта и боязнь потерпеть неудачу заставляют следовать только по проторенным дорогам, а коль скоро и на них постигает неудача, то лучше вообще ничего не предпринимать. Если у крестьянина вдруг пали свиньи, он никогда не будет разводить их — ведь это ясный знак нерасположения к нему судьбы и нечего ее испытывать. Как говорят тагалы, «мое счастье, даже если я ничего не будут делать, найдет меня, раз оно предназначено действительно мне».

Такая пассивность в немалой степени объясняется и властью церкви над умами филиппинцев. В местном варианте католичества чрезвычайно сильна вера в рок. Судьба человека предопределена богом задолго до его рождения, и попытки изменить ее ни к чему не приведут и даже выглядят кощунственно. Счастье (а под ним понимается богатство, высокое социальное положение, здоровье, долголетие и многодетность) дается свыше. Миростроительство, хотя не обязательно признается справедливым, воспринимается как оно есть, потому что на то воля божья и стремление преобразовать его — грех²¹.

---

²¹ Даже слова «да будет воля твоя» из «Отче наш» на тагальском языке, не имеющем временных форм в нашем понимании, звучат как «такова воля твоя» (т. е. «уже свершилась»). Этим подкрепляется традиционный фаталистический взгляд — «тут уж ничего не поделаешь».

Крестьянам свойственно представление, что на всех отпущено строго ограниченное количество материальных благ. (У помещика всего больше, но это другое дело, это «от бога».) Следовательно, улучшение положения одного из них возможно только за счет остальных²². «Мы все и во всем равны» — таково единодушное мнение «маленьких людей» в деревне. Поэтому любое нововведение в каком-нибудь хозяйстве соседи встречают с неодобрением и подозрением — они видят в этом угрозу своему благополучию. Отсюда взаимное недоверие, и, как следствие, боязнь вызвать его. Всякий старается показать, что ему не лучше, чем прочим. Бывает, что человек живет хуже, чем мог бы себе позволить, опасаясь вызвать зависть. Я встречал крестьян, окончивших сельскохозяйственные школы, тем не менее они обрабатывали землю дедовскими методами, дабы не возбуждать недобрых чувств и не давать повода для сплетен, к которым филиппинцы так чувствительны. («Язык длиною всего в полвершка, но убивает и дато».) Когда некоторые крестьяне, прислушиваясь к рекомендациям, пробовали разводить кур в клетках, соседи в один прекрасный день передушили всех кур — не смогли спустить столь дерзкого новшества. Когда кто-нибудь разводил у дома огород (местным крестьянам огородничество практически неизвестно, в их рационах постоянно не хватает овощей, хотя возле каждой хижины есть свободный участок земли, вполне пригодный для их выращивания), соседи ломали забор и пускали на грядки свиней. Подобное отношение к нововведениям, могущее показаться неоправданным и даже жестоким, объясняется также и опасением, что появится еще один «сильный человек».

Готовность оказать помощь, столь типичная для общинников, распространяется лишь на некоторые традиционные виды деятельности (вспашка, посев, строительство дома, проведение фиесты), в иных начинаниях на соседей рассчитывать не приходится. Напротив, нетради-

---

²² «Везение» — иное дело. Это дар высших сил. И, если завелся лишний пес, лучше всего поставить его на петушиных боях — здесь либо повезет (коль скоро богатство от удачи, в нем не видят ничего предосудительного), либо не повезет. Не случайно «сильные люди» всячески стараются рекламировать свое «везение», «легкую руку», «добрый глаз» и т. п. — это помогает отвести настороженность и недоброжелательность «маленьких людей».

ционные формы деятельности встречают резкое осуждение, что, естественно, отбивает охоту заниматься ими. Не исключено, что частые празднества, угощения, вообще гостеприимство и «принцип дележа» имеют целью отвести зависть соседей. За кажущейся простотой и бесхитростностью крестьянской жизни кроются сложные интриги и козни (какими бы пустыми и вздорными они ни выглядели со стороны). Внешнее согласие и единство обрачивается жестокой борьбой внутри общины, расслоение которой есть несомненный факт.

Введению новшеств мешают и предрассудки, которые все еще широко бытуют в крестьянской среде. Чего стоит, например, убежденность в том, что крыс (полчища их нередко начисто губят урожай) уничтожать нельзя, ибо тысячи их сородичей будут мстить. Если же власти заставляют применять ядохимикаты, крестьяне под любым предлогом стараются уклониться от этого. Случалось, их буквально принуждали выполнять приказы. Крестьянин, у которого за спиной стоял вооруженный солдат, со слезами молился «духу крыс»: «О дух крыс! Прости меня, я не виноват! Это не я, это сильные люди из города велют мне убивать твоих подданных. Да падет твой гнев на них, а не на меня». Он был глубоко убежден, что, уничтожая крыс, совершает действие, которое погубит его семью.

Все перечисленные факторы оказывают давление на человека, причем оно не обязательно выражается в каких-то действиях. На тао давят общепринятые взгляды и обычаи, он боится быть не таким, как все, глушит свои стремления, ибо жить в общине и игнорировать ее практически невозможно. Когда человек с подобной психологией попадает в город и становится рабочим (если найдет работу), он с трудом приобретает нужные навыки. Не исключено, он так никогда и не сможет приспособиться к новой жизни, и это удастся только его сыну.

Здесь все непривычно. В поле можно отложить работу на день-другой, начать ее чуть раньше или чуть позже, там допускается довольно широкое варьирование без ущерба для конечного результата. Уход за буйволом-карабао несложен: когда возникает надобность, он сам идет к водопою. Производство же требует строгой дисциплины и четкой организации труда без каких бы то ни было отклонений, оборудование нуждается в тщательном и по-

стоянном уходе. Вчерашний крестьянин приобщается к этому далеко не сразу. Отсюда частые жалобы на недостаточную квалифицированность и дисциплинированность рабочих. Дело тут не в нежелании работать (у того, кто видел филиппинца в поле, едва ли повернется язык обвинить его в лени), а в коренном отличии характера труда.

Требования, которые промышленность предъявляет к человеку, часто прямо противоречат традиционным установкам. Один пример. Современное производство немыслимо без жесткого контроля во всех звеньях. Между тем контроль — это нечто, совершенно неизвестное в крестьянской общине. Более того, проверить, как человек выполняет порученное дело, — значит оскорбить его, поставить и контролера и контролируемого в положение уаланг хийа. Этого следует всячески избегать, и начальник, бывает, просто отдает приказание сделать то-то и то-то так-то и так-то. Позже, когда задание оказывается невыполненным или выполненным плохо, он может принять соответствующие меры (и то с массой оговорок, призванных «сохранить лицо»), поскольку у него появляются основания для выражения недовольства. Если же случается поломка или авария, один ссылается на другого («мне об этом не говорили») и найти виновного невозможно: все гредпочитают скрыть аварию или объяснить ее какой-нибудь выдуманной причиной.

Крестьянин не привык заниматься одним делом: в деревне он и пахарь, и плотник, и сборщик кокосовых орехов (он же добывает из них копру). На современном предприятии труд строго специализирован. Работа на одном месте, бесконечное монотонное повторение одних и тех же операций действуют удручающе, что отрицательно сказывается на производительности. Это вызывает нарекания, а они, в свою очередь, еще больше угнетают рабочего. Похвала же воспринимается как разрешение пренебрегать своими обязанностями.

В деревне крестьянин не использовал механическую энергию, плоды его труда были зримы и осязаемы. В городе он работает у бездушного станка (подчас ненавидит его) и не знает, что происходит с продуктом труда. Не удивительно, что он чувствует себя совершенно сбитым с толку.

Под влиянием традиционной психологии находятся и «сильные люди». Предприниматель, заводящий собствен-

ное дело, не вполне свободен в своих действиях. Если даже он окончил лучший коммерческий колледж в США, приобрел практические навыки рациональной организации производства, успех ему еще не гарантирован. В ста случаях из ста многочисленные родственники, близкие, просто знакомые начнут осаждать его просьбами найти «местечко» (речь наверняка пойдет о лицах, заведомо не имеющих соответствующей квалификации). Отказать — значит подвергнуться моральному осуждению, что отрицательно скажется на деловой репутации. И в 99 случаях из ста он будет создавать ненужные штатные единицы и мириться с низкой производительностью труда.

Кроме того, «сильный человек» очень чувствителен к своему статусу, что ведет к большим «престижным» тратам. Вместо того чтобы расширять производство, он расходует средства на сооружение роскошных вилл, плавательных бассейнов, на приобретение многих автомобилей, одежды от дорогих портных, драгоценностей. «Новая олигархия», т. е. национальная буржуазия, старается (а иногда просто вынуждена) не отставать от «старой», земельной аристократии, социальное давление заставляет ее распоряжаться капиталом не так, как ей, быть может, хотелось бы. Стремление «держаться на уровне», болезненная чувствительность к мнению других, к вопросам престижа вынуждают людей даже со средним достатком идти на необоснованные расходы.

В то же время статус дает «сильным людям» весьма ощутимые привилегии²³. Более или менее крупные чиновники, например, бесплатно пользуются различными услугами (с них не берут денег даже в частных клиниках), платят налоги в размерах меньших, чем предусмотрено законом, и т. д. Те же привилегии распространяются и на просто богатых людей, не занимающих никакого поста.

---

²³ Примеров приверженности к признакам статуса можно привести множество; пожалуй, самый очевидный из них — любовь к малым номерам автомобилей: № 1 — у президента, № 2 — у вице-президента и т. д. Сенаторы и конгрессмены имеют соответственно № 7 и № 8, причем эти номера стоят на машинах членов их семьи (иногда машин 10—15). И дело здесь не только в амбиции, но еще и в том, что практически все филиппинцы с большим уважением относятся к таким, в сущности, суетным вещам: любой шофер уступит дорогу, полицейский посмотрит сквозь пальцы на нарушение правил, обслуживающий персонал бензоколонки даст солидную скидку, а то и вообще откажется от денег.

Но прежде всего приверженность правящей верхушки к статусу объясняется тем, что он обеспечивает ее господство. Представители элиты отнюдь не склонны делиться своей властью с «маленькими людьми». «Сильный человек» не поощряет их участия в принятии решения, а единолично выступает как суд в последней инстанции, как высший арбитр, мнение которого не оспаривается. Он заинтересован в том, чтобы зависимые от него лица испытывали страх и неуверенность — в таком случае они и далее будут обращаться за защитой лишь к нему. Он всегда ставит себя в центре, и вся деятельность сосредоточивается вокруг него. Другими словами, «сильный человек» на Филиппинах обладает всеми чертами авторитарного руководителя. Отсюда его настороженное отношение ко всякого рода нововведениям: они могут подорвать его власть.

В филиппинских условиях и государство оказывается довольно неэффективным орудием модернизации. Чрезмерно раздутый бюрократический аппарат сковывает инициативу. Чиновники, по сути не несущие никакой ответственности и заинтересованные прежде всего в обеспечении собственного благополучия, занимаются лакадом в ущерб своим прямым обязанностям. Отсутствуют навыки методичного, планомерного труда. Государственные органы (равно как общественные организации и частные фирмы) бывает, с жаром берутся за какое-то новое дело, но, увы, быстро остывают, теряют интерес к нему. Первоначальное «горение» сменяется безразличием, апатией, и напоминание о неосуществленном начинании вызывает только раздражение. Такое отношение к делу называют в стране *нингас кугон*²⁴ (т. е. недолговечность, кратковременность увлеченности идеей). Оно отнюдь не способствует последовательному внедрению инноваций.

Отношение типа *нингас кугон* особенно отчетливо проявляется при необходимости решить конкретную проблему. Ее с жаром обсуждают, рассматривают со всех сторон, обращаются к опыту Соединенных Штатов, выслушивают мнение экспертов и в конце концов создают специальный орган (нередко, правда, забывая наделить его полномочиями и средствами). На этом все «загоревшие-

²⁴ *Нингас* — «искра», «пламя», *кугон* — высокая, в рост человека, трава, быстро разрастающаяся на заброшенных участках; высыхая, она часто становится добычей огня.

ся» успокаиваются, считая свою миссию законченной, и о самом органе начисто забывают. Спыхватываются только, когда дело оказывается разваленным.

Для развития экономики государство сделало поразительно мало. Немногочисленные государственные предприятия работают в убыток. Реакционно настроенные деятели утверждают, что если частные предприятия перейдут к государству, то это вызовет экономический спад.

Говоря о деятельности государства в данной сфере, надо учитывать еще одно обстоятельство. В этой деятельности отчетливо прослеживается тенденция «перещеголять» — хоть в чем-нибудь — развитые страны, не столько обеспечить собственные потребности, сколько «удивить мир» («Уж если строить стадион, так самый большой в Азии, если бассейн — то крупнейший в мире» и т. п.²⁵).

Такая гигантомания вполне объяснима в свете истории. Колонизаторы в течение веков внушали народам Филиппин, как и других развивающихся стран, мысль об их неспособности занять достойное место среди цивилизованных народов без помощи метрополии. После достижения независимости стремление к самоутверждению породило потребность немедленно опровергнуть данный тезис. Естественный путь к этому — строительство сооружений, пусть не совсем нужных для экономики, но необходимых для укрепления национального самосознания, национального единства. И как бы презрительно западные экономисты ни пожимали плечами при очередных известиях о непроизводительном помещении и без того скромных ресурсов, народам бывших колоний они нужны для обретения веры в себя, а она не менее важна, чем экономические успехи. Едва ли правомерно видеть здесь только расточительность. Разумеется, лучше всего сочетать престиж с пользой (скажем, строить ГЭС, которая помимо престижных дивидендов даст стране электроэнергию и позволит оросить засушливые земли), но это удастся далеко не всегда.

---

²⁵ Монополии весьма умело используют эту тягу к гигантомании. Так, фордовская корпорация предложила правительству Филиппин построить автомобильный завод на Лусоне. При общем уровне развития страны она вряд ли могла позволить себе роскошь вкладывать средства в такую дорогую и сложную отрасль, как автомобилестроение. Тем не менее это предложение живо обсуждалось и в конце концов было принято.

Действие препятствующих модернизации «неэкономических факторов» отдельные буржуазные социологи пытаются квалифицировать как проявления природной неспособности филиппинцев к инновациям, их идиосинкразии к прогрессу. Несомненно, психологическая неподготовленность играет негативную роль, но она вполне преодолима. Ведь совершенно очевидно, что особенности их национального характера являются не врожденными, а приобретенными: они порождены конкретно-историческими условиями, обслуживают определенные социально-экономические отношения. Филиппинцы вынуждены приспособляться к существующей реальности. Попадая в иную обстановку, они отлично адаптируются в ней, что уже опровергает тезис о «врожденном консерватизме».

При благоприятных условиях их национальные черты, их душевные качества не могут не проявиться по-другому. В связи с этим небезынтересно посмотреть, что думают сами филиппинцы о своих достоинствах и недостатках. «Едва ли кто будет возражать, — пишет один филиппинский исследователь (с ним согласны многие его соотечественники), — если мы отнесем к нашим положительным качествам следующие: 1) гостеприимство, 2) скромность, 3) вежливость, 4) храбрость и патриотизм, 5) терпение и способность переносить лишения, 6) любовь к дому, преданность семье, 7) высокое чувство собственного достоинства, 8) религиозность.

К качествам, которые я считаю отрицательными, относятся следующие: 1) отсутствие духа сотрудничества, 2) повышенная чувствительность к мнению других, 3) комплекс бахала на (т. е. фатализм. — *И. П.*), 4) любовь к развлечениям, 5) повышенная чувствительность, обостренное самолюбие, 6) отсутствие духа соревнования и стремления к успеху, 7) склонность к сплетням, 8) поведение типа нингас кугон, 9) ревность и зависть».

Разумеется, данные оценки несут на себе печать субъективности, однако нельзя отрицать того, что в процессе исторического развития в нормах поведения филиппинцев, в их нравах и ценностной ориентации отложился не только позитивный опыт.

Что касается положительных качеств, то их в один голос отмечают все, соприкасавшиеся с жителями островов, включая первых испанских завоевателей, отнюдь не испытывавших симпатий к «туземцам». Человек, попадаю-

щий на архипелаг, встречает необычайно теплый прием, ему активно дают понять, что принимают его за важное лицо (зачастую он чувствует себя неловко). Гостеприимство, скромность, чувство собственного достоинства и вежливость проявляются во всем, причем не только по отношению к иностранцу, но и в общении филиппинцев между собой. Они редко жалуются на свою судьбу и стойко переносят ее удары, которых — увы! — немало. Даже в минуту подлинного горя они стараются улыбаться, потому что показывать отчаяние, по их понятиям, дурной тон. Главное же — жители архипелага искренне хотят, чтобы все были счастливы и довольны. И для этого они не жалеют сил: доставлять радость другим есть высшая радость для них самих.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга была уже написана, когда стало известно, что президент Маркос объявил о введении чрезвычайного положения. Он приостановил действие конституции, распустил парламент, запретил деятельность политических партий. Это произошло 23 сентября 1972 г. Всякие выборы были отложены на семь-восемь лет, т. е. примерно до 1980 г., — на такой срок, который, по мнению самого Маркоса, необходим для того, чтобы излечить «больное общество».

Введению чрезвычайного положения предшествовал ряд важных событий. Уже говорилось, что на Филиппинах не было президента, который не выставлял бы свою кандидатуру на второй срок, но только Маркосу в 1969 г. удалось добиться переизбрания, притом огромным большинством голосов. Эта победа объясняется как его личными качествами, так и успешным проведением некоторых важных мероприятий во время первого президентства. Осуществление программы «рис, дороги, школы», частичное улучшение финансового положения, самообеспечение страны рисом (как потом оказалось, временное), контакты с социалистическими странами и обещания установить с ними нормальные отношения обеспечили ему поддержку значительной части населения.

«Старая олигархия» увидела в популярности президента и в длительности его пребывания у власти угрозу для себя. Она обвинила Маркоса в диктаторских поползновениях, в разбазаривании государственных средств, в попытках чинить препятствия частной инициативе и, наконец, в стремлении к личному обогащению. Дело дошло до открытого столкновения, и в январе 1971 г. президент объявил о «войне с олигархией» и о начале «демократи-

ческой революции сверху», призванной, по его словам, урезать права верхушки, установить более справедливое распределение доходов.

«Новая олигархия» тоже была недовольна. Она считала, что форма правления американского образца давно утратила демократический характер (в буржуазном его понимании) и превратилась в орудие господства косной помещичье-бюрократической элиты, неспособной обеспечить капиталистическое развитие страны и предотвратить социальные потрясения. Президент для нее олицетворял все недостатки сложившегося в стране порядка, она поддерживала обвинения против него, исходившие из крайнего правого лагеря, из рядов «старой олигархии», и требовала радикальной реорганизации. Наиболее активно эти взгляды пропагандировали лидеры уже упоминавшегося Христианского социального движения. К 1973 г. они рассчитывали создать «левоцентристскую христианскую социал-демократическую партию», которая должна была оттеснить скомпрометировавшие себя партии (либералов и националистов) и провозгласить «новый курс». Предварительным условием для выполнения этой широкой программы действия должен был стать пересмотр конституции.

Сама идея пересмотра не принадлежала руководителям движения. На Филиппинах уже давно раздавались голоса, требовавшие отмены конституции 1935 г., которая несла на себе, как говорили, «слишком много отпечатков колониального мышления» и не отвечала местным условиям. В конце концов конгресс принял закон о Конституционном конвенте, задача которого состояла в том, чтобы выработать новый основной закон страны. «Новая олигархия» изо всех сил старалась устранить скомпрометировавшую себя бюрократическую верхушку и профессиональных политиков, пулитико. Под ее давлением в закон о Конвенте была включена необычная для Филиппин статья: кандидаты в члены Конвента не могли выдвигаться партиями, не могли быть государственными служащими и занимать выборные должности. Но, как обычно, закон оказался бессильным перед могуществом влиятельных политических династий: хотя в Конвент прошло немало «независимых», тон среди 320 делегатов задавали бата вездесущих пулитико. «Считается,— объяснял мне один сенатор,— что все беды от нас, а потому решили

закрыть нам доступ в Конвент. Но мы еще посмотрим!» (У него было там около десяти «верных людей».)

1 июня 1971 г. Конвент приступил к работе, и с самого начала стало ясно, что все пойдет по старым колеям. Возникали и распадались коалиции, делегаты обменивались колкостями в многочисленных комитетах, спорили по пустякам, обвиняли друг друга в отсутствии патриотизма. На пленарных заседаниях дело едва не доходило до рукоприкладства. Были преданы гласности некрасивые истории о подкупе. Выяснилось, что некоторые члены Кон-Кон (так филиппинцы с их любовью к сокращениям окрестили Конституционный конвент) получали из разных источников конверты с крупными денежными суммами. У здания «Манила отель», где первоначально шли заседания (позже Конвент, не уложившись в срок, переехал в другое помещение), не раз происходили демонстрации.

Но одно не вызывало сомнений: большинство делегатов склонялись к замене дискредитировавшей себя президентской формы правления, американского типа, парламентской, британского образца, с исполнительной властью в руках премьера, избираемого парламентом. Это означало, что по новой конституции Маркос мог остаться у кормила правления в качестве премьер-министра, тогда как старая конституция ограничивала срок пребывания на президентском посту восемью годами. По мнению некоторых делегатов, президент только потому и согласился на созыв Конвента, что надеялся с его помощью продлить свое пребывание у власти, и они попытались внести в новый основной закон специальную статью, запрещающую ему и членам его семьи занимать высшие должности в стране. Статья не была принята, но кампания против Маркоса усилилась.

Она, собственно, началась еще в январе 1970 г., сразу после церемонии вторичного вступления его на пост президента. Кампания эта велась через печать, радио и телевидение и сводилась к оскорбительным личным нападениям — настолько оскорбительным, что образчики их даже неуместно цитировать. За исключением газеты «Правительственный вестник» (имеющей весьма ограниченное число подписчиков) и одного канала телевидения, остальные средства массовой коммуникации соревновались друг с другом в поношении президента.

К голосам справа и из центра присоединились голоса крайних «левых» экстремистов. Маоисты сосредоточили свои усилия на борьбе против личности президента, предав забвению борьбу против местной олигархии и засилья иностранного капитала. Они организовали ряд студенческих демонстраций (во время которых не обошлось без жертв), причем сознательно шли на провокации, чтобы вызвать ответные репрессии, долженствующие, по их словам, обогатить «революционный опыт масс». Вооруженные группки, называющие себя «Новая народная армия» (по официальным данным, в то время они насчитывали не более 400—600 человек, на деле еще меньше), провели несколько стычек с правительственными войсками. Манилу потрясла серия взрывов, и администрация обвинила в них маоистов.

Объективно деятельность «левых» экстремистов была на руку крайним правым элементам, и те открыли им доступ на страницы печати, поддерживали их материально. Широкая огласка каждого, самого незначительного их шага способствовала нагнетанию нервозности и возникновению панических настроений у части населения. Положение усугублялось тем, что в июле—августе 1972 г. наводнения уничтожили 250 тыс. га посевов. В результате остались без крова сотни тысяч людей, погибли несколько сот человек на Центральном Лусоне. Общий урон исчислялся 500 млн. долл., но конгресс так и не выделил средств на восстановление.

Вот в это время президент Маркос и издал указ о чрезвычайном положении. В указе сообщалось, что оно вводится на основании ст. VII конституции, так как «никто не может сомневаться, что страна переживает состояние мятежа». Далее говорилось, что деятельность администрации фактически парализована, в экономике наблюдается полный застой, судебные органы не способны отправлять правосудие, размах беззакония и преступности достиг такого уровня, что власти и полиция не могут справиться с ними без особых полномочий.

Ответственность за подобное положение возлагалась на крайние «левые» элементы, «чьи политические, социальные, экономические, правовые и моральные концепции основываются на маоистских идеях и убеждениях» и которые «пользуются активной поддержкой одной иностранной державы».

На деле, однако, маоисты были лишь игрушкой в руках крайних правых элементов, установивших контакты с «Новой народной армией» и использовавших ультралевые организации для борьбы против президента. Позже стало известно, что правые сразу же после победы Маркоса на выборах 1969 г. создали «революционную хунту», которая, как утверждалось, ставила своей целью дискредитацию президента и последующее физическое устранение его. Говорилось также, что в число заговорщиков входили вице-президент Лопес и противник Маркоса на выборах 1969 г. сенатор Осменя-младший. Сведения об этом заговоре поступили от близких к президенту лиц и заслуживают внимания хотя бы потому, что дают представление об атмосфере, царившей на «демократических Филиппинах». Насилия и убийства всегда были обычным явлением в политической жизни страны, и существование заговора против президента ни у кого не вызвало сомнений. И филиппинские и иностранные наблюдатели в один голос заявляли, что богатейшие семейства рассматривали дальнейшее пребывание Маркоса у власти как угрозу своему могуществу и что попытка физически устранить его вполне отвечает характеру многих олигархов. Покушение на пользующуюся большой популярностью супругу президента Имельду Маркос 7 декабря 1972 г. (она была ранена) для многих филиппинцев послужило доказательством реальности заговора.

Мнение, что опасность угрожала президенту справа, а не слева, подтверждается тем, что основным удар он нанес по «старой олигархии». В первый же день были арестованы 3 сенатора, 4 конгрессмена, 6 членов Конституционного конвента, 16 журналистов и комментаторов, особенно активно выступавших против него, и неизвестное число лиц «прочих категорий». В кругах, близких к правительству, указывали, что к ноябрю 1972 г. под стражей содержались около 2 тыс. человек, из них 45% — «левые», 50% — правые и 5% — из центра. (В конце декабря число арестованных превысило 8 тыс., но более 4 тыс. впоследствии были выпущены.)

Все частные армии (опора олигархии) объявлялись распущенными, и был обнародован строгий приказ сдать огнестрельное оружие. Собрали немало: 435 174 единицы за полтора месяца, в среднем 10 тыс. единиц в день (до введения чрезвычайного положения — всего 3 единицы).

Сдавали не только пистолеты, винтовки и автоматы: одному пулитико пришлось расстаться с двумя новенькими бронетранспортерами со смонтированными на них пулеметами. На улицах Манилы и других крупных городов были установлены ящики, куда предлагалось бросать пистолеты и револьверы тем, кто опасался явиться в полицейский участок. В кампании активно участвовали священники, уговаривавшие паству смирить буйный нрав и расстаться с «изобретением дьявола».

В принципе оружие сдавали охотно — видимо, филиппинцы сами устали от вечной стрельбы, страха, напряжения. Правительство предупредило, что приказ распространяется на всех, независимо от положения и родственных связей. Кое-кто из пулитико попытался уклониться, ссылаясь на близость к Малаканьянгу. Солдаты, арестовывавшие их за незаконное хранение оружия, разрешали звонить в президентский дворец, и они с изумлением узнавали, что на сей раз надо идти в тюрьму. Как сказал один бизнесмен, «впервые в истории правительство не пощадило неприкосновенных». Объявлялось, что даже полицейские на посту будут вооружены только дубинками — вещь небывалая в стране, где каждый второй мужчина носил пистолет в кармане. Эти меры не могли не встретить сочувствия населения.

Почти все газеты, радио- и телевизионные станции были закрыты. Немногим оставшимся предложили неукоснительно следовать предписаниям впервые созданного департамента общественной информации, и впредь они каждые шесть месяцев обязывались получать подтверждение на право издания. Олигархия лишилась возможности обрабатывать общественное мнение, но и прогрессивные силы утратили возможность излагать свои взгляды. Свыше 50 тыс. человек, обслуживавших средства массовой коммуникации, остались без работы, и их трудоустройство представляет серьезную проблему для правительства.

С уцелевшими газетами произошла невероятная трансформация: в один день они превратились в строгие пуританские издания, в которых не оказалось места ни для скандальных историй, ни для светской хроники, ни даже для редакционных статей (последние, правда, через месяц разрешили печатать, но после предварительного цензурного просмотра). Филиппинская печать, сенсационностью превосходившая американскую, всегда была расчи-

тана на довольно узкий круг людей, поэтому только европейски образованная часть населения неодобрительно отнеслась к ограничениям «свободы слова», основная же масса встретила их безразлично или даже сочувственно, тем более что газеты и журналы на местных языках вскоре стали опять выходить и число их даже увеличилось.

Все эти мероприятия осуществлялись с помощью военных: войска разоружали частные армии, производили аресты, занимали здания газет, теле- и радиостанции, аэродромы и т. д. Дела по обвинению в «подрывной деятельности» передавались специальным военным судам, которые получали право выносить самые суровые приговоры вплоть до высшей меры наказания (за первый год чрезвычайного положения был казнен один торговец наркотиками). Высказывались опасения, что на Филиппинах установится режим военной диктатуры. Однако этого не произошло и, по заверениям президента и высших армейских чинов, не произойдет.

Задачи армии сводятся к обеспечению правопорядка и к контролю над средствами массовой коммуникации: редакторы местных газет и радио обязаны представлять офицерам дислоцированных в данной местности частей все материалы, идущие на газетные полосы и в эфир. Пока роль ее не выпячивается. По сообщениям очевидцев, несмотря на чрезвычайное положение, в городах и в провинции не часто встретишь людей в военной форме. Управление по-прежнему осуществляют гражданские власти. И все же в балансе сил роль армии и полиции резко возросла.

С течением времени главный акцент стал делаться не на репрессии, а на программу преобразований. Сейчас уже не говорят о «подрывной деятельности» как о причине, вызвавшей введение чрезвычайного положения, зато все чаще говорят о важности реорганизации филиппинского общества, которая, утверждают, была бы невозможна при сохранении старых конституционных порядков. Еще в указе от 23 сентября 1972 г. Маркос заявил, что намерен положить конец преступности, уничтожить коррупцию, улучшить жизненные условия обездоленным и построить «новое общество». Тем самым правительство брало на себя осуществление реформ, с требованием которых выступали самые различные круги.

В первый же месяц после введения чрезвычайного положения преступность сократилась в десять раз — известие об этом было встречено с огромным энтузиазмом. Пожалуй, наиболее четко общее мнение выразил шофер такси (обычная жертва ограблений), сказавший: «По мне, все идет прекрасно — тихо, спокойно. Такого еще не было. Приятель уверяет, что я потерял свободу слова и собраний. Ну и что? Эти свободы были у меня всю жизнь, а что толку? Теперь по крайней мере я не боюсь, что меня ограбят». Эти слова хорошо передают чувство облегчения, испытанного филиппинцами на первых порах, хотя едва ли свидетельствуют о высокой гражданственности их автора.

Коррупция, извечный бич страны, была несколько обуздана. Уже в конце сентября всем государственным служащим предложили подать в отставку, и их восстановление на службе ставилось в зависимость от моральных и деловых качеств каждого. Уволили около 5 тыс. человек, заподозренных во взяточничестве (среди них немало судей и полицейских), против некоторых возбудили судебное преследование. Особый чистке подверглись Бюро налогообложения и Бюро иммиграции; считают, что улучшение работы только этих ведомств даст стопроцентное увеличение налоговых поступлений. Последняя мера тоже получила одобрение как населения, страдавшего от незаконных поборов, так и деловых кругов, которые ранее без взятки не могли рассчитывать на сотрудничество правительственных органов. Будущее покажет, насколько устойчивы эти положительные изменения.

Была увеличена заработная плата рабочим сахарных плантаций и обещано дальнейшее повышение уровня их жизни. Пострадали несколько могущественных семейств: отдельные их предприятия были национализированы. Однако это лишь единичные случаи, широкого наступления на промышленную олигархию не предпринималось. Запрещены поездки за границу, не вызванные государственной необходимостью, — мера, позволяющая экономить 73 млн. долл. в год.

Наконец, развернулась кампания «морального обновления», имеющая целью покончить с «анархией и недисциплинированностью». Кампания эта осуществляется методами «дружеского увещания». Специальные группы ходят по домам и уговаривают жителей соблюдать са-

нитарные нормы, пользоваться урнами для мусора, не включать приемники и магнитофоны на полную мощность и т. д. Призванные резервисты заставляют пассажиров общественного транспорта выстраиваться в очереди и не разрешают беспорядочным штурмом брать автобусы. Шоферы, которые раньше не соблюдали никаких правил уличного движения, теперь вынуждены подчиняться строгим требованиям, да и пешеходы должны переходить улицы только в отведенных для этого местах. Со стен домов исчезли надписи и граффити, изображавшие президента. Прекратилась знаменитая «ночная жизнь Манилы» — с 12 ночи до 4 утра установлен комендантский час, запрещена порнография во всех видах.

Перечисленные выше изменения были довольно поверхностными, хотя и затрагивали важные для филиппинцев стороны жизни. Для проведения же глубинных преобразований нужно сделать очень много. Вопросом вопросов остается аграрная реформа. Еще 21 октября 1972 г. президент от руки написал указ № 27, известный как Закон об освобождении арендаторов. Согласно этому документу арендатор может получить в собственность неорошаемый участок до 5 га или орошаемый до 3 га, но должен выкупить его по цене, составляющей 2,5 стоимости среднего урожая за последние три года, для чего ему представляется рассрочка на 15 лет из расчета 6% годовых. 715 тыс. арендаторов должны выкупить землю у 100 тыс. землевладельцев, за которыми сохраняются участки не более 7 га.

Примечательно, что это ограничение касается лишь земель, занятых под рисом и кукурузой. Между тем на плантациях выращиваются прежде всего экспортные культуры — сахарный тростник, кокосовая пальма, кофе, какао — и, следовательно, на латифундии названный закон не распространяется. Крупнейшие помещики под действие его не попадают (из 100 тыс. землевладельцев их всего 1 тыс.), он никак или почти никак не затронет огромные плантации на Висайских островах и на юге страны и коснется в первую очередь Центрального Лусона, самого беспокойного района страны.

Здесь основная масса землевладельцев имеет участки по 10—15 га. Это те самые люди из города с относительно небольшим капиталом, которые, как говорилось, стараются вложить его в землю, — преимущественно вы-

шедшие в отставку чиновники, военные, средняя буржуазия и т. д. Реформа будет осуществляться главным образом за их счет. Она, как представляется, призвана успокоить недовольство крестьян, не ущемляя, по возможности, интересов крупных латифундистов и плантаторов, особенно тех, кто ведет хозяйство капиталистическими методами.

Итоги осуществления земельных преобразований пока скромны. Маркос начал с того, что передал крестьянам 11 га земли, находившейся в личном владении его семьи. Этот акт, по всей вероятности, способствовал росту популярности президента; помещики, однако, его примеру не последовали. К июлю 1973 г. только 12 тыс. арендаторов получили землю. Называют несколько причин, объясняющих такую медлительность. Во-первых, нехватку средств. Вопрос об экспроприации земель не ставится, она должна быть выкуплена, а на это требуется около 1 млрд. долл., которых у правительства нет. Намечено создать Фонд земельной реформы из поступлений от новых налогов, но больше всего надеются на помощь США.

Во-вторых, психологический фактор. Люди, ныне стоящие у власти, прошли школу пулитико и превосходно осведомлены о силе традиций в филиппинской деревне. Они знают, как прочно «маленькие люди» привязаны к «сильным», и понимают, что передача земли без всяких оговорок не принесет успеха, что через некоторое время все (не исключено) вернется в прежнее состояние, а между тем необходимо отстранить помещиков, не способных и не желающих вести хозяйство по-капиталистически. Задача, таким образом, заключается в том, чтобы «обойти» иерархическую структуру, прорваться к простому тао сквозь заслон, установленный лидерами, пулитико, помещиками.

Творцы реформы полагают, что решить данную задачу можно только путем организации крестьян в кооперативы. Вот что говорит об этом сам президент: «Меня обычно спрашивают: „Почему вы не провели земельную реформу раньше?“ Дело в том, что, несмотря на все старания, помещики всегда блокировали наши действия. Нынешний закон (о земельной реформе 1963 г. — *И. П.*) устарел, в нем много недоработок. Простой передачи собственности уже недостаточно. Основная разница между старым планом и моим следующая: крестьяне не полу-

чат земли до тех пор, пока они не вступят в кооператив и не начнут применять передовые методы ведения хозяйства».

Разумеется, речь идет о капиталистической кооперации. Возможно (и даже, пожалуй, неизбежно), во главе большинства кооперативов окажутся те же «сильные люди». Но теперь им волей-неволей придется вести хозяйство по-новому, и главная цель — развитие капиталистических отношений в деревне — будет достигнута. На это нужно время, правительство заявило, что выкуп земель потребует семь-восемь лет и соответственно такой же срок Маркос должен оставаться у власти.

Данный довод в пользу продления полномочий президента многим филиппинцам кажется убедительным. Есть и еще одно обстоятельство, примиряющее их с «правлением железной рукой», а именно усиление сепаратистских тенденций в мусульманских районах на юге страны. Уже отмечалось, что мусульмане всегда смотрели на власти в Маниле как на враждебную силу. Так было при испанцах, так было при американцах, мало что изменилось и после предоставления независимости: происходили даже вооруженные столкновения. Сразу после сентября 1972 г. мусульманские лидеры заявили, что поддерживают мероприятия Маркоса, однако затем появились тревожные сообщения, начали поступать сведения об ожесточенных стычках отрядов мусульман с правительственными войсками. В конце концов правительство признало, что число вооруженных повстанцев на юге составляет 15—20 тыс. и что против них разворачиваются планомерные военные действия с применением артиллерии, авиации и флота.

Такую резкую вспышку антагонизма со стороны мусульман объясняют попыткой лишить их оружия (а они между тем им очень дорожат; у них есть даже пословица: «Винтовка нужнее человеку, чем жена»). Кампания по сбору огнестрельного оружия на юге никакого успеха не имела. Мусульмане усмотрели в ней стремление оставить их беззащитными перед лицом властей. Несомненно, эти соображения играли какую-то роль, но причина недовольства лежит глубже — в экономических, социальных, культурных, религиозных факторах. Как бы то ни было, борьба на юге усилилась, и можно сказать, что сепаратистское движение психологически оправдывает в глазах

филиппинцев сосредоточение чрезвычайных полномочий в руках президента.

Учитывая эти настроения, он предпринял ряд шагов к укреплению своих позиций. Чрезвычайное положение было введено, когда Конституционный конвент уже одобрил переход к парламентской форме правления. Во второй половине октября в проект новой конституции была внесена специальная статья, одобрявшая все указы президента, изданные после сентября 1972 г. Статья предусматривала также созыв временной Национальной ассамблеи, которую в дальнейшем должен был сменить парламент, избранный на основе новой конституции. Членами этого промежуточного органа должны были стать президент, вице-президент, все сенаторы и конгрессмены старого конгресса, а также те члены Конвента, которые проголосовали за данную статью. Это условие (немыслимое, пожалуй, ни в одной стране: в нем явно чувствуется давление на делегатов) гарантировало принятие статьи Конвентом: 264 делегата проголосовали за и только 13 — против.

Предполагалось, что Национальная ассамблея приступит к работе после одобрения конституции на референдуме, что руководить ее работой будет президент, сохраняющий все прежние полномочия, плюс полномочия премьер-министра и президента по новой конституции. 29 ноября 1972 г. новая конституция с дополнительной статьей была одобрена Конвентом, и на 15 января 1973 г. назначался референдум. Филиппинам предстояло превратиться в парламентскую республику с однопалатным конгрессом и премьером в качестве главы исполнительной власти.

Для обсуждения новой конституции частично было отменено чрезвычайное положение, но уже через несколько дней его восстановили во всей полноте, так как отменой воспользовались «антигосударственные элементы» и появились признаки «возвращения к старым порядкам». Несколько раз объявлялось о переносе референдума — сначала на февраль, потом на март. И все же в середине января население получило возможность выразить свое отношение к новому основному закону страны, правда не так, как замышлялось — на собраниях барангаев.

Барангаи уже 400 лет не играли никакой политической роли, однако во многих из них уважаемые люди собирались для предварительного обсуждения местных вопросов,

которые затем утверждались официально (например, в совете барио). Поскольку нужно было обойти пулитико, значительная часть которых выражала недовольство происшедшими изменениями, решено было возродить такие «сходки» (их стали называть либо древним словом «барангай», либо «гражданскими ассамблеями») повсеместно и обратиться непосредственно к их участникам. Срочно были созваны 35 тыс. ассамблей-барангаев. На них присутствовали все жители в возрасте старше 15 лет, голосовавшие поднятием руки. Собирались в частных домах, в школах, на баскетбольных площадках, которые есть везде.

15 января 1973 г. этим неожиданно воссозданным барангаем предложили ответить на ряд вопросов: согласны ли они с новой конституцией, хотят ли они провести выборы в конце 1973 г. или, напротив, считают целесообразным отложить их до 1980 г., одобряют ли чрезвычайное положение и т. д. По официальным данным, 95% участников гражданских ассамблей одобрили конституцию, «новое общество» и все реформы, проведенные правительством. Примерно столько же высказались против созыва прежнего конгресса и около 90% сочли, что никаких выборов не следует проводить до 1980 г.

Через два дня, 17 января, президент объявил, что народ одобрил новую конституцию, которая отныне считается вступившей в силу. Он сказал также, что в соответствии с волей народа старый парламент перестает функционировать, а промежуточная Национальная ассамблея созвана не будет. Должность вице-президента упраздняется. Таким образом вся власть сосредоточилась в руках Маркоса, единолично решающего вопрос о сроках отмены чрезвычайного положения.

Буржуазно-демократический государственный механизм опирается, как уверяют его апологеты, на систему раздельных и взаимно уравновешивающих друг друга властей, но в условиях Филиппин ни одна не оказалась способной противостоять событиям, происшедшим после сентября 1972 г. Недовольные возлагали надежды на Верховный суд и обращались к нему с петициями.

В декабре, например, была подана петиция, оспаривавшая законность принятия новой конституции Конвентом и предстоящего референдума на том основании, что при чрезвычайном положении свободное обсуждение не-

возможно. Еще в десяти петициях, поданных после 15 января и составленных политическими деятелями, юристами, представителями интеллигенции, оспаривалось право президента проводить референдум в форме опроса в банангах. Верховный суд девятью голосами против одного отклонил петиции, найдя вопрос о правах президента «академическим», однако не выказал отношения к вопросу о законности ратификации им конституции, поскольку он в петициях не поднимался.

Более того, суд выразил некоторые сомнения в собственной правомочности, ведь по новой конституции президент получил право назначать и смещать членов Верховного суда. Маркос был удовлетворен этим решением и сказал: «Я считаю ратификацию свершившимся фактом. Новая конституция вступила в силу с санкции народа». В начале апреля Верховный суд официально признал законность новой конституции и, следовательно, чрезвычайных полномочий президента.

Что касается законодательной власти, то уже 4 октября конгрессмены от оппозиционной либеральной партии почтительно заявили о поддержке президента, выразив, правда, весьма робкую надежду, что страна скоро вернется к «полной конституционной демократии». Многие «солоны», торопясь занять места в «новом обществе», проявили себя поборниками всех чрезвычайных мер. Объезжая по поручению президента свои избирательные округа, они доказывали преимущества «новых форм правления» тем же людям, которым ранее доказывали преимущества «неограниченной демократии».

Серьезного сопротивления ждали от сената, этого «поля битвы, на котором выковываются президенты». Сенаторы пострадали больше всего, ибо Маркос разом покончил с их амбициями и лишил шансов попасть в Малаканьянг. Были опасения, что они выступят единым фронтом и, в частности, соберутся на очередную сессию, невзирая на запрет. Близкие к правительству газеты писали о «заговоре сенаторов», а президент предупредил их, что если они вынудят его к действиям, то действия эти будут решительными. 22 января 1973 г. в день, когда должна была открыться сессия старого конгресса, несколько сенаторов пришли в парламент. Они нашли помещение занятым солдатами и, подергав запертые двери кабинетов, разошлись, так ничего и не предприняв.

Если оставить в стороне заговоры, можно сказать, что сопротивление новому порядку было незначительным. Ничто не продемонстрировало эфемерность принесенных из-за океана институтов так ярко, как апатия, с которой были встречены столь радикальные изменения. Исчез парламент, фактически не работает Верховный суд, нет прежней печати, но это мало кого волнует. Некоторые сенаторы, большинство конгрессменов, судьи всю стараются доказать свою полезность новому режиму, а печать настолько послушна, что министр информации даже посоветовал ей быть посмелее.

Строго говоря, эти изменения не были неожиданными, и многие (в том числе ряд сенаторов) восприняли их как желанные. Разочарование в существующем государственном строе уже давно заставляло рассматривать установление режима личной власти в качестве одной из реальных возможностей решения важнейших проблем. Показательна в этом смысле статья, опубликованная в «Манила кроникл» еще в декабре 1970 г. Эту газету никак нельзя заподозрить в симпатиях к президенту, ибо именно она задавала тон в кампании против него и справедливо считалась рупором «старой олигархии». В статье под характерным заголовком «Благожелательный диктатор для Филиппин?» говорилось: «Нам на Филиппинах нужен благожелательный диктатор! Такое утверждение может показаться абсурдным свободолобивым филиппинцам, но некоторые сенаторы из обеих партий считают, что в этом наша последняя надежда на решение жгучих экономических и социальных проблем. Эти сенаторы... с отвращением относятся к нынешнему государственному строю. Они полагают, что президент Маркос, который находится у власти уже пять лет из положенных ему восьми, может оказаться человеком, пригодным для выполнения функций, как они выразились, „благожелательного диктатора“...»

Они твердо верят, что многие президенты искренне хотели провести реформы, но руки их были связаны „системой“, которая... по их мнению, служит исключительно для защиты и увековечения контроля могущественной элиты над экономикой страны и не способна обеспечить большинству достойные человека условия существования. Они убеждены, что неудача, постигшая прежние программы земельных реформ, объясняется главным образом про-

тиводействием этой элиты, использовавшей демократическую систему, чтобы парализовать все усилия правительства по проведению необходимых преобразований».

Подобные суждения высказывались неоднократно, хотя, конечно, прогнозировались и иные возможные пути развития событий. Внутри страны определенные силы встретили происшедшие изменения без всякого восторга.

Некоторые опасения возникли и по ту сторону океана, и правительство очень старалось рассеять их. Оно чрезвычайно осторожно отнеслось к иностранным интересам, показывая, что им ничто не грозит. Объясняется это не только стремлением привлечь иностранный капитал, — в нем оно видит важный, если не основной, источник финансирования экономического развития, — но и надеждой получить средства на проведение аграрной реформы. Несмотря на решения Верховного суда, направленные против иностранцев (они были приняты еще до введения чрезвычайного положения и запрещали американцам после 1974 г. владеть землей, а также вводить иностранцев в совет директоров компаний и т. д.), исполнительная власть, которая одна только имеет значение в нынешних условиях, не предприняла никаких шагов к проведению этих решений в жизнь. Более того, и сам президент и ответственные лица из его кабинета не раз высказывались в прямо противоположном смысле и заверяли иностранцев, что их интересы не будут ущемлены.

Эти заверения, а также ряд мер «по созданию благоприятного климата для иностранных капиталовложений», вероятно, убедили американских бизнесменов. По данным Американской торговой палаты на Филиппинах, только за полгода после введения чрезвычайного положения около 40 американских компаний начали осуществлять новые проекты в стране. Многие иностранные предприниматели заявили, что теперь здесь легче делать бизнес: стало больше порядка, меньше коррупции, правительственные органы охотнее сотрудничают с ними.

Таково мнение американских деловых людей. Что касается позиции Вашингтона, то, как сказал Маркос, после сентября 1972 г. «официальной реакции не последовало, с нашей же стороны не сделано было ничего, что могло бы затронуть Соединенные Штаты или отразиться на их интересах». В феврале 1973 г. вице-президент США во время визита в Манилу заявил, что Соединенные Шта-

ты по-прежнему будут выполнять свои обязательства перед Филиппинами.

Американская печать придерживается той точки зрения, что интересы США на архипелаге слишком значительны, чтобы ставить их под угрозу, оказывая нажим на президента. Газеты в основном рассуждают на тему, кто кому нужнее: Филиппины Соединенным Штатам или Соединенные Штаты Филиппинам. Общее мнение сводится к тому, что пора переходить от «идеализма прошлого», когда предполагалось, что демократия американского образца может и должна быть принята на островах, к более прагматическому взгляду, согласно которому надо учитывать прежде всего военные базы, инвестиции и т. п. Все же в комментариях, освещающих события на архипелаге, проскальзывают нотки горечи. Но, по словам министра иностранных дел Филиппин Карлоса Ромуло, США придется согласиться с необходимостью «изменить концепцию демократии» в стране. Лица, находящиеся у власти, настороженно следят за американскими откликами и обнаруживают повышенную чувствительность к критике. Это свидетельствует о том, что филиппинская сторона по-прежнему придает большое (если не решающее) значение «особым отношениям» с бывшей метрополией и связывает с ними намечаемые преобразования.

Правительству приходится учитывать и расстановку сил внутри страны. Представители «старой олигархии» — и те, кто понес, и те, кто опасается понести потери в ходе реформ, — оказывают сопротивление, и у них есть немало преданных людей. «Новая олигархия», ратовавшая за радикальные преобразования, по большей части занимает выжидательные позиции: «поживем — увидим». Маркос взял курс на реформы, имеющие целью развитие капиталистических отношений, — как раз то, чего требовала эта часть верхушки. Но реформы осуществляются в несколько неожиданной для «новой олигархии» форме, исключаяющей ее непосредственное участие в делах управления, что, естественно, настораживает ее.

По-разному отнеслись к мерам президента многочисленные пулитико. Все выборы отменены на семь-восемь лет, и, значит, те из них, кто занимал выборные посты в сентябре 1972 г., могут не опасаться потерять их. Это избавляет их от риска, и потому они, казалось бы, должны поддерживать президента и все его начинания. Действи-

тельно, как отмечалось, большинство мэров, губернаторов, конгрессменов заверили его в своей лояльности. Вместе с тем они не могут не понимать, что теперь их положение уже не столь прочно: если раньше, опираясь на свой авторитет на местах, они довольно жестко разговаривали с Манилой, то теперь целиком зависят от президента, который имеет возможность сместить их в любое время (подобных примеров уже немало). Предвыборные махинации, приносившие значительные выгоды, тоже прекратились, надо изыскивать новые источники пополнения доходов. Правительство, конечно, учитывает эти настроения, и многие его мероприятия свидетельствуют о том, что оно старается обойтись без пулитико или по крайней мере ограничить их число (создание барангаев — лучшее тому доказательство).

Что касается пулитико, не занимающих выборных должностей, то их положение еще хуже. Раньше они знали, что через четыре года почти наверняка окажутся у власти. Знали это и те, кто на данный момент правил, а потому и оппозиции перепала немалая толика щедрот, изливавшихся из центра. Теперь надежда оказаться у руля рухнула, число теплых местечек осталось прежним, даже сократилось, а освободиться без соизволения Малаканьянга они не будут. Новый режим просто не в состоянии абсорбировать всех оставшихся не у дел пулитико.

Это не значит, разумеется, что теперь им придется бедствовать. Они — «сильные люди», и у них есть состояние. Прежде они использовали его для привлечения сторонников, опираясь на которых могли требовать средств от правительства и еще больше обогащаться. Видимо, от такого способа увеличения доходов им придется перейти к другому, в первую очередь к капиталистическому способу ведения хозяйства, на что подталкивает вся система мероприятий нового режима¹.

Учитывая реакцию внутри страны и за ее пределами, правительство 27 и 28 июля провело еще один референдум, призванный продемонстрировать законность нового режима. (Это было тем более необходимо, что по старой

---

¹ Такой пункт аграрной реформы, как ограничение размеров участка под рисом, явно нацеливает землевладельца на разведение технических (т. е. чисто товарных) культур, прежде всего экспортных.

конституции срок полномочий президента истекал как раз в 1973 г.) Голосование было тайным, и в нем снова принимали участие все филиппинцы старше 15 лет, но на сей раз их предупредили, что уклонение от участия в голосовании будет караться тюремным заключением или штрафом. Предлагалось ответить только на один вопрос: «Хотите ли вы, чтобы президент остался на своем посту после 1973 г. и завершил претворение в жизнь начатых реформ?»

Оппозиционно настроенные политические и общественные деятели опять обратились в Верховный суд с петициями. Они требовали отменить чрезвычайное положение по меньшей мере за месяц до референдума (официально было объявлено, что его отменят за пять дней, но что при этом антиправительственные выступления допускаться не будут). Принимая во внимание, что население в целом не против реформ, петиционеры предложили изменить формулировку вопроса, опустив вторую его часть. Как и следовало ожидать, петиция не возымела никакого действия.

По официальным данным, 91% участвовавших в референдуме положительно ответили на вопрос в его первоначальной редакции (в вечно оппозиционной Маниле — 80%). Касясь итогов референдума, Маркос заявил: «Период стабилизации кончился, начинается эра развития». Он подчеркнул также, что для поддержания правопорядка чрезвычайное положение уже не нужно, но что оно сохраняется, поскольку необходима юридическая база для проведения реформ — при чрезвычайном положении достаточно президентских указов. Референдум показал, что проведенные (а еще больше — обещанные) преобразования встречают одобрение значительной части населения. Но сложностей перед правительством стоит немало: президент не раз говорил, что он все поставил на карту и пошел на огромный риск.

После сентября 1972 г. вопрос о судьбе «американского наследия» на Филиппинах приобрел особую остроту. В США было сказано достаточно горьких слов о бесплодности и тщетности попыток «утвердить демократию на архипелаге». Однако «американское наследие» не сводится только к атрибутам буржуазной демократии (выборы президента и законодательного органа, двухпартийная система, «свободная печать» и т. п.), хотя как раз на их созда-

ние было затрачено много усилий. Капиталистические методы ведения хозяйства, дух наживы, особый стиль предпринимательства тоже принесены из-за океана. Здесь успехи были менее заметны, но именно здесь «наследие доллара» оказалось наиболее живучим. Филиппины по-прежнему развиваются по капиталистическому пути, но уже без аксессуаров буржуазной демократии, столь милых сердцу либералов. Не исключено, впрочем, что к этим принципам страна вернется, если того потребуют интересы капиталистического развития.

Несколько изменилась внешнеполитическая ориентация, хотя сохранились американские базы, а экономическая привязанность к США может даже возрасти, если надежды на американскую помощь в проведении внутренних преобразований оправдаются. Не прекратилось культурное влияние Америки. Все это никак не позволяет говорить о том, что «доллар» якобы потерял свои позиции в стране: меняются лишь формы его присутствия. Даже если он укоренился не так прочно, как «крест», уходить он не намерен, и при сохранении существующего порядка филиппинцам еще долго придется испытывать на себе его воздействие.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии, — т. 4*.

Маркс К. Революционная Испания, — т. 10.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, — т. 21.

Абайя Э. Нерассказанная история Филиппин, М., 1970.

Абайя Э. Предательство на Филиппинах, М., 1948.

Барышникова О. Г. Землевладение и землепользование на Филиппинах, — «Аграрные отношения в странах Юго-Восточной Азии», М., 1968.

Барышникова О. Г. Сельское хозяйство Филиппин, М., 1972.

Берзин Э. О. Католическая церковь в Юго-Восточной Азии, М., 1966.

Губер А. А. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм, М., 1948.

Губер А. и Рыковская О. Хосе Ризаль, М., 1937.

Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе, М., 1970.

Корнеев М. Я. Проблемы социальной типологии личности, Л., 1971.

Королев С. И. Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов, М., 1970.

Левинсон Г. И. Филиппины между первой и второй мировыми войнами, М., 1958.

Левинсон Г. И. Филиппины на пути к независимости, М., 1972.

Левтонова Ю. О. История общественной мысли на Филиппинах, М., 1973.

Левтонова Ю. О. Очерки новой истории Филиппин, М., 1965.

Народы Юго-Восточной Азии. Народы мира. Этнографические очерки, М., 1966.

Ризаль Хосе, Избранное, М., 1961.

Сантос А. Филиппинская литература, М., 1965.

Ульяновский Р. А. Социализм и развивающиеся страны, М., 1972.

Agabin Pacifico A. Money and Election: The Myth of One-Man Vote, — «Heritage», vol. 1, № 2, October 1967.

Agoncillo Teodoro A. Filipino Response to American Political and Cultural Institutions, — «Heritage», vol. 1, № 2, October 1967.

---

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по 2-му изданию Сочинений.

Agoncillo Teodoro A. Government and Private Sponsorship of Literature, — «Diliman Review», vol. VI, № 2—4, April—December 1958.

Agoncillo Teodoro A. Imagination in History, — «Diliman Review», vol. XIII, № 1, January 1965.

Agoncillo Teodoro A. Malolos: The Crisis of the Republic, — «Philippine Social Sciences and Humanities Review» (PSSHR), vol. XXV, № 1—4, 1960.

Agpalo Remigio, Pro-Deo at Patria: The Political Philosophy of Dr. Jose P. Laurel, — «Asian Studies», vol. III, № 2, August 1965.

Alvarez Aleli C. Social Attitudes and Economic Development, — «Verge», vol. 1, № 1, June 1966, Baguio.

Alzona Encarnacion, Whither Philippine Education? — «Heritage», vol. 1, № 2, October 1967.

Anderson W. H. The Philippines (Our Problem of 40 Years), New York, 1939.

Araneta Salvador, Meaningful Economic Reforms, — «Fookien Times Yearbook», Manila, 1970.

Aspillera Paraluman, The Future of Pilipino, — «Fookien Times Yearbook», 1969.

Aspiras Jose D. The Role of the Press in Development, — «Fookien Times Yearbook», 1969.

Ayala Jose V., Brillantes Gregorio, Nollado Wilfrido, Philippine literature in the Next Decade: A Look to the Future, — «Literature and Society», Manila, 1964.

Balatbat Marcelo S. Economic Planning in the Philippines, — «Fookien Times Yearbook», 1969.

Baldoria Pedro L. Proposed Amendments to the Constitution, — «Diliman Review», vol. VI, № 2—4, April—December 1958.

Bello Walden F., Lynch Frank and Makil Perla O. Brain Drain in the Philippines, — «Institute of Philippine Culture» (IPC) Papers, № 6, 1968, Quezon City.

Beyer William, Mountain Folk Art, Manila, 1968.

Bonifacio Armando F. On the Field of Humanities, — «Diliman Review», vol. VI, № 2—4, April—December 1958.

Bonifacio Armando F. Philosophy and Common Sense, — «Diliman Review», vol. IX, № 1, 1961.

Bonifacio Armando F. Pilipino as Medium of Instruction at the University Level, — «Diliman Review», vol. XVII, № 2, April 1969.

Bruton William P. New Movement in the Catholic Church: A Study of the Cursillo, — IPC Papers, № 7, 1969.

Bulatao Jaime C. «Hiya», — «Philippine Studies 12:3 (1964)».

Bulatao Jaime C. Split-level Christianity, Manila, 1966.

Bulatao Jaime, The «Hiya» System in Filipino Culture, — «Filipino Cultural Heritage», Manila, 1968.

Bulatao Jaime C. The Manileño Mainsprings, — IPC Papers, № 2, 1970.

Carpio Rustica, The Plight of Philippine Theatre, — «Solidarity», September—October 1967.

Carrol John, Changing Patterns of Social Structure in the Philippines 1896—1963, Quezon City, 1968.

Carrol John J. Filipino Entrepreneurship in Manufacturing, IPC Papers, № 2, 1970.

Carunungan Celso, The Audience for Philippine Literature, — «Literature and Society», 1964.

Casifio Eric S. The Future of Anthropology in the Philippines, — «Solidarity», September—October 1967.

Castillo y Tuason Teofilo del, Medina Buenaventura S. Jr. Philippine Literature from Ancient Times to the Present, Quezon City, 1966.

Catapusan Benicio, Ethnic and Social Distance, — PSSHR, vol. XXX, № 1, March 1965.

Concepcion Leonardo, Architecture in the Philippines, Manila, 1967.

Constantino Josefina and Torres Emanuel, Literature as a Catalyst for Social Change, — «Literature and Society», 1964.

Constantino Renato, The Making of a Filipino, Quezon City, 1969.

Coseteng Alice M. L. Rotor and His Place in Philippine Literature, — «Diliman Review», vol. VI, № 2—4, April—December 1958.

Costa Horacio de la, Asia and the Philippines, Manila, 1967.

Costa Horacio de la, Readings in Philippine History, Manila, 1965.

Costa Horacio de la, The Background of Nationalism and Other Essays, Manila, 1965.

Costa Horacio de la, The Responsibility of the Writer in Contemporary Philippine Society, — «Literature and Society», 1964.

Cutshell Alden, The Philippines: Nation of Islands, New York, 1964.

Dalisay Amando, Economic Controls and the Central Bank, — «Diliman Review», vol. VI, № 2—4, April 1958.

Daroy Petronillo, Miss Mijares and Mrs Bilbao, — «Diliman Review», vol. VI, № 2—4, April—December, 1958.

Demetillo Ricaredo, Rizal's Cogency for Our Time, — «Diliman Review», vol. VI, № 2—4, April—December, 1958.

Demetillo Ricaredo, The Literary Situation: 1970, — «Fookien Times Yearbook», 1970.

Demetrio Francisco R. Dictionary of Philippine Folk Beliefs and Customs, Cagayan de Oro City, 1970.

Drilon Rex D. Does Democracy Work in the Philippines? — «Diliman Review», vol. IX, № 1, 1961.

Dwyer D. J. The Problem of In-migration and Squatter Settlement in Asian Cities: Two Case-studies, Manila and Victoria—Kowloon, — «Asian Studies», vol. II, № 2, August 1964.

Einsiedel Luz A. Success and Failure of Some Community Development Projects in Batangas, Quezon City, 1968.

Elwood Douglas, Religious Motivation for Socio-economic Growth, — «Solidarity», August 1969.

Epistola S. V. The Hong-Kong Junta, — PSSHR, vol. XXVI, № 1, March 1961.

Estrella Conrado, A New Dimension for Land Reform, — «Fookien Times Yearbook», 1970.

Eugenio Damiana L. Philippine Proverb Lore, — PSSHR, vol. XXXI, № 3—4, September—October 1966.

Fernandez Perfecto V. The Roots of Our Present Labor Politics—«Heritage», vol. 1, № 2, October 1967.

Ferrer Ricardo, Philippine-American Relations: A Critical Outlook, — «Diliman Review», vol. VI, № 2—4, April—December 1958.

Florentino Alberto, Social Comment in the Theater, — «Literature and Society», 1964.

Fonacier Tomas S. The Filipino Racial Memory, — «Diliman Review», vol. VI, № 2—4, April—December 1958.

Forbes-Lindsay, The Philippines under Spanish and American Rule, Philadelphia, 1906.

Fox Robert, Pre-History of the Philippines, Manila, 1967.

Fox Robert B. The Filipino Concept of Self-Esteem, — «Area Handbook on the Philippines», Chicago: Human Relations Files, vol. I, 1956.

Francisco Juan R. Sri-Vijaya and the Philippines: A Review, — PSSHR, vol. XXVI, № 1, March 1961.

Gonzalez NVM, The Poetic Image in Philippine Letters, — «Literature and Society», 1964.

Gonzalez NVM, The Poetic Myth in Philippine Literature, — «Diliman Review», vol. XIII, № 2, April 1965.

Gorospe Vitaliano R. Christian Renewal of Filipino Values, Manila, 1966.

Gowing Peter G. How Muslim Are the Muslim Filipinos?— «Solidarity», September—October 1967.

Grossholtz Jean, Politics in the Philippines, Boston, 1964.

Guthrie George M. and others, The Psychology of Modernization in the Rural Philippines, — IPC Papers, № 8, 1970.

Guthrie George M. and Azores Fortunata M. Philippine Interpersonal Behavior Patterns, — IPC Papers, № 6, 1968.

Guthrie George M. and Jimenez Jacobs Pepita, Child Rearing and Personality Development in the Philippines, Manila, 1967.

Guthrie Helen A. Infant and Maternal Nutrition in Four Tagalog Communities, — IPC Papers, № 7, 1969.

Guthrie Helen A. Nutrition in a Philippine Fishing Community, — IPC Papers, № 6, 1968.

Hare A. Paul, Cultural Differences in Communication Network among Filipino, African and American Students, — IPC Papers, № 7, 1969.

Hare A. Paul and Hare Rachel T. Social Correlates among University Students in the Philippines, United States and Africa, — IPC Papers, № 6, 1968.

Hare A. Paul and Peabody Dean, Attitude Content and Agreement Set in the Autonomy Scale for Filipino, American and African University Students, — IPC Papers, № 6, 1968.

Hare Rachel T. Autonomy, Dependency and Problem Solving in Filipino Children, — IPC Papers, № 7, 1969.

Höffner Joseph, La etica colonial espanola del siglo de oro, Madrid, 1957.

- Hollnsteiner Mary R. Reciprocity in the Lowland Philippines, — IPC Papers, № 2, 1970.
- Hollnsteiner Mary R. Regionalism and Color as Divisive Elements in Philippine Society, — «Solidarity», September—October 1967.
- Hollnsteiner Mary R. The Urbanization of Metropolitan Manila, — IPC Papers, № 7, 1969.
- Huke Robert E. Shadows on the Land: an Economic Geography of the Philippines, Manila, 1963.
- Hunt Pal Collier, Espirity, de Young and Corpuz. Sociology in the Philippine Setting, Quezon City, 1963.
- Joquin Nick, La naval de Manila, Manila, 1964.
- Joquin Nick, The Young Writers, — «Literature and Society», 1964.
- Jocano Landa, Filipino Social Structure and Value System, — «Filipino Cultural Heritage», Manila, 1968.
- Jocano Landa, Sulod Society, Quezon City, 1968.
- Kaut Charles, «Utang na loob»: A System of Contractual Obligations among Tagalogs, — «Filipino Cultural Heritage», 1968.
- Krech D., Crutchfield R. and Ballachey E. Individual in Society, New York, 1962.
- Kriekenbeek Fred B. Catholicism in the Philippines, — «Fookien Times Yearbook», 1969.
- Lansang Jose A. Sr. Conflict in the Orphanage, — «Heritage», vol. 1, № 2, October 1967.
- Lawless Robert, An Evaluation of Philippine Culture—Personality Research, 1969.
- Lent John A. Philippine Radio — History and Problems, — «Asian Studies», vol. VI, № 1, April 1968.
- Lim Gregorio, Family Planning in the Philippines, — «Fookien Times Yearbook», 1970.
- Lim Victor A. Philippine Industry Today and Total Economic Commitment, — «Fookien Times Yearbook», 1969.
- Llamzon Teodoro, The Philippine Language So Far, — «Fookien Times Yearbook», 1969.
- Llanes Jose L. Life and Labors of Isabelo de los Reyes, — «Diliman Review», vol. VI, № 2—4, April—December 1958.
- Lopez Fernando, Goal for the 70's: Freedom from Hunger, — «Fookien Times Yearbook», 1970.
- Lopez Fernando, Philippine Agriculture Today, — «Fookien Times Yearbook», 1969.
- Lopez Salvador P. The Reform of Higher Education in the Philippines, — «Fookien Times Yearbook», 1970.
- Lopez Salvador, The University as Social Critic and Agent of Change, — «Diliman Review», vol. XVII, № 2, April 1969.
- Lynch Frank, Marriage, — «Area Handbook on the Philippines». Chicago: Human Relations Area Files, 1956.
- Lynch Frank, Social Acceptance Reconsidered, — IPC Papers, № 2, 1970.
- Lynch Frank and Himes Ronald S. Cognitive Mapping in the Tagalog Area, — IPC Papers, № 4, 1967.
- Lynch Frank and Makil Perla O. Sociological Surveys

In the Rural Philippines: Some Suggestions for Interviewers, — IPC Papers, № 4, 1967.

Mabini Apolinario, The Philippine Revolution, Manila, 1969.

Maceda Ernesto, Community Development under President Marcos, — «Fookien Times Yearbook», 1970.

Maceda Jose, Latin Qualities in Brazil and the Philippines, — «Asian Studies», vol. II, № 2, August 1964.

Madigan Francis C. The Farmer Said No, Quezon City, 1968.

Mahajani Usha, The Development of Philippine Asianism, — «Asian Studies», vol. III, № 2, August 1965.

Majul Cesar Adib, Education during the Reform Movement and the Philippine Revolution, — «Diliman Review», vol. XV, № 4, 1967.

Majul Cesar A. Rizal and the National Community, — «Diliman Review», vol. VI, № 2—4, April—December 1958.

Majul Cesar A. The Assault on the Academic Freedom of the University of the Philippines, — «Diliman Review», vol. IX, № 1, 1961.

Makasar Felix V. The Department of Justice, — «Fookien Times Yearbook», 1970.

MAN's Goal: The Democratic Filipino Society, Manila, 1969.

Manglapus Raul S. Land of Bondage, Land of the Free, Manila, 1967.

Mapa Placido L. Jr. Philippine Planning: Evaluation and Prospect, — «Fookien Times Yearbook» 1969.

Martires Myrna, Folk Festivals of the Philippines, Manila, 1968.

Maslog Crispin C. Mass Communication and National Development, — «Solidarity», August 1969.

Melchor Alejandro, Seeking a Balance between Effective Law Enforcement and Human Rights, — «Fookien Times Yearbook», 1969.

Mijares Tito A. The 1970 Censuses of Population and Housing, — «Fookien Times Yearbook», 1970.

Molina Antonio, Music of the Philippines, Manila, 1967.

Mustoffa Sumono, Non-Economic Obstacles to Development in Indonesia, — «Solidarity», September—October 1967.

Ocampo Felicisimo, Academic Freedom and Freedom from Subversion, — «Diliman Review», vol. IX, № 1, 1961.

Padilla Benedicto, The Rationale of Price and Exchange Control, «Diliman Review», vol. VI, № 2—4, April—December 1958.

Palagaton P. A Philippine Barrio: A Study of Social Organization in Relation to Planned Cultural Change, — «University of Manila Journal of East Asiatic Studies», № 5, 1956.

Palagaton P. The Resources, Levels of Living and Aspirations of Rural Households in Negros Oriental, University of the Philippines Press, 1963.

Pascual Ricardo R. The Application of the Principle of Regionalism to Southeast Asia, — «Diliman Review», vol. VI, № 2—4, April—December 1958.

Pattern for Rural Reform, Manila, 1969.

Peabody Dean, Group Judgement in the Philippines: Their Evaluative and Descriptive Aspects, — IPC Papers, № 6, 1968.

Phelan J. The Hispanization of the Philippines, University of Wisconsin Press, 1959.

Pomeroy William J. Lessons from the Liberation Struggle in the Philippines, — «Word Outlook», January 1971.

Ramos Socorro B. Philippine Foreign Trade: 1969, — «Fookien Times Yearbook», 1970.

Ramsay Ansil, Ramon Magsaysay and the Philippine Peasantry, — PSSHR, vol. XXX, № 1, March 1965.

Recto Claro M. The Evil of Religious Test in Our Democracy, — «Diliman Review», vol. IX, № 1, 1961.

Rigos Cirilo A. Protestantism in the Philippines Today, — «Fookien Times Yearbook», 1969.

Romulo Carlos P. An Innovative Approach to Our Foreign Relations, — «Fookien Times Yearbook», 1969.

Romulo Carlos P. Conscience and Leadership, — «Diliman Review», vol. XIII, № 1, January 1965.

Romulo Carlos P. Nationalism and the Arts and Sciences, — «Diliman Review», vol. XIII, № 2, April 1965.

Romulo Carlos P. The Freedom of the Arts and Sciences, — «Verge», vol. I, № 1, June 1966.

Romulo Carlos P. The Impact of Literature on Philippine Society: A Historical Perspective, — «Literature and Society», 1964.

Romulo Carlos P. The Philippines in a World of Change: New Goals in Foreign Policy, — «Fookien Times Yearbook», 1970.

Ronquillo Bernardino, The Year in the Philippine Business, — «Fookien Times Yearbook», 1969.

Rosario Ernesto del, Cynics and Fossils, — «Fookien Times Yearbook», 1970.

Rosario Ernesto del, The Press and the Writer, — «Fookien Times Yearbook», 1969.

Roy David, Lynch Frank and Maretzki Thomas W. The Philippines Peace Corps Survey Final Report, — IPC Papers, № 4, 1967.

Salamanca Bonifacio, Background and Early Beginnings of the Encomienda in the Philippines, — PSSHR, vol. XXVI, № 1, March 1961.

Salamanca Bonifacio S. The Filipino Reaction to American Rule, The Shoe String Press, 1968.

Samonte-Madrid Ester, A Portrait of the Filipino Composer as Artist, — «Diliman Review», vol. VI, № 2—4, April—December 1958.

Sicat Gerardo P. Our National Economic and Social Goals, — «Fookien Times Yearbook», 1970.

Sinco Vicente, The University of the Philippines and Its Mission, — «Diliman Review», vol. VI, № 2—4, April—December 1958.

Sinco Vicente G. Two Statements on Academic Freedom, — «Diliman Review», vol. IX, № 1, January 1961.

Social Foundations of Community Development. Readings on the Philippines, Manila, 1964.

Sollongco J. P. On American Literature and American Society, — «Literature and Society», 1964.

- Sta Maria F. C. Rizal's Mission: to Dignify Men, — «Verge», vol. 1, № 1, June, 1966.
- Stauffer Robert B. Philippine Interest Groups: An Index of Political Development, — «Asian Studies», vol. III, № 2, August 1965.
- Steinberg David Joel, Philippine Collaboration in World War II, Manila, 1968.
- Stone Richard L. Mahirap: A Squatter Community in a Manila Suburb, — IPC Papers, № 6, 1968.
- Stone Richard L. Private Ownership of Public Property: One Key to Understanding Public Behavior, — IPC Papers, № 4, 1967.
- Sumulong Lorenzo, The Need for Economic Statesmanship, — «Diliman Review», vol. VI, № 2—4, April—December 1958.
- Szanton David L. Estancia, Iloilo: Town in Transition, — IPC Papers, № 4, 1967.
- Tatad Francisco, The Press in a Changing Society, — «Fookien Times Yearbook», 1970.
- The Colonization and Conquest of the Philippines by Spain, Manila, 1965.
- Tiglaio Teodora, Health Practices in a Rural Community, Quezon City, 1968.
- Torre Nestor U. Jr. The Filipino Film: 1969—1970, — «Fookien Times Yearbook», 1970.
- Trinidad Francisco and Katigbak-Tan Puri, Philippine Radio and Television Today, — «Fookien Times Yearbook», 1970.
- Ventura Mamerto, Postwar Economic Difficulties Facing the Young Republic, — PSSHR, vol. XXXI, № 2, June 1966.
- Villanueva Buenaventura M. The Barrio and Self-Government, Quezon City, 1968.
- Yabes Leopoldo Y. Jose Rizal: Sage, Teacher and Benefactor of Humanity, Quezon City, 1961.
- Yabes Leopoldo Y. Literature, Science and Obscurantism, — «Diliman Review», vol. VI, № 2—4, April—December 1958.
- Yabes Leopoldo Y. Mutual Appreciation of Eastern and Western Cultural Values, — «Diliman Review», vol. VII, № 4, October 1959.
- Yabes Leopoldo Y. Philippine Folk Epics, — «Heritage», vol. 1, № 2, October 1967.
- Yabes Leopoldo Y. Reception of Filipino Writing in the American Press, 1900—1950, — PSSHR, vol. XXX, № 1, March 1965.
- Yabes Leopoldo Y. The Filipino Scholar, Quezon City, 1965.
- Yabes Leopoldo Y. The Problems of Cultural Nationalism, — «Diliman Review», vol. IX, № 1, January 1961.
- Yabes Leopoldo Y. Two Intellectual Traditions, — «Asian Studies», vol. I, 1963, Special Issue.
- Yan Manuel T. The Armed Forces of the Philippines, — «Fookien Times Yearbook», 1969.
- Zabalka Gladys, Customs and Culture of the Philippines, Manila, 1970.
- Zalde G. History of the Filipino People, Manila, 1959.
- Zapanta, Lea S. Marcelo H. del Pilar—the Political Thinker, — PSSHR, vol. XXXI, № 2, June 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
САМПАГИТА	8
Семья и общество	8
Нравственные нормы в представлении филиппинцев	50
КРЕСТ	80
Испанцы и филиппинцы	80
Христианизация Филиппин	115
ДОЛЛАР	176
США и Филиппины	176
«Демократия» на Филиппинах	201
Трудности перехода	293
Послесловие	308
Литература	328

Игорь Витальевич Подберезский

САМПАГИТА,
КРЕСТ И ДОЛЛАР

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. Ш. Фридман*. Младший редактор *И. В. Бушуева*. Художник
В. Локшин. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор
М. В. Погоскина. Корректоры *В. М. Кочеткова* и *В. С. Леаль*.

Сдано в набор 18/X 1973 г. Подписано к печати 8/IV 1974 г. А 07985. Формат
84×108¹/₃₂. Печ. л. 10,5. Усл. п. л. 17,64. Уч.-изд. л. 19,25. Тираж 12 600 экз.
Изд. № 3315. Зак. № 1217. Цена 1 р. 42 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Полиграфическое объединение «Полиграфист» Управления издательств, поли-
графии и книжной торговли Мосгорисполкома. Москва, ул. Макаренко, 5/16.

1p. 12k.